

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

12(3) 2026

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС 77-67557 от 31 октября 2016 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 12. № 3. 2026

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 12. № 3. 2026

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный секретарь: Чистякова Е.Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

***

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – *председатель редакционной коллегии*

Антанасиевич И.Н., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Атлагиц С., доктор политических наук, профессор кафедры журналистики и коммуникации Факультета политических наук Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиаологии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Воюшина М.П., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования и художественного развития ребенка РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Executive secretary: EKATERINA YU. CHISTYAKOVA, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

***

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – *Chairman*

Irina N. Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Siniša Atlagić, Doctor of Political Science, Professor of the Department of Journalism and Communication, Department of Political Science, University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystriantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Maria P. Voyushina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Primary Education and Artistic Development of the Child, Herzen University, St. Petersburg, Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailovič), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Research Skills Centre, School of Communication, HSE University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, директор Центра развития научных компетенций Школы коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Махлин В.Л., доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН, Москва, Россия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Римский В.П., доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Румянцева Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Таймагамбетов Ж.К., доктор исторических наук, академик Национальной академии наук Республики Казахстан (НАН РК) при Президенте РК, главный научный сотрудник Национального музея РК, Астана, Республика Казахстан

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шмонин Д.В., доктор философских наук, профессор, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Vitaly L. Makhlin, Doctor of Philosophy, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Department of Literary Studies, INION RAS, Moscow, Russia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Victor P. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Tatyana G. Rumyantseva, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy of Culture, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Zhaken K. Taimagambetov, Doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (NAS RK) under the President of the Republic of Kazakhstan, Chief Researcher of the National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Dmitry V. Shmonin, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Theology, St. Petersburg State University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

*Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год*

*Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education
«Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year*

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Тоичкина А. В. Эмпирический метод в оценках Н.Н. Страхова	Toichkina A. V. The Empirical Method in N.N. Strakhov's Assessments
5	5
Моркина Ю. С. Концепция эмоциональности в когнитивной поэтике (Р. Цур)	Morkina Yu. S. The concept of emotionality in cognitive poetics (R. Tsur)
14	14
Клюсов И. А. Процессуальное измерение структурного реализма в современной теории истины	Klyusov I. A. The processual dimension of structural realism in the contemporary theory of truth
24	24
Жулев В. В. Переосмысление средневековой рецепции «политики» Аристотеля в западных исследованиях	Zhulev V. V. Rethinking the medieval reception of Aristotle's Politics in western studies
32	32
Седанкина Т. Е. Метафизика памяти и забвения: от интуитивизма Анри Бергсона и феноменологии Поля Рикёра к исламской антропологии	Sedankina T. E. The Metaphysics of Memory and Oblivion: from the Intuitionism of Henri Bergson and the Phenomenology of Paul Ricoeur to Islamic Anthropology
41	41
Пенской В. В. В поисках желаемого прошлого: размышления над книгой С. Ю. Шокарева «Андрей Большой Углицкий»	Penskoy V. V. In Search of a Desired Past: Reflections on S. Yu. Shokarev's Book <i>Andrei Bolshoi Uglichsky</i>
55	55
Говорун Е. Д. Моральная взаимность: к возвращению «мы» в философии экономики (Дж. Сакс, Дж. Хаскел, С. Устлейк, К. Шваб)	Govorun E. D. Moral Reciprocity: Bringing the "We" Back into Economics (J. Sacks, J. Haskell and S. Westlake, K. Schwab)
75	75
Беляев Д. А., Гретченко Е. И. Конструирование «сетевой сакральности»: философский анализ цифрового религиозного опыта	Belyaev D. A., Gretchenko E. I. Constructing 'network sacrality': a philosophical analysis of digital religious experience
88	88
Григорьева М. В., Балакина Ю. В. Как формируется общегражданское «мы»? Анализ инструментов символического включения в интеграционной политике	Grigoryeva M. V., Balakina Yu. V. How is the civic "we" formed? Symbolic inclusion tools in integration policy
100	100
Мельничук Д. В., Суслов И. В. Общество платформ: к истории генезиса	Melnichuk D. V., Suslov I. V. Platform Society: Towards a Genesis History
113	113
Трищенко Д. А. Социализация ботов в социальной сети «ВКонтакте»	Trishchenko D. A. Socialization of bots in the VKontakte social network
124	124

Черкашина А. А. Сетевая рецензия на детскую книгу: к жанровой открытости англоязычных медиатекстов	135	Cherkashina A. A. Online review of a children's book: towards genre openness in English- language media texts	135
Мочалов К. С., Давлетшина Г. Р., Мингазова Н. Р., Латыпова Д. Ф. Старение как утрата «меры жизни»: метафизика возрастного рассогласования должного и сущего	146	Mochalov K. S., Davletshina G. R., Mingazova N. R., Latypova D. F. Ageing as the loss of the "measure of life": the metaphysics of age-related discrepancies between the ideal and the real	146
Быкова А. Г. Приемы локализации и их влияние на идентичность игрового сообщества	157	Bykova A. G. Localization strategies and their impact on gaming community identity	157
Норманская А. В., Полканова А. Ю. Реактуализация художественного наследия крымских караимов в XXI в.	164	Normanskaya A. V., Polkanova A. Yu. Re-actualization of the artistic heritage of the Crimean Karaites in the 21st century	164

АРХИВ

ARCHIVE

Дикарева О. В. Русские мыслители в письмах Н.Н. Страхова Ю.Н. Говорухе-Отроку (опыт систематического обзора)	177	Dikareva O. V. Russian thinkers in the letters of N.N. Strakhov to Y.N. Govorukha- Otrok (a systematic review)	177
Ивашина Р. А. «Никтоже на вы»: храм Вознесения Господня в селе Богатое, XX-XXI столетия (опыт микроисторической хроники)	192	Ivashina R. A. "...And no one will be against you!" Ascension Church in the village of Bogatoye, 20th-21st centuries (an attempt at a microhistorical chronicle)	192

**MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ**

**MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

Тинус Н. Н. Право на мысль: хроника интеллектуальной драмы (Рецензия на книгу «Молодой Ильенков: архивные исследования». Авт.-сост. Е. Э. Иллеш, науч. ред. А. Д. Майданский. М.: Директ-Медиа, 2026. 352 с.)	205	Tinus N. N. The Right to Thought: A Chronicle of Intellectual Drama. Review of the book <i>Young Ilyenkov: Archive Research</i> (2026), Direct-Media, Moscow	205
Шаталова Ю. Н., Елисеева А. И. Современные киноадаптации русской классики: особенности зрительского восприятия	211	Shatalova Yu. N., Eliseeva A. I. Modern film adaptations of Russian classics: features of audience perception	211
Сидоренко А. А. Уязвимость как условие спортивной телесности)	223	Sidorenko A. A. Vulnerability as a Condition of Athletic Embodiment	223
Мальцева Н. Н. Дидактика простоты: эмпирические заметки к 30-летию «Манифеста педагогического сотрудничества»	229	Maltseva N. N. The Didactics of Simplicity: Empirical Notes on the 30th Anniversary of the "Manifesto for Collaborative Pedagogy"	229

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 1.167.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-1

Тоичкина А. В. | Эмпирический метод в оценках Н.Н. Стрхова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб. д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, a.toichkina@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема философского метода, разработанного Н.Н. Стрховым. Проблема исследуется на материале работ Стрхова, посвященных И. Тэну. Стрхов разработал оригинальный метод, в основу которого он положил диалектическое взаимодействие рационального и эмпирического способов познания. Сложность осмысления оригинального вклада философа в историю русской философии состоит в противоречивом соотношении подхода и методов исследования. Так, он ставил перед собой задачи религиозно-философского осмысления целостности мира, используя и рациональный, и эмпирический методы. При этом приемы метода в его работах зачастую были скрыты под формами исследуемого предмета. Эмпирический метод в сочинениях Стрхова играет важную роль. Философу был чужд эмпиризм в узком смысле этого слова. Тем не менее, для него принципиальным моментом в оценке истины являлся конкретный опыт познания явлений этого мира, в самом строе которого он находил свидетельства участия высших сил. Работы Стрхова о Тэне наглядно показывают и религиозно-философское переосмысление эмпирических приемов наблюдения, и эволюцию отношения Стрхова к эмпирическому методу. Попытка Стрхова преодолеть противоречие между рационализмом и эмпиризмом (особенно показателен в этом смысле трактат Стрхова «Мир как целое») дала толчок развитию русской философии всеединства, в частности, в трудах С.Л. Франка.

Ключевые слова: Н.Н. Стрхов; И. Тэн; эмпиризм; философия; религия

Для цитирования: Тоичкина, А. В. (2026), «Эмпирический метод в оценках Н.Н. Стрхова», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 5-13. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-1

A. V. Toichkina | The Empirical Method in N.N. Strakhov's Assessments

Saint Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; a.toichkina@spbu.ru

Abstract. The article discusses the problem of the philosophical method developed by N.N. Strakhov. The problem is investigated on the basis of Strakhov's works on H. Taine. Strakhov developed an original method based on the dialectical interaction of rational and empirical methods of cognition. The difficulty of understanding the philosopher's original

contribution to the history of Russian philosophy lies in the contradictory relationship between the approach and research methods, as he set himself the task of religious and philosophical understanding of the integrity of the world, using both rational and empirical methods. At the same time, the techniques of the method were often concealed within the forms of the subject under investigation in his works. The empirical method plays an important role in Strakhov's writings. It is clear that the philosopher was not an empiricist in the narrow sense of the word. However, for him, the fundamental aspect of evaluating truth was the specific experience of understanding the phenomena of this world, in which he found evidence of the involvement of higher powers. Strakhov's works on Taine clearly demonstrate both the religious and philosophical reinterpretation of empirical methods of observation and the evolution of Strakhov's attitude towards the empirical method. Strakhov's attempt to overcome the contradiction between rationalism and empiricism (especially evident in his treatise *The World as a Whole*) gave rise to the development of Russian philosophy of all-unity, particularly in the works of S.L. Frank.

Keywords: N.N. Strakhov; H. Taine; empiricism; philosophy; religion

For citation: Toichkina, A. V. (2026), "The Empirical Method in N.N. Strakhov's Assessments", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 5-13. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-1

Известный ученый, философ, критик, писатель Н.Н. Страхов (1828–1896) был сторонником выверенных подходов и отработанной методологии в сфере естественных и гуманитарных наук. Для него критерием истины являлся продуманный синтез дедуктивных установок и апробированных на конкретном материале индуктивных методов. Так, в 1893 г. он писал: «Всякий успех в понимании научных методов есть драгоценное умственное приобретение, ибо подвигает нас в познании метода вообще, тех коренных приемов мысли, особую форму или частный вид которых составляет метод каждой частной науки» (Страхов, 1896: 130-131).

Эмпирический метод занимает важное место в научных трудах ученого, что связано с естественнонаучным образованием (как известно, в 1851 г. он окончил в Санкт-Петербурге физико-математическое отделение Главного педагогического института, а в 1857 г. защитил магистерскую диссертацию по зоологии «О костях запястья млекопитающих»)¹. Конечно, естественнонаучное направление деятельности Страхова было связано, с одной стороны, с веяниями времени, с другой – с типом мышления самого ученого. Не случайно эмпирический метод оставался для него актуальным на протяжении почти трех с половиной десятилетий его деятельности, при всем разнообразии тем и направлений, которые он разрабатывал².

Е.Н. Мотовникова пишет, что «талант и любознательность, трудолюбие и опыт исследований в естественнонаучной и философской парадигмах позволили Н.Н. Страхову стать выдающимся методологом и философом науки, намного опередившем свое время» (Мотовникова, 2013: 125).

Оригинальность метода, разработанного Страховым, состояла в попытке преодолеть противоречие между рациональным и эмпирическим методами, которые он использовал для решения религиозно-философских задач. Так, в известном своем трактате «Мир как целое»

¹ О значении науки в целом в биографии и трудах Страхова пишет В.А. Фатеев (Фатеев, 2021: 93-124). См. также: (Снетова, 2013: 11-45).

² О понимании Страховым эмпирического метода пишет Н.В. Снетова (Снетова, 2010: 133-148).

Страхов писал: «Все значение моей книги состоит в том, что она идет против эмпиризма, пытается вносить мышление в приемы изучения природы. <...> я желаю стоять за одно в моей книге: за философский метод *ставить и развивать понятия*. В этом методе вся тайна умозрения. Чем кто способнее им владеет, тем больше он заслуживает имени человека философствующего. Чем точнее и правильнее этот метод прилагается, тем несомненное озаряется всякий предмет исследования» (Страхов, 2007: 76). Сам Страхов отдавал себе отчет, что его религиозно-философский трактат написан на естественнонаучном материале таким образом, что «приемы метода здесь как бы скрыты под формами исследуемого предмета». Но для него «такое слияние предметов с методом» всегда представлялось «самым лучшим средством неотразимо убедить и себя и читателей» (Там же). Такой метод приводит, по мысли Страхова, к тому, что «исследование <...> может двигаться безгранично и во все стороны и в то же время будет постоянно иметь под собой твердую почву» (Там же). В.А. Фатеев пишет, что Страхов, «отдавая должное естественным наукам, <...> занимался не столько популяризацией все новых и новых открытий, сколько философским осмыслением возможностей познания и пределов эмпирической науки, а также борьбой против позитивистской подмены философии сциентизмом» (Фатеев, 2021: 97).

Проблема эта не была новой в истории философии. Первое систематическое свое обоснование эмпиризм получил в философских трудах английского мыслителя Фр. Бэкона в начале XVII в. Именно Бэкон разработал теорию научной индукции, которая предполагала определенные правила собирания, наблюдения и классификации явлений природы. Затем Дж. Локк предложил свою систематическую теорию эмпиризма. Он выступил против учения Р. Декарта и его последователей о «врожденных» идеях и истинах. В XIX в., в условиях бурного роста науки, теории эмпиризма развивали Дж.-Ст. Милль, Э. Мах и Р. Авенариус.

Развитие эмпиризма привело к отрицанию объективной ценности общего знания. В истории философии уже было доказано (в частности, в трудах Канта), что общее знание начинается с опыта, но формируется путем подчинения единичного наблюдения форме понятия и, соответственно, выходит за рамки опыта. В силу этого эмпиризм оказался в сложном отношении к рационализму. Как пишет С.Л. Франк, «Эмпиризм хочет понять истинное бытие только как совокупность единичных явлений и событий, протекающих во времени. Рационализм хочет мыслить бытие, как логическую систему идей, т. е. как вневременное бытие общих содержаний. В действительности, ни та, ни другая система не может охватить бытие в целом и быть осуществлена непротиворечиво, как универсальная система. <...> Абсолютное бытие не есть ни единичное, чисто иррациональное явление жизни, ни голая идея, а есть неразрывное единство жизни и идеи» (Франк, 1922: 43-44). Так и Страхов, как пишет Н.В. Снетова, был «не согласен с бытовавшей в эпистемологии точкой зрения, что эмпиризм и рационализм – это два метода, взаимно исключающие друг друга. В своей философии науки методолог стремился обосновать единство этих методов, в частности, применяя метод доказательства “от противного”» (Снетова, 2010: 136).

Страхов в разработке своего метода использовал диалектику противоречия между рационализмом и эмпиризмом. В апреле 1893 г. он писал Н.Я. Гроту: «Я гегельянец, и чем дольше живу, тем тверже держусь диалектического метода: между тем никто его себе не усвоил, и потому не понимает, чего я хочу и на чем стою. Все становятся куда попало, на точки очень частные и очень низменные, – мне это и скучно и трудно, когда приходится меняться мыслями. Вы, например, объявили меня картезианцем. Почему же? Ведь я исповедую, что всякая философия есть степень или момент в той, которой я держусь. Декарт больше кого бы то ни было подходит под это понятие, только для того и стоит его изучать. <...> Истину нашел уже Платон: она состоит в том, что есть Бог и что высшее действие нашей мысли – подниматься к Богу» (Грот, 2021: 144-145). Далее Грот объясняет феномен гегельянства Страхова: «Нельзя никак назвать его приверженцем философской системы Гегеля в ее целом.

Он сам допускает “несовершенство” этой системы, “ошибочность” некоторых ее положений. Но он считает “безукоризненной” ее *форму*, “устойчивым” ее дух, “неопровержимым” ее *диалектический метод*, “неприкосновенною” ее *сущность*. А сущность ее, по Страхову, в том, что “она дает ключ к пониманию всех других систем, совмещает их в себе, что к ней с равным правом можно применить всевозможные названия: она и *эмпиризм*, и *скептицизм*, и абсолютный *идеализм*, а главное – истинный *рационализм*”» (Грот, 2021: 145).

К трудам, в которых Страхов предлагает свою разработку философского метода, можно отнести такие его монографии, как «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (СПб., 1865); «Мир как целое. Черты из науки о природе» (СПб., 1872), «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886); статьи о Бэконе Вереуламском и Клоде Бернаре («Отечественные записки», 1866-1867 гг.), статьи об английской психологии и Дарвине («Отечественные записки», 1869, «Заря», 1870). Значимы оказались и его переводы сочинений Куно Фишера, А. Брема, К. Бернара, И. Тэна, Ф.А. Ланге. И в этих трудах «приемы метода» у него остаются как бы скрытыми «под формами исследуемого предмета», но именно использование в диалектическом взаимодействии приемов рационалистического анализа эмпирического материала остается тем внутренним двигателем, который позволяет подчинить сферу естественнонаучных наблюдений религиозно-философским задачам мысленного восхождения к Богу.

В рамках данного исследования хотелось бы остановиться на осмыслении Страховым проблем эмпирического метода в науке в ряде его сочинений об Ипполите Тэне.

Ипполит-Адольф Тэн (1828–1893) – французский философ, историк, критик, один из основоположников и крупнейших теоретиков культурно-исторической школы. Как пишет П.Р. Заборов, «Тэн оставил после себя обширное творческое наследие: его перу принадлежит более двух десятков книг и трехсот статей. Сочинения его многократно переиздавались и переводились на иностранные языки, способствуя всевозможным исканиям и открытиям в различных сферах научной и художественной жизни Франции, Англии, Германии, Италии, Испании и т. д. В России Тэн получил известность на рубеже 1850-1860-х гг., и затем в течение полувека имя его не сходило со страниц русской печати» (Заборов, 1982: 227).

Первая публикация перевода сочинения Тэна в России была осуществлена Страховым. В 1861 г. Страхов опубликовал в журнале «Время» братьев Достоевских перевод статьи Тэна под заглавием «Современная английская философия. Джон Стюарт Миль и его система логики». Страхов усматривал достоинство этой «прекрасной статьи» «в изложении содержания системы логики Милля, изложении, отличающемся обыкновенным мастерством французов». Затем «Время» еще дважды обращалось к публикации трудов Тэна. Так, были опубликованы две статьи под общим названием «Литература и нравы Англии в XVIII столетии» (1862, т. VII, февраль). А затем перевод двух последних глав книги Тэна «Французские философы XIX века», в которых содержалось развернутое обоснование его метода, предполагавшего строгий детерминизм в исследовании естественнонаучном и гуманитарном («Время», т. XI, июнь, с. 182-202, переводчик В.Л. Фукс)³.

В 1871 г. Страхов написал критическую заметку на перевод «Истории английской литературы» И. Тэна А. Рябининым и М. Головиным. В дальнейшем он перевел также главный философский труд Тэна «Об уме и познании» (“De l’Intelligence”, 1870). Перевод в двух томах был издан в 1872 г., а в 1894 г. переиздан в одной книге. Переводу предшествовало «Предисловие переводчика», имевшее подзаголовок «о чисто-эмпирическом методе». Остановимся более подробно на этом предисловии, так как оно имеет свое историческое значение. Надо сказать, что с начала 1860-х гг. вокруг имени и трудов Тэна в России развернулась довольно бурная полемика. Как пишет П.Р. Заборов, «усвоение

³ См. об этом: (Заборов, 1982: 228-229)

творчества Тэна проходило у нас, как правило, в спорах и дискуссиях, подчас достигавших исключительной остроты. У Тэна было немало русских почитателей и приверженцев, но также и множество яростных врагов» (Заборов, 1982: 271). В частности, противники упрекали Тэна в отсутствии нравственного идеала, «сбивчивости» его философии, отсутствии глубоких идей, равнодушии, «полнейшем общественном индифферентизме», консерватизме (Заборов, 1982: 269). Позитивизм Тэна как подход и метод тоже вызывали критику. Очевидным образом, Страхов в своем предисловии ставил задачу защитить Тэна. И предметом его защиты в первую очередь стал метод, которому следовал в своих сочинениях французский философ.

Парадоксальность этого предисловия состоит в том, что о Тэне и его труде там практически не говорится. Тем не менее, оправдывая эмпирический метод, Страхов защищает Тэна. Он пишет: «Сочинение Тэна нам кажется особенно важным и полезным потому, что принадлежит к философскому направлению, которому нельзя не желать всяческого успеха, и которое еще мало у нас известно и оценено, несмотря на существование у нас некоторых переводов и даже самостоятельных попыток в духе этой школы. Школа эта есть английская психологическая школа, чистый эмпиризм в приложении к исследованию души» (Страхов, 1872: II).

Страхов обозначает проблему соотношения опыта и умознания в процессе познания. Он вспоминает Бэкона Веруламского, потом переходит к Локку. Он рассматривает вопрос, возможен ли метод чистого эмпиризма в принципе? Так Локк «показал, что мы самих вещей не знаем, и что то, что мы называем вещами, состоит из наших *ощущений*. Если твердо держаться опыта, то нужно сказать, что он не дает нам ни познаний о внешнем мире, ни познаний о нашей душе. Внешний мир сам по себе нам не доступен; но он производит впечатления на наши внешние чувства, и мы знаем те ощущения, которые происходят от этих впечатлений. Точно так же внутренний мир, наша душа не доступна нам в своей сущности; но, посредством некоторого внутреннего чувства, которое Локк называет *вниканием* или *рефлексией*, мы получаем ощущение процессов и явлений, совершающихся в нашей душе. <...> Таким образом изучение сущностей прекратилось; опыту подлежат только субъективные явления, не знание вещей, а знание наших внутренних состояний» (Страхов, 1872: VI). Страхов противопоставляет эмпиризм Локка как сенсуализму, так и материализму: «Материализм есть некоторое представление о сущности вещей, представление очень отчетливое и грубо-ясное. Между тем, Локк учил, что сущность вещей недоступна опыту; он превратил все наши познания в субъективные, в некоторые процессы, только возбуждаемые вещами, но для самих вещей посторонние. Идя по этому пути далее, не только нельзя было прийти к признанию вещества за корень и источник всех вещей, но можно было прямо наоборот дойти до совершенного отрицания возможности знать материальные вещи. Знать внешний мир невозможно, говорил Беркли; мы знаем только одно – наши идеи. Таков действительно вывод *чистого* опыта» (Страхов, 1872: VIII-IX).

Страхов пристально рассматривает вопрос о физиологических механизмах функционирования зрения и осязания. Чисто эмпирический метод приводит к выводу о предельной субъективности процесса познания: «Цвета и звуки, формы и размеры, пространство и время суть создание нашей души, а не что-либо объективное, не такие действительные качества и сущности, которые воспринимались бы нашею душою, как пустым вместилищем. Вот вывод чистого опыта» (Страхов, 1872: XVI). Не случайно Давид Юм «отверг реальность причинной связи явлений» (Страхов, 1872: XVII). И Страхов пишет, что «В настоящем смысле мы не знаем причины ни одного, ни самонаименованного явления, а знаем только, что это явление наступает, когда соединяются известные условия. <...> Условия ничуть не первее и не важнее того явления, которое при них возникает. Каждое явление, так сказать, само коренится в сущности вещей, и условия суть только обстоятельства, его вызывающие, а не производящие. <...> Сущности явлений опыт не берется узнать и не

спрашивает о ней; поэтому можно сказать, что каждое явление для него одинаково существенно, что, не ища сущности нигде, он тем более не может видеть ее вне того явления, которое рассматривает; скорее же он готов искать сущность каждого явления в нем самом» (Страхов, 1872: XX-XXII).

Соответственно, книгу Тэна Страхов рассматривает, как «одно из самых явных свидетельств той силы, которую получил английский эмпиризм» (Страхов, 1872: XXIII). И эмпиризму он в своем предисловии воздает хвалу: «Сам по себе эмпиризм имеет бесценные качества. Именно – результаты его вполне достоверны, не подвержены никакому колебанию. Как бы ни были тесны пределы, внутри которых он имеет силу, для всякого ищущего истины приятно найти в нем некоторую точку опоры, запас сведений, совершенно очищенных от умозрения, и следовательно, не подверженных тем вопросам и сомнениям, которыми сопровождается умозрение. Чисто-эмпирические результаты, как мы заметили, не противоречат и не могут противоречить никакому умозрительному исследованию, если оно ведется с совершенною строгостью. Но они беспощадно разбивают всякое построение, как скоро оно основано на произволе и фантазии» (Страхов, 1872: XXV).

В 1860-е гг. Страхов был увлечен не только Тэном, но и эмпирическим методом. Вопрос о сущности вещей он вроде бы оставляет открытым. Но очевидным образом для него эмпирический метод (в частности, в разработке Локка) позволяет подойти к научному описанию «логоса» вещи, о котором писали в святоотеческих трудах⁴. Грот пишет о том, что Страхов ставил вопрос о том, «что же такое дух как *реальность*, как бытие в мире действительном, помимо *идей* о нем» (Грот, 2021: 149). В эмпирическом методе он скорее всего чувствовал потенциал решения этого вопроса в области современной ему философии.

Страхов вернулся к Тэну в 1890-х гг., когда, судя по всему, его восхищение и увлечение его работами уже прошли. В третьем томе «Борьбы с Западом в нашей литературе» (последнее прижизненное издание – СПб., 1896) помещены в пятом разделе «Заметки о Тэне (1893)»: I. «Науки и позитивизм»; II. «Философия Тэна»; III. «Эстетика и психология Тэна»; IV. «История вообще»; V. «История революции». В качестве «Прибавления» там же была опубликована уже упомянутая нами «Заметка о переводе одной из книг Тэна (1871)». Возвращение к Тэну Страхова было связано со смертью французского философа: он умер 5 марта 1893 г., и это событие вызвало волну публикаций о нем в России.

Заметки Страхова помечены 16 марта 1893 г. Теперь Страхов критически оценивает Тэна и как писателя, и как философа, и как историка: «<...> успех Тэна был <...> несколько выше его достоинств и зависел от того, что это был догматик, излагавший свои мысли твердо, систематически и ясно до прозрачности» (Страхов, 1896: 123). В «Заметках» Страхов определяет Тэна как позитивиста и видит противоречие между его «узкими формулами» и талантом писателя: «Тэн был человек огромных умственных сил, с чрезвычайным

⁴ Так, прп. Максим Исповедник в своем сочинении «Вопросоответы к Фалассию» пишет: «Бог, сразу образовав, как знает Сам, логосы, смыслы [всего] происшедшего и общие сущности сущего, до сих пор еще осуществляет не только сохранение их для бытия, но и созидание, выхождение и устроение содержащихся в них в возможности частей. Кроме того, Бог через [Свой] Промысл уподобляет отдельные существа общим видам до тех пор, пока через движение отдельных существ к благобытию не объединит их произвольное стремление с [присущим им] по естеству общим смыслом разумной сущности и не сделает их тождественно движущимися и созвучными друг другу и целому так, чтобы отдельные существа не имели произвольного различия по отношению к общему виду, но чтобы единый и тот же самый смысл созерцался у всех, не будучи разделяем способами [осуществления] тех, в ком он рано сказывается, и пока Он не покажет действенной обоживающую всех благодать. Ради этой благодати Бог и Слово, став Человеком, говорит: *Отец Мой доныне делает, и Я делаю* (Ин. 5:17); Отец – благоволя, Сын – самодействуя, а Святой Дух – существенно исполняя во всех благоволение Отца и самодействие Сына, дабы через всех и во всех явился Единый в Троице Бог, соответственно созерцаемый каждым из удостоившихся этого по благодати и всеми ими вместе, подобно тому как душа пребывает по природе без уменьшения и во всем теле, и в каждом его члене» (Прп. Максим Исповедник, 2021: 39-40).

трудолюбием и ученостью и, вместе с тем, с большим даром слова, с остроумием, наблюдательностью и художественным вкусом. Понятно, что все это богатство не укладывалось в узкие рамки его философских построений и било через край, – что и дает едва ли не главную привлекательность его сочинениям. Можно сказать, действительно, что его философия иногда больше вредила его писаниям, чем приносила им пользу» (Страхов, 1896: 125). Заслугой Тэна Страхов на этом этапе считает его выход за пределы чисто эмпирического метода. Он вспоминает здесь в качестве примера статью Тэна о Милле, с которой (благодаря Страхову) началась история переводов работ Тэна в России. И в данном случае проясняет свою симпатию к этой работе Тэна: «<...> мир приводится у Тэна к некоторому единству, и признана возможность познавать его существенные элементы, – чего никак не могли допустить Конт и Милль» (Страхов, 1896: 131). В целом же Страхов оценивает философию Тэна как не имеющую «ни совершенной строгости, ни какой-нибудь полноты» (Страхов, 1896: 134). «Очевидная цель Тэна состояла в том, чтобы соединить все это с германскою метафизикою, сочетать Конта с Гегелем. Но для такого дела нужно философское обсуждение и обоснование, которого у Тэна существуют лишь небольшие зачатки» (Страхов, 1896: 136).

Критически оценивает Страхов и книгу Тэна «Первоначала современной Франции», его не устраивают и сам подход философа-историка, и выводы, к которым он приходит. Так, Страхов заключает, «что в душе человека и в истории действуют некоторые высшие силы, которых не знает или не умеет ввести в свой расчет Тэн. Разумеется, весь смысл истории изменяется для того, кто будет сознательно следить в ней за проявлением и развитием этих сил» (Страхов, 1896: 146). Отдельно останавливается Страхов на труде Тэна, посвященном Французской революции⁵ (этот труд вызвал весьма неоднозначные отклики во Франции и в России). Тэн, по замечанию Страхова, «выступил самым жестоким противником революции. <...> Он приложил к истории свой анализ, свою эмпирическую психологию, и эта история оказалась картиною ужасающих безумий и злодейств. Главное внимание он обратил <...> на внутреннее состояние Франции и на свойства действующих лиц. <...> И в первый раз открылось нам вполне зрелище тех неслыханных бедствий, безумий и злодеяний, которые перенесла Франция во время революции» (Страхов, 1896: 149). Но при этом Тэн, по наблюдению Страхова, не смог описать позитивной стороны революционных событий, он не исследует развития и действия положительных идей власти, государства, преданности отечеству. Такая оценка исторического труда Тэна была у Страхова связана не только с его консервативными воззрениями на власть и государство, но и с проблемой времени, которой он также занимался⁶. А проблема времени не разрешима средствами эмпирического метода. Тем не менее, Страхов завершает свои заметки позитивной оценкой деятельности и трудов Тэна.

В рамках данной статьи мы обратились к проблеме разработанного Страховым метода познания. Мы обозначили в рамках метода философа сложное диалектическое взаимодействие рационального и эмпирического путей познания, которое было подчинено собственно религиозно-философским задачам осмысления мира как иерархически устроенного целого. Грот по этому поводу писал: «Н.Н. Страхов имел вполне законное право пытаться совместить в своем мирозерцании прирожденный и свойственный его уму светлый рационализм с естественною для каждого не только серьезно мыслящего, но и глубоко чувствующего человека верою в непостижимость коренной основы жизни – философскую трезвость и диалектический метод мышления с искреннею, но своеобразною религиозностью» (Грот, 2021: 153). Эмпирический метод в сочинениях Страхова играет важную роль. Понятно, что философу был чужд эмпиризм в узком смысле этого слова. Тем не менее, для него

⁵ О трактовке Страховым Великой французской революции см.: (Снетова, 2010: 308-313).

⁶ Укажем на его незавершенную работу: (Страхов, 1906: 401-430).

принципиальным моментом в оценке истины являлся конкретный опыт познания явлений этого мира, в самом строе которого он находил свидетельства участия высших сил. Работы Страхова о Тэне, рассмотренные нами выше, наглядно показывают и религиозно-философское переосмысление эмпирических приемов наблюдения, и эволюцию отношения Страхова к эмпирическому методу. Разработка Страховым оригинального метода дала плоды в истории русской философии. Его попытка преодолеть противоречие между рационализмом и эмпиризмом (особенно показателен в этом смысле трактат Страхова «Мир как целое») дала толчок развитию философии всеединства, в частности, в трудах С.Л. Франка.

Литература

- Грот, Н. Я. (2021), «Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике философского мирозерцания», *Н.Н. Страхов: pro et contra, антология*, сост. Климова, С. М., Изд-во РХГА, Санкт-Петербург, 138-155.
- Заборов, П. Р. (1982), «Ипполит Тэн в России (Материалы к истории восприятия)», *Эпоха реализма. Из истории международных связей русской литературы*, отв. ред. акад. М. П. Алексеев, Наука, Ленинград, 227-271.
- Мотовникова, Е. Н. (2013), «К метафизике метода Н.Н. Страхова», *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 4, 123-130. EDN: SBCJCR
- Преподобный Максим Исповедник (2021), *Вопросоответы к Фалассию, пер. с греч. А. И. Сидоров*, Сибирская Благовонница, Москва.
- Снетова, Н. В. (2010), *Философия Н.Н. Страхова (Опыт интеллектуальной биографии)*, Пермский ун-т, Пермь. EDN: QWVZOB
- Снетова, Н. В. (2013), *Николай Страхов: Западная и русская мысль в интерпретации органициста*, Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Пермь.
- Страхов, Н. Н. (1872), «Предисловие переводчика (о чисто эмпирическом методе)», *Тэн, И. Об уме и познании*, Перевод с французского, под ред. Н.Н. Страхова. В двух томах. Т. 1. Издание А. С. Гиероглифова, Санкт-Петербург, I-XXVII.
- Страхов, Н. Н. (1896), «Заметки о Тэне», *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Книжка третья*, тип. С. Добродеева, Санкт-Петербург, 123-160.
- Страхов, Н. Н. (1906), «О времени, числе и пространстве», *Страхов, Н.Н. Философские очерки*, Изд. И.П. Матченко, Киев, 401-430.
- Страхов, Н. Н. (2007), *Мир как целое, черты из наук о природе*, Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, Москва.
- Фатеев, В. А. (2021), *Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха*, Изд-во «Пушкинский Дом», Санкт-Петербург.
- Франк, С. Л. (1922), *Введение в философию в сжатом изложении*, Academia, Петербург.

References

- Fateev, V. A. (2021), *N. N. Strakhov: Lichnost. Tvorchestvo. Epokha*, [Strakhov: Personality, Work, and Era], "Pushkinskiy Dom" Publishing House, St. Petersburg Russia (in Russ.).
- Frank, S. L. (1922), *Vvedeniye v filosofiyu v szhatom izlozhenii*, [Introduction to Philosophy in Brief Outline], Academia, Petersburg, Russia (in Russ.).
- Grot, N. Ya. (2021), "In Memory of N.N. Strakhov: On the Characterization of His Philosophical Worldview", *N.N. Strakhov: Pro et Contra (Anthology)*, comp. S. M. Klimova, RKhGA Publishing House, St. Petersburg, Russia, 138–155 (in Russ.).
- Motownikova, E. N. (2013), "To the Metaphysics of Nikolai Strakhov's Method", *Humanities Research in the Russian Far East*, 4, 123-130 (in Russ.). EDN: SBCJCR
- Saint Maximus the Confessor (2021), *Voprosootvety k Falassiyu* [Questions and Answers to Thalassius], trans. from Greek by A. I. Sidorov, Sibirskaya Blagozvonitsa, Moscow, Russia (in Russ.).
- Snetova, N. V. (2013), *Nikolai Strakhov: Western and Russian Thought as Interpreted by an Organicist*, Perm State National Research University Press, Perm, Russia (in Russ.).
- Snetova, N. V. (2010), *The Philosophy of N. N. Strakhov (An Attempt at an Intellectual Biography)*, Perm University Press, Perm, Russia (in Russ.). EDN: QWVZOB

Strakhov, N. N. (2007), *Mir kak tseloye, cherty iz nauk o prirode* [The World as a Whole: Sketches from the Natural Sciences], Airis-Press: Airis-Didaktika, Moscow, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1896), "Notes on Taine", in Strakhov N.N., *Borba s Zapadom v nashey literature. Knizhka tretaya*, [The Struggle Against the West in Our Literature, Book Three], S. Dobrodeev's Printing House, St. Petersburg, Russia, 123–160 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1906), "On Time, Number, and Space", in Strakhov, N. N., *Filosofskiye ocherki* [Philosophical Essays], I. P. Matchenko Publishing House, Kyiv, Russia, 401–430 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1872), "Translator's Preface (On the Purely Empirical Method)", in Taine, H., *On Intelligence*, translated from the French and edited by N. N. Strakhov, in two volumes, Vol. 1, published by A. S. Gieroglifov, St. Petersburg, Russia, I–XXVII (in Russ.).

Zaborov, P. R. (1982), "Hippolyte Taine in Russia (Materials for a History of Reception)", *Epokha realizma. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury*, [The Age of Realism: From the History of International Connections of Russian Literature], ed. Academician M. P. Alekseev, Nauka, Leningrad, USSR, 227–271 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Александра Витальевна Тоичкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; a.toichkina@spbu.ru
ORCID ID: 0000-0002-3723-1553

ABOUT THE AUTHOR:

Alexandra V. Toichkina, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; a.toichkina@spbu.ru
ORCID ID: 0000-0002-3723-1553.

УДК 165.19

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-2

Моркина Ю. С. | Концепция эмоциональности в когнитивной поэтике (Р. Цур)

Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва 109240, Российская Федерация; morkina21@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается теория одного из основателей «когнитивной поэтики», или «когнитивного литературоведения», Р. Цура (R. Tsur). Это направление исследований использует для анализа литературных, и, в частности, поэтических, текстов данные когнитивных наук. Отпочковавшись от когнитивной лингвистики, когнитивная поэтика использует, кроме того, данные психологии и естественных наук, оставаясь при этом в русле философии. Благодаря этому когнитивная поэтика становится междисциплинарным методологическим направлением. Р. Цур использует данные когнитивной психологии и гештальтпсихологии для своего исследования, стремясь ответить на поставленный им самим вопрос: как поэтический текст может не только описывать, но и передавать эмоциональные состояния. Он рассуждает о мозговой деятельности читающего стихотворение человека, пытаясь объяснить, как структура текста может моделировать и передавать эмоции. По Цуру, концептуальная (категориальная, логическая) информация обрабатывается иначе, чем доконцептуальная (эмоциональная, эстетическая). На этом утверждении он строит свою теорию поэзии. В данной статье мы приходим к выводу, что, хотя данные о мозговой деятельности, использовавшиеся Цуром, в какой-то своей части устарели, пафос его когнитивной поэтики позволяет последней существовать в качестве проекта, к разработке которого уже подключились многие исследователи.

Ключевые слова: когнитивная поэтика; нейропсихология; поэзия; читатель; произведение; содержание; мышление

Для цитирования: Моркина, Ю. С. (2026), «Концепция эмоциональности в когнитивной поэтике (Р. Цур)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 14-23. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-2

Yu. S. Morkina | The concept of emotionality in cognitive poetics (R. Tsur)

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; morkina21@mail.ru

Abstract. This article examines the theory of R. Tsur, who is considered to be one of the founders of 'cognitive poetics' or 'cognitive literary studies'. This interdisciplinary field draws on findings from the cognitive sciences to analyse literary texts, particularly poetry. Emerging from cognitive linguistics, cognitive poetics also draws on findings from psychology and the natural sciences whilst remaining within the realm of philosophy. Consequently, cognitive poetics has become an interdisciplinary methodological approach. In his research, R. Tsur draws on findings from cognitive

and Gestalt psychology, seeking to answer the question he has posed: how can a poetic text convey emotional states as well as describe them? He discusses brain activity when reading a poem in an attempt to explain how the text's structure can model and convey emotions. According to Tsur, conceptual (categorical and logical) information is processed differently from pre-conceptual (emotional and aesthetic) information. This assertion forms the basis of his theory of poetry. In this article, we conclude that although some of the data on brain activity used by Tsur is now outdated, his passion for cognitive poetics means it continues to exist as a research project to which many other researchers have already contributed.

Keywords: cognitive poetics; neuropsychology; poetry; reader; work; content; thinking

For citation: Morkina, Yu. S. (2026), "The concept of emotionality in cognitive poetics (R. Tsur)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 14-23. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-2

Союз философии с когнитивными науками, а также лингвистикой, литературоведением, психологией и отдельными естественными науками порождает междисциплинарные исследования и новые для философии и когнитивных наук методологии. Исследования Р. Цура и его вклад в философию языка и поэтического творчества – предмет данной статьи.

Для обозначения его собственных исследований, касающихся перцептивных эффектов литературных произведений, впечатления, оказываемого произведением на читателя, Р. Цур в 1970-х годах ввел термин «когнитивная поэтика». Вскоре на Западе (в 1980-х гг.) начало формироваться особое направление, получившее название «когнитивной поэтики», или «когнитивного литературоведения». Наибольшее его развитие приходится на 1990-е и 2000-е гг. (Третьяков, 2009).

Первый учебник по когнитивной поэтике был выпущен в 2002 г. П. Стоквеллом (Stockwell, 2002). В 2003 г. вышла книга «Когнитивная поэтика на практике», в нее вошло собрание статей, иллюстрирующих возможности применения методик, разработанных Стоквеллом и вошедших в учебник (*Cognitive poetics...*, 2003). В России обзор этого направления сделан Е.В. Лозинской (Лозинская, 2007). Л.В. Витковская написала книгу (Витковская, 2012).

В какой-то мере когнитивная поэтика является ветвью когнитивной лингвистики, у ее истоков стоят такие исследователи, как Джордж Лакофф – когнитивный лингвист, который много писал о роли метафоры в мышлении и языке, а также философ Марк Джонсон: вместе с Лакоффом они предложили революционную теорию концептуальной метафоры. Но Стоквелл, взяв термин Р. Цура, далеко ушел от последнего, отмечая, что когнитивная поэтика Цура – очень специфическое направление.

Когнитивная поэтика, таким образом, представляет собой направление, родственное когнитивной лингвистике и выводимое из нее. Оно является междисциплинарным. Это не литературоведческое направление в обычном смысле этого слова, хотя и сосредоточивается на читателе и чтении им поэтических произведений. Это синтез когнитивной лингвистики, когнитивной психологии, философии и естественных наук: учитывая их данные, здесь исследуются субъективные эффекты, производимые текстом на читателя. Исследователи, работающие в этом русле, с одной стороны, используют не только рассуждение, но и эксперимент, с другой стороны, обращаются к философии как первоисточнику всех наук. Недаром среди журналов, публиковавших статьи по когнитивному подходу к литературе, есть

и журналы “Philosophy and literature”, “Journal of pragmatics”, “Substance” и др. (Лозинская, 2007).

В пользу того, что когнитивная поэтика представляет собой ветвь философии, говорят все аргументы, рассматривающие поэзию как мышление и познание – то есть предмет эпистемологии. В этой статье будет рассмотрена теория Р. Цура, в которой он осмысляет эмоциональную сторону поэзии. Цур размышляет о языке как носителе простых логических смыслов (слова имеют денотаты), с одной стороны, и эффективном средстве передачи и создания в субъективном мире читателя определенных эмоций, с другой стороны. Так мы выходим на философский вопрос о соотношении логического и эмоционального в мышлении и познании. Эпистемологи в настоящее время задаются вопросом: участвуют ли эмоции в логическом познании или только сопровождают его? Мы рассмотрим теорию и выводы основоположника когнитивной поэтики, поскольку они касаются разбора им эмоциональной сферы читателя, читающего поэтическое произведение, и предполагаемых Цуром закономерностей, определяющих, какие стихотворные строки вызывают в читающем какие-либо эмоции. Его теория представляет интерес как для эпистемологии, так и для философии поэтического творчества.

Цур ставит перед собой цель создать концепцию, отмежевывающуюся от школы Лакоффа (созданной им когнитивной лингвистики). Если когнитивная лингвистика сосредоточена на концептуальной стороне языка, то Цур фокусируется на эмоциональной стороне поэзии, которую он считает в то же время и эстетической. Его подход связан с невыразимыми состояниями, которые испытывают читатели. Одно из его основополагающих положений заключается в том, что поэзия использует язык (который по своей сути концептуален) для передачи самих неконцептуальных переживаний (в том числе эмоциональных), а не просто понятий об этих переживаниях. «В то время как Лакофф говорит о значениях, я говорю о всеобъемлющих качествах восприятия, обычно называемых “эмоциональными” или “эстетическими качествами”» (Tsur, 2008: 1).

По сути, Цур решает вопрос о соотношении логического и эмоционального в поэтическом познании. Он делает очень важное наблюдение: слово имеет логический смысл (денотат) и смысл звуковой, мелодический. При этом логический смысл может быть иным, чем звуковой. При чтении стихотворения информация передается по двум каналам, вернее, поэтические строки передают два вида информации: логическую (концептуальную) и эмоциональную. Последнюю Цур приравнивает к эстетической.

Когнитивный психолог Роберт Оренштейн (Orenstein, 1975) работает с концепцией левополушарного и правополушарного мышления. Эта концепция в психологии стала общим местом. Она заключается в том, что логическое и языковое мышление связаны с левым полушарием мозга, в то время как образное мышление и эмоции – с правым. Цур ссылается на эту точку зрения и кладет ее в основу своей концепции эмоциональности в поэзии. «Следовательно, я утверждаю, что информация, получаемая правым полушарием, “невыразима” (ineffable) не потому, что в ней не задействованы семантические особенности, а потому, что эти особенности являются рассеянными и одновременными. Непроизносимой (unparaphrasable) является не информация, а ее интеграция или рассеянность. Диффузность и интеграция – это не добавление семантической информации, а структура информации в том виде, в каком она предстает в сознании. В то время как семантическую информацию можно перефразировать, впечатление, возникающее из-за ее структуры, можно только описать. Так, я обсуждал дивергенцию как метод, позволяющий сделать поэтическое послание более диффузным. Воображаемая ориентация, которая переносит часть языковой обработки с левого полушария на правое, – это еще один способ» (Tsur, 2008: 11).

Цур сосредоточивается на «всеобъемлющих качествах восприятия», то есть «эмоциональных» или «эстетических». Он объясняет, что поэзия может не называть эмоции, а индуцировать их в сознании читателя.

Сначала Цур рассматривает, что представляют собой эмоции как информация с точки зрения когнитивной психологии. «Эмоция – это стремление к объекту, который считается подходящим, или прочь от него, если он признан неподходящим» (Arnold, Gasson, 1968: 203). Уникальное качество сознания, приписываемое эмоциям, в поэзии, по Цуру, имеет определенные структурные корреляты.

«Психологи, в общих чертах, выделяют следующие элементы эмоций:

1. Оценка ситуации как вредной, полезной, угрожающей и т. д.
2. Отклонение от нормального уровня энергии: повышение (радость, гнев) или снижение энергии (грусть, депрессия, спокойствие).

3. Распространение информации в сильно активированном состоянии, которое является менее организованным и менее дифференцированным, чем концептуальная информация.

4. Такая информация активна “на задворках сознания”, не вытесняя все остальное. Например, чтобы играть в шахматы, вы должны знать возможные ходы и стратегии игры; но вы также должны хотеть выиграть. Это желание победить должно быть активным в глубине вашего сознания, но не должно занимать место в ваших мыслях о ходах и стратегиях» (Tsur, 2008: 2).

Цур отмечает, что мыслительные процессы воспринимаются как относительно неземональные, хотя Антонио Дамасио недавно продемонстрировал, что они также сильно зависят от эмоциональных процессов (Damasio, 1994). Эмоциональные и неземональные процессы представляют собой не жесткую дихотомию, а непрерывный процесс смены одного другим. Цур ссылается на Элизабет Даффи (Duffy, 1968). Она пишет, что «“неэмоциональная” степень организации реакции внезапно меняется на “эмоциональную” степень организации; и нет точки, в которой это происходит. Эти характеристики опыта и поведения демонстрируют непрерывную вариативность» (Duffy, 1968: 138). В этом отношении также может существовать некоторый компромисс между переплетающимися цепочками ментальных процессов.

Основная идея Цура в том, что поэтическая форма так организует язык, что возникает структурное сходство между текстом и эмоциональными переживаниями читателя. Это становится возможным, потому что «уникальное качество сознания, приписываемое эмоциям, имеет определенные структурные корреляты» (Tsur, 2008: 8). Поэтическая форма, как он доказывает, «воздействует на язык таким образом, что позволяет читателям обнаружить некоторое структурное сходство между текстом и определенными эмоциональными переживаниями» (Tsur, 2008: 8).

То есть в поэзии эмоции передаются читателю, моделируются в его сознании, а не просто описываются. Они могут (и чаще всего так и происходит) передаваться, не называясь по имени. Цур даже делает заключение о том, что эмоциональное качество поэтического текста может быть независимым от его концептуального (семантического) содержания.

Цур постулирует дихотомию концептуальной, ясной, лингвистической информации, которая может быть описана словами, и доконцептуальной, смутной, не передаваемой словами информации. Последнюю он приравнивает к эмоциональной и эстетической. Он постулирует также, что первая информация обрабатывается левым полушарием мозга, в то время как вторая – правым. «Рассматривая воспринимаемые качества поэзии, нельзя не столкнуться с довольно неприятной проблемой. Слова обозначают “компактные” понятия, в то время как, по крайней мере, о некоторых стихах говорят, что они вызывают рассеянные эмоции, смутные настроения или разновидности мистических переживаний» (Tsur, 2011: 1).

Речь, по Цуру, это логические процессы, которые связаны с другими зонами мозга, чем диффузные эмоциональные процессы. И хотя положение о жесткой дихотомии правополушарного и левополушарного мышления к настоящему времени устарело, остается понимание того, что логическое словесное и эмоциональное мышление имеют разные механизмы. Далее Цур пишет: «Невыразимые эмоциональные переживания невыразимы именно потому, что они связаны с деятельностью правого полушария мозга, при которой информация представлена в рассеянной, недифференцированной, “глобальной” форме, в то время как язык, который стремится выразить этот опыт, обусловлен деятельностью левого полушария мозга и представляет собой обработку компактной, хорошо дифференцированной и линейной информации» (Tsur, 2011: 14-15).

Понятия, которые он использует при описании передаваемой поэзией эмоциональной информации: «предкатегориальная информация» («докатегориальная информация»), «вербальная имитация предкатегориальной информации», образы «без вещей и гештальтов».

Цур подчеркивает, что его методы рассмотрения напоминают обычные приемы внимательного чтения. Тем не менее, его обсуждение сознания и категоризации информации позволяет ему сделать некоторые выводы. Так, теории метафоры, как правило, исследуют такие вопросы, как, например, наилучшим образом перефразировать метафору или как люди понимают новые метафоры. Но его когнитивная система отсчета вносит вклад в объяснение воспринимаемого эффекта метафор и других поэтических приемов, объясняя связь между определенными языковыми структурами и «регрессом» к низкокатегориальному способу восприятия; а также связь такого регресса с эмоциональным качеством текста и определенной когнитивной характеристикой поэзии. «В первом абзаце этой статьи я утверждал, что язык по своей природе является высокодифференцированным логическим инструментом и что он требует специальных манипуляций, чтобы передать или вызвать с его помощью низкодифференцированные, рассеянные эмоциональные качества. Когнитивная поэтика исследует различные способы, с помощью которых поэты решают эту проблему. Одним из эффективных средств для этого исследования является применение к поэзии знаний, полученных психологами о природе эмоций» (Tsur, 2011: 2).

«Словарь языка – это система понятий, в которой каждому понятию присваивается фонологическая форма и определенные синтаксические и морфологические характеристики» (Цур ссылается здесь на Бирвиша: Bierwisch, 1970: 172). Такие слова, как «чувство», «эмоция», «мистицизм» – так же, как «стол», «автомобиль», «молоток» – это ярлыки, которые служат для обозначения понятий; они не передают эмпирическое качество того, о чем идет речь. В повседневном общении такие теги являются эффективным средством привлечения внимания к тому, что подразумевается. Но в поэзии этого может быть недостаточно. Основная идея Цура заключается в том, что поэзия должна передавать, а не просто описывать.

Поэзия использует слова для выражения чувств, эмоций, переживаний. С точки зрения Цура, поэзия должна не просто рассказывать о пережитом, но и показывать его. Им предполагается, что поэзия использует концептуальный язык для передачи неконцептуальных переживаний, а не просто концепций этих переживаний. Такие выражения, как «эмоциональная поэзия» или «мистическая поэзия», должны быть самопротиворечивыми, но это не так. Цур рассматривает некоторые приемы, с помощью которых в поэзии концептуальный язык превращается в язык опыта. В 2001–2002 гг. Цур расширил свою концепцию и применил ее к поэзии семнадцатого века, посвященной медитации. Говорят, что эта поэзия развилась из медитации иезуитов.

Первым этапом этой медитации была «композиция места». В семнадцатом веке иезуиты, а вслед за ними ученые двадцатого века утверждали, что весь успех медитации зависит от правильного выбора места, но они никогда не объясняли почему. В соавторстве с Мотти Бенари (Benari and Tsur, 2002) Цур опубликовал статью, касающуюся «композиции места».

В статье раскрывается механизм создания медитативных состояний путем представления себя находящимся в определенной местности, описанной в произведении или в житии Иисуса или одного из святых. При этом активируются определенные зоны коры правого полушария, отвечающие за ориентацию в пространстве. Этот же механизм действует в романтической поэзии при чтении описаний природы.

Измененные состояния сознания, по Цуру, это состояния, в которых человек длительное время подвергается воздействию докатегориальной или низкокатегоризованной информации. По Цуру, они включают в себя широкий спектр состояний, в которых активно организующий разум не находится под полным контролем, начиная от гипнагогических состояний (когда человек находится в полудреме) и заканчивая гипнотическими состояниями. К измененным состояниям сознания Цур относит и разновидности религиозного опыта, в первую очередь мистические и экстатические переживания. В творческом процессе моменты «вдохновения» или «озарения» тоже могут включать в себя такое измененное состояние сознания, хотя его не так легко распознать (Tsur, 2011: 11-12).

Цур также различает конвергентную (сходящуюся) и дивергентную (расходящуюся) поэзию. Первая оперирует логической информацией, она воспринимается как ясная и четкая, вторая порождает смутные эмоциональные ощущения. Различие конвергентного и дивергентного мышления Цур заимствовал из психологии. Конвергентное мышление – мышление логическое и концептуальное. Дивергентное – эмоциональное, отвечает за смутные, размытые состояния. То или другое мышление активируется определенными поэтическими приемами.

Так, например, Цур сравнивает два поэтических отрывка: из «Аннабель Ли» Эдгара По и «Потерянного рая» Джона Мильтона:

1
That the wind came out of the cloud, chilling
And killing my Annabel Lee.
(E. Poe)

2
Of Man's first disobedience, and the fruit
Of that forbidden tree, whose mortal taste
Brought death into our world, and all our woe,
With loss of Eden, till one greater Man
Restore us and regain the blissful seat,
Sing, Heav'nly Muse ...
(J. Milton)¹

Отрывок из стихотворения Э. По он считает примером конвергентной поэзии, в то время как строки из поэмы Дж. Мильтона – дивергентной. Он отмечает, что и в том, и в другом

¹ Не являясь переводчиком поэзии, могу предоставить только подстрочники этих отрывков:

1. Ветер дул из облака, охлаждая,
И убил мою Аннабель Ли.
(Эдгар По)

2. О первом непослушании человека и о плоде
Того запретного дерева, вкус которого смертелен,
Принес смерть в наш мир и все наши беды,
С потерей Эдема, пока не появится еще один великий человек, чтобы
Восстановить нас и вернуть нам блаженное место,
Пой, Небесная Муза...
(Джон Мильтон)

случае наблюдаются повторения звуковых групп. Но у По повторяющиеся группы звуков «более концентрированы», они ближе друг к другу по времени. Кроме того, у Эдгара По повторяющиеся звуки выстраиваются как бы «в одном направлении». У Мильтона же различные повторяющиеся звуковые группы «переплетаются», образуя «рассеянную текстуру» из различных линий. Еще одно отличие заключается в том, что в строках По сильные позиции метрической схемы совпадают с ударными слогами в словах. Это образует «сходящиеся закономерности», которые усиливаются повторяющимися звуками, с одной стороны, и параллельными морфологическими и синтаксическими структурами – с другой. Буквы W и S обозначают метрические слабые и сильные позиции. У Мильтона лексическое ударение не обязательно совпадает с сильной позицией.

Если рассматривать эти строчки с точки зрения гештальтпсихологии (на положениях которой основано очень много рассуждений и объяснений Цура), если анализировать соотношение фигуры и фона, то сходящиеся ударения и стихотворные схемы, а также концентрированные звуковые группы в стихотворении Эдгара По дают четко выраженные фигуры, в то время как во фрагменте из поэмы Мильтона переплетающиеся звуковые схемы и расходящиеся лингвистические и стихотворные схемы погружены в фон, «активны на задворках сознания», выдвигая на передний план текст. Отрывки эти различаются и нагрузкой, даваемой ими на кратковременную память.

Цур приводит еще много обоснований того, что поэтическую структуру первого текста можно рассматривать как конвергентную, а второго – как дивергентную. Он считает, что именно за счет этого первый текст, хотя речь в нем идет о смерти маленькой девочки, воспринимается как игривый, остроумный.

«Цитата из “Аннабель Ли” представляет собой убедительную интонацию, достигнутую благодаря выразительному сближению параллельных языковых и стихотворных схем. Повторяющиеся звуки в таком контексте воспринимаются как остроумные или игривые. Отрывок из “Потерянного рая” представляет собой напряженный тон, достигаемый за счет расхождения параллельных узоров, создающих текстуру, эмоциональный фон для “великого спора”. Чередование повторяющихся звуков вплетено в текстуру фона, придавая отрывку неумолимый музыкальный характер. Такие структуры иногда усиливаются на семантическом уровне стихотворения» (Tsur, 2008: 6).

Цур обращает внимание, что эмоциональная информация, передаваемая произведением, не обязательно коррелирует с его логическим смыслом. Логический смысл зависит от слов-концептов (категорий), но эмоциональный смысл может зависеть от звукописи стихотворения и других факторов, отвечающих за докатегориальную информацию.

То есть эмоциональное качество стихотворения может не зависеть от его содержания – вывод, важный как для эпистемологии, так и для философии языка и философии поэтического творчества.

Цур приводит еще один пример, в котором эмоциональное качество стихотворения достигается разными способами. Он рассматривает первую строфу короткого лирического стихотворения поэта Хаима Ленского (который писал стихи на иврите в Советской России и нашел свою смерть в сталинских концентрационных лагерях). Это стихотворение тоже было написано на иврите, но сохранился только буквальный перевод на английский язык, при котором потерялись рифма и ритм. Мы приведем здесь перевод этого англоязычного отрывка на русский язык:

День над озером клонится к закату,
Рыбы погрузились в сон на глубине,
Птицы прекратили свою болтовню...
Как печально шуршат камыши!

Цур отмечает, что только в четвертой строке в этом отрывке упоминается эмоция («печаль»); в первых трех строках описывается детали пейзажа, которые не имеют явного эмоционального содержания. Четыре описательных предложения в четырех строках относятся одно к другому – двумя различными способами. С одной стороны, они относятся к частям ситуации, дополняют друг друга, образуя целостный ландшафт. С другой стороны, их грамматические конструкции параллельны друг другу. Последняя связь усиливается за счет рифмовки (утраченной при дословном переводе).

Читатель склонен выделять из параллельных образований их общие составляющие. Когда студентам зачитываются первые три строчки, они определяют общее содержание строк как «снижение активности». Когда их спросили об эмоциональном настрое этих строк, они чаще всего определяют его как «спокойствие». Цур отмечает, что эмоции обычно связаны с некоторым отклонением от нормального уровня энергии, а снижение уровня энергии обычно связано с грустью, депрессией или спокойствием. Только четвертая строка содержит «оценку ситуации» (то есть явно устраняет неопределенность относительно характера ситуации, в которой возникает эмоция: это та ситуация, к которой прилагательное «печальный» подходит больше, чем «спокойный») и определяет эмоциональную окраску описания пейзажа в пользу «печали». Цур утверждает, что имеются убедительные экспериментальные доказательства того, что вышестоящие категории параллельных объектов присутствуют одновременно, хотя и подсознательно, в активной памяти (Tsur, 2008: 8).

Итак, Цур берется доказать, что поэзия не просто рассказывает словами об определенном эмоциональном состоянии, но моделирует это состояние, при этом логический смысл может не совпадать с эмоциональным настроем, передаваемым стихотворением. По Цуру, концептуальная (категориальная, логическая) информация обрабатывается иначе, чем доконцептуальная (эмоциональная, эстетическая).

Концепция Цура порождает закономерные вопросы. Можно ли приравнять эмоции к докатегориальной информации? Вся ли докатегориальная информация «диффузна» и «рассеянна»? Можно ли приравнять эмоциональное к эстетическому? Кроме того, Цур не замечает, что в его схеме моделирования эмоциональной информации отсутствует компонент «оценки ситуации как вредной, полезной, угрожающей и т. д.».

Тем не менее, Цур – один из основателей направления исследований, названного «когнитивной поэтикой», более того, он и ввел этот термин, который впоследствии Стоквелл использовал для широкого поля исследований литературы с привлечением когнитивных наук.

Цур является представителем западной когнитивной поэтики. В отдельном исследовании было показано отличие западного направления от того, которое под влиянием запада, но с большим отличием от него, развивается у нас (Моркина, 2025). Если западная традиция называется когнитивной поэтикой, отечественную традицию можно назвать «эпистемологией поэтического», когда поэзия рассматривается как вид мышления, а автор и читатель как языковые личности (Витковская, 2012).

Можно увидеть современную поэзию как область и способ познания и мышления, повторяющую закономерности развития науки по Куну. В современной поэзии существует «поэтическое сообщество», которое оценивает «поэтические парадигмы». Есть авторы, творящие в той или иной парадигме, есть и «смены парадигм». Но подробнее эта поэтическая и вместе с тем социальная реальность будет проанализирована в другом месте, поскольку это тема отдельной статьи.

Здесь же мы подчеркнем, что отечественная традиция рассмотрения поэзии как познания и мышления берет начало еще в XIX веке в трудах А.А. Потебни и его последователей.

В данной статье была поставлена задача осветить одну из западных ветвей когнитивной поэтики, для чего была выбрана концепция Р. Цура, поскольку его теоретические построения можно рассматривать как эвристичные, заслуживающие внимания русскоязычного читателя.

Литература References

Витковская, Л. В. (2012), *Когниция смысла: литературоведение XXI века. Издание второе, дополненное*, Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, Пятигорск. EDN: SEVQXR

Vitkovskaya, L. V. (2012), *Kognitsiya smysla: literaturovedenie XXI veka. Izdanie второе, dopolnennoe* [Cognition of meaning: literary criticism of the XXI century. Second edition, expanded], Publishing House of Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia (in Russ.). EDN: SEVQXR

Лозинская, Е. В. (2007), *Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор*, ИНИОН РАН, Москва. EDN: MUJWYH

Lozinskaya, E. V. (2007), *Literatura kak myshlenie: kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov: Analiticheskiy obzor* [Literature as thinking: cognitive literary studies at the turn of the XX–XXI centuries: An analytical review], INION RAN, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: MUJWYH

Моркина, Ю. С. (2025), «Восприятие поэтических текстов: когнитивное литературоведение как проект», *Бескова, И. А., Моркина, Ю. С. и Филипенко, С. А., Лики воспринимающего разума*, под ред. Смирновой, Н. М. и Бесковой, И. А., Голос, Москва, 99-154.

Morkina, Yu. S. (2025), “The perception of poetic texts: cognitive literary studies as a project”, *Beskova, I. A., Morkina, Yu. S. and Filipenok, S. A., Liki vosprinimayushchego razuma* [The faces of the perceiving mind], in Smirnova, N. M. and Beskova, I. A. (eds), *Golos*, Moscow, Russia, 99-154 (in Russ.).

Третьяков, В. А. (2009), *Когнитивная наука о литературе (Рец. на кн.: Лозинская, Е.В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков, Москва, 2007)* [Электронный ресурс], URL: <http://www.litsnab.ru/literature/722> (дата обращения 08.02.2025).

Tretyakov, V. A. (2009), *Kognitivnaya nauka o literature (Rets. na kn.: Lozinskaya, E. V., Literatura kak myshlenie: kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov, Moscow, 2007)* [Cognitive Science of Literature (Review of the book: Lozinskaya, E.V. Literature as Thinking: Cognitive Literary Studies at the Turn of the 20th–21st Centuries, Moscow, 2007)] [Online], available at: <http://www.litsnab.ru/literature/722> (Accessed 08 February 2025) (in Russ.).

Arnold, M. B. and Gasson, J. A. (1968), “Feelings and Emotions as Dynamic Factors in Personality Integration”, *The Nature of Emotion*, in Arnold, M. B. (ed.), Penguin, Harmondsworth, 203-221.

Bierwisch, M. (1970), “Semantics”, *New Horizons in Linguistics*, in Lyons, J. (ed.), Pelican, Harmondsworth, 166-184.

Cognitive poetics in practice (2003), in Gavins, J. and Steen, G (eds), Routledge, London, UK.

Damasio, A. (1994), *Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain*, Grosset/Putnam Books, New York.

Duffy, E. (1968), “An Explanation of Emotional Phenomena without the Use of the Concept Emotion”, *The Nature of Emotion*, in Arnold, M. B. (ed.), Penguin, Harmondsworth, 129-140.

Ornstein, R. E. (1975), *The Psychology of Consciousness*, Penguin, Harmondsworth.

Stockwell, P. (2002), *Cognitive Poetics. An introduction*, London; New York.

Tsur, R. and Benari, M. (2002), “‘Composition of Place’, Experiential Set, and the Meditative Poem (A Cognitive-Pragmatic Approach)”, *Pragmatics and Cognition*, 9(2), 203-237.

Tsur, R. (2008), “Cognitive poetics and speaking the unspeakable”, *Journal of Foreign Languages*, 31(4), 2-20.

Tsur, R. (2011), *Some Aspects of Cognitive Poetics* [Online], available at: https://www.neurohumanitiestudies.eu/archivio/Tsur,_Aspects_of_Cognitive_Poetics.pdf (Accessed 10 July 2025).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Моркина Юлия Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва 109240, Российская Федерация; morkina21@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9520-154X; Researcher ID: Q-1064-2018

ABOUT THE AUTHOR:

Yulia S. Morkina, Candidate of Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; morkina21@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9520-154X

Researcher ID: Q-1064-2018

УДК 165.0

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-3

Клюсов И. А.

Процессуальное измерение структурного реализма в современной теории истины

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, 236016, Российская Федерация;
infernushko@gmail.com

Аннотация. В статье показано, каким образом структурный реализм может быть дополнен процессуальной моделью познавательного акта, позволяющей описать истину не как статическое соответствие действительности, а как устойчивую динамику отношений. Последовательно рассмотрены ограниченность классических теорий истины, промежуточная позиция структурного реализма и недостаточная проработанность в нем процессуального измерения; в качестве уточняющего инструмента предложена модель познавательного акта как цикла из шести функциональных фаз. Научная новизна состоит в том, что понятие истины впервые связывается с процессуальной устойчивостью структурных отношений, воспроизводящихся в последовательности познавательных актов, а не с соответствием отдельного суждения или внутренней согласованностью системы высказываний. В результате установлено, что предложенная модель удерживает одновременно объективность, контекстуальность и подвижность истины; выстраивается, отталкиваясь от когерентной теории за счет опоры на внешний приток стимулов, и позволяет охарактеризовать итоговую позицию как процессуальный структурный реализм, для которого реальным предметом познания выступают устойчивые динамические структуры отношений.

Ключевые слова: структурный реализм; теория истины; процессуальная онтология; познавательный акт; объективность

Для цитирования: Клюсов, И. А. (2026), «Процессуальное измерение структурного реализма в современной теории истины», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 24-31. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-3

I. A. Klyusov

The processual dimension of structural realism in the contemporary theory of truth

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russian Federation;
infernushko@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to show how structural realism can be supplemented with a processual model of the cognitive act that describes truth not as a static correspondence with reality but as a stable dynamics of relations. The article successively examines the limitations of the classical theories of truth, the intermediate position of structural realism and the underdevelopment of its processual dimension; as a clarifying instrument a model of the cognitive act as a cycle of six functional phases is proposed.

The scientific novelty lies in linking the notion of truth, for the first time, with the processual stability of structural relations reproduced across a sequence of cognitive acts rather than with the correspondence of a single proposition or the internal coherence of a system of statements. As a result, it was established that the proposed model incorporates objectivity and context dependence, while also allowing for the mutability of truth. It distinguishes itself from coherence theory by relying on an external influx of stimuli. The resulting position can be characterised as processual structural realism, in which the real objects of knowledge are stable, dynamic structures of relations.

Keywords: structural realism; theory of truth; processual ontology; cognitive act; objectivity

For citation: Klyusov, I. A. (2026), “The processual dimension of structural realism in the contemporary theory of truth”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 24-31. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-3

Введение

Познавательный акт привычно классифицируют по объекту или по методу: эмпирический и априорный, индуктивный и герменевтический. По этим членениям выстраивают изложение и систематические руководства по теории познания, где деление на типы знания и способы его получения задает саму организацию материала (Лекторский, 2001; Микешина, 2002; Audi, 2011). Классификация удобна, но она только дробит картину, но не собирает ее, поскольку оставляет открытым вопрос об устройстве самого акта – того общего, что происходит и при измерении, и при истолковании текста, и при философской рефлексии. Сегодня этот вопрос поставлен и обсуждается с несовпадающих позиций: эпистемология добродетелей приписывает акту познания внутреннюю структуру умелого действия (Sosa, 2015), концепция знания как первичного состояния отвергает саму разложимость знания на составляющие (Williamson, 2000), социальная эпистемология переносит устройство познания с отдельного субъекта на коллективные практики (Касавин, 2006), а теории предсказывающей обработки распространяют одну циклическую схему на любую познающую систему, не только человеческую (Clark, 2016). Если у познавательного акта все же есть единая структура, то и теория истины должна как-то считаться с этой структурой, а не существовать рядом с ней.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым напряжением внутри современной теории истины. Сильные подходы тянут в разные стороны: соответствие действительности обещает объективность, но требует недостижимой точки сверки знания с миром; согласованность объясняет системность знания, но рискует замкнуться внутри множества высказываний; связь с практикой возвращает истине жизненную хватку, но грозит смешать истинное с полезным. Заметный сдвиг внес структурный реализм, перенесший вопрос с вещей как таковых на устойчивые отношения между ними. Однако в нем слабо проработан процессуальный аспект: лучше объясняется, что в знании сохраняется, чем то, как структуры возникают, удерживаются и перестраиваются во времени. Прояснение этого аспекта и составляет проблему исследования.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: выявить, какие аспекты истины фиксируют классические теории и в чем их ограниченность; охарактеризовать структурный реализм как промежуточную позицию между наивным соответствием и релятивизмом; обозначить недоработанное в нем процессуальное измерение; предложить модель познавательного акта как инструмент его уточнения; на этой основе сформулировать понимание истины и итоговую философскую позицию.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют классические теории истины (Тарский, 1993; Bradley, 1916; Джеймс, 1997), работы по структурному реализму и научному реализму (Russell, 1992; Пуанкаре, 2009; Worrall, 1989; Ladyman and Ross, 2007; French, 2014; Chakravartty, 2017; Massimi, 2022), а также процессуальная онтологическая традиция (Уайтхед, 1990; Rescher, 1996; Seibt, 2018) и динамические концепции познания (Гегель, 1997; Пиаже, 2004; Стёпин, 2000). Отдельно привлечены современные работы о строении познавательного акта и систематические изложения эпистемологии (Лекторский, 2001; Микешина, 2002; Касавин, 2006; Audi, 2011; Sosa, 2015; Williamson, 2000; Clark, 2016).

Обсуждение и результаты

Классические теории истины и их ограниченность. Корреспондентная теория, восходящая к Аристотелю и строго оформленная А. Тарским, видит истину в соответствии высказывания положению дел (Тарский, 1993: 95). Ее сила в защите объективности, слабость – в самой процедуре сверки: чтобы сопоставить суждение с действительностью, нужна позиция вне их обоих, а такой внешней точки у познающего нет. Когерентная теория, развитая в традиции абсолютного идеализма, помещает истину во взаимную согласованность высказываний (Bradley, 1916). Здесь схвачена системность знания, но возникает угроза замкнутости: одной лишь внутренней связностью можно обосновать несколько несовместимых, но одинаково стройных систем. Прагматизм связывает истину с успешностью убеждения в опыте (Джеймс, 1997); достоинство подхода в привязке к последствиям, уязвимость – в возможном смещении истинного с полезным. Особняком стоят дефляционные концепции, оформленные у П. Хорвича в виде минимализма: согласно им, предикат истинности не обозначает никакого содержательного свойства, а служит лишь логическим средством обобщения, так что утверждать, будто некое суждение истинно, значит попросту его утверждать (Norwich, 1998). Дефляционизм избавляет теорию от тяжелых метафизических обязательств, но ровно поэтому обходит вопрос, который здесь и ставится, – как знание удерживается и проверяется во времени; он растворяет проблему, вместо того чтобы ее решить. Ни одна теория не отменяется опытом, но каждая фиксирует лишь одну грань – устойчивость, системность, действенность или логическую функцию предиката, – оставляя процессуальное измерение истины в тени.

Структурный реализм как промежуточная позиция. Ранние интуиции этой линии восходят к Б. Расселу, полагавшему, что мы познаем не вещи сами по себе, а структуры отношений между ними (Russell, 1992), и к А. Пуанкаре, видевшему в научных теориях описание отношений, а не объектов (Пуанкаре, 2009). Современная дискуссия развела два варианта. Эпистемический, идущий от Дж. Уоррелла, утверждает, что наука надежно схватывает структуру отношений, тогда как природа релятов остается скрытой (Worrall, 1989: 117). Свой ход Дж. Уоррелл обосновывает классическим примером: при переходе от эфирной оптики О. Френеля к электромагнитной теории Дж. Максвелла представления о природе света сменились полностью, однако математические уравнения, описывающие отношения между оптическими величинами, сохранились почти без изменений. Сохраняется, стало быть, не онтология, а структура, и именно она позволяет ответить на так называемую пессимистическую метаиндукцию – довод, согласно которому история сменяющих друг друга и отвергаемых теорий подрывает доверие к любому реализму. Онтический вариант радикальнее: отношения признаются онтологически первичными, а самостоятельные вещи-носители отрицаются (Ladyman and Ross, 2007; French, 2014). Более гибкие версии – научный реализм А. Чакраварти и перспективный реализм М. Массими – признают, что структуры схватываются всегда из определенной перспективы (Chakravartty, 2017; Massimi, 2022). Общий выигрыш в том, что грубое противопоставление «мира самого по себе» и «произвольной конструкции» снимается переносом вопроса на отношения.

Нерешенная проблема: статичность структуры. Структурный реализм убедительно отвечает, что именно сохраняется при смене теорий, но сдержаннее там, где речь о происхождении и судьбе самих структур. Опасность определена: помысленная как неизменная, структура незаметно занимает место прежней субстанции, той самой «вещи в себе», от которой реализм отталкивался. Неподвижная структура есть субстанция, переписанная на язык отношений. Чтобы этого избежать, позиции недостает процессуального слоя. Проблема, стало быть, не в том, существуют ли структуры, а в том, каким образом они становятся устойчивыми в последовательности познавательных актов.

Процессуальная онтология как ресурс уточнения. Процессуальная традиция давно мыслит устойчивое не как неподвижное. У А.Н. Уайтхеда исходная единица реальности не вещь, а событие опыта, которое становится, сращивая множество данных в новое единство (Уайтхед, 1990). Н. Решер переворачивает привычный порядок: устойчивые «вещи» суть лишь относительно стабильные паттерны процессов (Rescher, 1996). Й. Зайбт описывает несубстанциальные единицы, индивидулируемые собственной динамикой (Seibt, 2018). Отсюда возникает одна решающая мысль: устойчивость может быть не отсутствием изменений, а воспроизводимой организацией изменений. Структура, понятая так, не противостоит процессу, а служит его удерживающейся формой.

Познавательный акт как процессуальная структура. Чтобы перевести эту интуицию в инструмент анализа, познавательный акт описывается как цикл из шести функциональных фаз. Схема не претендует на замену существующих эпистемологических теорий и не объявляет себя универсальным основанием познания; она служит аналитическим средством, позволяющим проследить, как акт проходит путь от носителя и потенциала к результату, меняющему условия последующих актов.

$$U \rightarrow E \rightarrow A \rightarrow C \rightarrow S \rightarrow R$$

Единица U – носитель акта, субъект или система. Потенциал E – накопленные предрасположенности и возможности. Акт A – актуализация этого потенциала. Связь C – взаимодействие со средой и другими единицами. Структура S – конфигурация, в которую складываются связи. Результат R – новое качество, которым цикл завершается и которое не сводится к сумме предыдущих фаз.

Шесть фаз заданы необходимостью, а не удобством. Без носителя U процессуальности не к чему отнести. Без потенциала E акт неотличим от случайного происшествия. Без актуализации A потенциал остается непроявленным. Без связи C акт замкнут на себя и не выходит к отношению. Без структуры S связи не складываются в конфигурацию. Без результата R цикл не имеет завершения и не может перейти в следующий. Изъять любое звено – значит потерять одно из этих различий, и потому фаз именно шесть.

Проследим проход на простом случае. Исследователь, давно работающий с некоторой теорией, получает серию измерений с нового прибора. Носителем акта выступает он сам со всем накопленным опытом (U); теоретическая выучка и ожидания образуют потенциал (E), задающий, что будет замечено как значимое. Снятие показаний есть акт (A). Новые числа соотносятся с прежними данными, с предсказаниями теории, с известными погрешностями – это связи (C). Их сборка в осмысленную картину, где показание опознается как аномалия, а не как шум, образует структуру (S). Результат (R) – пересмотренная оценка теории. Существенно, что он не ложится рядом с прежним знанием, а входит в потенциал следующего наблюдения: на тот же прибор исследователь смотрит уже иначе.

Истина как устойчивость последовательности актов. Результат одного цикла не остается изолированным: он входит в потенциал следующего, и познание выстраивается в последовательность:

$$U \rightarrow U_1 \rightarrow U_2 \rightarrow \dots$$

Тем самым устойчивость или неустойчивость знания делается свойством всей цепочки, а не отдельного суждения. Этим модель расходится со статическими картинами разума у Р. Декарта и И. Канта (Декарт, 1989; Кант, 1994) и примыкает к динамическим линиям (Гегель, 1997; Пиаже, 2004), а интересом к исторической подвижности знания – к постнеклассической эпистемологии (Стёпин, 2000).

На этом основании истина определяется иначе, чем в классических теориях. Она возникает не в отдельном высказывании, а в устойчивой конфигурации связанных актов, где результаты прошлых циклов становятся актуализациями последующих:

$$R_1 \rightarrow A_2, \quad R_2 \rightarrow A_3, \quad \dots$$

Истина живет как топология этой сети, а не как точечное свойство узла. Такая оптика объясняет сразу несколько привычно разводимых черт. Изменчивость следует из перестройки конфигурации при включении новых циклов. Контекстуальность – из зависимости от расположения связей. Объективность сохраняется, поскольку не всякая конфигурация одинаково устойчива: устойчивость не назначается, а проверяется. Множественность допустима, ведь устойчивых конфигураций может оказаться несколько. Коротко: *истина понимается как процессуальная устойчивость структурных отношений, возникающая в последовательности познавательных актов; она контекстуальна, но не случайна, так как обнаруживается не декларативно, а через способность выдерживать включение новых стимулов и циклов.*

Отличие от когерентизма. Это понимание легко спутать с когерентной теорией, и различие стоит провести прямо. Когерентизм спрашивает, согласуются ли высказывания внутри системы. Предлагаемая модель спрашивает иное: выдерживает ли цепочка познавательных актов включение новых стимулов. Согласованность здесь не внутреннее свойство множества утверждений, а результат взаимодействия между носителем акта, его потенциалом, актуализацией, связями, структурой и последующими результатами. Речь идет не только о логической непротиворечивости тезисов, но о процессуальной устойчивости всего познания, в которое входит приходящее в цикл извне. Именно внешний приток не дает модели замкнуться в чистой самосогласованности, в той замкнутости, в которой обычно и упрекают когерентные теории.

Возможное возражение и ответ. Описание истины через познавательные акты вызывает естественное подозрение в психологизме: не подменяется ли вопрос об истинности вопросом о том, как фактически протекает мышление? Возражение существенно, и ответ на него отделяет предлагаемую позицию от субъективизма. Речь идет не о психической реальности отдельного сознания, а о функциональной структуре акта, безразличной к тому, реализуется ли она в человеке, научном сообществе или формальной системе вывода. Фазы цикла суть логические роли, а не переживания: потенциал не есть настроение, а структура не есть впечатление. Устойчивость конфигурации проверяется не интроспекцией, а способностью выдерживать внешний приток стимулов, и в этом смысле критерий истинности остается внеположным познающему индивиду. Процессуальность относится здесь к логике обоснования, а не к психологии открытия, и потому не растворяет истину в субъективном опыте.

Процессуальный структурный реализм. Итоговую позицию теперь можно назвать. Она остается реалистической, поскольку устойчивость структур не назначается произвольно, а проверяется столкновением с новыми стимулами; остается структурной, поскольку познаются отношения, а не вещи сами по себе; и становится процессуальной, поскольку структуры не застывают, а воспроизводятся и перестраиваются в цепочке актов. Процессуальный структурный реализм утверждает, что реальным предметом познания являются не изолированные вещи и не замкнутые системы высказываний, а устойчивые динамические структуры отношений, выявляемые и изменяемые в ходе познавательных

процессов. От онтического структурного реализма эту позицию отличает отказ мыслить отношения как окончательно данные: они и есть то, что перестраивается от акта к акту. Тем самым фиксируется срединная позиция: не вечное соответствие и не произвол, а процессуальная устойчивость структурных отношений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие *выводы*. Классические теории истины фиксируют разные ее аспекты, не сводимые один к другому, и потому продолжают сосуществовать. Структурный реализм дает между соответствием и релятивизмом продуктивную середину, перенося вопрос с вещей на отношения, однако его слабым местом остается недостаточно разработанное процессуальное измерение. Предложенная модель познавательного цикла уточняет именно это: она показывает, как структура истины удерживается в последовательности актов, где результат каждого входит в основание следующего, и почему такая устойчивость объективна, оставаясь подвижной. Истина тем самым предстает не как неподвижная копия действительности и не как произвольная конструкция, а как устойчивая динамика структурных отношений.

Полученные результаты соответствуют поставленным задачам: показана ограниченность классических теорий, охарактеризован структурный реализм, выявлен его недоработанный процессуальный слой, предложен инструмент его уточнения и сформулирована итоговая позиция – процессуальный структурный реализм. *Перспективы дальнейшего исследования* связаны с применением модели к конкретным эпизодам истории науки и гуманитарной интерпретации, где смену устойчивых конфигураций можно проследить на материале, а также с более строгой формализацией предложенной сетевой структуры истины.

Литература

- Гегель, Г. В. Ф. (1997), *Наука логики*, Наука, Санкт-Петербург.
- Декарт, Р. (1989), «Рассуждение о методе», *Декарт, Р. Сочинения: В 2 т. Т. 1*, Мысль, Москва, 250-296.
- Джеймс, У. (1997), *Прагматизм*, пер. с англ. Юшкевича, П., Республика, Москва.
- Кант, И. (1994), *Критика чистого разума*, Мысль, Москва.
- Касавин, И. Т. (2006), «Социальная эпистемология: понятие и проблемы», *Эпистемология и философия науки*, 7(1), 5-15.
- Лекторский, В. А. (2001), *Эпистемология классическая и неклассическая*, Эдиториал УРСС, Москва.
- Микешина, Л. А. (2002), *Философия познания. Полемические главы*, Прогресс-Традиция, Москва.
- Пиаже, Ж. (2004), *Генетическая эпистемология*, пер. с фр. Одерышевой, Е. Б., Питер, Санкт-Петербург.
- Пуанкаре, А. (2009), *Наука и гипотеза*, пер. с фр. Чернявского, А. В., URSS, Москва.
- Стёпин, В. С. (2000), *Теоретическое знание*, Прогресс-Традиция, Москва.
- Тарский, А. (1993), «Семантическая концепция истины и основания семантики», *Аналитическая философия: избранные тексты*, Изд-во МГУ, Москва, 90-129.
- Уайтхед, А. Н. (1990), «Процесс и реальность», *Избранные работы по философии*, пер. с англ. Грязнов, А. Ф., Касавин, И. Т., Красников, А. Н. и др., Прогресс, Москва, 272-303.
- Audi, R. (2011), *Epistemology: A Contemporary Introduction to the Theory of Knowledge*, 3rd ed., Routledge, New York.
- Bradley, F. H. (1916), *Appearance and reality: a metaphysical essay*, G. Allen, London.
- Chakravartty, A. (2017), *Scientific Ontology: Integrating Naturalized Metaphysics and Voluntarist Epistemology*, Oxford University Press, Oxford.

- Clark, A. (2016), *Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind*, Oxford University Press, Oxford.
- French, S. (2014), *The Structure of the World: Metaphysics and Representation*, Oxford University Press, Oxford.
- Horwich, P. (1998), *Truth*, 2nd ed., Clarendon Press, Oxford.
- Ladyman, J. and Ross, D. (2007), *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*, Oxford University Press, Oxford.
- Massimi, M. (2022), *Perspectival Realism*, Oxford University Press, Oxford.
- Russell, B. (1992), *The Analysis of Matter*, Routledge, London.
- Rescher, N. (1996), *Process Metaphysics: An Introduction to Process Philosophy*, State University of New York Press, Albany.
- Seibt, J. (2018), "Process Philosophy", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Online], available at: <https://plato.stanford.edu/entries/process-philosophy/> (Accessed 4 July 2026).
- Sosa, E. (2015), *Judgment and Agency*, Oxford University Press, Oxford.
- Williamson, T. (2000), *Knowledge and Its Limits*, Oxford University Press, Oxford.
- Worrall, J. (1989), "Structural Realism: The Best of Both Worlds?", *Dialectica*, 43(1-2), 99-124. DOI: 10.1111/j.1746-8361.1989.tb00933.x

References

- Audi, R. (2011), *Epistemology: A Contemporary Introduction to the Theory of Knowledge*, 3rd ed., Routledge, New York.
- Bradley, F. H. (1916), *Appearance and reality: a metaphysical essay*, G. Allen, London.
- Chakravartty, A. (2017), *Scientific Ontology: Integrating Naturalized Metaphysics and Voluntarist Epistemology*, Oxford University Press, Oxford.
- Clark, A. (2016), *Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind*, Oxford University Press, Oxford.
- Descartes, R. (1989), "Discourse on the method", *Dekart, R. Sochineniya: V 2 t. T. 1* [Descartes, R. Works: In 2 vols. Vol. 1], Mysl, Moscow, USSR, 250-296 (in Russ.).
- French, S. (2014), *The Structure of the World: Metaphysics and Representation*, Oxford University Press, Oxford.
- Hegel, G. W. F. (1997), *Nauka logiki* [The Science of Logic], Nauka, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).
- Horwich, P. (1998), *Truth*, 2nd ed., Clarendon Press, Oxford.
- James, W. (1997), *Pragmatizm* [Pragmatism], Transl. by Yushkevich, P., Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).
- Kant, I. (1994), *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).
- Kasavin, I. T. (2006), "Social epistemology: the concept and the problems", *Epistemology & Philosophy of Science*, 7(1), 5-15 (in Russ.).
- Ladyman, J. and Ross, D. (2007), *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*, Oxford University Press, Oxford.
- Lektorsky, V. A. (2001), *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Classical and Non-Classical Epistemology], Editorial URSS, Moscow, Russia (in Russ.).
- Massimi, M. (2022), *Perspectival Realism*, Oxford University Press, Oxford.
- Mikeshina, L. A. (2002), *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [Philosophy of Cognition. Polemical Chapters], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).
- Piaget, J. (2004), *Geneticheskaya epistemologiya* [Genetic Epistemology], Transl. by Odyorysheva, E. B., Piter, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).
- Poincaré, H. (2010), *Nauka i gipoteza* [Science and Hypothesis], Transl. by Chernyavskiy, A. V., URSS, Moscow, Russia (in Russ.).
- Rescher, N. (1996), *Process Metaphysics: An Introduction to Process Philosophy*, State University of New York Press, Albany.
- Russell, B. (1992), *The Analysis of Matter*, Routledge, London.
- Seibt, J. (2018), "Process Philosophy", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Online], available at: <https://plato.stanford.edu/entries/process-philosophy/> (Accessed 4 July 2026).

Sosa, E. (2015), *Judgment and Agency*, Oxford University Press, Oxford.

Styopin, V. S. (2000), *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Tarsky, A. (1993), “The semantic conception of truth and the foundations of semantics”, *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic Philosophy: Selected Texts], Moscow State University Press, Moscow, Russia, 90-129 (in Russ.).

Whitehead, A. N. (1990), “Process and Reality”, *Whitehead, A. N. Izbrannye raboty po filosofii* [Whitehead, A. N. Selected Works on Philosophy], Transl. by Gryaznov, A. F., Kasavin, I. T., Krasnikov, A. N. et al, Progress, Moscow, USSR? 272–303 (in Russ.).

Williamson, T. (2000), *Knowledge and Its Limits*, Oxford University Press, Oxford.

Worrall, J. (1989), “Structural Realism: The Best of Both Worlds?”, *Dialectica*, 43(1-2), 99-124. DOI: 10.1111/j.1746-8361.1989.tb00933.x

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Клюсов Илья Александрович, магистрант Высшей школы философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, 236016, Российская Федерация; infernushko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Ilya A. Klyusov, Master's Degree Student, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russian Federation; infernushko@gmail.com

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-4

Жулев В. В.

**Переосмысление средневековой рецепции «Политики»
Аристотеля в западных исследованиях**

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская площадь, д. 6, стр. 6, г. Москва, 125047, Россия; wladislawking@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обзору западных исследований рецепции аристотелевской «Политики» в средневековой политической мысли. На протяжении долгого времени в многочисленных статьях, монографиях и учебной литературе вслед за В. Ульманном было принято повторять, что возвращение «Политики» в Европу стало моментом рождения современной политической теории, поскольку старая августиновская парадигма уступила свое место политическому аристотелизму, давшему мыслителям богатый инструментарий для десакрализации политики. В относительно недавнем прошлом проблема восприятия «Политики» стала предметом научной дискуссии среди западных историков. Современные исследования начинают развенчивать миф о произведенной «Политикой» Аристотеля революции в политической философии после 1260 г. Можно констатировать, что опровержение концепции В. Ульманна зашло столь далеко, что само понятие политического аристотелизма стало проблемным. Среди исследователей имеются сторонники радикального решения, состоящего в полном отказе от этого концепта. Необходимо признать, что по целому ряду конкретных вопросов, касающихся характера и глубины аристотелевского влияния, исследователи до сих пор не смогли прийти к единому мнению и выработать общепризнанную концепцию. Тем не менее, сам факт интенсивных дискуссий и плодотворных изысканий, предпринятых зарубежной медиевистикой в последние десятилетия, позволил существенно обновить наши представления о том, как именно европейское Средневековье осваивало аристотелевское наследие. Стало очевидно, что этот процесс был значительно более сложным, многогранным и противоречивым явлением, чем считалось в рамках прежних, более упрощенных историографических подходов. Он включал в себя не только прямое заимствование, но и творческое переосмысление, селекцию, адаптацию к местным интеллектуальным и религиозным контекстам, а также порой неожиданные синтезы с другими философскими традициями.

Ключевые слова: рецепция; «Политика»; Аристотель; Средневековье; политическая философия

Для цитирования: Жулев, В. В. (2026), «Переосмысление средневековой рецепции «Политики» Аристотеля в западных исследованиях», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 32-40. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-4

V. V. Zhulev

Rethinking the medieval reception of Aristotle's Politics in western studies

Russian State University for the Humanities,
bld. 6, 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia;
wladislawking@gmail.com

Abstract. This article provides an overview of Western scholarship on the reception of Aristotle's Politics in medieval political thought. For a long time, numerous articles, monographs, and textbooks, following the lead of W. Ullmann, have repeated that the return of the Politics to Europe marked the birth of modern political theory, as the old Augustinian paradigm gave way to political Aristotelianism, which furnished thinkers with a rich toolkit for the desacralization of politics. In the relatively recent past, the problem of the reception of the Politics became the subject of scholarly debate among Western historians. Contemporary research has begun to debunk the myth of an Aristotelian revolution in political philosophy after 1260. It can be stated that the refutation of W. Ullmann's concept has gone so far that the very notion of political Aristotelianism has become problematic. Among scholars, there are proponents of a radical solution involving a complete rejection of this concept. It must be acknowledged that on a number of specific issues concerning the nature and depth of Aristotle's influence, researchers have so far failed to reach a consensus and develop a universally accepted framework. Nevertheless, the very fact of the intensive debates and fruitful investigations undertaken by foreign medievalists in recent decades has made it possible to substantially update our understanding of how the European Middle Ages appropriated the Aristotelian legacy. It has become evident that this process was a far more complex, multifaceted, and contradictory phenomenon than was assumed within the framework of earlier, more simplified historiographical approaches. It included not only direct borrowing but also creative reworking, selection, adaptation to local intellectual and religious contexts, and sometimes unexpected syntheses with other philosophical traditions.

Keywords: reception; Politics; Aristotle; Middle Ages; political philosophy

For citation: Zhulev, V. V. (2026), "Rethinking the medieval reception of Aristotle's Politics in western studies", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 32-40. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-4

Введение

Одно из первых упоминаний «Политики» в Европе содержится в трактате «О разделении философии» (*De divisione Philosophiae*) Доминика Гундиссалина (ок. 1115 – после 1190) – известного переводчика толедской школы, организованной архиепископом Раймундом (1125–1152) (*Dominicus Gundissalinus*, 1903: 136). Однако если рассмотреть это упоминание в контексте рассуждений Гундиссалина, то становится очевидным, что он не имел возможности ознакомиться с аристотелевским сочинением, поскольку его настойчивое стремление определить политику как часть этики противоречит не только самой «Политике», но, например, и «Никомаховой этике» (Аристотель, 1983: 55). Действительное возвращение «Политики» в Европу было связано с именем Вильгельма из Мербеке (1215–1286), который в начале 1260 г., находясь в Греции, перевел 1-ю книгу и часть 2-й, а затем в 1265 г. при папском

дворе в ходе перевода *Corpus Aristotelicum* вновь принялся за полный латинский перевод «Политики», заверченный примерно в 1268 г. С этого момента ссылки на «Политику» становятся обычным делом, а ее влияние на политические сочинения, созданные в конце XIII в., несомненно. Показательным является трактат «О королевской власти к королю Кипра» (*De regno, ad regem Cypri*) Фома Аквинского (1225–1274), созданный в 1271–1273 гг. (Flüeler, 1992: 129). Согласно Ю. Митке, эта работа является знаковой, поскольку Фома обновил жанр «зерцал князей», подняв его на уровень аристотелевской науки, которая к этому моменту была прекрасно им усвоена (Miethke, 2008: 87). Сходную оценку высказал и отечественный исследователь А. Марей (Марей, 2016: 88).

Значительную роль «Политика» сыграла и в традиционном для Средневековья споре между духовной и светской властью, который был инспирирован действиями Филиппа IV. На это аристотелевское сочинение для обоснования собственных тезисов ссылались как сторонники Бонифация VIII (James of Viterbo, 2009), так и противники папского абсолютизма (John of Paris, 1974).

Х. Флюэлер констатирует, что за короткое время после появления полного латинского перевода «Политики» проблема правления стала ведущей темой в рамках политической философии (Flüeler, 2002: 1). Все вышесказанное подводит к постановке вопроса: стало ли повторное открытие аристотелевской «Политики» главной причиной возникновения многочисленных политических сочинений позднего Средневековья? Утвердительный ответ на этот вопрос закономерно приводит к мысли, что политическая философия после 1268 г. обязана «Политике» не только концептуальным словарем, но и содержанием. В пользу этого говорит как наличие 88 сохранившихся комментариев к аристотелевской «Политике», так и существование университетских курсов, посвященных этому тексту, которые читались с 1389 г. в Вене, с 1439 г. в Кане, с 1456 г. в Грайфсвальде (Flüeler, 1992: 131).

На протяжении долгого времени среди исследователей существовал консенсус относительно вышеподнятого вопроса. По мнению многих авторов, появление «Политики» стало революционным событием, после которого средневековая политическая теория стала исключительно аристотелевской. Это привело к тому, что политические сочинения таких авторов, как Фома Аквинский, Птолемей Луккский (1236–1327), Эгидий Римский (1243/1247–1316), Иоанн Парижский (1250–1306), Данте Алигьери (1265–1321), Энгельберт Адмонтский (1250–1331), Уильям Оккам (ок. 1287–1347) и др., утратили ценность самостоятельных произведений. Например, Ч. Дэвис называл Птолемея Луккского еще большим приверженцем Аристотеля, чем Аквинат, Данте и Марсилиус (Davis, 1975: 416). В своей монографии А. Демпф характеризовал трактат «О правлении князей» (*De regimine principum*) Эгидия Римского как пересказ «Политики» (Dempf, 1929: 449). Исследователь наследия Данте Э. Мур подчеркивал особое и глубокое знакомство поэта почти со всем корпусом аристотелевских текстов (Moore, 1896: 93), из чего можно сделать вывод о господствующем влиянии Аристотеля. Начиная с исследований Дж. Салливана Марсилиус Падуанский стал восприниматься как верный последователь Аристотеля, без которого «Защитник мира» (*Defensor pacis*) был бы невозможен (Sullivan, 1897: 425) (Previté-Orton, 1923: 7-8, 16). Обзорные работы по истории политической мысли Средневековья позволяют сделать вывод, что этот взгляд был принят в качестве общеизвестного факта (Sabine, 1961: 291). Оценка политической философии У. Оккама была еще более несправедливой, поскольку признавалось несомненное влияние Марсилиуса Падуанского на английского францисканца (Aubonnet, 1960: 165). Что же касается зависимости экклесиологии Оккама от Аристотеля, то ее в равной мере подчеркивали М. Грабманн и Х. Оффлер (Grabmann, 1934: 60; Offler, 1974: 2-13).

Эти примеры позволяют показать, что для большинства исследователей политические труды позднего Средневековья появились вследствие возвращения аристотелевской «Политики». Тем не менее теоретическая модель, которая могла бы описать изменения

в позднесредневековой политической теории в связи с появлением вышеупомянутого текста, появилась только во второй половине XX в. в работах В. Ульманна. Английский исследователь поставил перед собой амбициозную задачу объяснить развитие политической философии от начала Средневековья до XVI в. В результате многочисленных штудий В. Ульманн пришел к выводу о существовании двух теорий. Первая теория господствовала до 1260 г. и утверждала политическую модель, в рамках которой власть помещалась в трансцендентную сферу, т. е. находилась в руках Бога, а далее нисходила до духовных и светских владык. Революцию в политической мысли, согласно Ульманну, произвела аристотелевская «Политика» (Ullmann, 1975: 269). Эта революция состояла в том, что, во-первых, государство получило свое обоснование в качестве высшего сообщества граждан, возникающего в ходе естественного процесса; во-вторых, мысль Аристотеля о том, что скорее должно править большинство, чем наиболее способные, дала обоснование народному суверенитету; и в-третьих, произошло резкое разделение этики и политики (Ullmann, 1965: 13). Последнее, с одной стороны, позволило политике стать самостоятельной наукой, а с другой, рассматривать человека как политическое существо без привязки к морали и религии. Наиболее ярко свою позицию Ульманн выразил в монографии «Принципы правления и политики в Средние века» (Principles of Government and Politics in the Middle Ages): «Влияние аристотелевских теорий управления и его этических принципов на XIII в. повлекло за собой довольно радикальную переориентацию в области мысли. <...> Трудно указать на какое-либо иное историческое явление доктринального порядка, которому было суждено вызвать столь далеко идущие изменения, как Аристотелю» (Ullmann, 2010: 157). Таким образом, после 1260 г. наступает господство второй теории, опустившей источник власти в имманентный мир.

Как можно заметить, в рамках концепции В. Ульманна возвращение «Политики» привело к рождению новой самостоятельной политической теории в христианской Европе. Если до этого момента господствовал августиновский, или теологический, взгляд на политику, то теперь в руках мыслителей имелись инструменты, позволившие освободиться от политического августинизма и, следуя идеям латинского аверроизма, разделить политику и теологию (Arquillière, 1955: 38). Кульминацией этого процесса стал «Защитник мира» Марсилия Падуанского.

Х. Флюэлер назвал модель Ульманна слишком простой, чтобы она была правильной (Flüeler, 2002: 4), поэтому примерно через десять лет начинают появляться первые исследования, в которых была представлена критика основных выводов английского историка (Renna, 1978: 309-324). Однако наиболее полное опровержение концепции Ульманна произошло в относительно недавнем прошлом в работах Дж. Фиораванти (Fioravanti, 1997: 17-29), Р. Ламбертини (Lambertini, 2000: 145-173) и Ю. Митке (Miethke, 2000).

Несмотря на поспешность выводов и искусственность построений, идеи Ульманна имели по крайней мере одно положительное последствие – особый интерес исследователей к рецепции политической философии Аристотеля. То, что некогда считалось школьной истиной, теперь превратилось в проблему. Например, Дж. Блайт, завершая обзор основных трудов Птолемея Луккского, подчеркивает, что политический аристотелизм последнего был более ограниченным, чем считалось ранее (Blythe, 2002: 135-136). К. Недерман и М. Салливан в своих выводах идут дальше, утверждая второстепенную роль «Политики» для формирования республиканских взглядов Птолемея (Nederman and Sullivan, 2008: 236). Недавние исследования показали, что трактат «О правлении князей» (De regimine principum) Эгидия Римского весьма далек от парафраза «Политики». С. Ригби продемонстрировал зависимость Эгидия от аристотелевской «Физики» и трактата «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита (Rigby, 2012: 259-313), а Р. Ламбертини удалось убедительно доказать, с одной стороны, значительное влияние «Никомаховой этики» и «Риторики», а с другой – что Эгидий читал аристотелевский корпус сочинений через призму существующих интерпретаций,

содержащихся в комментариях и в имеющихся политических сочинениях, как, например, в трактате Фомы Аквинского «О королевской власти к королю Кипра» (Lambertini, 2015: 51-70, 2016: 259). Ревизии подверглась и точка зрения на Марсилия Падуанского. Во-первых, поиск аверроистских элементов в политической философии Марсилия оказался безрезультатным (Piaia, 1985: 288-300). К этому времени сама концепция политического аверроизма была подвергнута серьезной критике, поскольку до наших дней не дошел ни один комментарий к «Политике», созданный основными представителями латинского аверроизма (Flüeler, 1992: 128). На данный момент современные исследования констатируют отсутствие какого-либо влияния Аверроэса на падуанца (Syros, 2012: 24). Во-вторых, тезис об исключительной зависимости Марсилия от «Политики» подвергли сомнению работы Дж. Скотт, К. Недермана и В. Сироса (Scott, 1978: 59-79). Их исследования показывают, что политическая философия Марсилия не является калькой «Политики»; ее сложность, сочетающаяся со смелостью суждений, обусловлена богатством источников, среди которых можно обнаружить и Августина (354–430), и Маймонида (1135/1138–1204), и аль-Фараби (872–950), и Авиценну (980–1037). Новое поколение медиевистов не обошло стороной и У. Оккама. Теперь тезис о его зависимости от Марсилия Падуанского считается устаревшим, а степень влияния Аристотеля на его политические сочинения стала предметом научной дискуссии (Lambertini, 1992: 207-224).

Последние исследования рецепции «Политики» Аристотеля постепенно формируют совершенно новое представление о влиянии этого текста. В 90-е годы прошлого века К. Недерман и Ф. Бертоллонни впервые поставили вопрос о том, чем был обусловлен перевод «Политики», и установили, что главную роль в этом сыграл факультет свободных искусств Парижского университета (Bertelloni, 1994: 34-73; Nederman, 1991: 179-194). Р. Ламбертини и Ю. Митке независимо друг от друга показали, что «Политика» не имела монополии в политической теории, как это было принято считать ранее (Lambertini, 2000: 145-173; Miethke, 2000: 1-24). Например, Эгидий Римский мог практически не ссылаться на «Политику» в вопросе о власти Папы Римского, а Оккам обходился без Стагирита в защите теории бедности францисканцев. Таким образом, современные исследования показали, что рецепция политической философии была весьма различна и противоречива, а сама концепция политического аристотелизма была поставлена под вопрос. Э. Блэк, К. Убль и К. Недерман дали три взаимоисключающих ответа на этот вопрос. Наиболее радикальную точку зрения высказал Э. Блэк, который видит в политическом аристотелизме концептуальный словарь, использовавшийся средневековыми теоретиками чрезвычайно свободно (Black, 1992: 211). К. Убль свел политический аристотелизм к двум аристотелевским идеям из первой книги «Политики»: о том, что человек – это политическое и социальное животное, а также о строгом разделении семейного и публичного (Ubl, 2000: 260). Позиция К. Недермана заключается в том, что о политическом аристотелизме того или иного автора можно говорить исходя из определенного подхода, который был выбран для исследования, а не из совокупности идей (Nederman, 1996: 563-585). Этот подход американский исследователь прочно связывает с аристотелевской классификацией наук.

Следует отметить, что каждый из трех подходов имеет значительные слабости. Если принять позицию Э. Блэка, то исследование средневековой рецепции «Политики» должно превратиться в историю о том, как мыслители вырывали из контекста цитаты и использовали их для своих целей, несмотря на то что политическая теория Аристотеля либо не была приспособлена к рассматриваемой теме, либо давала противоположный намерению автора ответ. Не согласуется со взглядом Э. Блэка богатая традиция комментирования «Политики», которая была чрезвычайно далека от столь свободного прочтения. Эссенциалистский подход К. Убля тоже не выдерживает проверки, поскольку по крайней мере идея человека как социального существа была известна средневековым авторам благодаря Цицерону задолго до

перевода «Политики». Исчерпывающая критика трактовки К. Недермана была дана Х. Флюэлером. Немецкий исследователь заметил, что если связать политический аристотелизм с темой аристотелевской классификации наук, то, с одной стороны, таких авторов XII в., как Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180), Алан Лилльский (ок. 1128–1202/1203), Петр Кантор (ум. 1197) и Симон из Турне (ок. 1130–1201), следует отнести к аристотеликам, тогда как, с другой стороны, Марсилиус Падуанский должен быть, наоборот, исключен (Fioravanti, 1997: 8).

Заключение

Подходя к заключению, следует отметить, что средневековая рецепция аристотелевской «Политики» уже несколько десятилетий является предметом многих научных исследований. Многочисленные статьи и монографии постепенно переворачивают устоявшиеся представления о влиянии политической философии Стагирита на средневековую политическую мысль. Значительно расширилась и исследовательская база, о чем свидетельствуют работы Х. Флюэлера (Flüeler, 1992; Flüeler, 2002: 193-229), акцентировавшие внимание на многочисленных комментариях к «Политике». Нельзя обойти вниманием и специальный выпуск журнала *Vivarium* (Vol. XL, 2002), целиком посвященный восприятию «Политики» в позднесредневековой философии. Этот выпуск стал отражением продолжающихся исследований, нацеленных на выяснение характера аристотелевского влияния на средневековую политическую мысль, а также на анализ того, как средневековые авторы подходили к данному тексту и использовали заложенные в нем концепции. Следует также отметить сборник статей немецких исследователей, вышедший в 2008 г. под названием «Политический аристотелизм: рецепция аристотелевской “Политики” от Античности до XIX века». Значительное место в этом сборнике принадлежит работам, посвященным периоду Средневековья. Статья Й. Зёдера показывает значение аристотелевской «Политики» для формирования представлений Альберта Великого о политике как научной дисциплине и ее месте в системе наук (Söder, 2008: 53-76). В своей работе Ю. Митке кратко анализирует сочинения Фомы Аквинского, Эгидия Римского и Марсилиуса Падуанского, сосредоточивая внимание на том, как эти авторы вольно или невольно изменяли политическую философию Аристотеля (Miethke, 2008: 77-111). Завершают раздел статьи Ф. Грегорио и Н. Брискорна. Первая работа посвящена переводу «Политики» на французский язык, осуществленному Николаем Оремом (Gregorio, 2008: 112-133); вторая показывает роль политической философии Стагирита в трудах Франсиско де Витория (Brieskorn, 2008: 134-172).

Таким образом, можно констатировать, что на данный момент исследование рецепции аристотелевской «Политики» является одной из широко обсуждаемых тем в рамках западных исследований. Однако, несмотря на многочисленные статьи и монографии, вышедшие за последнее время, следует заметить, что по многим вопросам до сих пор нет консенсуса. Например, политический аристотелизм, как можно убедиться, является сущностно оспариваемым концептом. Предметом научной полемики является и степень влияния «Политики» на тот или иной политический трактат средневековых авторов. Тем не менее это никоим образом не обесценивает тех успехов, которые были достигнуты исследователями, представленными в этой работе. Их усилия позволили убедиться, что средневековая мысль была куда более оригинальной и весьма далекой от простого парафраза Аристотеля.

Литература References

- Аристотель (1983), «Никомахова этика», *Аристотель, Сочинения: В 4 т. Т. 4*, Мысль, Москва, 54-293.
Aristotle (1983), “Nicomachean Ethics”, *Aristotel. Sochineniya: V 4 t. T. 4* [Aristotle, Works: In 4 vols. Vol. 4], Mysl, Moscow, Russia, 54-293 (in Russ.).

Марей, А. В. (2016), «Фома Аквинский и европейская традиция трактатов о правлении», *Социологическое обозрение*, 15(2), 87-95. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-87-95; EDN: WITRMB

Marey, A. V. (2016), "Thomas Aquinas and the European Tradition of Treatises on the Government", *Russian Sociological Review*, 15(2), 87-95 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-87-95; EDN: WITRMB

Arquillière, H.-X. (1955), *L'Augustinisme politique: Essai sur la formation des théories politiques du Moyen-Age* [Political Augustinianism: An Essay on the Formation of Medieval Political Theories], J. Vrin, Paris, France (in French).

Aubonnet, J. (1960), "Introduction", *Aristote. Politique (Livres I et II)* [Aristotle. Politics (Books I and II)], Les Belles Lettres, Paris, France, vii-ccvi (in French).

Bertelloni, F. (1994), "Political Views among the Masters of Arts around 1230–1240: On the Interpretation of the Anonymous Parisian Study Plan (MS Ripoll 109, fols. 134ra–158va)", *Theologie und Philosophie* [Theology and Philosophy], 69, 34-73 (in Germ.).

Black, A. (1992), *Political Thought in Europe, 1250–1450*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. DOI: 10.1017/CBO9781139170178

Blythe, J. (2002), "Aristotle's Politics and Ptolemy of Lucca", *Vivarium*, XL(1), 103-136. DOI: 10.1163/15685340260223968

Brieskorn, N. (2008), "Spanische Spätscholastik: Francisco de Vitoria", *Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert* [Political Aristotelianism: The Reception of Aristotelian Politics from Antiquity to the Nineteenth Century], J. B. Metzler, Stuttgart; Weimar, Germany, 134-172 (in Germ.).

Davis, Ch. (1975), "Roman Patriotism and Republican Propaganda: Ptolemy of Lucca and Pope Nicholas III", *Speculum*, 50(3), 411-433. DOI: 10.2307/2854403

Dempf, A. (1929), *Sacrum Imperium. Geschichte – und Staatephilosophie des Mittelalters und der politischen Renaissance* [Sacrum Imperium: History and Philosophy of the State in the Middle Ages and the Political Renaissance], Published by R. Oldenbourg, München, Germany (in Germ.).

Dominicus Gundissalinus (1903), "De Divisione Philosophiae", *Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen. Bd. 4. Heft 2-3* [Contributions to the History of Medieval Philosophy. Texts and Studies. Vol. 4, Iss. 2-3], Aschendorff Publishing, Münster, Germany (in Latin).

Fioravanti, G. (1997), "Aristotle's 'Politics' in the Middle Ages: Outlines of a Reception", *Rivista di storia della filosofia* [Journal of the History of Philosophy], 52(1), 17-29 (in It.).

Flüeler, Chr. (1987), "Medieval Commentaries on Aristotle's Politics and the Pseudo-Aristotelian Economics", *Bulletin de philosophie médiévale* [Bulletin of Medieval Philosophy], 29, 193-229 (in Germ.).

Flüeler, Chr. (1992), "The Reception of Aristotle's 'Politics' at the Parisian Faculty of Arts in the 13th and 14th Centuries", *Das Publikum politischer Theorie im 14. Jahrhundert* [The Audience for Political Theory in the Fourteenth Century], München, Germany, 127-138 (in Germ.).

Flüeler, Chr. (1992), *Rezeption und Interpretation der Aristotelischen Politica im späten Mittelalter: Tl. 1 und 2*. Amsterdam: B.R. Grüner Verlag.

Flüeler, Chr. (2002), "Political Aristotelianism in the Middle Ages. Introduction", *Vivarium*, XL(1), 1-13 (in Germ.).

Grabmann, M. (1934), *Studien über den Einfluß der aristotelischen Philosophie auf die mittelalterlichen Theorien über das Verhältnis von Kirche und Staat* [Studies on the Influence of Aristotelian Philosophy on Medieval Theories Regarding the Relationship Between Church and State], Publishing House of the Bavarian Academy of Sciences, München, Germany (in Germ.).

Gregorio, F. (2008), "France in the 14th Century: Nicole Oresme", *Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert* [Political Aristotelianism: The Reception of Aristotelian Politics from Antiquity to the 19th Century], J. B. Metzler, Stuttgart; Weimar, Germany, 112-133 (in Germ.).

James of Viterbo (2009), *De regimine Christiano: a critical edition and translation*, in Dyson, R. W. (ed.), Brill, Leiden, Germany.

John of Paris (1974), *On Royal and Papal Power*, Transl. by Monahan, A. P., Columbia University Press, New York, USA.

Lambertini, R. (1992), "William of Ockham as a Reader of the 'Politics': On the Reception of Aristotle's Political Theory in Ockham's Ecclesiology", *Das publicum politischer Theorie im 14. Jahrhundert* [The Public of Political Theory in the Fourteenth Century], München, Germany, 207-224.

Lambertini, R. (2000), "The Study and Reception of the 'Politics' between the 13th and 14th Centuries", *Il pensiero politico dell'età antica e medievale: dalla polis alla formazione degli stati europei* [Political thought in the ancient and medieval periods: from the polis to the formation of European states], UTET Università, Torino, Italy, 145-173 (in It.).

Lambertini, R. (2015), "Peter of Auvergne, Giles of Rome and Aristotle's *Politica*", *Peter of Auvergne: University Master of the 13th Century*, in Flüeler, Chr., Lanza, L. and Toste, M. (eds), Walter De Gruyter, Berlin, Germany, 51-70.

Lambertini, R. (2016), "Political Thought", *A companion to Giles of Rome*, Leiden, Germany, 255-274.

Miethke, J. (2000), *De potestate papae: die päpstliche Amtskompetenz im Widerstreit der politischen Theorie von Thomas von Aquin bis Wilhelm von Ockham* [De potestate papae: Papal Authority in the Conflict of Political Theory from Thomas Aquinas to William of Ockham], Mohr Siebeck, Tübingen, Germany (in Germ.).

Miethke, J. (2008), "Late Middle Ages: Thomas Aquinas, Aegidius Romanus, Marsilius of Padua", *Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert* [Political Aristotelianism: The Reception of Aristotelian Politics from Antiquity to the Nineteenth Century], J. B. Metzler, Stuttgart; Weimar, Germany (in Germ.).

Moore, E. (1896), *Studies in Dante*, Clarendon Press, Oxford, UK.

Nederman, C. J. (1991), "Aristotelianism and the Origins of Political Science' in the Twelfth Century", *Journal of the History of Ideas*, 52(2), 179-194. DOI: 10.2307/2709524

Nederman, C. J. (1996), "The Meaning of Aristotelianism' in Medieval Moral and Political Thought", *Journal of the History of Ideas*, 57(4), 563-585. DOI: 10.1353/jhi.1996.0038

Nederman, C. J. and Sullivan, M. E. (2008), "Reading Aristotle through Rome", *European Journal of Political Theory*, 7(2), 223-240. DOI: 10.1177/1474885107086450

Offler, H. S. (1974), "Introduction", *Guillelmi de Ockham. Opera Politica I*, in Offler, H. S. (ed.), Harper & Row, Barnes & Nobles Import Division, Manchester, UK, 1-13.

Piaia, G. (1985), "Political Averroism: Anatomy of a Historiographical Myth", *Orientalische Kultur und Europäisches Mittelalter* [Oriental Culture and the European Middle Ages], Berlin, New York, 288-300.

Previté-Orton, C. W. (1923), "Marsiglio of Padua: Part II. Doctrines", *The English Historical Review*, 38(149), 1-18.

Renna, Th. (1978), "Aristotle and the French Monarchy, 1260-1303", *Viator*, 9, 309-324. DOI: 10.1484/J.VIATOR.2.301552

Rigby, S. (2012), "Aristotle for Aristocrats and Poets: Giles of Rome's *De regimine principum* as Theodicy of Privilege", *The Chaucer Review*, 46(3), 259-313.

Sabine, G. H. (1961), *A History of Political Thought*, 3rd ed., George G. Harrap & Co Ltd, New York, USA.

Scott, J. V. (1978), "Influence or Manipulation? The Role of Augustinianism in the Defensor Pacis of Marsiglio of Padua", *Augustinian Studies*, 9, 59-79. DOI: 10.5840/augstudies197891

Söder, J. R. (2008), "High Middle Ages: The Recovery of the Political", *Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert* [Political Aristotelianism: The Reception of Aristotelian Politics from Antiquity to the Nineteenth Century], J. B. Metzler, Stuttgart; Weimar, Germany, 53-76 (in Germ.).

Sullivan, J. (1897), "Marsiglio of Padua and William of Ockham, I", *The American Historical Review*, 2, 409-426.

Syros, V. (2012), *Marsilius of Padua at the Intersection of Ancient and Medieval Traditions of Political Thought*, University of Toronto Press, Toronto, Canada. DOI: 10.3138/9781442687011

Ubl, K. (2000), *Engelbert von Admont. Ein Gelehrter im Spannungsfeld von Aristotelismus und christlicher Überlieferung* [Engelbert of Admont: A Scholar Caught Between Aristotelianism and Christian Tradition], R. Oldenbourg Publishing House, München, Germany (in Germ.).

Ullmann, W. (1965), *A history of political thought: The Middle Ages. Ed. I*, Penguin Books, Baltimore, USA.

Ullmann, W. (1970), *A history of political thought: The Middle Ages*. Ed. 2, Harmondsworth; Penguin Books.

Ullmann, W. (1975), *Law and Politics in the Middle Ages. An Introduction to the Sources of Medieval Political Ideas*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Ullmann, W. (2010), *Principles of Government and Politics in the Middle Ages*, Methuen & Co, London, UK. DOI: 10.4324/9780203855683

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Жулев Владислав Викторович, кандидат философских наук, ассистент кафедры истории зарубежной философии, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, стр. 6, г. Москва, 125047, Россия; wladislawking@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Vladislav V. Zhulev, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Lecturer, Department of the History of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities, bld. 6, 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; wladislawking@gmail.com

УДК 141.3; 297.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-5

Седанкина Т. Е.

**Метафизика памяти и забвения: от интуитивизма
Анри Бергсона и феноменологии Поля Рикёра
к исламской антропологии**

Российский исламский институт,
ул. Газовая, д. 19, г. Казань, 420079, Российская Федерация;
Болгарская исламская академия,
ул. Кул Гали, д. 1а, г. Болгар, 422840, Российская Федерация;
tatiana-svetlaya@mail.ru

Аннотация. В ходе осмысления возможностей и перспектив интегративного подхода, являющегося одним из ключевых в теологических исследованиях и заключающегося в гармоничном сочетании собственно богословской методологии с методами академической гуманитаристики, в статье осуществляется попытка рассмотрения феноменологии памяти и забвения с позиции как герменевтической и феноменологической науки, в том числе интуитивистского направления, так и через призму религиозного (исламского) мировосприятия. Определены два вектора направленности подходов к рассмотрению феноменов памяти и забвения – горизонтальный и вертикальный, последний из которых напрямую относит внимание исследователя к метафизике духа, а значит, к теологическим изысканиям. То же касается видов интуиции – интеллектуальной и чувственной (метафизической), где вторая вновь обращает исследовательский взгляд к религиозным основаниям. Выявлено пересечение методов феноменологии, интуитивистики и теологии. Герменевтический метод, именуемый в исламской традиции термином «*ат-та'виль*», применяется при рассмотрении интуитивных подходов как в философской, так и в исламской мистической традиции. Посредством специального теологического метода коранической экзегетики (*тафсир*) структурированы аяты, касающиеся памяти и забвения, смысл которых перекликается с метафизическими подходами феноменологов и интуитивистов.

Ключевые слова: чистое воспоминание; память; память-привычка; спонтанное воспоминание; интеллектуальная интуиция; чувственная интуиция; способность духа; забвение

Для цитирования: Седанкина, Т. Е. (2026), «Метафизика памяти и забвения: от интуитивизма Анри Бергсона и феноменологии Поля Рикёра к исламской антропологии», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 41-54. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-5

T. E. Sedankina

The Metaphysics of Memory and Oblivion: from the Intuitionism of Henri Bergson and the Phenomenology of Paul Ricoeur to Islamic Anthropology

Russian Islamic Institute,
19 Gazovaya St., Kazan, 420079, Russian Federation;
Bulgarian Islamic Academy,
1 Kul Galy St., Bolgar, 422840, Russian Federation
tatiana-svetlaya@mail.ru

Abstract. In the process of exploring the potential of an integrative approach in theological research, which involves combining theological methodology with academic humanistic methods, this article considers the phenomenology of memory and oblivion from the perspectives of hermeneutics and phenomenology, including intuitionism, through the lens of religious (Islamic) worldviews. There are two vectors of orientation of approaches to the consideration of the phenomena of memory and oblivion – horizontal and vertical, the latter of which directly relates the researcher's attention to the metaphysics of the spirit, and therefore to theological research. The same applies to the types of intuition – intellectual and sensual (metaphysical), where the second one again turns the research gaze to religious grounds. The intersection of the methods of phenomenology, intuitionism and theology is revealed. The hermeneutic method, referred to in the Islamic tradition by the term "at-ta'wil", is used when considering intuitive approaches in both the philosophical and Islamic mystical traditions. Through a special theological method of Quranic exegesis (tafsr), verses concerning memory and oblivion are structured, the meaning of which echoes the metaphysical approaches of phenomenologists and intuitionists.

Keywords: pure recollection; memory; memory-habit; spontaneous recollection; intellectual intuition; sensual intuition; ability of the spirit; oblivion

For citation: Sedankina, T. E. (2026), "The Metaphysics of Memory and Oblivion: from the Intuitionism of Henri Bergson and the Phenomenology of Paul Ricoeur to Islamic Anthropology", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 41-54. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-5

Введение

Поиск точек соприкосновения теологического и собственно академического знания вначале привел автора к осмыслению феноменологического поворота в теологии и теологического поворота в феноменологии от умеренных до крайних проявлений, сутью которых является поиск возможности прорыва исследовательской мысли за грани постигаемого посредством расширения предметного поля исследований, позволяющего приближаться к преодолению пределов человеческого разума с целью обнаружения абсолютно изначального прафеномена – Бога (Седанкина, 2025a: 110-111). Продолжением исследований в данном направлении стало рассмотрение апофатических аспектов молчания, тишины и безмолвия с целью реконструкции их глубинных (метафизических) смыслов (Седанкина, 2025b: 17). Данная статья является продолжением поиска единых предметных полей теологии и различных направлений философской мысли, направленных на преодоление

пределов обыденного рассудочного знания благодаря припоминанию забытого посредством либо особых интеллектуальных усилий, либо духовных устремлений.

Разработанную А. Бергсоном *теорию двух родов памяти* (Бергсон, 1999) подробно анализируют П. Рикёр (Рикёр, 2004) и И.И. Блауберг (Блауберг, 2003). Исследователи бергсоновского подхода к памяти, возродившего традицию, заложенную Платоном и получившую развитие у Августина, приводят в своих трудах дополнительные формулировки и определения, что, с одной стороны, делает более ясным подход Бергсона, с другой стороны, на наш взгляд, несколько затуманивает понимание философа-интуитивиста. В бергсоновском подходе не так кардинальны различия между “чистым воспоминанием” и “воспоминанием-образом”, как это выглядит у И.И. Блауберг, которая проводит четкую демаркационную черту между спонтанной “собственно памятью” и сознательной “памятью-привычкой”, акцентируя внимание на естественности / неестественности движения памяти, участия / безучастия работы мозга, а также на векторе направленности процесса припоминания по временной шкале – прошлое-настоящее / настоящее-прошлое. Рикёр в своих формулировках максимально приближен к бергсоновским, сохраняя в собственных интерпретациях его «метафизический почерк», определяя роды памяти как “спонтанное воспоминание” (воспоминание-претерпевание) и “воспоминание-разыскивание”, также подчеркивая разницу направления движения, но не по временной шкале, а по степени погружения (возвышения) – с высот чистой памяти к поверхности / из глубины (темноты) к поверхности (свету).

I. Чистое воспоминание, интуиция как духовный орган анамнесиса и феномен позитивного забвения

К первому роду памяти Бергсон относит «чистое воспоминание», рассматривая его как *воспоминание-ресурс*, осуществляемое посредством «бессознательного скачка за пределы практической сферы, в момент которого воспоминание “выходит за пределы” настоящего» (Рикёр, 2004: 608). Рикёр называет этот род памяти “спонтанным воспоминанием” – внезапным воскрешением в памяти того, что было воспринято (испытано) ранее. «Это *воспоминание-претерпевание*, заключающееся в непроизвольном вторжении сразу в законченном виде того, что еще секунду назад отсутствовало» (Рикёр, 2004: 82). Блауберг делает акцент на «совершенной спонтанности, капризности, но и неизменной верности “чистого воспоминания”» (Блауберг, 2003: 165) – памяти в собственном смысле слова. “Собственно память” – спонтанная, непроизвольная (*involontaire*) память, фиксирующая только единичные события и выражающаяся в уникальных *образах-воспоминаниях*, возникающих благодаря *духовным усилиям*, не зависит от работы мозга. «Это память, предоставленная самой себе, имеет обратное естественному направление, так как вспоминая что-либо, мы движемся не от настоящего к прошлому, а от прошлого к настоящему, от “*виртуального состояния*” до его актуализации в конкретном восприятии. Прошлое не исчезает, оно живет в нас всегда» (Блауберг, 2003: 184). “Собственно память” представляет собой *мистический процесс узнавания*, когда *прошлое схватывается в настоящем*, благодаря действию «*ментальных органов*»¹, которые «подобно внутренней клавиатуре собирают в единый аккорд впечатления

¹ Бергсон пишет о «*ментальном ухе*», играющем ведущую роль в узнавании звуков, а также о «*ментальном зрении*», основываясь, видимо на метафизических идеях платоническо-августинианской линии. Идея наличия у человека высших (внутренних) органов чувств ярко представлена у И.Г. Фихте: «Внутренний – значит высший, внешний – низший. Высший орган наделен более тонкой материей и подчинен непосредственно воле человека, испытывая на себе ее воздействие. Низший – внешний орган, сотворенный из более грубой материи, может находиться под чужим влиянием, подвергаясь воздействию других предметов и других людей. Наличие внутреннего, высшего органа чувства – внутреннего “ока”, внутреннего слуха – отличает человеческое восприятие от механического воссоздания звука и образа... Глаза человека... не пассивно отражают, а активно

от виртуального предмета, перенесенного в область восприятия, тем самым открывая доступ к чистому воспоминанию» (Блауберг, 2003: 168).

По мнению Блауберг, «бергсоновская интроспекция» осуществляет «скачок в онтологию» (по Делёзу) (Блауберг, 2003: 175), совершая «решающий шаг от психологии памяти к метафизике духа» (Там же: 178), сближаясь с феноменологическим методом интенциональной редукции Гуссерля, возвращая наше внимание к «обширным кладовым памяти Августина» и платоновскому припоминанию знания, которым мы обладали до рождения и которое утратили в силу забвения, обусловленного тем, что жизнь души начинается в теле, понимаемом как гробница (*soma-seta*) (Рикёр, 2004: 51-52).

«Платоническую память» принято понимать как естественное внутреннее припоминание изначально целостным существом, устроенным в соответствии с сущностями и хранящим формы их идей, которые душа знала до рождения человека. Носителями «естественной памяти», по Платону, являются истинные мудрецы, обладающие способностью соприкасаться с сущностями благодаря особым качествам воска (Йейтс, 1997: 335), на котором сохранился *отпечаток изначального перстня*. «В платоновской мысли память – это то, что нужно обрести заново, восстановить, преодолев беспмятство, ибо память хранит в себе все виденное человеком до того, как он, проделав путь через равнину Леты, попал на землю» (Аристотель, 2004: 165) (Платон, Государство 621d).

Стремление к преодолению беспмятства способно привести человека в кладовые памяти, ярко описанные в X книге «Исповеди» Августина (Аврелий, 1991: X), которые представляются огромным внутренним «святилищем», дворцом с бесчисленными сокровищницами, содержащими в себе все образы чувственного и умопостигаемого мира, воспринятые прежде: следы голосов, запахов, вкусов, мыслей; знания, полученные при изучении свободных наук и еще не забытые, а также память о Боге². Рикёр отмечает, что «поиски Бога сразу придают размышлениям о памяти измерение высоты, вертикальности», вновь отсылая нас к Августину, убежденному, что «Бог ищется прежде всего именно в памяти» (Рикёр, 2004: 139). Читаем в Исповеди: «Где же пребываешь Ты, Господи, в памяти моей, где Ты там пребываешь? <...> Ты удостоил мою память Своего пребывания, но в какой части ее Ты пребываешь? Ты удостоил мою память стать Твоим жилищем с того дня, как я узнал Тебя. Несомненно одно: Ты живешь в ней, потому что я помню Тебя с того дня, как узнал Тебя, и в ней нахожу Тебя, Тебя вспоминая» (Августин, 1991: XXV, 36). В отличие от Платона, Августин не пишет явно о том, что память о Боге дана человеку до рождения, однако он пытается ответить на вопрос, где хранится память о Боге, если вне памяти он Его не нашел. «Вот сколько бродил я по своей памяти, ища Тебя, Господи, и не нашел Тебя вне ее. И ничего не нашел, чего бы не помнил о Тебе с того дня, как узнал Тебя. С того же дня, как я узнал Тебя, я не забывал Тебя» (Августин, 1991: XXIV, 35).

Интуиция как особая способность духа и способ доступа к чистому воспоминанию

По Бергсону, одним из ключевых способов доступа к воспоминанию, содержащемуся в «чистой памяти», является *интуиция*, в которой философ выделяет несколько видов, различающихся глубиной проникновения в искомое. К поверхностному уровню исследователь относит жизненную интуицию, к глубинному – интуицию чистой длительности, которую он также называет чувственной. *Жизненная интуиция* направлена на схватывание призрака непознаваемой «вещи в себе». *Чувственная (вневременная) интуиция*, именуемая также *чистой*, или *интуицией чистой длительности*, несет «нераздельную непрерывность» (Бергсон, 1999: 598), дарующую сохранение прошедшего в настоящем. По мнению Бергсона, «внимание к чистой интуиции проливает новый свет не только на проблему

воссоздают видимое; человеческий глаз способен самостоятельно создавать образ, соответствующий порожденному духом понятию» (Гайденко, 1979: 144-145).

² См. кинофильм режиссёра Кристиана Дюгея «Святой Августин», вышедший на экраны в 2010 г.

памяти» (Бергсон, 1999: 1141), а также на «взаимосвязь науки и метафизики» (Бергсон, 1999: 1212), так как, являя высшие (метафизические) смыслы, *«интуиция чистой длительности»* направлена на проникновение в пространство Абсолютного» (Бергсон, 1999: 401). Такой подход с полным правом позволяет нам связать теологическое осмысление вопросов памяти и забвения с идеями Анри Бергсона, убежденного, что чистая интуиция, в глубине которой «обнаруживается любовь к вечному и бесконечному бытию» (Бергсон, 1999: 1168), представляет собой «самую *сущность нашего духа* и, в известном смысле, саму жизнь» (Бергсон, 1999: 295). Философ-интуитивист убежден, что «Абсолютное может быть дано только в интуиции» (Бергсон, 1999: 401), называемой *интеллектуальной симпатией*, путем которой осуществляется «перенос внутрь искомого предмета для слияния с его невыразимой сущностью» (Бергсон, 1999: 1175, 1209). Таким образом, согласно Бергсону, «интуиция представляет нам Бога, выраженного в идеях» (Бергсон, 1999: 358) и, «если бы мы восстановили интуицию в ее первобытной чистоте, то вошли бы в соприкосновение с реальным» (Бергсон, 1999: 600). Однако философ с сожалением констатирует, что «интуиция человека почти целиком пожертвована в пользу интеллекта, сохраняясь лишь в смутных и отрывочных проявлениях. Она походит на почти *погасшую лампу*, которая вспыхивает время от времени, всего на несколько мгновений» (Бергсон, 1999: 295).

И.И. Блауберг считает, что интуиция является ядром философской системы Бергсона и регулятивным принципом познания (Блауберг, 2003: 440), максимой поведения, а также особым философским методом, направленным на достижение «слияния с самой реальностью, в которой исчезают субъект-объектные различия». Здесь мы имеем дело с духовным миром (Блауберг, 2003: 448), с духом, который всегда извлекает из себя больше того, что в нем содержится. Неся в себе сверхинтеллектуальный компонент, интуиция освещает предмет, выветляя его скрытые, невидимые интеллекту, стороны подобно мгновенной вспышке, озаряющей потаенные уголки мышления (Блауберг, 2003: 450-451). Вопросы интуитивной философской концепции поднимаются Бергсоном сразу в нескольких работах с 1911 по 1922 гг., в период, характеризующийся Блаубергом «платонистским» (Блауберг, 2003: 459).

Таким образом, интуиция понимается Бергсоном как непосредственное, не рассудочное знание, позволяющее, обойдя интеллектуальные фильтры, погрузиться в объект познания, отождествиться, слиться с ним. Трудность данного подхода заключается в необходимости перестройки привычного рационального способа мышления, посредством погружения в «чистую длительность», открывающую доступ к «чистой памяти», потенциально хранящей все наши воспоминания, что дает возможность вспомнить не разрозненные фрагменты, а целостную картину прошлого. Интуиция, по Бергсону, является не просто одним из средств *анамнесиса*, а фундаментальным способом познания, открывающим доступ к прошлому в настоящем, являя собой один из путей, открывающих пространство воспоминания.

В завершение рассмотрения «чистой памяти» следует упомянуть «*позитивное забвение*», названное Бергсоном «*забвением-резервом*», представленное им в образе «сокровищницы, из которой человек черпает, когда желает вспоминать о том, что однажды видел, слышал, испытал, узнал, постиг» (Рикёр, 2004: 578). *Чистое воспоминание* несет в себе идею «*обратимого забвения*» и даже «*идею незабываемого*» и рассматривается как «*феномен сокрытости*» (Рикёр, 2004: 603-609). Бергсон убежден, что «на самом деле окончательно мы ничего не забываем, ибо всегда несем с собой все свое прошлое, но воспоминания, не представляющие в данный момент практического интереса, оттесняются в глубины памяти и ждут там своего часа, чтобы «прорваться», когда это будет нужно, к поверхностным слоям сознания» (Блауберг, 2003: 181).

Завершив наше повествование о «чистой памяти», «сопряженной с духовным измерением человеческого бытия» (Блауберг, 2003: 181), словами Августина о забывании, продолжив их в той же логике, но уже относительно воспоминания: «Мы еще забыли не до

такой степени, чтобы не помнить о том, что забыли» (Августин, 1991: X, XIX, 28). Но мы и вспомнили еще не до такой степени, чтобы вспомнить окончательно... Мы забываем что-либо необратимо потому, что совершающееся действие не требует от нас актуализации соответствующих воспоминаний. Но это относится только к *механической памяти* («памяти-привычке», «воспоминанию-образу») (Блауберг, 2003: 181), о чем и пойдет речь далее.

II. Воспоминание-образ: два регистра восприятия и методологических вектора

Говоря о втором роде памяти, Анри Бергсон предлагает рассмотрение «*воспоминания-образа*», представляющего собой нечто трудноуловимое и ускользающее, напоминающее «сгущающееся туманное пятно» (Бергсон, 1999: 546), для вызывания (ухватывания) которого необходимо обладать способностью дистанцироваться от обыденной реальности. «Чтобы вызвать прошлое в виде образа, надо иметь способность отвлекаться от действия в настоящем, надо уметь ценить бесполезное, надо хотеть мечтать. Быть может, только человек способен на усилие такого рода. К тому же, это прошлое, к которому мы восходим таким образом, всегда готово ускользнуть от нас, как будто этой регрессивной памяти мешает другая память, более естественная, поступательное движение которой заставляет нас действовать и жить» (Бергсон, 1999: 487).

Отвечая на вопрос о том, как же ухватить это ускользающее туманное *воспоминание-образ*, Бергсон пишет: «Для того, чтобы воспоминание вновь появилось в сознании, надобно, чтоб оно спустилось с высот чистой памяти именно до той точки, где совершается действие» (Бергсон, 1999: 564-567), так как воспоминание приходит только тогда, когда от «настоящего исходит *призыв*». Только при наличии призыва воспоминание-образ может ответить своим появлением.

Обладая изначальным воспоминанием-ресурсом и осуществляя призыв из настоящего, результатом которого становится «*рассеивание тумана*» до проявления «*воспоминания-образа*», человек достигает уровня «*настоящей (интегральной) памяти*» (Рикёр, 2004: 551), служащей основанием для удержания обретенного. В данном случае работа памяти напоминает «движение из глубины к поверхности, от темноты к свету» (Рикёр, 2004: 82). П. Рикёр называет этот вид памяти *воспоминанием-разыскиванием* (греч. *anamnesis*), представляющим собой сознательное волевое усилие, направленное на воскрешение в памяти забытого, на отыскивание, восстановление, возвращение в памяти того, что было увидено, испытано или изучено ранее.

Знакомство с «воспоминанием-образом», описанным Бергсоном и дополненным Рикёром, приводит к *двум направлениям мысли*. С одной стороны, здесь нам видится описание методологии прорыва к «чистой памяти». Собственно воспоминание (чистое воспоминание), мерцающая внутри человека благодаря заложенной изначальной потенции вспомнить, затмевается «естественной» памятью внешних образов, из-за чего доступ к желаемому перекрывается. Чтобы это внешнее не затеняло подлинное, необходим некий внутренний импульс-призыв – «*духовное воление*» – способствующий преодолению внешне-естественного и прорыву в чистое-метафизическое. С другой стороны, та же методология вызывания «воспоминания образа» может быть рассмотрена как естественная работа мозга по осуществлению «повседневных воспоминаний» посредством *волевых интеллектуальных усилий*. Именно на этом подходе акцентирует внимание И.И. Блауберг, которая соотносит бергсоновское «воспоминание-образ» с «памятью-привычкой», что, с одной стороны, делает разницу двух родов памяти Бергсона более явственной, с другой стороны, уплощает идею философа-интуитивиста, переводя ее с вертикального регистра в горизонтальный.

В отличие от бессознательной спонтанной (*involontaire*) чистой памяти, «*память-привычка*» является сознательной, произвольной (*volontaire*) памятью-действием, связанной

с повторением и возобновлением *образа* благодаря сознательному волевому усилию. Целиком пребывая в настоящем, ориентируясь в будущее, а не в прошлое, память-привычка призвана обеспечивать эффективность действия прямо сейчас. Она связана с естественной работой мозга, изучение свойств и функций которого позволяет разрабатывать естественные способы запоминания.

Работа в данном направлении велась со времен Античности, оформившись в особое «искусство памяти» (*ars memoriae*), основателем которой считается *Симонид Кеосский* (ок. 556–468 до н.э.), предложивший «*систему вспоможений памяти*» (Йейтс, 1997: 45). В трактате «*Ad Herennium*», приписываемом его перу, читаем: «Хорошая естественная память может быть улучшена благодаря тренировке, а люди менее одаренные могут укрепить свою слабую память, если обратятся к искусству <...> *Искусство памяти* подобно внутреннему письму. Тот, кто знает буквы алфавита, может записать продиктованное ему и прочесть то, что записано. Точно так же тот, кто изучил *мнемотехнику*, может расставить по местам услышанное им и затем воспроизвести это по памяти <...> он будет говорить, как бы читая вслух по написанному» (Йейтс, 1997: 16021, 41). В процессе развития *ars memoriae* в нем стали явственно проследиваться два разнонаправленных вектора – *вертикальный*, основанный на идее Платона о припоминании изначального (дочеловеческого), представляющий мистический аспект искусства памяти, и *горизонтальный* вектор, начало которому заложил Аристотель, указавший на этический аспект памяти, закрепившийся в схоластической традиции, где память стала рассматриваться как одна из природных добродетелей человека, имеющих конкретные цели (запоминание молитвенных формул и Священных текстов). Развитие горизонтальной памяти строится по вполне рациональным законам, основывающимся на трех основаниях: *обучении, порядке и прилежании*. «Лучшим является тщательное и прилежное заучивание вещей наизусть традиционным способом, и лишь иногда использовать некоторые упрощенные мнемонические приемы» (Йейтс, 1997: 40-41).

Таким образом, одним из ключевых методов естественной памяти является механическое «*“заученное воспоминание”*», возникающее в результате запечатления в теле того или иного в результате многократного повторения» (Бергсон, 1999: 487). По мнению Бергсона, в данном случае следует говорить не о памяти, а о «привычке, освещенной памятью» (Бергсон, 1999: 487), формирование которой достигается посредством тренировок (научения) (Бергсон, 1999: 564–565, 602). Читаем у Бергсона: «*Вызывание памяти через заучивание* является одной из форм интеллектуального усилия, сопровождающегося чувством затрудненности или столкновения с препятствием, а также страхом перед забвением и долгом помнить» (Бергсон, 1999: 487, 1050-1089). В данной связи возникает понятие «*память-долг*» или «*долг памяти*», развиваемое Рикёром, несущее в своей сути «наказ помнить» (Рикёр, 2004: 127). «Это наш пресловутый долг памяти возвещается как призыв не забывать» (Рикёр, 2004: 574).

Основатель феноменологии памяти подчеркивает, что «долг памяти не ограничивается сохранением материального – письменного или какого-либо иного – следа свершившихся фактов; он включает в себя чувство обязанности по отношению к другим, которых... уже нет, но они были. Нужно оплатить долг, <...> составить подробную опись полученного наследия» (Рикёр, 2004: 129). В данном случае память обретает функцию непрерывной связи поколений через сохранение наследия.

В данной связи уместно привести понятие «*память-наследие*», введенное автором концепции «мест памяти», французским историком П.Ш. Нора, кульминацией которой стал выход семитомника под названием «Места памяти» (Nora, 1984) (Рикёр, 2004: 131), объемом в шесть тысяч страниц, составленного 130-ю учеными. П. Нора считает, что у истоков *одержимости памятью* стояло возрождение утраченных традиций (Nora, 1984: 561). «Память-наследие – не просто свидетельство национального прошлого, но – гораздо глубже – превращение традиционных целей самой памяти в общее благо и коллективное наследие...

Вероятно, в каждой стране есть такое поколение, которое единственно и послужило всем последующим поколениям моделью и шаблоном» (Рикёр, 2004: 566).

Во фразе «наказ помнить» нам видится два измерения; первое – *метафизическое* (вертикальное), устремляющее к «духовному волению», внутреннему призыву и ответу на него своим «отречением» во имя собственно важного. Второе – *этическое* (горизонтальное), когда «память-долг» подталкивает нас к фиксации на материальном носителе того, что нельзя забыть. Фиксация на материальном носителе важного с целью помнить и не утратить приводит нас к понятию «бумажная память» (Бергсон, 1999: 561) или «память-архив» (Бергсон, 1999: 281), которую Платон называл *памятью-подпоркой*, а «человека, нагруженного книжной премудростью» с давних пор сравнивали с ослом – символическим животным с бестолковой памятью, сгибающимся под тяжестью внушенных ему знаний (Бергсон, 1999: 101).

III. Парадоксы памяти и забвения: от экзистенциальной аналитики к кораническому Откровению

Рассмотренные нами две формы памяти («*собственно памяти*» и «*памяти-привычки*») предстают перед нами в «двух модальностях» (Рикёр, 2004: 597) (регистрах), исключающих и одновременно взаимодополняющих друг друга.

Регистр «*собственно памяти*» являет себя через *работу духа*, выхватывающего воспоминание из прошлого для наполнения им настоящего благодаря слабо осознаваемому, но внутренне наличествующему духовному волению и интуитивному следованию призыву свыше. В этом регистре обитает «*медитирующая*» («*созерцательная*») *память*, устремленная назад к прошлому, к изначальному истоку. Это медитативное мышление «на пределе» направлено противоположно усилию обычного припоминания (Рикёр, 2004: 603). Это *естественная (природная) память*, «рожденная одновременно с мыслью» (Йейтс, 1997: 16).

Регистр «*памяти-привычки*» проявляется через конкретное *действие человека* в настоящем для осуществления в будущем через сознательное интеллектуальное усилие. Это «*искусная память*», которую можно развивать посредством различных мнемонических техник.

В парадоксальном сосуществовании «*собственно памяти*» и «*памяти-действия*» «наблюдается известная драматизация отношений, конфликт» (Блауберг, 2003: 170), где «*искусная память*» препятствует актуализации «*бесполезных*» для прагматической жизни воспоминаний «*естественной памяти*». Но и «*собственно память*» продолжает мерцать «звездным туманом», порой отвлекая от *обыденной реальности*, напоминая о «*незабываемом сокровище*» – сокровищнице, хранимой в *реальности иного порядка*.

Что касается «*мира забвения*», то Рикёр выделяет в нем несколько вариантов событий. Первый из них заключается в «*оживлении*» следов памяти средствами анамнесиса – активации воспоминаний, поблекших со временем из-за недостаточного к ним внимания, посредством сознательного интеллектуально-волевого усилия (Рикёр, 2004: 16). Второй вариант является менее позитивным. Его сутью становится реконструкция «искаженного следа», не соответствующего подлинному своему отпечатку (Рикёр, 2004: 26), возможная либо в результате личной беспечности, либо из-за сознательного воздействия со стороны, так называемого «управляемого забвения» посредством разного рода манипуляций памятью (Рикёр, 2004: 625-627). Самый негативный сценарий представлен окончательным «стиранием следов», ведущим к безвозвратной утрате – смерти воспоминаний. *Высшей же формой забвения* является «*забывание о самом забывании*», проявляющееся в *беззаботности (незаботе)*, как одном из довольно частых способов бытия в мире. В отличие от «*озабоченной памяти*» «*беззаботная память*» (Бергсон, 1999: 699-700), заключающаяся в «*забвении истины бытия*» (Хайдеггер, 1993: 256), указывает на «неподлинность существования» (Рикёр, 2004: 611).

Однако даже у человека забывшего, утратившего все следы памяти, остается шанс вспомнить. Эту надежду дают все Священные писания, эту возможность в философских понятиях описывает М. Хайдеггер, считающий, что забвение может быть преодолено, когда оно само обращается к нам своим ликом. «Повернувшееся к нам лицом забвение истины бытия уже не есть больше *забывание бытия*, оно превращается после такого поворота в хранение бытия. *Вытесняющее забывание* достигает определенности события – прозрения, возвращающего вещи их сути. Это возвращение к *памяти истины бытия* происходит молниеносно и является событием в самом бытии» (Хайдеггер, 1993: 256-257). Бергсон подхватывает мысль Хайдеггера, продолжая: «Это событие знаменует скачок от “забывчивой памяти” к “памяти, не знающей забвения”» (Бергсон, 1999).

Систематизируем вышеизложенное в таблице, в которой наглядно представим разные модусы памяти и забвения (табл. 1).

Таблица 1

Вертикальный и горизонтальный регистры феноменов памяти и забвения

Table 1

Vertical and horizontal registers of the phenomena of memory and forgetting

<i>Вертикальный регистр / Vertical register</i>	<i>Горизонтальный регистр / Horizontal register</i>
Чистое воспоминание – воспоминание-ресурс (Бергсон)	Воспоминание-образ / механическое, заученное воспоминание (Бергсон)
Спонтанное воспоминание / воспоминание-претерпевание – внезапное воскрешение в памяти (Рикёр)	Воспоминание-разыскивание / память-долг (Рикёр)
Собственно память – мистический процесс узнавания (Блауберг)	Память-привычка / память-действие (Блауберг)
<i>Направленность / Directionality</i>	
От прошлого к настоящему, от виртуального к реальному	От настоящего к будущему, от тьмы к свету
<i>Методология / Methodology</i>	
– Работа духа (духовное воление), выхватывающего воспоминание из прошлого для наполнения им настоящего; – интуитивное следование призыву свыше; - медитативное мышление “на пределе”, противоположное направленному усилию обычного припоминания	– Сознательное интеллектуальное усилие по осуществлению конкретных действий, направленных на припоминание; – механическое запоминание; – мнемотехники; - фиксации на материальном носителе того, что нельзя забыть
<i>Два регистра забвения / Two registers of oblivion</i>	
<i>Позитивный / Positive</i>	<i>Негативный / Negative</i>
Позитивное забвение – забвение-резерв памяти, не знающей забвения	Негативное забвение – стирание следов забывчивой памяти
<i>Варианты событий в “мире забвения” / Possible scenarios in the “world of oblivion”</i>	
– непроявленная сокрытость (потенциальность раскрытия); – желанное, выстраданное озарение или произвольное, беспричинное прозрение;	– “оживление” следов памяти средствами анамнесиса; – реконструкция “искаженного следа” по причине либо личной беспечности, либо воздействия со стороны;

– скачок к “памяти, не знающей забвения” и ее возвращение к истине бытия	– окончательное “стирание следов”, безвозвратная утрата памяти; – забывание о самом забывании – беззаботность – “беззаботная память” как способ бытия в мире.

П. Рикёр завершает свою феноменологию памяти на позитивной ноте: «Забвение, являясь внушающей опасения угрозой, не является во всех отношениях врагом памяти. Забвение – это вызов, брошенный претензии памяти на надежность, это одно из условий памяти. Здесь речь может идти о некоем договоре памяти с забвением» (Рикёр, 2004: 573-575).

IV. От феноменологии памяти к исламской антропологии

Что же это за договор, как возможен разворот забвения лицом к человеку, что дает человеку шанс вспомнить безвозвратно утерянное? Не является ли изначальным договором между памятью и забвением осуществление хайдеггерианского События (Седанкина, 2022), расколдовывающего состояние забвения и возвращающего в чертоги чистой памяти? События молниеносного «непроизвольного вторжения сразу в законченном виде того, что еще секунду назад отсутствовало» (Рикёр, 2004: 82). В чем суть этого договора? Не в стремлении ли преодолеть забвение до самого События?

Ответы на этот и другие вопросы находим в исламской традиции. Так, в Коране неоднократно подчеркивается, что в Судный день каждый человек «вспомнит» то, что забыл (Коран 79:35), но воспоминание и пришедшее с ним осознание истины, раскрывшиеся в этот день, не принесут человеку никакой пользы и ничем ему не помогут (Коран 89:23). Данное обстоятельство указывает на то, что «вспомнить» необходимо до этого Дня. В помощь человечеству Всевышний посылает пророков, которым даются указания о важности напоминания (увещевания, наставления) (Коран: 87:9; 88:21). Сам Коран также является «напоминанием (назиданием) мирам» (Коран: 81:27; 80:11-12). Также в Коране встречается ряд аятов, указывающих как на природную забывчивость человека, так и на забывчивость, возникающую из-за небрежного отношения к наставлениям. Более того, в Священной книге мусульман выделяется особая категория людей «обладающих разумом» и «проницательными сердцами», которые «внимают увещеваниям» и «вспоминают» (Коран, 13:19), а значит предрасположенных к воспоминанию до срока.

Идея «чистого воспоминания» А. Бергсона («спонтанного воспоминания» П. Рикёра, «бессознательной собственно памяти» И.И. Блауберг), основным посылом которой является непроизвольное мистическое вторжение отсутствующего воспоминания во всей своей полноте (Рикёр, 2004: 82), происходящее в ответ на волевое духовное усилие и благодаря наличию у человека особых ментальных органов, способных ухватывать образы-воспоминания в обход работы мозга), переносит наше внимание к «метафизике памяти», сближаясь тем самым с религиозным подходом, придающим размышлениям о памяти вертикальное измерение. При этом в данном подходе наблюдается два методологических вектора или регистра: *вертикальный* – метафизический основывается на идее о том, что человеку надлежит вспомнить то, что было до его облачения в тело; *горизонтальный* – классический, согласно которому память направлена на сохранение имеющихся (приобретенных) знаний, а также знания законов Всевышнего. Даже для сохранения горизонтального регистра памяти, не говоря уж о вертикальном, важно дистанцирование от суеты этого мира, о чем в Коране четко сказано: «Знай, что мирская жизнь – всего лишь игра и потеха (забава) (ля'ибун ва ляхун)…» (Коран, 57:20; 47:36), смещение фокуса внимания с обыденной реальности к реальности иного порядка, осознание ее ценности и взывание к ее архивам.

Концепция А. Бергсона о нескольких видах интуиции – «жизненной», содействующей человеку в обычных жизненных обстоятельствах, и «чистой вневременной», являющейся «самой сущностью нашего духа» (Бергсон, 1999: 295), направленной на «проникновение в пространство Абсолютного» (Бергсон, 1999: 401), также соотносима с двумя теориями интуиции, имеющими место в исламской традиции. Первая принадлежит Ибн Сине, согласно которому интуиция (*хадс* – догадка, проницательность или *бадиha* – находчивость, сообразительность, импровизация) направлена на непосредственное схватывание сущности вещи, что практически слово в слово соотносится с определением «жизненной интуиции» Бергсона, указывающим на «схватывание призрака непознаваемой “вещи в себе”». *Аль-хадс* рассматривается как интеллектуальная интуиция, вспышка разума (*‘акль*), позволяющая интуитивно ухватить недостающее звено в логической цепочке. Источником интуиции (*аль-хадс*) ибн Сины является проницательный разум (Ибн Сина, 2024: 170–171). Вторая теория интуиции представлена трудами аль-Газали, в которых данное понятие представлено арабским словом «*заук*», переводимым как «вкусение» и рассматриваемое в качестве экстатического состояния интуитивного вкушения Божественных истин (Аль-Газали, 2018a: 59). *Аз-заук* представляет собой экзистенциальную форму интуиции, ее духовную составляющую, проявляющуюся в форме прямого, опытного переживания истины (*аль-хаqq*) сердцем (*кальб*), приводящую к внутреннему преображению и единению с познаваемым. «Вкусение» является плодом духовной практики и следствием божественного дара. Источником интуиции (*аз-заук*) аль-Газали является сердце, очищенное от греховного и достигшее определенного уровня чистоты (Аль-Газали, 2018b: 254, 262). Если *аль-хадс* (житейская интуиция по Бергсону) является мгновенной догадкой ума, то *аз-заук* (чувственная интуиция по Бергсону) представляет собой глубокое переживание сердца. Первая обогащает интеллект, вторая преображает сущность человека. Тема различных видов интуиции требует отдельного изучения, так же как и разница между интуицией и воображением, что является перспективой наших дальнейших исследований. Здесь же для наглядности сведем в таблицу соотношение теории двух видов интуиции Бергсона, философа-перипатетика Ибн Сины и суфия аль-Газали (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение видов интуиции у А. Бергсона
и в исламской интеллектуальной традиции

Table 2

Comparison of types of intuition in Henri Bergson
and the Islamic intellectual tradition

Теория интуиции Бергсона / Bergson's theory of intuition	Исламская интеллектуальная традиция / Islamic intellectual tradition
Жизненная интуиция	<i>Аль-хадс</i> – интеллектуальная интуиция, вспышка разума (<i>‘акль</i>), мгновенная догадка ума, проницательность, позволяющая интуитивно ухватить недостающее звено в логической цепочке (ибн Сина).
Чистая вневременная интуиция, являющаяся ядром сущности человеческого духа	Состояние интуитивного вкушения (<i>аз-заук</i>) Божественных истин (<i>аль-хаqq</i>), происходящее посредством глубокого переживания сердцем (<i>кальб</i>), достигшим определенного уровня чистоты (<i>аль-Газали</i>).

Заключение

В заключение следует отметить, что идеи философа-интуитивиста А. Бергсона относительно двух родов памяти, а также концепции основателя феноменологии памяти П. Рикёра позволяют выделить отдельный вектор рассмотрения памяти и забвения –

метафизический – прокладывающий мост к осмыслению исламских религиозных (классического и мистического (суфийского)) подходов. Теологическая оптика рассмотрения данных феноменов не как когнитивной способности человека, а в качестве экзистенциальной составляющей, ответственной за восстановление связи с Всевышним посредством преодоления забвения благодаря изначально дарованной природной богоустремленности (*фитра*), приводит нас к метафизическому вектору интуитивизма Бергсона и феноменологии Рикёра, что указывает на точку соприкосновения предметных полей философской и теологической мысли. Более того, в исламской традиции не исключается и горизонтальный вектор, представленный важностью запоминания наизусть (*хифз*) аятов Корана, являющегося «напоминанием (назиданием)», а также совершением *зикров* (поминание имен Всевышнего), что является сознательным актом поклонения верующего. Для наглядности представим интегративную модель памяти и забвения в табличном виде (табл. 3).

Таблица 3

Интегративная модель памяти и забвения: соотношение интуитивизма, феноменологии и исламской антропологии

Table 3

An integrative model of memory and forgetting: the relationship between intuitionism, phenomenology, and Islamic anthropology

Горизонтальный регистр / Horizontal register			
Интуитивизм Бергсона / Bergson's Intuitionism	Феноменология Рикёра / Ricoeur's phenomenology	Исламская антропология / Islamic Anthropology	Методология работы / Working Methodology
Воспоминание-образ / механическое, заученное воспоминание	Вспоминание-разыскивание / память-долг	Вспоминание посредством систематического повторения заученного, без которого аяты Корана безвозвратно уходят, и человек забывает даже о собственном забывании.	Сознательное интеллектуальное усилие по “оживлению” следов памяти посредством различных техник, направленное от настоящего к будущему.
Вертикальный регистр / Vertical register			
Чистое воспоминание – воспоминание-ресурс	Спонтанное воспоминание	Клятва-договор до того, как души потомков Адама были облачены в тела, благодаря чему человек наделен <i>фитрой</i> – изначально природной потенцией.	Духовное воление и интуитивный ответ на призыв свыше, направленные от настоящего к прошлому. Благодаря прорыву к «резерву памяти» происходит непроизвольное прозрение (озарение) и преодоление забвения.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что интегративный подход к анализу ключевых идей интуитивистики Бергсона, феноменологии и герменевтики Рикёра и исламской антропологии (классической и метафизической) в осмыслении памяти и забвения взаимно обогащает как методологический инструментарий, так и понятийный аппарат данных наук.

Литература

- Аврелий, Августин (1991), *Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского*, перевод с латыни Сергеевко, М. Е., Ренессанс, Москва. EDN: SZRIDX
- Аль-Газали, Абу Хамид (2018a), *Эликсир счастья (Кимийа-йи са'адат). Том 1*, перевел с персидского Хисматулин, А. А., Петербургское Востоковедение, Санкт-Петербург, Казань.
- Аль-Газали, Абу Хамид (2018b), *Эликсир счастья (Кимийа-йи са'адат). Том 2*, перевел с персидского Хисматулин, А. А., Петербургское Востоковедение, Санкт-Петербург, Казань.
- Аристотель (2004), *Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти*, пер. с древнегреч. Алымова, Е. В., Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, Санкт-Петербург. EDN: WCQILP
- Бергсон, А. (1999), *Творческая эволюция. Материя и память*, пер. с франц. Булгакова, М., Харвест, Минск.
- Блауберг, И. И. (2003), *Анри Бергсон*, Прогресс-Традиция, Москва. EDN: RAYTPJ
- Гайденко, П. П. (1979), *Философия Фихте и современность*, Мысль, Москва. EDN: SGTBPF
- Ибн Сина (Авиценна) (2024), *Исцеление: теология: в двух томах*, Том 2, пер. с арабского Ибрагим, Т. К., Ин-т востоковедения РАН, ООО «Садра», Москва. EDN: SZUOZO
- Йейтс, Ф. А. (1997), *Искусство памяти*, пер. с англ. Малышкин, Е., Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», Санкт-Петербург.
- Платон (1971), «Государство», *Собрание сочинений в 4-х томах*, том 3, пер. с древнегреч. Егунов, А. Н., Мысль, Москва, 79-420.
- Рикёр, П. (2004), *Память, история, забвение*, пер. с франц. Блауберг, И. И., Вдовина, И. С., Мачульская, О. И., Тавризян, Г. М., Изд-во гуманитарной литературы, Москва. EDN: QWQGRR
- Седанкина, Т. Е. (2025a), «Катафатическая феноменология и апофатическая теология: возможная точка взаимопроникновения», *Арабистика Евразии*, 8(4), 110–138. DOI: 10.26907/2619-1261.2025.8.4.110-138; EDN: VCYETS
- Седанкина, Т. Е. (2025b), «От герменевтики молчания к теологии тишины», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(3), 17-33. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-2; EDN: CCGWML
- Седанкина, Т. Е. (2022), «Священная книга (Коран) как речевое событие: герменевтические подходы», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 8(3), 58-76. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-5; EDN: WSKWKG
- Хайдеггер, М. (1993), «Поворот», *Время и бытие: Статьи и выступления*, пер. с нем. Бибихин, В. В., Республика, Москва, 253–258.
- Nora, P. (1984), *Les Lieux de mémoire. Vol. I. La République*, Gallimard, Paris.

References

- Al-Ghazali, Abu Hamid (2018a), *Eliksir schastya (Kīmiyā-yi Sa 'ādat)* [The Elixir of Happiness], Vol. 1, Translated from Persian by Khismatulin, A. A., Peterburgskoe Vostokovedenie, Saint Petersburg, Kazan, Russia (in Russ.).
- Al-Ghazali, Abu Hamid (2018b), *Eliksir schastya (Kīmiyā-yi Sa 'ādat)* [The Elixir of Happiness], Vol. 2, Translated from Persian by Khismatulin, A. A., Peterburgskoe Vostokovedenie, Saint Petersburg, Kazan, Russia (in Russ.).
- Aristotle (2004), *Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamyati* [Protreptician. About sensory perception. About memory], Translated from ancient Greek by Alymova, E. V., Publishing house of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia (in Russ.). EDN: WCQILP
- Aurelius Augustine (1991), *Ispoved Blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponskogo* [Confessions of Blessed Augustine, Bishop of Hippo], transl. from Latin by Sergeenko, M. E., Renessans, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: SZRIDX

- Bergson, H. (1999), *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat* [Creative Evolution. Matter and Memory], transl. from French Bulgakova, M., Harvest, Minsk, Republic of Belarus (in Russ.).
- Blauberg, I. I. (2003), *Anri Bergson* [Henri Bergson], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: RAYTPJ
- Gaidenko, P. P. (1979), *Filosofiya Fikhte i sovremennost* [Fichte's Philosophy and Modernity], Mysl, Moscow, USSR (in Russ.). EDN: SGTBPF
- Heidegger, M. (1993), "The Turning", *Vremya i bytie: statii i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches], Translated from German by Bibikhin, V. V., Respublika, Moscow, Russia, 253–258
- Ibn Sina (Avicenna) (2024), *Istselenie: teologiya: v dvukh tomakh. Tom 2.* [Healing. Theology: in two volumes. Volume 2], Translated from Arabic by Ibrahim, T. K., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, "Sadra", Moscow, Russia (in Russ.). EDN: SZUOZO
- Nora, P. (1984), *Les Lieux de mémoire. Vol. I. "La République"*, [Realms of Memory. Vol. 1: The Republic], Gallimard, Paris (in French).
- Plato (1971), "The Republic", *Collected Works in 4 Volumes, Vol. 3*, Trans. from Ancient Greek by Egunov, A. N., Mysl, Moscow, Russia, 79–420 (in Russ.).
- Ricœur, P. (2004), *Pamyat, istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion], Transl. from French by Blauberg, I. I., Vdovina, I. S., Machulskaya, O. I., Tavrizyan, G. M. Publishing House of Humanitarian Literature, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QWQGRR
- Sedankina, T. E. (2025a), "Cataphatical phenomenology and apophatic theology: a possible point of interpenetration", *Eurasian Arabic Studies*. 8(4), 110–138 (in Russ.). DOI: 10.26907/2619-1261.2025.8.4.110-138; EDN: VCYETS
- Sedankina, T. E. (2025b), "From the Hermeneutics of Silence to the Theology of Stillness", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(3), 17-33 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-2; EDN: CCGWML
- Sedankina, T. E. (2022), "The Holy Book (Koran) as a Speech Event: Hermeneutical Approaches", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8(3), 58-76 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-5; EDN: WSKSWG
- Yates, F. A. (1997), *Iskusstvo pamyati* [The Art of Memory], Translated from English by Malysheva, E., Science and Education Support Fund "Universitetskaya kniga", St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Седанкина Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой систематической теологии, Российский исламский институт, ул. Газовая, д. 19, г. Казань, 420079, Российская Федерация; доцент кафедры теологии, Болгарская исламская академия, ул. Кул Гали, д. 1а, г. Болгар, 422840, Российская Федерация; tatiana-svetlaya@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5241-6479

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana E. Sedankina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Systematic Theology, Russian Islamic Institute, 19 Gazovaya St., Kazan, 420079, Russian Federation; Associate Professor, Department of Theology, Bulgarian Islamic Academy, 1a Kul Gali St., Bolgar, 422840, Russian Federation; tatiana-svetlaya@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5241-6479

УДК 930.23=161.1(051)"0/2"(470.31)-051

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-6

Пенской В. В.

**В поисках желаемого прошлого: размышления над книгой
С. Ю. Шокарева «Андрей Большой Углицкий»**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
penskoy@bsuedu.ru

Аннотация. Биографические очерки об исторических персонажах «второго плана» – редкость в отечественной историографии. Как правило, внимание историков обращено к историческим деятелям первой величины – великим князьям, государям и лицам из их ближнего круга, «тесною толпою» окружавшим трон и определявшим внешнюю и внутреннюю политику государства. Фигура углицкого князя Андрея Васильевича Большого, младшего брата Ивана III, относится как раз к второстепенным героям отечественной истории, которые редко становятся объектом пристального изучения историков. С.Ю. Шокарев исправляет эту ошибку и в своей биографии углицкого князя воссоздает его портрет на фоне исторических событий второй половины XV в., времени, когда рождалось раннемодерное Русское государство. Особый интерес в этой работе представляют размышления автора над проблемой альтернативности исторического пути России. Противопоставляя идее централизации / сверхцентрализации Российского государства концепт «феодальной конфедерации», С.Ю. Шокарев исходит из того, что сделанный тогда выбор оказался не оптимальным и для государства, и для общества. Вместе с тем он полагает, что в сложившихся на тот момент условиях иного выбора, кроме как создания сильного автократического централизованного государства, не было. Автор рецензии, отмечая достоинства работы, не согласен с такой постановкой проблемы. В статье обосновывается, что раннемодерное государство в силу своей институциональной слабости, обусловленной неразвитостью властной инфраструктуры, не могло быть ни действительно централизованным, ни автократическим, ни сильным, то есть обладающим полноценным внешним и в особенности внутренним суверенитетом. Предлагаемые историками, такими как С.Ю. Шокарев, альтернативы, по мнению автора рецензии, невозможны в силу оторванности от исторической реальности, и это главное уязвимое место и недостаток книги.

Ключевые слова: раннее Новое время; централизация; Российское государство; удельное княжество; Москва; Углич; Иван III; Андрей Углицкий

Для цитирования: Пенской, В. В. (2026), «В поисках желаемого прошлого: размышления над книгой С. Ю. Шокарева “Андрей Большой Углицкий”», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 55-74. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-6

In Search of a Desired Past: Reflections on S. Yu. Shokarev's *Andrei Bolshoi Uglichsky***V. V. Penskoy**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoy@bsuedu.ru

Abstract. Biographical essays on "second-tier" historical figures are rare in Russian historiography. Historians typically focus on prominent historical figures – grand princes, sovereigns, and those in their inner circle, who "tightly surrounded" the throne and determined the state's foreign and domestic policies. The figure of the Uglich prince Andrei Vasilyevich Bolshoi, the younger brother of Ivan III, is precisely that kind of secondary figure in Russian history, rarely the subject of close study by historians. S. Yu. Shokarev corrects this error and, in his biography of the Uglich prince, recreates his portrait against the backdrop of the historical events of the second half of the 15th century, a time when the early modern Russian state was emerging. Of particular interest in this work are the author's reflections on the problem of Russia's alternative historical paths. Contrasting the idea of centralization/overcentralization of the Russian state with the concept of a "feudal confederation," S. Yu. Shokarev proceeds from the premise that the choice made at that time proved suboptimal for both the state and society. At the same time, he believes that, under the prevailing conditions of that time, there was no other choice but to create a strong, autocratic, centralized state. The reviewer, while noting the merits of the work, disagrees with this formulation of the problem. He proceeds from the premise that the early modern state, due to its institutional weaknesses, caused by the underdevelopment of its power infrastructure, could not be truly centralized, neither autocratic, nor strong. It possessed full external and, especially, internal sovereignty. The alternatives proposed by historians such as S. Yu. Shokarev, in the reviewer's opinion, are impossible due to their detachment from historical reality. This is the book's main weakness and shortcoming.

Keywords: Early Modern; centralization; Russian state; appanage principality; Moscow; Uglich; Ivan III; Andrei of Uglich

For citation: Penskoy, V. V. (2026), "In Search of a Desired Past: Reflections on S. Yu. Shokarev's Book *Andrei Bolshoi Uglichsky*," *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 55-74. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-6

Фридрих Ницше в небольшом сочинении «О пользе и вреде истории для жизни», увидевшем свет в 1874 г., выделил три, как он писал, «рода» истории (или исторической памяти) – «монументальный», «антикварный» и «критический». Давая им подробную характеристику, применительно к последнему он отмечал, что, несмотря на необходимость такого подхода к истории («человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше»), критический «род» истории скрывает внутри себя и серьезную опасность. Суть ее, по словам Ницше, заключается в том, что, критикуя и разрушая прошлое, «мы стараемся вырастить в себе известную новую привычку, новый инстинкт, вторую натуру, чтобы таким образом искоренить первую натуру» (Ницше, 1990: 168). И далее философ, развивая мысль,

«расшифровывал» сказанное: «Это как бы попытка создать себе а posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно приходим, – попытка всегда опасная, так как очень нелегко найти надлежащую границу в отрицании прошлого» (Ницше, 1990: 178-179).

Эти слова немецкого мыслителя неожиданно стали особенно актуальными в последние годы существования СССР и в постсоветской России (и на всем постсоветском пространстве), когда в обстановке тотального кризиса и переосмысления прошлого и настоящего старое утверждение, что история не знает сослагательного наклонения, было подвергнуто сомнению. Идея об альтернативности / вариативности исторического процесса прочно утвердилась в умах не только среди профессиональных историков, но (в особенности) в околоисторическом сообществе, причем нередко именно в том самом негативном ключе, о котором писал Ницше – выбрать из возможных исторических альтернатив ту, которая в наибольшей степени устраивала бы автора (см., например: (Карацуба, Курукин и Соколов, 2005)). Одним словом, речь идет о «конструировании» такого прошлого, «от которого мы желали бы происходить».

Любопытным примером такого «конструирования» «желаемого прошлого» является вышедшая в 2022 г. в провинциальном Угличе книга московского историка С.Ю. Шокарева, посвященная жизни и деятельности удельного князя углицкого Андрея Большого (1446-1493 гг.), младшего брата Ивана III, человека с непростой и трагической судьбой (Шокарев, 2022).

Само по себе обращение к таким историческим персонажам – редкость в отечественной историографии. Между тем их значение и роль в событиях эпохи, в которой им довелось жить и действовать, порой бывает весьма и весьма значимой – как, например, у сына Дмитрия Донского и дяди Василия Темного (отца героя книги С.Ю. Шокарева), князя Юрия Звенигородского (см.: (Ковалев-Случевский, 2008)). Появление такого рода исследований стоит только приветствовать: они существенно расширяют наш исторический кругозор и делают картину минувшего более полной и объемной.

Чем любопытна фигура Андрея Углицкого? Нет, конечно, не только и не столько своей трагической судьбой, хотя и она привлекает внимание сама по себе, как и жизнь всякого мало-мальски значимого исторического героя. Для нас, пожалуй, важнее другое обстоятельство – Андрей Углицкий жил и действовал как политик в переломное для России и российского общества время, в эпоху Ивана III, когда закладывались основы российской современной государственности (традиционно эти десятилетия характеризуют в отечественной исторической науке как время складывания так называемого «централизованного» государства). Герой книги С.Ю. Шокарева родился в разгар «войны из-за золотого пояса», в которой сошлись в борьбе за власть Василий Темный и его дядя Юрий Звенигородский со своими сыновьями, среди которых выделялась фигура Дмитрия Шемяки, ставшего смертельным врагом Василия II.

Эта война стала этапной в процессе «собирания земель» и «собирания власти» (два параллельных, взаимообусловленных и взаимосвязанных явления, запущенных в Северо-Восточной Руси еще в начале XIV в.) – после ее окончания победой Василия Темного пресловутая «централизация» приобрела необратимый характер, хотя до ее завершения было еще очень и очень далеко. Однако визуальное политическое пространство Руси в начале 50-х гг. XV в. оставался пока прежним. Ю.Г. Алексеев, большой знаток русской истории той эпохи, писал в своем историческом очерке, посвященном личности Ивана III, что «Русская земля по-прежнему представляла собой *пеструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией* ... (выделено нами. – В.П.)» (Алексеев, 1991). Но вот проходит каких-то полсотни лет, и, по словам немодного ныне в России классика, «изумленная Европа, в начале правления Ивана [III] едва знавшая о существовании Московии,

стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя» (Маркс, 1989: 55-56).

На эти примечательные времена и пришлось жизнь Андрея Углицкого «Собирание земель вокруг Москвы, централизация власти, столкновение великокняжеских устремлений с правами удельных правителей, – все эти важнейшие для русской истории XV века сюжеты определенным образом отразились и преломились в судьбе Андрея Большого» (Глухов, 2023: 37), – с определением сущности эпохи и ее влияния на судьбу удельного углицкого князя, которое дал Д.В. Глухов, автор одной из первых рецензий на биографию князя, трудно не согласиться. Автор биографии Андрея Большого, безусловно, симпатизирует своему герою, тщательно, по крупицам собирая факты, свидетельствующие в пользу углицкого князя. В изображении С.Ю. Шокарева Андрей – князь-землеустроитель, князь-меценат, князь-покровитель / патрон церкви. При Андрее Углич, указывал исследователь, серьезно изменился к лучшему – был перестроен с увеличением общей площади угличский кремль, возведен княжеский каменный дворец, перестроен главный храм Углича – Спасо-Преображенский собор, вырос в размерах и был заново укреплен угличский посад. Одним словом, князь не жалел усилий и средств для того, чтобы придать своему городу блеск, достойный статуса столицы удельного княжества.

Однако это не первая и, пожалуй, не главная линия в книге. Две других занимают более значимое место в структуре текста. Первая из них – это взаимоотношения между братьями, старшим Иваном, великим князем и государем всея Руси, и младшим, Андреем, удельным князем углицким; взаимоотношения непростые, противоречивые и завершившиеся, увы, трагически для Андрея и его семьи. Из этой линии плавно вытекает другая, может быть, еще более важная, – о вариативности истории: был ли возможен иной путь развития Русского государства в раннее Новое время? И не был ли этот иной путь сопряжен с меньшими испытаниями и потерями и для самого государства, и для общества? Биография Андрея Углицкого дает богатый материал для размышлений на эту тему, и С.Ю. Шокарев попробовал это сделать. Насколько успешной, убедительной оказалась эта попытка? Попытаемся ответить на этот вопрос, попутно сформулировав свое видение проблемы.

***

Начнем с того, что две обозначенных линии в биографии Андрея Большого теснейшим образом переплетаются друг с другом. Это и немудрено, поскольку князя, что великий князь, что его меньшие братья, князья удельные, с давних пор (так следует из источников) выступали на русской политической сцене в качестве, образно говоря, «фронтменов». Характер их отношений во многом определял и общий вид всей политической системы Русской земли, и ее характерные особенности, и направление эволюции. Время Ивана III в этом плане представляет особый интерес как эпоха, когда «старина» все еще остается в силе, и наши «фронтмены» в своих действиях стремятся опереться на нее, найти в ней оправдание тем или иным шагам, которые они предпринимали на политическом поприще. Вот только каждый понимал «старину» по-своему, и столкновение этих разных трактовок традиции, обычая, далеко не всегда заканчивалось благополучно для обеих сторон конфликта. Чтобы ответить на вопрос о возможности альтернативного развития Русской земли, необходимо сперва разобраться с тем, как развивались отношения между князьями московского правящего дома в эпоху Ивана III. Автор жизнеописания Андрея Большого рассматривает эту проблему через призму личностных отношений Ивана III и углицкого князя, причем, как уже отмечено выше, с явной симпатией к Андрею (и столь же явной антипатией к Ивану III, вслед за писателем и краеведом В.А. Гречухиным противопоставляя Андрея как «политика рыцарственного склада, ставившего этику выше целесообразности», расчетливому, коварному, жадному и завистливому старшему брату (Шокарев, 2022: 366-367). Но при таком подходе от нас

ускользает ряд значимых нюансов, поэтому проблему, на наш взгляд, необходимо рассматривать в более широком историческом контексте.

То, что характер межкняжеских отношений определяла традиция, несомненно. Но говоря о «старине», к которой апеллировали Иван III и его братья, отметим, что основы ее закладывались еще в домонгольскую эпоху, на заре существования Русского государства. А.В. Назаренко писал по этому поводу, что в эпоху раннего Средневековья, когда закладывались основы европейской государственности, сформировался взгляд на государство как на патримоний – семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников. И когда таких наследников было несколько, то возникал так называемый *corpus fratrum*, «братское совладение». Этот порядок, дополненный в «завещании» Ярослава Мудрого принципом «старейшинства» / сеньората, полагал историк, получил свое наивысшее развитие в государстве франков и на Руси (Назаренко, 2009: 7, 8, 10, 12-13). Устоявшееся в веках «братское совладение» вкупе с принципом «старейшинства» («в отца место») было закреплено в княжеских духовных грамотах и докончаниях. Вместе положения, изложенные в этих актах, составляли ядро «конституционного» строя Русской земли. В этом отношении основа, на которой выстраивались отношения Ивана III со своей младшей братией, не была исключением, но с одной поправкой, которую внес в свое завещание Василий II, – поправкой весьма существенной, имевшей далеко идущие последствия и проистекавшей из печального опыта четвертьвекового конфликта внутри московского правящего дома.

Историки давно обратили внимание на весьма примечательную деталь духовной Василия Темного: наделяя своих сыновей уделами-«отчинами», великий князь распределил города и волости таким образом, что старшему сыну Ивану досталась большая и лучшая часть великокняжеского «домена» (Алексеев, 1991: 57-60; Духовные и договорные грамоты, 1950: 194-196; Зимин, 1991: 186-187). До этого великие московские князья старались соблюсти более или менее равное разделение своих владений между сыновьями (Духовные и договорные грамоты, 1950: 33-34), теперь же Василий изменил этот порядок. Очевидно, что младшие братья Ивана Васильевича имели все основания быть недовольными таким распределением отцовского наследства, но, судя по всему, до поры до времени это недовольство тихо тлело, не вырываясь наружу.

С.Ю. Шокарев склонен полагать, что особенно непростыми были отношения между Иваном III и Андреем Большим, владельцем Углицкого удела. В качестве доказательства этого он приводит факт, согласно которому именно с Андреем Иван заключил больше всего соглашений-докончаний, именно четыре (первое в 60-х – нач. 70-х гг., второе в 1473 г., третье – в 1481 г. и последнее – в 1486 г.), тогда как с другим братом, Борисом Волоцким, – три (1473, 1481 и 1486 гг.), а с Юрием Дмитровским и Андреем Меньшим Вологодским – ни одного (Шокарев, 2022: 69).

Это предположение выглядит логичным, но только если исходить из имеющихся в нашем распоряжении текстов межкняжеских докончаний. Однако стоит заметить, что нет ничего невероятного в том, что до нас дошли тексты не всех докончаний, и договоров между братьями было существенно больше. Во всяком случае, первая «серия» докончаний должна была появиться в 60-х гг. и утвердить порядок взаимоотношений между братьями согласно духовной грамоте Василия II, ориентировочно не ранее ноября 1464 г. (намек на эту первую «серию» докончаний содержится в словах Бориса Волоцкого, с которыми он обратился к Андрею Большому в 1479 г., затеявая фронду против Ивана III (Львовская летопись, 2005: 336)). Вторая «серия» соглашений включала три договора с Андреем Большим, Борисом Волоцким и Андреем Меньшим и датировалась не случайно 1473 г. – годом ранее умер Юрий Дмитровский, и систему межкняжеских отношений нужно было пересмотреть и переутвердить с учетом этого события. Февралем 1481 г. датируются договоры Ивана III

с Андреем Большим и Борисом Волоцким (Духовные и договорные грамоты, 1950: 252-275), и должен был быть аналогичный договор между Иваном и Андреем Меньшим. Однако вместо этого dokonчания в нашем распоряжении имеется духовная грамота Меньшого, которая датируется концом зимы – началом весны 1481 г. (Духовные и договорные грамоты, 1950: 275-277), и это совпадение вряд ли было случайным – Андрей Меньшой умер летом 1481 г. Примечательно, что в апреле 1482 г. Иван заключает договор с верейским и белозерским князем Михаилом Андреевичем – dokonчание, входившее в тот же самый ряд соглашений, что были подписаны ранее с младшими братьями великого князя (Духовные и договорные грамоты, 1950: 277-283), а в июне 1483 г. – договор с великим князем рязанским Иваном Васильевичем (Духовные и договорные грамоты, 1950: 283-290).

Отметим также, что соглашения Ивана III с братьями, заключенные в 1486 г., явно были связаны со смертью верейского князя и передачей его удела по завещанию покойного Ивану III (Духовные и договорные грамоты, 1950: 301-311). Так что, на наш взгляд, тот факт, что с Андреем Иван III заключил договоров больше, чем с кем бы то ни было из своей «братии», не слишком надежное свидетельство в пользу предположения о том, что отношения именно между великим князем и князем углицким были особенно напряженными едва ли не изначально. Можно предположить, что отношения Ивана III и Андрея Углицкого были особенно непростыми из-за семейных предпочтений – похоже, что отец особенно благоволил старшему сыну, тогда как Андрей был любимцем матери. Одним словом, в данном случае скорее речь надо вести о той самой традиции выстраивания сложной системы межкняжеских соглашений, о которой упоминал Ю.Г. Алексеев, которой стремился придерживаться и Иван III, и его братья. То, что dokonчаний Ивана III и Андрея Большого сохранилось больше, чем с другими князьями московского дома, скорее стоит объяснять случайностью, нежели умыслом с той или иной стороны (кстати, до нас дошло пять договоров между Иваном III и Михаилом Андреевичем Верейским, но это никак не свидетельствует, что отношения между великим князем и удельным князем были еще напряженнее, чем между Иваном и Андреем Большим). Другое дело, что подспудное недовольство «младшей братии» действиями «брата старейшего» выплеснулось наружу в 1472 г., когда умер Юрий Дмитровский, не оставивший в своей духовной никаких распоряжений относительно судьбы своего удела (за исключением отдельных сел) (Духовные и договорные грамоты, 1950: 221-224).

Казус с судьбой выморочного удела Юрия Дмитровского представляет особый интерес с точки зрения развития отношений внутри московского правящего дома. Почему Юрий не оставил распоряжений о судьбе своей «отчины», неизвестно. Иван III распорядился выморочным имуществом по-своему, забрав его себе целиком без изъятия. Нарушил ли он тем самым традицию, как полагал, например, Ю.Г. Алексеев (Алексеев, 1991: 90-91)? Сложный вопрос, на который нет однозначного ответа; во всяком случае, в сохранившихся духовных грамотах великих князей лишь в завещании Дмитрия Ивановича есть однозначное указание на то, как следует поступить с выморочным уделом: «А по грехом, которого сына моего бог отъимет, и княгини моя поделит того оуделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутся». Про необходимость разделить выморочный удел между оставшимися братьями упоминает в своей духовной удельный князь Владимир Андреевич Серпуховской (Духовные и договорные грамоты, 1950: 35, 49). Ю.Г. Алексеев отмечал, что сама по себе традиция перераспределения уделов существовала и «в условиях XIV – первой половины XV в. переделы имели важное политическое значение: так же как и совместное управление Москвой, они были материальным выражением единства князей Московского дома, потомков Ивана Калиты (и все того же старинного обычая *corpus fratrum*). В переделах земли (и в самом принципе переделов) реализовывалось то «одиначество» московских князей («быти ны за один»), которое проходило красной нитью через их договоры, противопоставляя их как единое целое внешнему миру». Но после «войны из-за золотого пояса» между Василием

Темным, его дядей Юрием и Юрьевичами и «перебора людишек», осуществленного Василием в ходе войны, «одиначество» в известной степени утратило свой прежний смысл и значение. Кроме того, историк отмечал, что «строго говоря, переделы предусматривались только в случае уменьшения удела. Приобретения («примыслы») новых земель под категорию переделов в dokonчаниях не попадали» (Алексеев, 2008: 321). Выморочный удел как будто не входил ни одну из названных выше категорий – ни «примыслов», ни уменьшения «отчины» или утраты удела вообще.

Так что по всему выходит, что в случае с Дмитровским уделом в известном смысле повторилась ситуация с толкованием завещания Дмитрия Донского в той его части, где речь шла о передаче власти. Ситуация была двусмысленна из-за того, что в свое время подобного рода казусы не были должным образом обобщены и юридически оформлены. Поэтому случай с завещанием Юрия Дмитровского мог быть истолкован по-разному. Характер толкования определялся соотношением сил и влияний участников сделки. То, что Иван III благодаря завещанию отца имел преимущества перед братьей, не вызывает сомнений, равно как и то, что он в силу особенностей характера был готов пойти на обострение отношений с братьями, считая себя правым в этом споре.

Однако и братья Ивана также полагали себя правыми, так что тлевший исподволь конфликт выплеснулся наружу. Как писал неизвестный составитель Типографской летописи, «разгневался князь Андрей и Борис и Андрей на брата своего великого князя Ивана про отчину брата своего князя Юрья» (Типографская летопись, 2000: 194). Иван уступил, но, наделив Бориса и Андрея Меньшого волостями из своей «отчины», Андрею Большому не дал ничего. Положение спасла вдовья великая княгиня, передавшая любимцу часть своих владений.

Договоры, что были заключены между Иваном III с одной стороны и Андреем Большим и Борисом с другой (договор с Андреем Меньшим, как мы полагаем, был, но не сохранился), примечательны тем (на это С.Ю. Шокарев не обратил внимания), что, уступив братьям в малом, Иван выиграл в главном. В тексте dokonчаний сохраняется положение, согласно которому «что есмь [великий князь. – В.П.] себе примыслил, или что себе примыслим, и тебе [удельному князю, «брату младшему». – В.П.] того всего под мною, под великим князем, и под моим сыном, под великим князем, и под моими детми, которых мне даст бог, блюсти, и не обидети, ни вступатися» (Духовные и договорные грамоты, 1950: 233). Таким образом великий князь еще раз подтвердил на будущее положение, когда все новообетенные им земли полностью отходили к его «отчине», а его младшие братья отказывались наперед от претензий на свою долю от этих «примыслов». При этом, в отличие от предыдущих dokonчаний (Духовные и договорные грамоты, 1950: 64), на этот раз о «примыслах» «младшей братьи» в договорах ничего не говорилось. Так Иван III устранил юридическую неопределенность в вопросе с «примыслами», закрепив законодательно вариант решения проблемы, который соответствовал его интересам, попутно урезав «внешний» суверенитет «младшей братьи».

Кризис 1472/73 гг. нанес сильный удар по принципам *corpus fratrum*, закрепив те перемены в межкняжеских отношениях, что были намечены завещанием Василия Темного и, надо полагать, были закреплены в несохранившихся соглашениях между Иваном и его братьями, что были заключены вскоре после смерти их отца. Правда, фундаментальное положение *corpus fratrum* относительно взаимного невмешательства князей-контрагентов в дела друг друга в договорах 1473 г. осталось неприкосновенным – заключая договор, князья соглашались с тем, что в пределах своих «отчин» они будут полноправными автократорами-самодержцами. Точно так же продолжало действовать и другое, не менее важное, положение «братского совладения»: «а нам, великим князем, не канчивати ни с кем без твоего [удельного князя. – В.П.] ведания. А с кем мы, великие князья, будем в dokonчание, и нам и тебя с тем оучинити в dokonчание. А с кем будешь ты в целование, и тебе тому целование сложити» (Духовные и договорные грамоты, 1950: 233). (Ср.: (Духовные и договорные грамоты, 1950:

89-90, 101, 107)). Выходит, что, по меньшей мере формально, принцип соучастия удельных князей, «молодшей братии» князя великого, в управлении Русским государством, в начале 70-х гг. XV в. все еще сохранял свою действенность.

Договоры, заключенные между Иваном III и его «молодшей братьей» в 1473 г., не сняли, тем не менее, противоречий между великим князем и князьями удельными. Как результат, в 1479 г. разразился новый кризис в отношениях между Иваном с одной стороны и Борисом Волоцким с другой. Этот конфликт имел свою предысторию. Осенью 1479 г., по словам летописца, «сведе князь великий наместника [князя И.В. Лыко Оболенского. – В.П.] с Лук с Великих из Новугородцкого с Литовского рубежа, и биша челом князю великому лучане на него о продаже и о обиде» (Львовская летопись, 2005: 336). Иван III пошел навстречу лучанам и решил примерно наказать наместника, явно злоупотребившего своими полномочиями, на что князь Лыко ответил отъездом от Ивана к его брату Борису Волоцкому. Требование великого князя к брату выдать ему бывшего великолукского наместника было отклонено волоцким князем; он заявил, что Лыко теперь в его юрисдикции, и если кто и будет судить князя и наказывать князя, то он это сделает сам, без помощи и участия со стороны. Великий князь пошел на принцип и приказал любой ценой арестовать Лыко Оболенского и в оковах доставить его в Москву на суд, что и было в конечном итоге сделано (Пенской, 2022).

Столь вопиющее нарушение внутреннего суверенитета удельного князя вызвало взрыв негодования у Бориса Волоцкого и запустило механизм предпоследней княжеской фронды в русской истории (последняя относится ко временам малолетства Ивана IV, когда «правительство» Елены Глинской расправилось с удельным князем Андреем Старицким, пытавшимся учинить вооруженный мятеж против правительницы и ее «партии»). Само собой, мимо столь значимого по последствиям события не могли пройти отечественные историки. Так, например, подробно разобрал этот случай С.М. Соловьев (Соловьев, 1989: 47-50), а из современных историков немало места уделил этому эпизоду Ю.Г. Алексеев (Алексеев, 2008: 315 и след.), Н.С. Борисов (Борисов, 2003: 420-422 и др.), а также и С.Ю. Шокарев – его герой принял в этих событиях самое активное участие.

Любопытно сравнить анализ конфликта 1479/80 гг., сделанный Ю.Г. Алексеевым, с аналогичным описанием его, принадлежащим перу С.Ю. Шокарева. Оба исследователя сходятся в том, что с точки зрения традиции, обычая, право было на стороне Бориса Волоцкого. «Обида» волоцкого князя была четко и недвусмысленно выражена в его обращении к Андрею Большому: «Какову силу чинит над ними, что невольно кому отъехать к ним, ани ему молчали: князь Юрьи умер, брат их старейший, и князю великому вся отчина его досталось, а им подела не дал ис тое отчины; Новгород Великий взяли с ним, ему ся все подостало, а им жеребья из него не дал; а нынеча и zde силу чинит: кто отъедет от него к ним, и тех безсудно емлет, уже ни за бояре почал братью свою, а духовные отца своего забыл, как ни писал, по чему им жити, ни докончания, что на чем кончали после отца своего» (Львовская летопись, 2005: 336).

Политическая «программа» Бориса Волоцкого, как полагал Ю.Г. Алексеев, исходя из этого летописного отрывка, включала в себя три основных пункта. Первый касался передела земель, в том числе и новообретенных, между всеми членами московского правящего дома; второй – гарантий неприкосновенности права свободного отъезда бояр и вольных слуг; третий – четкого следования принципу *corpus fratrum* при формальном «старейшинстве» старшего брата. «Все три требования Бориса Волоцкого тесно связаны между собой и в своей совокупности могут рассматриваться как цельная политическая программа удельно-княжеских кругов в период образования централизованного государства» (Алексеев, 2008: 320) – отмечал Ю.Г. Алексеев, и, продолжая далее характеристику позиции Бориса, писал: «Политическая линия, взятая Борисом, теоретически оборонительная <...> Она требует сохранения соучастия удельных князей в управлении государством, сохранения Московского

дома как конфедерации князей-соправителей... (выделено нами. – В.П.)» (Алексеев, 2008: 322, 324). Однако вместе с тем историк отмечал и нечто новое в требованиях волоцкого князя. По его мнению, Борис желал «расширения сферы власти этой конфедерации практически на всю Русскую землю <...> Новое Русское государство мыслится удельным князем как *расширенная «вотчина» Калитичей, как совокупность суверенных уделов Московского дома с их старыми, традиционными политическими институтами* (выделено нами. – В.П.) ...» (Алексеев, 2008: 325-326).

Собственно говоря, в этих выделенных словах историка и содержится та самая альтернатива в развитии Русского государства, о которой шла речь раньше. «Конфедерация князей-соправителей», «совокупность суверенных уделов Московского дома с их старыми, традиционными политическими институтами» – вот идеал, который отстаивал Борис Волоцкий и, следовательно, примкнувший к нему и поддерживавший своего брата не только словом, но и делом Андрей Большой. Сказать, что этот идеал представлял собой нечто необычное и невиданное, нельзя – нечто похожее представляла собой в это же время Ливония, которая являлась своеобразной «конфедерацией», составленной из нескольких политических субъектов. Другое дело, что подобная «конфедерация», что русская (в случае, если бы княжеская фронда удалась) что ливонская, был ничем иным, как средневековым политическим образованием, перспективы которого в эпоху раннего Нового времени выглядели более чем туманными – судьба той же Ливонии служит ярким тому примером.

Но как к такой альтернативе отнесся С.Ю. Шокарев? И вообще, рассматривались ли ранее иные варианты развития Русского государства и общества, чем тот, который реализовался в истории? Ответим сперва на последний вопрос. Сама по себе постановка вопроса об альтернативах политического и социально-экономического развития России отнюдь не нова. Так, Н.Е. Носов в конце 1960-х гг. полагал, что переломной эпохой в истории России было время Ивана Грозного, поскольку «именно тогда решался вопрос, по какому пути пойдет Россия, по пути подновления феодализма, “изданием” крепостничества или по пути буржуазного развития, пути для того времени более прогрессивному, а главное менее пагубному для крестьянства» (Носов, 1969: 9). В таком же духе рассуждал и А.А. Зимин; только он выбор модели развития относил к более раннему времени, ко временам «войны из-за золотого пояса» во второй четверти XV в. «Стоял вопрос, – писал он, – по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому?» (Зимин, 1991: 209). В конечном итоге, полагал историк, это противостояние, в котором «крепостнической, крестьянской и монашеской Москве противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян», закончилось тем, что «Север» был подмят «Центром». А дальше, по мнению Зимина, было «падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины» (Зимин, 1991: 209-210).

Нетрудно заметить, что альтернатива, предложенная Н.Е. Носовым и поддержанная А.А. Зиминим, не выходила за рамки «классической» советской исторической «пятичленки», предлагая выбор между феодальной реальностью и буржуазным будущим. Позиция С.Ю. Шокарева в этом отношении иная. Отдельную, восьмую по счету главу своего исследования, «Судьбы удельной Руси», он посвятил рассмотрению альтернативных вариантов развития Русской земли в ту давнюю эпоху. Прежде чем говорить об альтернативах, историк ставит непростые вопросы: «Что же страшнее: “несвобода”, установившаяся одновременно с единодержавием Ивана III? или ее противоположность – феодальная анархия, делавшая Русь слабой жертвой ордынцев? Влечет ли автоматически за собой удельная раздробленность междоусобные войны и гибель под мечом иноземных агрессоров?» (Шокарев, 2022: 265). И далее он обращает внимание своих читателей на любопытные наблюдения, сделанные В.Д. Назаровым относительно характера межкняжеских отношений

в Северо-Восточной Руси в конце XIV – начале XV в. Согласно им, после 1389 г., когда Владимирское великое княжение стало частью «отчины» московских великих князей, прежняя слабо структурированная иерархия северо-восточных русских князей, среди которых великий владимирский князь занимал место «старейшего», отошла в прошлое. На этом месте «формально складывается совокупность самостоятельных княжений, юридически независимых друг от друга, причем каждое из них находилось в прямой зависимости от Золотой Орды» (Назаров. 2010: 385).

По мнению С.Ю. Шокарева, «это важное явление еще недостаточно изучено и недооценено. И в первую очередь – как *возможная альтернатива дальнейшему пути исторического развития ...* (выделено нами. – В.П.)» (Шокарев, 2022: 269). Развивая этот тезис, автор биографии углицкого князя приводит обширные выдержки из статьи правозащитника С.А. Шарова-Делоне «Тектонические сдвиги, развилки и пугающий новый мир», подытоживая рассуждения ее автора своим выводом: «Самодержавной перспективе противостояла другая – федерально-феодалная, соответствовавшая западноевропейскому пути развития с большей вероятностью формирования на Руси гарантий права и свобод граждан» (Шокарев, 2022: 270-271).

Итак, или «мрачная», с «кровавым заревом опричнины» впереди самодержавная перспектива, или «светлая» федерально-феодалная с «гарантиями прав и свобод граждан» – такими представляются С.Ю. Шокареву альтернативы развития Русской земли. Конечно, как типичный представитель либерального дискурса в отечественной историографии, он симпатизирует второй альтернативе и негативно относится к первой, но вынужденно оговаривается в конце этой главы, что «раздробленная на отдельные княжества (федеративная) Русь была обречена, поскольку эта форма государственного устройства не могла обеспечить защиту от татарской агрессии» (Шокарев, 2022: 283, 287). Отсюда и соответствующий вывод: Андрей Большой был изначально обречен на поражение и смерть (Шокарев, 2022: 368). По мнению автора биографии углицкого князя, «самодержавная (единодержавная) тенденция развития единого Российского государства сформировалась как ответ на сочетание факторов, тормозивших развитие русских земель и угрожавших мирному существованию и развитию» (Шокарев, 2022: 367).

Касаясь этих факторов, оказывавших негативное воздействие на развитие русских государственности и общества, С.Ю. Шокарев не оригинален. Следуя в русле отечественного исторического «мэйнстрима», он выделяет среди них в первую очередь татарскую агрессию и территориальные претензии Великого княжества Литовского, а также неблагоприятные природно-климатические условия. «Альтернативу ей [самодержавной тенденции. – В.П.] составляла перспектива феодальной федерации, – продолжает С.Ю. Шокарев, – основные контуры которой сложились в первой четверти XV в.». Но этот сценарий, полагал историк, не получил дальнейшего развития из-за внешнего давления и династического кризиса, поразившего московский правящий дом во второй четверти этого же столетия. «Династическая война в Московском княжестве определила дальнейший путь развития страны как единого централизованного государства, в котором верховная власть принадлежит одному правителю – господарю (хозяину)», – подчеркивает исследователь и дальше указывает, что «удельная (федеративная) перспектива развития не состоялась, и это породило тягостное противоречие между тенденцией раздела княжества и самодержавной тенденцией». Как результат этого противоречия – трагическая судьба удельных князей московского правящего дома (В.Д. Назаров отмечал, что за столетие с середины XV по третью четверть XVI в. семь московских удельных князей умерли или в заключении, или были отравлены, или казнены (Назаров, 2010: 409)), в том числе и Андрея Большого (Шокарев, 2022: 368).

От судьбы Андрея Большого С.Ю. Шокарев переходит к глобальным обобщениям. Для него противостояние Ивана III и углицкого князя – это противостояние «господаря огромной

страны холопов» и «последнего вольного человека Древней Руси», который оставался свободным даже в тюрьме, противопоставив грубой силе и жестокости нравственный закон и авторитет Высшего Судии (Шокарев, 2022: 372). Победа великого князя означала, по мнению автора, победу московского самодержавия, и она предопределила путь дальнейшей централизации, переросшей со временем в сверхцентрализацию. Центр, писал С.Ю. Шокарев, нещадно эксплуатировал «землю», которая отвечала давлению со стороны центра «ненасильственным этическим протестом – идеализацией удельной эпохи и ее героев в памятниках позднего летописания и агиографии ... (выделено нами. – В.П.)» (Шокарев, 2022: 368).

Добавим к этим выделенным словам от себя – и в трудах позднейших историков (Кобрин, Юрганов, 1991; Юрганов, 1991), благодаря которым рассуждения об альтернативах развития позднесредневековой-раннемодерной Русской земли, по словам Д.В. Глухова, «представляют не только (и не столько) ситуацию в исторической науке, сколько содержание общественно-политических дискуссий о путях развития России» (Глухов, 2023: 342). Как тут не вспомнить про «антикварный» подход к изучению истории, выделенный Фр. Ницше: «Все старое и прошлое, раз оно только попадает в круг нашего зрения, объявляется без дальнейших рассуждений равно достойным уважения, а все, что не соглашается преклониться перед этим старым, т. е. все новое и возникающее, заподозревается и отклоняется» (Ницше, 1990: 176). Но главная опасность такой истории, по мнению немецкого философа, заключалась в том, что «она способна только *сохранять* жизнь, а не порождать ее, поэтому она всегда приуменьшает значение нарождающегося, не обладая для правильной оценки его тем чутким инстинктом, каким располагает, например, монументальная история». Как результат, завершал свою мысль Ницше, «она задерживает энергичную решимость на новое, парализует силы деятеля, который в качестве такового всегда будет и должен оскорблять некоторые святыни» (Ницше, 1990: 177).

«Антикварный» подход с его преднамеренной идеализацией, конечно, способствует «укоренению» человека и общества в прошлом, сохранению исторической памяти, но эта идеализация далеко не всегда идет на пользу, поскольку порождает взамен одних мифов новые. Так и в нашем случае мы наблюдаем продолжение формирования новой мифологии, очередную попытку (хотя и с реверансами в сторону объективности) создать такое прошлое, от которого хотелось бы происходить (или, на худой случай, создать такой образ минувшего, в котором можно было бы укрыться от «свинцовых мерзостей дикой русской жизни»).

Представляется, однако, что дихотомия «федерально-феодалная перспектива» – «самодержавная перспектива» в известном смысле представляет собой историографический фантом, если вообще имеет отношение к «чистой» истории, а не к публицистике, пусть и исторической. По большому счету, что «самодержавие», что «феодалная федерация / конфедерация» являются не более чем удобными ярлыками, условными символами, запускающими в действие соответствующие коннотации. При этом не возникает вопроса, а было ли в действительности пресловутое «самодержавие», и что на самом деле означало это «самодержавие», не говоря уже о том, что оно само по себе как исторический феномен в разные времена имело разное содержание. Очевидно, что «самодержавие» Ивана III совсем не то же, что «самодержавие» Ивана Грозного, равно как «самодержавие» Алексея Михайловича отличалось, и существенно, от «самодержавия» Петра Великого или Николая I. Не говоря уже о том, что само существование «самодержавия» как политического явления можно поставить под вопрос (как это сделал, к примеру, Н. Хеншелл с «абсолютизмом» (Henshall, 1992)). То же самое можно сказать и о поднимаемой на щит представителями «либерального дискурса» «феодалной федерации / конфедерации» как альтернативы «самодержавию». А что же тогда было в рассматриваемую эпоху на Руси?

Попробуем для начала разобраться *sine ira et studio* с тем, что такое «самодержавие», очистив этот термин от негативных коннотаций, привнесенных в ходе ожесточенной политической борьбы. В свое время М.М. Сперанский, наставляя будущего императора Александра II в государственных законах империи, писал, что «титул самодержца означает не только власть верховную, но и власть от всякой другой власти, как-то: сейма или внутреннего какого-либо становления независимую» (Сперанский, 2002: 61). При этом он четко разделял «самодержавие внешнее», приложимое к государству, и «внутренне», относящееся к государю. В первом случае оно означало независимость государства от кого бы то ни было извне, так что «в сем смысле все государства независимые могут быть названы государствами самодержавными». Во втором случае оно означало на практике «соединение всех стихий державного права во всей полноте их, без всякого участия и разделения. Посему все государи в чистых монархиях могли бы именоваться самодержцами» (Сперанский, 2002: 59). При этом важнейшей характеристикой русского самодержавия Сперанский полагал его неограниченность, которая предполагала, по его мнению, что «никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри Империи не может положить пределов верховной власти российского самодержца».

Характеристика, которую дал Сперанский российскому самодержавию (подчеркнем: в том виде, который сложился к началу XIX в.), в общем и целом предопределила вектор его изучения российской историко-правовой наукой. При этом представители либерального ее дискурса, критикуя самодержавие и подчеркивая его деспотическую природу (Кистяковский, 2010: 11, 12), не обратили внимания на важную оговорку, сделанную Сперанским. Он отмечал, что «пределы власти, им самим [государем. – В.П.] постановленные, извне – государственными договорами, внутри – словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны». Больше того, Сперанский указывал, что всякое право, в том числе и самодержавное, «потолику есть право, поколику оно основано на правде», и «там, где кончится правда и где начинается неправда, кончится право и начинается самовластие» (Сперанский, 2002: 61). Согласимся с тем, что «правда» в данном случае термин отнюдь не юридический, а некое устоявшееся и поддерживаемое большей частью общества представление относительно правильного, справедливого мироустройства / миропорядка, одним словом, «старина», традиция. Суть этой «земской правды» лаконично, но четко и недвусмысленно выразила Н. Коллманн: «Правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе» (Kollmann, 2012: 416).

Мог ли Иван III (и его преемники, тот же Иван Грозный) вести себя как деспот и самовластец, попирая «правду»? Формально, по логике «либерального дискурса» – да, и сам Иван III как будто давал повод так думать. Так, в 1499 г., решив посадить своего сына Василия великим князем в Новгороде и Пскове, Иван в ответ на протест псковичей, увидевших в этом нарушение традиции («держали отчину свою по старине, а которой бы был велики князь на Москве, тои бы и нам был государь»), заявил челобитчикам: «Чи не волен яз въ своем вноуке и оу своих детех; ино кому хочю, тому дамъ княжество» (Псковская 1-я летопись, 2003: 83). Однако этот же Иван, «деспот» и «самовластец» (как можно подумать, исходя из его ответа псковичам), встал на сторону обиженных его великокняжескими наместниками великолучан и тех же псковичей, опалившись на князей Оболенских и заставив их выплатить «обиду» и немалые штрафы челобитчикам (то есть поступил в соответствии с земской «правдой» в трактовке Н. Коллманн).

В чем причины такой двойственности и был ли Иван III в действительности самодержцем? В том, что Иван III был сильным правителем, обладавшим немалой властью над своим окружением, сомневаться не приходится. Но была ли власть Ивана столь же сильной и значимой, если говорить о всем обществе, о всей «земле»? Пожалуй, что нет, и вот

почему. К.В. Петров отмечал в этой связи, что государство XVI–XVII вв., если сравнивать его с современным государством, было как институциональное образование намного слабее – и в административном, и в финансовом, и в иных отношениях. Современное государство обладает несравненно большими возможностями по воздействию на общество, чем раннемодерное. Отсюда К.В. Петров делал неожиданный, но вполне логичный вывод: «Возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе» (Петров. 2008: 375–376).

Подобная амбивалентность отнюдь не случайна и связана она в первую очередь со слабостью того, что Дж. Брюэр называл *sinews of power*, «жилы власти» (или ее «мускулы», инфраструктура) (Brewer, 1989). Эту инфраструктуру составляли бюрократический аппарат, более или менее отлаженная налоговая система, позволявшая верховной власти чувствовать себя относительно уверенно и независимо от мнения «политического народа», развитое коронное право и суд и, само собой, силовые структуры, замкнутые на государя и зависящие от него. Однако процесс наращивания этой инфраструктуры, превращения малочисленной домениальной администрации в общегосударственную – процесс весьма растянутый во времени и к тому же чрезвычайно ресурсоемкий (совсем не случайно М.М. Кром назвал свою книгу о Московской Руси XV–XVI вв. «Рождение государства» (Кром, 2018)). Памятуя же о том, что трансформация средневековых политий в раннемодерные государства происходила постепенно, эволюционным путем, для последних на первых этапах становления остается в силе наблюдение относительно природы средневековой государственности, сделанное А.Г. Глебовым. В отсутствие отлаженной бюрократической машины, более или менее исправно функционирующей системы налогообложения и более или менее постоянной армии (все это Ивану III и его преемникам только предстояло создать), указывал историк, «король был зависим в делах администрации от согласия и сотрудничества своих подданных, в первую очередь, разумеется, магнатов, крупных землевладельцев, но также и всех, кто был в состоянии нести военную и полицейскую службу» (Глебов, 2008: 13–14). В основе этой политической и административной системы находились «личный контакт управляющего и управляемых, соучастие магнатов, богатых и влиятельных людей в управлении государством и отдельными его областями, консенсус, коллективное согласие элитарных групп сообществ различного уровня и масштабов, коллективное принуждение и коллективное действие этих сообществ ... (выделено нами. – В.П.)» (Глебов, 2008: 15).

Примечательно, что Н.Н. Покровский, характеризуя особенности русской политической системы при Иване III, писал примерно о том же: «Система власти базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними» (Покровский, 1991: 6). При этом, отмечал историк, общество представляло собой совокупность отдельных, обычно самоуправляющихся структур – крестьянские и посадские миры, дворянские уездные «корпорации», «корпорации» церковные и пр. «Именно через них человек средневековья включался во всю систему сословно-представительного государства», так как центральная власть в то время не обладала способностью доходить до каждого конкретного подданного в силу своей институциональной слабости и вынужденно опиралась на эти первичные социальные общности. «Но это автоматические означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны» (Там же), – подытоживал свои наблюдения Н.Н. Покровский.

Собственно говоря, события «войны из-за золотого пояса» между Василием II и его дядей Юрием Звенигородским, а затем его сыновьями Юрьевичами, более чем наглядно подтверждают эти положения, и государственная машина Ивана III (если ее так можно

назвать) в своем развитии недалеко ушла от той, которая сложилась при его отце. До тех пор, пока эта «мускулатура» не будет «прокачана» в должной степени, можно ли говорить о сколько-нибудь заметном «внутреннем» самодержавии? Трудно не согласиться в этом случае с мнением Л. Бентон, которая отмечала, что в раннее Новое время суверенитет верховной власти, то самое «внутреннее» ее самодержавие, носил призрачный характер и был больше декларацией, нежели реальностью (Benton, 2010: 279).

Из всего вышесказанного напрашивается закономерный вывод. Государство, которое создавал Иван III и продолжали строить его преемники Василий III и Иван IV, не может полагаться ни «самодержавным» (с теми негативными, деспотическими коннотациями, которые традиционно вкладывают в его характеристику представители «либерального дискурса»), ни «централизованным» (если понимать под ним, по словам А.И. Филюшкина, «государство, унифицированное в административном и институциональном плане» (Филюшкин, 2009: 5). Иван III если и был самодержцем, то только «внешним» (и то с оговорками), но полноценным «внутренним» самодержавием он не обладал – соответствующие структуры и институты, которые позволили бы ему обрести независимость от мнения «политического народа», в его эпоху только-только начали формироваться. Так же далеко было и до полноценной централизации – пожалуй, единственная область, в которой при Иване была достигнута значительная степень централизации, это военное управление (но сама основа вооруженных сил Русского государства при Иване оставалась типичной средневековой). И, откровенно говоря, странно видеть, когда историк-эрудит, считающий себя специалистом по раннемодерной русской истории, соглашается с мнением краеведа-публициста В.А. Гречухина, утверждавшего, что Иван III создал Государство, но не мог создать Человека в нем, поскольку государство это было основано на страхе (Шокарев, 2022: 362). Громкая фраза и эффектное обобщение, но непроясненным остается главный вопрос – а чем, какими инструментами поддерживал Иван III и его преемники этот самый страх, который, по словам краеведа, сбивал подданных московских государей в толпу?

Без ответа остается и другой вопрос, которым в свое время задавался Р. Пайпс, – что изменилось бы в судьбе Русского государства и общества, если бы процесс «собирания» земель в конечном итоге возглавила, к примеру, Тверь? Для Пайпса, апологета «вотчинной» теории, перемена точки сборки ничего не меняла в сущности государства (Пайпс, 1993: 110). Поставим и мы мысленный эксперимент и зададимся вопросом, что переменялось бы в судьбе Русского государства и общества, займи Андрей Углицкий, этот «последний вольный человек Руси», московский престол? И на этот вопрос наш ответ будет скорее отрицательным, чем положительным – сменились бы декорации, общий антураж, но основа сценария все равно осталась бы той же самой. Андрей I действовал бы в том же духе, что и его старший брат, только, быть может, несколькими иными методами.

Могло ли быть иначе? На наш взгляд, нет. И Иван III, и его братья в равной степени были порождениями своего времени и своего социума, с детства впитавшим его ценности и мироустановки. Дело здесь вовсе не «патримониальной» природе русской государственности. Московское (впрочем, как и тверское, рязанское и пр.) общество (и его «политический народ») и в XV веке, и позднее оставалось глубоко патриархальным, консервативным, приверженным традиции и обычаю, аграрным социумом «первой волны» (Э. Тоффлер), к тому же еще и «холодным» (К. Леви-Стросс). «Все новое добро есть, но ветхое всего лучше есть и сильнее» – в этих словах в краткой, но вместе с тем наглядной форме отражено отношение к переменам в таком обществе (Розанов, 1904: 34). В условиях, когда устойчивость и эффективность работы властных механизмов во многом зависела от лояльности подданных, этих самых перемен не желавших, «коридор» возможностей для политического маневра у монарха был очень узким. Поэтому, в конечном итоге, мы не видим

особой разницы между Иваном III и Андреем I на московском столе – они играли одну и ту же историческую роль в рамках сценария, запущенного задолго до них.

Есть одно «но», которое вносит некоторое смятение в такой исторический «прогноз». С.Ю. Шокарев вслед за угличскими «антикварами»-апологетами Андрея Большого постоянно противопоставляет братьев, подчеркивая «рыцарственную» и «вольную» натуру удельного князя, ставившего этические принципы выше сугубо прагматических. Ярким примером этого явился, по мнению автора биографии угличского князя, «ненасильственный протест» Андрея против великокняжеской несправедливости в 1479-1480 гг. (Шокарев, 2022: 364-365). Насколько справедлива такая оценка действий Андрея (и его брата Бориса)?

Описывая события княжеской фронды против Ивана III, С.Ю. Шокарев рисует образ удельного князя – едва ли не толстовца, непротивленца злу насилем. Андрей (и Борис, призвавший брата к мятежу и нашедший в Андрее активнейшего сторонника), полагает историк, мог бы выбрать путь активной вооруженной борьбы и захватить Москву, тем более что Ивана III там не было, великий князь пребывал в Новгороде, расследуя дело о заговоре архиепископа Феофила. Однако ни Андрей, ни Борис не решились на этот шаг, хотя, по мнению С.Ю. Шокарева, имели в своем распоряжении достаточно сил для рейда на столицу (Шокарев, 2022: 237-238). Представляется, однако, что дело вовсе не в этом, – в столице, пусть и оставшейся без великого князя, Андрея и Бориса никто не ждал (косвенным свидетельством в пользу этого предположения выступает отправка Борисом Волоцким своего семейства поближе к литовской границе, во Ржев). Опыт «войны из-за золотого пояса» наглядно показывал, что без поддержки изнутри овладеть Москвой практически невозможно и уж точно не получится долго усидеть там. А имелась ли в столице «партия» поддержки удельных князей, в особенности среди «политического народа»? Ответ скорее будет отрицательным. Поэтому князья отправились во Ржев, а оттуда, видя пассивность великого князя, отказавшегося идти на вооруженное подавление фронды, повернули на Новгород. С.Ю. Шокарев полагает, что у них не было четкого плана действий (Шокарев, 2022: 237), и в этом с ним, пожалуй, можно согласиться. Это обстоятельство, кстати, не слишком положительно характеризует братьев как политиков и государственных деятелей, претендующих на соправительство Русской землей вместе со своим старшим братом: решение устроить мятеж было принято Борисом спонтанно, без тщательной подготовки, ребячески. И точно так же, не думая о последствиях, к фронде присоединяется Андрей.

До Новгорода братья не дошли и, снова повернув к литовскому рубежу, обосновались в Великих Луках (возникает, кстати, вопрос, не был ли связан заговор Феофила с удельной фрондой?). И здесь князья-толстовцы показали себя во всей красе. Их воины «положиша пусты» великолукские волости – псковский летописец оставил весьма красочное описание «силоного имания», которое устроили дворяне и дети боярские Андрея и Бориса в городе и тянувших к нему волостях (Псковская 2-я летопись, 2000: 60). Сам по себе обычай «силоного имания» не был новинкой на Руси, однако надо было сильно постараться чтобы попасть с этим на старицы летописей – таких случаев не так уж и много. Примечательна фраза С.Ю. Шокарева, касающаяся этих событий: «Для волоцких и угличских дворян жители новгородских волостей и Великих Лук были чужими, хотя пока что и не врагами» (Шокарев, 2022: 239). Именно так, «чужими», но, слава Богу, пока не врагами! И реакция князей на действия их людей характеризует их далеко не лучшим образом – о каком «братском совлaдении» Русской землей может идти в этом случае речь? Если Русь общая «отчина» для всех князей московского княжеского дома, то какой смысл разрушить ее подобно тем же татарам?

Последний гвоздь в гроб *corpus fratrum* забило поведение братьев и их воинства во Пскове. Псков, оказавшийся под ударом ливонцев, воззвал к великому князю, но тот, занятый противостоянием с братьями и надвигающимся нашествием хана Большой Орды Ахмата,

фактически отказал псковичам. Тогда псковичи снарядили посольство в Великие Луки к братьям. Андрей и Борис откликнулись на призыв псковичей о помощи, но, как писал летописец, «пришедшее, оучиниша Пскову горее и Немец». Братья запоздали с прибытием в город; накануне их прихода ливонцы оставили свои позиции под псковскими стенами и отступили восвояси. Обрадованные псковичи, поразмыслив, отказали братьям в их желании превратить город в базу для дальнейшего сопротивления великому князю. И тогда братья решили примерно наказать псковичей, «распустиша по всем волостем люди своя ... И тако много волостей повоеваша, аки невернии, и дома божия пограбиша и скоту много посекоша, и жены и девицы поскверниша, и пленившее многих сведоша, а от скоту не оставиша ни куряти, токмо огнем не жгоша». Испуганные псковичи, чтобы избавиться от таких «помощников», согласились выплатить братьям в качестве отступного 215 рублей, после чего братья и отъехали обратно на Новгородчину (Псковская 2-я летопись, 2000: 61-62).

Великолуцкий и псковский эпизоды походов Бориса Волоцкого и Андрея Углицкого наглядно показывают, что братья в своих действиях руководствовались своим партикулярным интересом, но никак не общественным и тем более государственным. И требование Бориса поделиться «жребием» в той же Новгородской земле стоит рассматривать только как его стремление увеличить свои доходы и влияние, не более того. Вообще, поведение братьев во время кризиса 1479-1480 гг. очень напоминает действия тех же князей Оболенских в тех же Великих Луках и во Пскове. Действия Бориса Волоцкого и Андрея Углицкого демонстрируют, с одной стороны, маловероятность сценария, когда бы тот же Андрей Углицкий готовился захватить власть в Москве – во всяком случае, в 1480 г. об этом речи не шло. С другой стороны, политика обоих удельных князей не менее наглядно показывает отсутствие у них качеств, присущих государственным деятелям и политикам действительно великим, способным серьезно повлиять на историческую реальность, изменить ее. Уровень удельного князя, озабоченного интересами своего удела. кругозор которого не пересекает границ удела, – вот политический «потолок», выше которого они подняться так и не смогли. С учетом этого противопоставление Ивана III и Андрея Углицкого теряет всякий смысл, стоит только пожалеть Русь-матушку, окажись у власти такие персонажи, как Борис Волоцкий или Андрей Углицкий. Наконец, *last but not least*, удельная фронда 1479-1480 гг. показала всю шаткость политической системы, основанной на принципах *corpus fratrum* (пресловутой «феодальной федерации / конфедерации»). Неудовлетворенные амбиции и уязвленное самолюбие в духе «тварь ли я дрожащая, или право имею?» соправителей, как оказалось, были способны поставить ее на грань политической катастрофы.

Подводя общий итог всему вышесказанному, отметим, что работа С.Ю. Шокарева, посвященная Андрею Углицкому, конечно, представляет интерес как историческое исследование – автор ответственно отнесся к подбору источников и литературы и подготовил основательно фундированную работу. Однако, как это случается, далеко не со всеми трактовками и интерпретациями сведений источников, которые дает автор, можно согласиться – его политическая ангажированность постоянно дает о себе знать, в особенности в тех разделах исследования, которые касаются альтернативности путей исторического развития Русского государства и общества. Минувшее представляется более сложным, его трудно втиснуть в рамки умозрительных схем, даже если эти попытки предпринимаются с благими намерениями.

Источники

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (1950), Изд-во АН СССР, Москва–Ленинград.

Львовская летопись (2005), *Полное собрание русских летописей*, Т. XX, Языки славянских культур, Москва.

Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка (2003), *Полное собрание русских летописей*, Т. V, Вып. 1, Языки славянской культуры, Москва, 74-112.

Псковская 2-я летопись (2000), *Полное собрание русских летописей*, Т. V, Вып. 2, Языки русской культуры, Москва, 9-69.

Розанов, С. П. (1904), *Материалы по истории русских Пчел*, Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства, Вып. CLIV, Москва.

Типографская летопись (2000), *Полное собрание русских летописей*, Т. XXIV, Языки русской культуры, Москва.

Литература

Алексеев, Ю. Г. (1991), *Государь всяя Руси*, Наука, Новосибирск.

Алексеев, Ю. Г. (2018), «Освобождение Руси от ордынского ига», *Алексеев Ю.Г. История России в эпоху великого князя Ивана III*, Изд-во Олега Абышко, Санкт-Петербург, 279-545.

Борисов, Н. С. (2003), *Иван III*, Молодая гвардия, Москва. EDN: QOSLGT

Глебов, А. Г. (2008), «О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе», *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*, Наука, Москва, 11-19. EDN: TJAPQK

Глухов, Д. В. (2023), «Брат великого князя. Рец.: Шокарев С.Ю. Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич: Угличе Поле, 2022. 424 с.», *Историческая экспертиза*, 1, 36-43.

Зимин, А. А. (1991), *Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.* Мысль, Москва. EDN: RVBRNP

Карацуба, И. В., Курукин, И. В. и Соколов, Н. П. (2005), *Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов.* КоЛибри, Москва. EDN: QPCAXN

Кистяковский, Б. А. (2010), *Избранное*, Ч. 2., РОССПЭН, Москва.

Кобрин, В. Б. и Юрганов, А. Л. (1991), «Становление деспотического самодержавия в средневековой России (к постановке проблемы)», *История СССР*, 4, 54-64. EDN: PFBNOV

Ковалев-Случевский, К. П. (2008), *Юрий Звенигородский*, Молодая гвардия, Москва.

Кром, М. М. (2018), *Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков*, Новое литературное обозрение, Москва. EDN: WSJKGR

Маркс, К. (1989), «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», *Вопросы истории*, 1, 12-68.

Назаренко, А. В. (2009), «Древнерусское династическое старейшинство по “ряду” Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые», *Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. (историко-филологические исследования)*, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Москва, 7-28.

Назаров, В. Д. (2010), «Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов)», *Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина*, Языки славянских культур, Москва, 382-427.

Ницше, Ф. (1990), «О пользе и вреде истории для жизни», *Ницше Ф. Сочинения в двух томах, Том 1*, Мысль, Москва, 159-230.

Носов, Н. Е. (1969), *Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного*, Наука, Ленинград. EDN: QPHGAF

Пайпс, Р. (1993), *Россия при старом режиме*, Независимая газета, Москва.

Пенской, В. В. (2022), «“Где тиун, там и князь...”: власть и общество в раннемодерной России (казус князя И. В. Лыко Оболенского)», *Caurus*, 2, 12-26. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12-26; EDN: DPTNHX

Петров, К. В. (2008), «Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева “Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.”)», *Очерки феодальной России*, Вып. 12, Альянс-Архео, Москва-Санкт-Петербург, 365-382.

Покровский, Н. Н. (1991), «От редактора», *Алексеев Ю.Г. Государь всяя Руси*, Наука, Новосибирск, 3-12.

Соловьев, С. М. (1989), *Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5*, Мысль, Москва.

Сперанский, М. М. (2002), *Руководство к познанию законов*, Наука, Санкт-Петербург.

Филюшкин, А. И. (2009), «Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики», *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История*, 2, 5-20. EDN: KVQOZD

Шокарев, С. Ю. (2022), *Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха*, Угличе Поле, Углич. EDN: NFNVRD

Юрганов, А. Л. (1991), «У истоков деспотизма», *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.*, Изд-во политической литературы, Москва, 34-75.

Benton, L. (2010), *A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900*, Cambridge University Press, Cambridge, New York.

Brewer, J. (1989), *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*, Unwin Hyman, London.

Henshall, N. (1992), *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*, Longman, London & New York.

Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge.

Sources

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. [Testament and Treaty Charters of the Grand and Appanage Princes of the 14th–16th Centuries] (1950), Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow–Leningrad, USSR.

Lvovskaya letopis [The Lvov Chronicle] (2005), *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 20, Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia.

Pskovskaya 1-ya letopis. Prodolzhenie Pogodinskogo spiska [The Pskov First Chronicle. Continuation of the Pogodin Copy] (2003), *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 5, Iss. 1, Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia, 74-112.

Pskovskaya 2-ya letopis [The Pskov Second Chronicle] (2000), *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 5, Iss. 2, Yazyki russkoy kultury, Moscow, Russia, 9-69.

Rozanov, S. P. (1904), *Materialy po istorii russkikh Pchel* [Materials on the History of Russian Bees], *Obshchestvo lyubiteley drevney pismennosti. Pamyatniki drevney pismennosti i iskusstva* [Society of Lovers of Ancient Literature. Monuments of Ancient Literature and Art], Iss. 64, Printing house of I. N. Skorokhodov, Moscow, Russia.

Tipografskaya letopis [The Typographic Chronicle] (2000), *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 24, Yazyki russkoy kultury, Moscow, Russia.

References

Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar vseya Rusi* [Sovereign of All Rus], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Alekseev, Yu. G. (2018), “Liberation of Rus' from the Horde yoke”, in: Alekseev Yu. G. *Istoriya Rossii v epokhu velikogo knyazya Ivana III* [History of Russia in the Era of Grand Duke Ivan III], Oleg Abyshko Publishing House, St. Petersburg, Russia, 279-545 (in Russ.).

Benton, L. (2010), *A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA.

Borisov, N. S. (2003), *Ivan III*, Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QOSLGT

Brewer, J. (1989), *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*, Unwin Hyman, London, UK.

Filyushkin, A. I. (2009), “The Moscow Neonatal Empire: How It Produced the Categories of Political Practice”, *Vestnik of St. Petersburg University. History*, 2, 5-20 (in Russ.). EDN: KVQOZD

Glebov, A. G. (2008), “On some features of early medieval statehood in Western Europe”, *Vlast, obshchestvo, individ v srednevekovoy Evrope* [Power, Society, and Individual in Medieval Europe], Nauka, Moscow, Russia, 11-19 (in Russ.). EDN: TJAPQK

- Glukhov, D. V. (2023), "Brother of the Grand Duke. Reviewed by: Shokarev S. Yu. Andrey Bolshoy Uglichsky. Fate and Era. Uglich: Ugleche Pole, 2022. 424 p.", *Historical Expertise*, 1, 36-43 (in Russ.).
- Henshall, N. (1992), *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*, Longman, London & New York.
- Karatsuba, I. V., Kurukin, I. V. and Sokolov, N. P. (2005), *Vybiraya svoju istoriyu. "Razvilki" na puti Rossii: ot Ryurikovichy do oligarkhov* [Choosing Your Own History. "Forks" in Russia's Path: from the Rurikovichs to the Oligarchs], KoLibri, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QPCAXN
- Kistyakovskiy, B. A. (2010), *Izbrannoe* [Selected Works]. Ch. 2. ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).
- Kobrin, V. B. & Yurganov, A. L. (1991), "The Formation of Despotic Autocracy in Medieval Russia (towards the Statement of the Problem)", *History of the USSR*, 4, 54-64 (in Russ.). EDN: PFBNOV
- Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Kovalev-Sluchevskiy, K. P. (2008), *Yury Zvenigorodskiy* [Yuri Zvenigorodsky], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.).
- Krom, M. M. (2018), *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus XV–XVI vekov* [Birth of the State: Muscovite Rus in the 15th–16th Centuries], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: WSJKGR
- Marks, K. (1989), "Exposing the Diplomatic History of the 18th Century", *Questions of History*, 1, 12-68 (in Russ.).
- Nazarenko, A. V. (2009), "Old Russian dynastic seniority according to the "order" of Yaroslav the Wise and its typological parallels – real and imaginary", in: *Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus i slavyane (istoriko-filologicheskie issledovaniya)* [Ancient Rus and the Slavs (historical and philological studies)], Russian Foundation for Assistance to Education and Science, Moscow, Russia, 7-28 (in Russ.).
- Nazarov, V. D. (2010), "The Rurikovichs of North-Eastern Rus in the 15th century (on the typology and dynamics of princely statuses)", *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremya)* [Estates, institutions and state power in Russia (Middle Ages and early modern times)]: Collection of articles in memory of academician L.V. Cherepnin, Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia, 382-427 (in Russ.).
- Niczshe, F. (1990), "On the benefits and harms of history for life", in: *Works in Two Volumes, Vol. 1*, Mysl, Moscow, USSR, 159-230 (in Russ.).
- Nosov, N. E. (1969), *Stanovlenie soslovno-predstavitelnykh uchrezhdeniy v Rossii. Izyskaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo* [Formation of Estate-Representative Institutions in Russia. Research on the Zemstvo Reform of Ivan the Terrible], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.). EDN: QPHGAF
- Pipes, R. (1993), *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Nezavisimaya gazeta, Moscow, Russia (in Russ.).
- Penskoy, V. V. (2022), "Where There Is A Tiun, There Is A Prince...": Power And Society In Early Modern Russia (Caus Of Prince I. V. Lyko Obolensky)", *Caurus*, 2, 12-26 (in Russ.). DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12-26; EDN: DPTHKX
- Petrov, K. V. (2008), "Did the 1497 Code of Laws have the significance of law in its modern sense? (Regarding S.N. Kisterev's article "The Grand Ducal Code of Laws of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century")", *Essays on Feudal Russia*, Iss. 12, Aliyans-Arkheo, Moscow–St. Peterburg, 365-382 (in Russ.).
- Pokrovskiy, N. N. (1991), "Ot redaktora", in: *Alekseev, Yu.G. (1991). Gosudar vseya Rusi* [Sovereign of All Rus], Nauka, Novosibirsk, USSR, 3-12 (in Russ.).
- Soloviev S. M. (1989), *Works in Eighteen Books. Book III. History of Russia from Ancient Times. Vol. 5*, Mysl, Moscow, USSR (in Russ.).
- Speranskiy, M. M. (2002), *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [Guide to Understanding the Laws], Nauka, St. Peterburg, Russia (in Russ.).
- Shokarev, S. Yu. (2002), *Andrey Bolshoy Uglichskiy. Sudba i epokha* [Andrey Bolshoy Uglichsky. Fate and Era], Ugleche Pole, Uglich, Russia (in Russ.). EDN: NFNVRD
- Yurganov, A. L. (1991), "At the origins of despotism", *History of the Fatherland: People, Ideas, Decisions. Essays on the History of Russia from the 9th – Early 20th Centuries*, Publishing House of Political Literature, Moscow, USSR, 34-75 (in Russ.).

Zimin, A. A. (1991), *Vityaz na rasputie: Feodalnaya voina v Rossii XV v.* [Knight at the Crossroads: Feudal War in Russia in the 15th Century], Mysl, Moscow, USSR (in Russ.). EDN: RVBRNP

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsuedu.ru

ORCID ID: 0000-0002-4092-8992

Researcher ID: S-7698-2016

Scopus Author ID: 57190883623

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaly V. Penskoy, Grand PhD in Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsuedu.ru

ORCID ID: 0000-0002-4092-8992

Researcher ID: S-7698-2016

Scopus Author ID: 57190883623

УДК 330.162

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-7

Говорун Е. Д.

Моральная взаимность: к возвращению «мы» в философии экономики (Дж. Сакс, Дж. Хаскел, С. Устлейк, К. Шваб)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
elena_funikova@mail.ru

Аннотация. В статье содержится аналитический обзор философско-экономических исследований последних пяти лет, ориентированных на выявление моральных предпосылок экономической деятельности. Проблема как будто очевидной и при этом сложно вплетенной в экономические практики морально-этической составляющей, ее актуализация в связи с усложнением и разветвлением современных экономических процессов, уточнение ее потенциальной силы экономического развития, как показывает аналитический обзор, с наибольшей концептуальной определенностью дает себя знать в работах Дж. Сакса, Дж. Хаскела, С. Уэстлейка и К. Шваба. Прослеживается некоторое единство в оценке и понимании этими исследователями текущей моральной ситуации в мировой экономике, при разности подходов к пониманию ее условий и смысловых структур. Осознание экономического индивидуализма и моральной разобщенности современной экономики, перспективное возвращение к обществу «мы» намечается в религиозной философии Дж. Сакса; понимание возрастающего значения нематериальной экономики – в трудах Дж. Хаскела и С. Уэстлейка; обновляется установка на достижение всеобщего блага в концепции «капитализма всех заинтересованных сторон», предлагаемой К. Швабом. Новейшие исследования в области философии моральной экономики, как показывает анализ, открывают поле для междисциплинарного осмысления экономики как гуманитарной реальности, оптимально возможной для целостного человека, ответственно познающего и действующего в виду «мы-экономики», морально определенных установок экономического действия.

Ключевые слова: мораль; экономическое развитие; общественное благо; нематериальная экономика; моральная экономика; глобализация; Дж. Сакс; Дж. Хаскел; С. Уэстлейк; К. Шваб

Для цитирования: Говорун, Е. Д. (2026), «Моральная взаимность: к возвращению «мы» в философии экономики (Дж. Сакс, Дж. Хаскел, С. Устлейк, К. Шваб)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 75-87. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-7

E. D. Govorun

Moral Reciprocity: Bringing the “We” Back into Economics (J. Sacks, J. Haskel and S. Westlake, K. Schwab)

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
elena_funikova@mail.ru

Abstract. The present article provides an analytical review of contemporary philosophical and economic scholarship conducted over the past five years, with the objective of elucidating the moral prerequisites underpinning economic activity. The moral and ethical dimension of the economy, while seemingly self-evident, is in fact intricately embedded in prevailing economic practices. In light of the increasing complexity and multifaceted nature of modern economic processes, the role of ethics as a determinant of economic development has become a subject of heightened scholarly attention. The immediate context for this inquiry comprises the moral processes currently unfolding within the global economic system – characterized by their humanitarian nonlinearity, or, alternatively, by their inherent moral complexity.

A degree of convergence may be observed in the assessments and interpretations of the current moral state of the global economy advanced by such scholars as J. Sacks, J. Haskell, S. Westlake, and K. Schwab; nevertheless, notable differences persist in their respective approaches to conceptualising the conditions and semantic structures of this phenomenon. In particular, J. Sacks, operating within the framework of religious philosophy, addresses the problem of economic individualism and moral fragmentation, advocating a transition towards a societal model grounded in the collective notion of the “we”. J. Haskell and S. Westlake underscore the growing significance of the non-material dimension of the economy. Meanwhile, K. Schwab’s conception of “stakeholder capitalism”, which emphasises the pursuit of the common good, is experiencing a renewed theoretical and practical relevance. Contemporary research in the field of moral economics, as the analysis demonstrates, opens up opportunities for an interdisciplinary understanding of the economy as a human reality. Such an approach is optimally aligned with the notion of a “we-economy”, wherein economic agents act in a responsible manner and ground their decisions in clearly articulated moral principles.

Keywords: morality; economic development; common good; intangible economy; moral economy; globalization; J. Sacks; J. Haskel; S. Westlake; K. Schwab

For citation: Govorun, E. D. (2026), “Moral Reciprocity: Bringing the ‘We’ Back into Economics (J. Sacks, J. Haskel and S. Westlake, K. Schwab)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 75-87. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-7

Взаимосвязь экономической деятельности и морально-этических установок человека становится предметом многих исследований как в философско-антропологическом, так и экономическом поле. Прежде преимущественно в философском, религиозном контексте (Göts, 2015: 149), а позднее, с возникновением экономики как науки и до настоящего времени, часто становясь необходимым размышлением в связи с вызовами и потрясениями разных периодов развития общества и экономической деятельности человека, актуализируется проблема поиска точек соприкосновения экономики и морали.

Сегодня живой исследовательский интерес к морально-этическим проблемам (аспектам) экономической деятельности человека обусловлен текущими тенденциями развития экономики и общества. Многообразие и сложная взаимосвязь экономических явлений и процессов, их зависимость от технологического и общественного развития ставят перед человеком задачу поиска решений для лучшего будущего с различных углов зрения. В работах экономистов последних лет отмечается целый ряд проблем, с которыми столкнулась мировая экономика за последние десятилетия: еще сказывающиеся последствия кризиса 2007-2008 гг., медленные темпы и неравномерность экономического роста и приумножение форм экономического неравенства, ковидный кризис, высокая моральная неустойчивость мировой экономики 2022–2026 гг. и др. Многие из экономистов задаются вопросом, «не разрушает ли сегодняшний капитализм нашу планету?» (Хаскел и Устлейк, 2025: 36).

Анализ причин текущей экономической и общественной ситуаций возвращают философию экономики к обновлению ветшающих и возобновлению исторически испытанных моральных контуров экономической деятельности, поиску ответов на вопросы о конкретном моральном будущем современной экономики¹. Для исследовательских новинок последних лет характерна некоторая особенная познавательная-смысловая объемность – стремление вывести экономику из плоскости рефлексии чисто экономических процессов и материальных сущностей к признанию жизненно необходимой важности ее элементов (человека, морали, здоровья общества и его институтов).

Д. Хаскел и С. Уэстлейк в новой работе характеризуют современную экономическую ситуацию «пятью отрицательными чертами экономики XXI века – *стагнацией, неравенством, неэффективной конкуренцией, хрупкостью и неподлинностью*» (Хаскел и Уэстлейк, 2025: 37). Беспокоят исследователей и разобщающая политика, и становящиеся проблемами явления личной жизни человека (одиночество, депрессия, рост наркомании, суицида и др.).

***

Важнейшим трудом, объединившим размышления об актуальных тенденциях мировой экономики и общественного развития с глубоким погружением в тему морали как основы здорового и свободного общества, становится вышедшая в свет в 2020 г. и переведенная на русский язык в 2024 г. книга Дж. Сакса (Сакс, 2024). Являясь ортодоксальным иудаистом и строя свои размышления в иудейской традиции понимания «природы здорового общества», Дж. Сакс тематизирует экономику современного общества во взаимосвязи с моралью, основываясь в том числе на принципах моральной философии (Сакс, 2024: 10). В своем интервью перед выходом книги Дж. Сакс называет родной ему иудаизм как бы хождением между «я» и «мы»; именно это преодоление «мы» над «я» Сакс и считает основанием нравственного общества, уточняя тем самым возможность управления экономикой в связи с тонкой балансировкой борьбы за индивидуальные свободы и сохранение коллективных ценностей и ответственности: «хождение по канату между “я” и “мы”»; «и хотя в своей книге я не слишком много говорил об иудаизме, в основе книги лежит ощущение того, насколько тонким является этот баланс»².

¹ О тенденциях исследований в области моральной экономики см. напр.: (Боулз, 2017) (Бенерджи и Дюфло, 2021) (Фридман, 2026).

² Jewish Telegraphic Agency. Interview with J. Sacks [Электронный ресурс], URL: <https://www.jta.org/2020/08/27/ideas/rabbi-jonathan-sacks> (дата обращения: 13.02.2026). Традиция, которая в ближайшей философской ретроспективе восходит к трудам М. Бубера, Ф. Розенцвейга и др. См., напр.: «Любовь есть ответственность Я за Ты» (Бубер, 2024: 18); о противоречии понятий личности и индивидуальности «родовой общности» (Розенцвейг, 2017: 94). В отечественной философской традиции на «мы» как условие социального мышления указывает С.Л. Франк (Франк, 2010: 439).

Необходимость поиска смысловых доминант моральной философии Дж. Сакс обосновывает «изменением культурного климата» (Сакс, 2024: 17). Основой осознанной экономической деятельности, свободной от плоско-безличных смысловых структур, по мнению Дж. Сакса, может быть только мораль, которая подразумевает заботу о благополучии другого. Индивидуализм и индивидуализированное общество, одностороннее в своем моральном пафосе и тем самым разбалансированное, имеет подрывной по отношению к экономике смысл. Устойчиво свободная, деятельно разносторонняя и сбалансированная экономика, по Саксу, может быть построена на основе морали, природой которой является общество не «я», а «мы» (Сакс, 2024: 17).

Доверие – одно из базовых понятий морали в работе Дж. Сакса: «...пока мы принадлежим к одному и тому же нравственному сообществу, мы можем работать совместно, не будучи все время начеку, не опасаясь насилия, предательства, эксплуатации и обмана. И чем сильнее общественные узы, тем мощнее и притягательнее сила доверия и тем большего мы можем достичь совместными усилиями» (Сакс, 2024: 30).

Дж. Сакс полагает, что истоки неблагополучия в современном культурном климате следует искать в 1960-х годах, либеральной революции того времени и интенсивном вытеснении с тех пор морали личностно целостного, общественного человека односторонней моралью автономной индивидуальности. За общими либерально-революционными переменами следовала экономическая революция, основной односторонне-моральной парадигмой которой становится невмешательство государства в рыночную экономику. Следом – технологическая революция; кроме влияния на глобальную экономику, существенным является ее вклад в изменение характера межличностного общения³. Все эти революционные события, по заключению Дж. Сакса, влияют на наше восприятие действительности: «центром нравственной жизни оказывалось не “мы”, а “я”». Впрочем, стал ли человек менее нравственным или даже аморальным? Дж. Сакс отвечает на этот вопрос познавательно тонко: «наш моральный лексикон изменился, он изобилует новыми понятиями и идеями: автономность, аутентичность, индивидуализм, самоактуализация, самовыражение, самооценка». «Мы по-прежнему морализируем, но не горим желанием признавать свою вину, раскаиваться или нести ответственность» (Сакс, 2024: 32).

С чем связаны перемены? С расщеплением морали и передачей ее другим институтам. Сегодня рынок позволяет человеку сделать выбор и руководствоваться при этом лишь целью удовлетворить свое желание, в случае же неправильного выбора его негативные последствия сглаживаются с помощью органов государственной власти. Но разве может мораль быть передана государству?

Дж. Сакс объясняет этот момент, соотнося данное явление с экономическим принципом аутсорсинга. «Рынок предоставляет нам выбор, а мораль есть просто набор выборов, и значение имеет не правильный или ошибочный выбор, а удовлетворяет или не удовлетворяет он наши желания. В итоге мы все с большим трудом понимаем, почему существуют вещи, которые мы хотим, можем и вправе делать, но которые, тем не менее, делать не следует – потому что они несправедливы, или недостойны, или унижительны – одним словом – аморальны» (Сакс, 2024: 34). Последствия неправильного выбора передаются государству, голосом совести становится работа контрольно-надзирающих органов. Так мораль делегируется рынку и государству.

Но мораль зависит от каждого из людей: «каков бы ни был источник морали, она есть то, что позволяет нам ладить друг с другом, не прибегая бесконечно к помощи экономики

³ В интервью, вновь обращаясь к основам иудаизма и называя его самой социальной из религий, где должно ценными считаются связи между людьми (семейные, дружеские и пр.), Дж. Сакс призывает нас с большей ответственностью относиться к коммуникации: *Jewish Telegraphic Agency. Interview with J. Sacks* [Электронный ресурс], URL: <https://www.jta.org/2020/08/27/ideas/rabbi-jonathan-sacks> (дата обращения: 13.02.2026).

и политики» (Сакс, 2024: 30). «Бывает, когда мы стремимся убедить людей сделать то, что нам нужно или что мы не в состоянии сделать без них. Мы можем им за это заплатить – и это экономика. Мы можем заставить их – и это политика. Или мы можем убедить их так поступить, потому что мы с ними разделяем одни и те же добродетели и ценности, правила и ответственность, законы и обычаи, соглашения и запреты, – и это мораль» (Там же). Словом, «без привычек сердца и поступков, которые мы называем добродетелями, мы рано или поздно утратим свою свободу» (Сакс, 2024: 34).

Если нет морали, то не существует и общества. «Его заменяют субгруппы, а следовательно, и политика идентичности. В отсутствие общих идеалов многие приходят к выводу, что наилучший способ преуспеть – нанести урон оппоненту *ad hominem*, перейдя на личность. Это порождает раскол, цинизм, недоверие. Мир распадается на людей, похожих на нас, и людей, непохожих на нас, что приводит к утрате понятия общего блага» (Сакс, 2024: 35).

Называемые Дж. Саксом социальными блага, то есть те, которые «имеют нравственное или духовное измерение» (любовь, дружба, знания) обладают, по его мнению, уникальными свойствами – само их существование обусловлено тем, что человек может ими поделиться, и в таком случае они приобретают способность приумножаться. Общество «мы» обладает высокой степенью доверия.

Итак, отход общества от моральных обязательств, наблюдающийся в последние семьдесят лет, который Дж. Сакс и называет переходом от «мы» к «я» – одной из ключевых проблем современности, имеет последствия, нашедшие свое отражение как в целом обществе, так и в каждом человеке. Мы можем измениться, перейдя/вернувшись от «я» к «мы». Дж. Сакс отмечает и свое оптимистичное настроение в отношении будущего нашего общества, связывая свои надежды как с поколением нового тысячелетия, возрастающей актуальностью морально-нравственных понятий в сети, суждениями об импакт-экономике развитых стран мира, так и с самой человеческой культурой, ее уникальной жизненной силой – способностью к самовосстановлению. «Природа благоволит к видам, способным восстанавливаться, а история – к культурам, обладающим такой способностью» (Сакс, 2024: 39).

***

Экономисты Д. Хаскел и С. Уэстлейк в продолжение ранее изданной книги (Хаскел и Уэстлейк, 2024) исследовательски развивают прежде обоснованные познавательные установки в новой работе (Хаскел и Уэстлейк, 2025). Развивая идею о переходе экономик развитых стран к «нематериальной» экономике, то есть основанной главным образом не на материальном капитале, а «на идеях, знаниях и отношениях с потребителями и коммерческими партнерами» (Хаскел и Уэстлейк, 2025: 19), авторы анализируют проблемы институтов, способствующих развитию экономики.

Переход экономик к инвестированию в нематериальные активы (программное обеспечение, данные НИОКР, дизайнерские разработки, брендинг, профессиональное обучение и бизнес-процессы), по мнению авторов, продолжается уже более 40 лет. Именно этот переход к нематериальной экономике и неспособность институтов по разным причинам поддержать этот переход, способствовать развитию нематериальной части экономики, становятся сегодня, как утверждают авторы, основной причиной «великого экономического разочарования» (Хаскел и Уэстлейк, 2025: 35). При этом отмечается, что важная характеристика «нематериальной экономики» – ее влияние на экономики мира может быть *долгосрочным*.

Как и многие другие исследователи-экономисты, авторы отмечают изменившееся восприятие проблем мировой экономики после пандемии, однако «не сгущая краски»: проблемы экономик развитых стран были очевидны и ранее, а вновь возникшие проблемы полезно увидеть под углом зрения ковидного кризиса (как выявленную кризисом «потаенную

проблематику)). «Не разрушает ли сегодняшний капитализм нашу планету и не создает ли он непреодолимую пропасть между богатыми и бедными?» (Хаскел и Уэстлейк, 2025: 36). Поиск ответов на вопросы о причинах происходящего сегодня в экономике актуален: «Способность понимать и реагировать будет определять способность перестраивать нашу экономику» (Там же: 36-37). Происходит снижение темпов роста инвестиций. «Понятно, что в центре внимания должны находиться частные инвестиции, поскольку именно они в условиях рыночной экономики наиболее четко отражают направления и приоритеты технологического и социально-экономического прогресса» (May, 2025: 144). Между тем, проблема неравенства имеет не только экономические, но и статусные черты, т. е. имеет связь не только с деньгами, но и с различиями в «открытости, образованности, укорененности (rootedness) и уважении» (Хаскел и Уэстлейк, 2025: 45). Приводятся исследования, где данная проблема рассматривается причиной «смертей от безысходности» и отмечается ее обострение, нарастание с 1990-х гг.

Основное утверждение авторов «Перезапуска»: институты по разным причинам не могут ответить вызовам современной экономики. Экономическая деятельность очень зависит от работы институтов: «Здоровым институтам приходится решать четыре проблемы обмена: обеспечивать достаточные гарантии, решать проблемы коллективных действий, снабжать информацией и ограничивать расточительные попытки влияния» (Хаскел и Уэстлейк, 2025: 21).

Почему же институты не способны ответить вызовам современной экономики? Д. Хаскел и С. Уэстлейк сравнивают устаревшие институты с устаревшим ПО – «На первых порах можно мириться с убыстряющимися приемами (shortcuts), архитектурными компромиссами и работой обходными путями, но с течением времени издержки возрастают, и в конце концов система терпит крах, если технический долг не погашен» (Там же: 24). В работе институтов под «техническим» долгом экономисты подразумевают институциональный долг. Наибольший институциональный долг имеют сферы бюджетного финансирования и интеллектуальной собственности (содействующие многообразию идей), финансов и денежной политики (в связи с обеспечением подходов к регулированию финансовых учреждений), крупных городов (в связи с решением проблем городской планировки и зонирования), антимонопольной политики (квалифицирующей конкуренцию).

Требуется, согласно Д. Хаскелу и С. Уэстлейку, повышение качества самого государственного управления. Указанные институциональные проблемы ставят перед правительствами две основные задачи: укрепление собственного потенциала, а также потенциала организаций, поддерживающих институты. Не всегда здесь подразумевается увеличение финансирования, но инвестирование в «способность выносить здравые суждения и выполнять поставленные задачи» (Хаскел и Уэстлейк, 2025: 29). Таким образом, эффективную работу институтов обеспечат люди, обладающие соответствующими компетенциями. Д. Хаскел и С. Уэстлейк считают эти компетенции редкими, особенно там, где они в первую очередь нам необходимы – в государственном аппарате, так как «ранее их зачастую выхолащивали во имя эффективности или жесткой экономии» (Там же: 29). Дело, разумеется, не только в аппаратных трудностях. «Наши институты неадекватны не потому, что у нас не хватает остроумных идей, а скорее потому, что нынешнее положение очень многих устраивает, а перемены связаны с политическими и социальными издержками <...> Совершенствование этих институтов требует большего, нежели эффективной технократии. Оно требует взаимовыгодных договоренностей для того, чтобы заставить новые институты работать» (Там же: 30). Не утопично ли полагать в качестве цели управления такое совершенствование? «Может показаться, что эти потребности практически трудно удовлетворить. Восстановление потенциала государства очень трудно “продать” избирателям, а заключение “сделок”, необходимых для признания новых институтов, требует

изобретательности, хитрости и готовности бросить вызов сверхкорыстным интересам» (Там же).

«Сверхкорыстные интересы» кажутся оптимальными в таком целеполагании, но могут ли институты быстро изменяться вслед за непрерывными и ускоряющимися технологическими изменениями? Обеспечение гибкости в работе институтов становится преимущественно общеуправленческой задачей, «поскольку любое институциональное решение связано с необходимостью преодолевать сопротивления определенных групп интересов» (May, 2025: 147). «...Малые группы со сверхкорыстными интересами зачастую оказываются очень успешными, когда защищают те институты, которые в конечном счете вредны для общества» (Хаскел и Уэстлейк, 2025: 163).

Таким образом, анализ особенностей нематериальной экономики приводит авторов к выводам о том, что правильная работа институтов может способствовать экономическому развитию. Развитие же институциональной среды – преимущественно правительственная задача. И здесь идет речь о слаженной работе государства и институтов, об их способности видеть изменения технологической и социальной сред и принимать решения, касающиеся сферы нематериальной экономики, действительно эффективные для экономического роста.

Как возрастающее значение нематериальных активов в экономике, так и необходимость трансформации работы институтов, способствующих их влиянию на экономический рост, открывает ряд проблем для философского осмысления, таких как философское основание и природа понятий, основных для нематериальной экономики, а также характерные для современной экономики аспекты и явления, связанные со значимостью для нее материальных активов.

Когда мы говорим о работе институтов, регулирующих нематериальные активы и как следствие – государственный менеджмент, в особенности в политическом русле – фокус философского анализа смещается на этические аспекты экономической политики (здесь фокусировка на этических аспектах происходит из сути и природы «нематериальности» самих нематериальных активов).

Д. Хаскел и С. Уэстлейк в своей работе, являющейся главным образом экономическим исследованием, практически очень мало касаясь фундаментальных (этических) вопросов экономики, ее морально-этических оснований, прежде всего поднимают на поверхность факт перехода к экономике, основанной на нематериальных благах, что уже открыто для философского осмысления: огромное значение технологий для общества ведет к качественным изменениям в самом обществе и экономике: ценным становится то, что пока не имеет измерения в цене. Так, кроме программного обеспечения, научной идеи, все же более «осязаемых» активов среди нематериальных, важнейшее значение приобретают и категории, возможные только в связке «мораль – доверие». Именно такими категориями могут быть наполнены отношения субъекта экономики с потребителями и инвесторами (партнерами). Работа институтов, которая и отвечает за экономический рост в ситуации, где экономика становится преимущественно «нематериальной», зависит как от морально-нравственных оснований общества, и группы, и каждого человека, участвующего в работе институтов (когда авторы пишут о важности компетенций, например, для людей, которые находятся в структуре института), так и от этико-нравственных ориентиров государственного менеджмента в этой сфере (когда авторы касаются вопроса такой чисто политической задачи, как подавление сверхкорыстных интересов малых групп).

Для государственного менеджмента, целью которого становится эффективное управление нематериальной экономикой для экономического развития, важной становится политическая гибкость (сложные решения против «сверхкорыстных» интересов, но в интересах роста) как способность отвечать настоящим вызовам технологического и социально-экономического развития. Это может означать и способность отвечать

современным общественным и экономическим тенденциям, имеющим потенциал создания и помещения в многоплановую среду экономических отношений этико-моральных установок действий и мышления. С ракурса политического менеджмента такая деятельность представляется особенно сложной, скорее всего, становящейся реальной как раз в рамках работы общественных и экономических институтов, необходимых, по мысли Д. Хаскела и С. Уэстлейка, нематериальной экономике.

***

Проблема снижения темпов экономического роста находит отражение в работах с очень разными подходами как к оценке экономической действительности, так и к основаниям размышлений о новой морально-экономической реальности и будущем экономики. Среди них можно отметить и новую книгу К. Шваба и П. Ванхэма (Шваб, 2022). Основная идея книги, по утверждению самого К. Шваба, состоит в том, чтобы обосновать необходимость прийти к системе «капитализма всех заинтересованных сторон» (Шваб, 2022: 12). Многообещающей является и попытка показать на страницах книги, как именно можно построить такую систему. Книга открывается историческим обзором мировой экономики с 1945 г.; анализируется экономическая система настоящего во взаимосвязи с социальными тенденциями. Во второй части книги анализируются причины и последствия проблем современной экономики. В последней части книги К. Шваб представляет взгляд на необходимые изменения в мировой экономической системе и дает определение «капитализма всех заинтересованных сторон».

Как и другие экономисты, К. Шваб отмечает те же проблемы современной мировой экономики: особенности роста экономических показателей, растущее доходное неравенство, проблемы окружающей среды. Многие из этих проблем также рассматриваются через призму ковидного кризиса, анализируются причины экосистемных проблем, нагрузка на общественные и экономические институты, последствия для экономики и общества. К. Шваб считает ковидный кризис «уроком» для человечества, как и другие кризисные явления последних лет, произошедшие в сферах финансов и экологии.

К. Шваб пишет, что с 1990-х и 2000-х годов «доминирующей экономической силой стала глобализация, представляющая собой процесс растущей взаимозависимости различных экономик во всем мире» (Шваб, 2022: 32). Анализируя историю глобализации, Шваб полагает, что «глобализация теоретически может быть благом, однако в действительности это возможно лишь в том случае, если установлены конкретные ограничения, позволяющие всем сторонам получать выгоду, сохраняя стабильность и независимость» (Шваб, 2022: 169). Условиями полезности экономической глобализации К. Шваб считает долгосрочный общественный договор. «Долгосрочный характер общественного договора означал, что люди были готовы отказаться от сиюминутных или эгоистичных желаний, зная, что в долгосрочной перспективе они выиграют, так же, как и другие заинтересованные стороны соглашения» (Там же: 170). К. Шваб приводит пример отсутствия общественного договора между гражданами, правительством и бизнесом: это перенос производства с целью найма более дешевой рабочей силы в другие страны, что имеет свои последствия для всех заинтересованных сторон. Он отмечает, что свободный рынок подразумевает свободу для подобных действий, но при этом «подобная деятельность должна осуществляться в разумных пределах» (Там же: 173). «Во-вторых, процессы глобализации идут намного быстрее, когда политическим лидерам удастся найти баланс между контролируемым управлением экономикой и заботой о гражданах, с одной стороны, и открытостью миру с точки зрения развития торговли и инвестиций, с другой. <...> И в-третьих, общество выигрывает от глобализации в тех случаях, когда господствующие технологии эпохи соответствуют сравнительным преимуществам, присущим экономической модели и общественному устройству конкретной страны» (Там же: 171). При несоблюдении этих условий глобализация приводит к неравномерному развитию. Во всяком случае, «самые великие достижения в обществе

и экономике – это плоды совместных усилий, будь то государственного и частного сектора или разных народов и стран» (Там же: 13).

Размышляя о значении четвертой промышленной революции (в продолжение своего труда (Шваб, 2021)), Шваб характеризует ее «слиянием технологий, стиранием границы между физической, цифровой и биологической сферами» (Шваб, 2022: 219). По его предположению, «технологии Четвертой промышленной революции несут в себе потенциал значительного увеличения мирового благосостояния» (Там же: 219). Как и экономисты, идеи которых мы анализировали ранее, К. Шваб видит и проблемы, связанные с технологическими прорывами, – это скорость изменений; отсюда вытекает и проблема адаптации институтов, инструментов государственного регулирования. По мнению К. Шваба, все это «требует времени и глубокого понимания инноваций». При этом «сильное правительство не должно ограничиваться регулированием, оно само может быть одним из двигателей инноваций и создания общественной добавленной стоимости» (Там же: 222).

Что же предполагает модель заинтересованных сторон К. Шваба? Прежде всего, она отвечает вызовам глобализации: «Экономики, общества и окружающая среда сейчас теснее связаны друг с другом, чем 50 лет назад. Таким образом, модель, о которой мы говорим, в целом глобальна по своей природе, как и две основные заинтересованные стороны» (Шваб, 2022: 275). Этими ключевыми заинтересованными сторонами являются люди и планета, но К. Шваб демонстрирует и расширенное понимание заинтересованных сторон: это органы власти, гражданское общество, компании, международное сообщество. Взаимодействие четырех сторон необходимо для поиска решений «по вопросам уровня благосостояния людей и сохранения планеты» (Там же: 278). Каждая из четырех сторон выполняет свою миссию для достижения общей цели. При этом все группы, включенные в работу каждой из четырех сторон, и их цели взаимосвязаны. Отсюда К. Шваб и выводит проблему, и объясняет, почему простая модель не работает – многие из участников взаимодействия «сосредотачиваются на более узких и исключительных целях получения прибыли или процветания конкретной компании или страны, а не на благополучии всех людей и планеты в целом» (Там же: 280).

К. Шваб подчеркивает, что, несмотря на глобальную ориентацию экономической системы, «реализация любого подхода происходит на локальном уровне» (Шваб, 2022: 281). Движущей силой здесь становится как раз доверие между людьми. «Это повышает в них чувство солидарности и готовность вкладываться в проекты, которые приносят пользу всем, а не одному конкретному человеку» (Там же: 281).

Основным принципом реализации капитализма заинтересованных сторон К. Шваб считает субсидиарность – возможность заинтересованной стороны принимать решение непосредственно на своем уровне, если ожидается его эффективность (Шваб, 2022: 282). Таким образом, принцип субсидиарности очерчивает границы действия капитализма заинтересованных сторон.

К. Шваб считает важными и убеждения заинтересованных сторон в работе по достижению общего блага. Наиболее важным из них, по мнению К. Шваба, должна стать идея о процветании всего общества, а не его членов. Ценность в обществе также создается всеми заинтересованными сторонами, при этом все стороны получают право голоса по вопросу, их касающемуся, вклад каждой из сторон должен быть измеримым, а процесс создания ценности справедливым ко всем участникам.

Значимым представляется и тезис о том, что капитализм заинтересованных сторон предполагает отказ от оценки состояния экономики в показателях прибыли (речь, например, о валовом внутреннем продукте, основном показателе развития экономики, который, между тем, не отражает уровень благосостояния людей). «Целенаправленную гонку за прибылью следует заменить более комплексными мерами по созданию ценности» (Шваб, 2022: 294). Универсальная цель компании в Четвертой промышленной революции, предлагаемая

К. Швабом, предполагает вовлечение сторон в создание ценности, ориентацию на достижение экологических, социальных и управленческих целей, действия с позиции заинтересованности не абстрактным и не сугубо материальным, а прежде всего моральным глобальным будущим.

Детально анализируя историю и некоторые особенности деятельности ряда компаний, К. Шваб стремится обосновать практическую применимость и даже успешный опыт реализации принципов «капитализма заинтересованных сторон». Работа федерального правительства, отход от показателя валового внутреннего продукта, деятельность гражданского общества и международного сообщества (организаций по защите прав потребителей, современных профсоюзов, правозащитных организаций) – расстановка приоритетов и взаимодействие заинтересованных сторон с целью повышения благосостояния для каждого из членов общества уже и локально, согласно Швабу, позволяют достигать положительных результатов. «История – процесс, в котором убеждения, практики и доктрины эволюционируют. <...> В обществе, которое так взаимосвязано и где успех каждого участника в большей степени зависит от взаимодействия с остальными, можно принимать решения только в случае прогнозируемого положительного эффекта для всей системы» (Шваб, 2022: 383).

Указывая на то, что создание глобальной экономической системы, ценностно ориентированной на всех и каждого, есть отдаленная цель положительного экономического мироустройства, К. Шваб выражает свои надежды на создание более благополучного мира сообща, закрывая свои размышления краткой формулировкой сути капитализма для всех заинтересованных сторон: «глобальная экономика, работающая в интересах прогресса, людей и планеты» (Шваб, 2022: 398).

Исследование моральных скреп глобализации экономических процессов открывает некоторую новую перспективу и для эпистемологии экономических исследований. Широкий охват и тесная взаимосвязь современных социально-экономических явлений и процессов, их взаимообусловленность, требуют эпистемологической рефлексии моральной сложности как условия возможности глобальной моральной экономики⁴. Справедливым представляется и фокус на достижение общего блага для всех членов общества. Помещая в центр глобальной системы общую цель, можно ожидать и усилий всех заинтересованных сторон по ее достижению. По мнению К. Шваба, добродетельной целью должно стать достижение общего блага. Процесс достижения цели тогда и должен происходить добродетельными силами – в конце своей книги К. Шваб институты гражданского общества называет «добродетельными». Отмечая практическую недостижимость в ближайшее время создания капитализма всеобщего блага, автор оставляет открытыми вопросы о глобальности множества причин его недостижимости.

***

Анализ работ последних лет, различных в подходах, рассматриваемых проблемах и путях размышлений, показывает и общие черты рассуждений: в различных переводах как философских, так и экономических исследований характеристикой и тенденцией современного общества упоминается «разобщенность»⁵. «Эпоха разобщенности» –

⁴ Понятие моральной сложности не принадлежит К. Швабу. Я использую его для описания исследовательских результатов, полученных К. Швабом, применяя язык той неформальной школы герменевтики и эпистемологии гуманитарного знания, которой принадлежу, полагая, что этот язык позволяет эпистемологически уточнить семантическое поле понятия моральной экономики и, в связи с этим, понятие моральной глобальной экономики, которое Шваб характеризует, чаще прибегая к понятию системы, подразумевая под этим систему ценностно нелинейную. В русском научно-философском языке под системой чаще понимается: «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство» (Садовский, 2010: 552). Ср.: (Ольхов, 2026).

⁵ Переводное понятие «разобщенности» из труда Дж. Сакса можно уподобить масштабно исследуемому в философском и психологическом контекстах понятию и явлению индивидуализма, разобщенности,

характерное настоящему обществу ослабление взаимосвязей собственно между людьми – является явно и парадоксально коррелирующей с тенденцией глобализации социально-экономических процессов и явлений. Поиск ресурсов в рамках экономической проблематики концентрируется вокруг преодоления собственного интереса «стороны» – прежде всего, исследования индивидуализации как установки на «я-экономику», соответствующего ей морального лексикона и т. д.; гонка за прибылью, в конечном счете, тоже аспект сложности моральной установки, ее негативная альтерация, имеющая своим следствием экономический упадок, или иначе – поломку «системы», утрату той моральной сложности, которая обеспечивает саму возможность экономики как глобального явления человеческой культуры.

В философии экономики, экономической антропологии и эпистемологии экономических исследований основным продуктивным лейтмотивом, как представляется, является ближайший к этическому – политический, согласно которому актуальным становится практическое применение к решению системных проблем современной экономики институциональных концепций гражданского общества. Во всяком случае, таковы предпочтения С. Боулза, Д. Хаскела и С. Уэстлейка, К. Шваба и др. Вопросы же морально-этических установок общества, стремящегося к достижению блага для каждого из его членов остаются открытыми в иной области онтологической герменевтики; в каждой из представленных здесь работ они только намечаются как некоторая сфера глубинного философского анализа, на междисциплинарных границах рефлексии моральных оснований экономики, ее целостной жизненности.

Литература

Бенерджи, А. и Дюфло, Э. (2021), *Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности*, пер. с англ. Марков, М., Лашев, А., Изд-во Института Гайдара, Москва.

Боулз, С. (2017), *Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменяют хороших граждан*, пер. с англ. Шестаков, Д., Изд-во Института Гайдара, Москва.

Бубер, М. (2024), *Я и Ты, или Диалог с Мартином Бубером*, пер. с англ. Эльман, М., Ridero, Екатеринбург.

Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Гринин, А. Л. и Коротаев, А. В. (2022), «Умрет ли капитализм? Размышления о капитализме прошлого, настоящего и будущего», *Социологический журнал*, 28(2), 100-130. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8988; EDN: NSYEYZ

«Категория соборности vs фаустовский миф: от духовного единства к разобщенности» (2025), *Вавилон 2.0: научно-образовательный портал* [Электронный ресурс], URL: <https://babylon.ru/motivational-models-socio-economic-formations/kategoriya-sobornosti-vs-faustovskij-mif-ot-duhovnogo-edinstva-k-razobshennosti/> (дата обращения: 25.07.2026).

Мау, В. А. (2025), «Возможно ли “перезапустить” будущее? Хаскел Д., Уэстлейк С. Перезапуск будущего. как починить “нематериальную экономику” / пер. с англ. А. Резвова. М.: Издательство Института Гайдара, 2025», *Экономическая политика*, 20(3), 140-149. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-3-140-149; EDN: XXQUMD

Ольхов, П. А. (2026), *Моральная сложность: междисциплинарный статус и онтологические контуры проблемы: Лекция*, 25.02.2026 [Электронный ресурс], URL: https://vkvideo.ru/video-102554211_456241502 (дата обращения: 25.07.2026).

Розенцвейг, Ф. (2017), *Звезда избавления*, пер. с англ. Яндуганова, Е., Мосты культуры, Москва.

Садовский, В. Н. (2010), «Система», *Новая философская энциклопедия: В 4 т.*, Т. 3, 552-553.

Сакс, Дж. (2024), *Мораль. О восстановлении общего блага в эпоху разобщенности*, пер. с англ. Алякринский, О., Книжники, Москва.

Франк, С. Л. (2010), *Избранные труды*, РОССПЭН, Москва.

противопоставляемой коллективизму и, в отечественных исследованиях, соборности (Категория соборности..., 2025).

Фридман, Б. (2026), *Влияние религии на экономическое мышление. Истоки современной экономической науки*, пер. с англ. Белых, А., Изд-во Института Гайдара, Москва.

Шваб, К. (2021), *Четвертая промышленная революция*, пер. с англ. Меркурьева, А., Эксмо, Москва.

Шваб, К. (2022), *Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики*, совместно с Ванхэмом, П., пер. с англ. Калугин, Е., Бомбора, Москва.

Хаскел, Дж. и Уэстлейк, С. (2024), *Капитализм без капитала. Подъем нематериальной экономики*, пер. с англ. Каптуревский, Ю., Издательский дом ВШЭ, Москва.

Хаскел, Дж. и Уэстлейк, С. (2025), *Перезапуск будущего. Как «починить» нематериальную экономику*, пер. с англ. Резвов, А. А., Изд-во Института Гайдара, Москва.

Adkins, L. E. (2020), *Interview with J. Sacks*, 27.08.2020 [Электронный ресурс], URL: <https://www.jta.org/2020/08/27/ideas/rabbi-jonathan-sacks> (дата обращения: 13.02.2026).

Göts, N. (2015), “‘Moral economy’: its conceptual history and analytical prospects”, *Journal of Global Ethics*, 11(2), 147-162. DOI: 10.1080/17449626.2015.1054556

References

Adkins, L. E. (2020), *Interview with J. Sacks*, 27 August 2020 [Online], available at: <https://www.jta.org/2020/08/27/ideas/rabbi-jonathan-sacks> (Accessed 13 February 2026).

Banerjee, A. and Duflo, E. (2016), *Ekonomicheskaya nauka v tyazholye vremena. Produmannye resheniya samykh vazhnykh problem sovremennosti* [Good Economics for Hard Times. Better Answers to Our Biggest Problems], Transl. from English by Markov, M. and Lashchev, A., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Bowles, S. (2017), *Moralnaya ekonomika. Pochemu khoroshie stimuly ne zamenyat khoroshikh grazhdan* [The Moral Economy. Why Good Incentives Are Not Substitute for Good Citizens], Transl. from English by Shestakov, D., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Buber, M. (2024), *Ya i Ty, ili Dialog s Martinom Buberom* [Me and you, or A dialogue with Martin Buber], Transl. from English by Elman, M., Ridero, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Frank, S. L. (2010), *Izbrannye Trudy* [Selected works], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).

Friedman, B. (2026), *Vliyanie religii na ekonomicheskoe myshlenie. Istoki sovremennoy ekonomicheskoy nauki* [Religious influences on economic thinking: the origins of modern economics], Transl. from English by Belykh, A., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Göts, N. (2015), “‘Moral economy’: its conceptual history and analytical prospects”, *Journal of Global Ethics*, 11(2), 147-162. DOI: 10.1080/17449626.2015.1054556

Grinin, L. E., Malkov, S. Yu., Grinin, A. L. and Korotaev, A. V. (2022), “Will capitalism die? Reflections on the capitalism of the past, present and future”, *Sociological Journal*, 28(2), 100-130 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8988; EDN: NSYEYZ

Haskel, J. and Westlake, S. (2024), *Kapitalizm bez kapitala. Podyom nematerialnoy ekonomiki* [Capitalism without Capital. The Rise of the Intangible Economy], Transl. from English by Kapturevskiy, Yu., Higher School of Economics Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Haskel, J. and Westlake, S. (2025), *Perezapusk budushchego. Kak “pochinit” nematerialnyuyu ekonomiku* [Restarting the future. How to fix the intangible economy], Transl. from English by Rezvov, A. A., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Mau, V. A. (2025), “Is it possible to restart the future? Haskel J., Westlake S. Restarting The Future: How to Fix the Intangible Economy. Transl. from Eng. by A. Rezvov. Moscow, Gaidar Institute Press, 2025”, *Economic Policy*, 20(3), 140-149 (in Russ.). DOI: 10.18288/1994-5124-2025-3-140-149; EDN: XXQUMD

Olkhov, P. A. (2026), *Moralnaya slozhnost: mezhdistsiplinarnyy status i ontologicheskiye kontury problemy: Lektsiya* [Moral Complexity: The Interdisciplinary Status and Ontological Contours of the Problem: Lecture] 25 February 2026 [Online], available at: https://vkvideo.ru/video-102554211_456241502 (Accessed 25 July 2026) (in Russ.).

“‘Restarting the future’: institutions of the intangible economy” (2025), *Econs*, 30 April 2025 [Online], available at: <https://econs.online/articles/bookshelf/perezapusk-budushchego-instituty-nematerialnoy-ekonomiki/> (Accessed 13 February 2026) (in Russ.).

Rosenzweig, F. (2017), *Zvezda izbavleniya* [The Star of Redemption (Der Stern der Erlösung)], Mosty kultury, Moscow, Russia (in Russ.).

Sacks, J. (2024), *Moral. O vosstanovlenii obshchego blaga v epokhu razobshchennosti* [Morality: Restoring the common good in divided times], Transl. from English by Alyakrinskiy, O., Knizhnik, Moscow, Russia (in Russ.).

Sadovsky, V. N. (2010), "System", *The New Philosophical Encyclopedia: In 4 vols.*, Vol. 3, 552-553. (in Russ.).

Schwab, K. (2021), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution], Transl. from English by Merkur'yeva, A., Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Schwab, K. (2022), *Kapitalizm vseobshchego blaga. Novaya model mirovoy ekonomiki* [Stakeholder capitalism: a global economy that works for progress, people and planet], Transl. from English by Kalugin, A., Bombora, Moscow, Russia (in Russ.).

"The category of 'sobornost' vs. the Faustian myth: from spiritual unity to fragmentation". *Vavilon 2.0: nauchno-obrazovatel'nyy portal* [Babylon 2.0: Scientific and Educational Portal] [Online], available at: <https://babylon.ru/motivational-models-socio-economic-formations/kategoriya-sobornosti-vs-faustovskij-mif-ot-duhovnogo-edinstva-k-razobshchennosti/> (Accessed 25 July 2026) (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Говорун Елена Дмитриевна, магистр психологии, преподаватель-исследователь философских дисциплин, специалист отдела научных коммуникаций и публикационной активности, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; elena_funikova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Elena D. Govorun, Master of Psychology, Lecturer-Researcher in Philosophical Disciplines, Specialist of the Department of Scientific Communications and Publication Activity, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; elena_funikova@mail.ru

УДК 2-1:316.77:004.738.5

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-8

Беляев Д. А.¹,
Гретченко, Е. И.²**Конструирование «сетевой сакральности»: философский анализ
цифрового религиозного опыта**

¹Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
dm.a.belyaev@gmail.com

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
79102228977@ya.ru

Аннотация. Цифровая медиасреда радикально перестраивает формы религиозной жизни: интернет-платформы становятся самостоятельной средой, в которой конституируется специфическая конфигурация священного. Проблема настоящего исследования заключается в философско-религиоведческом описании того, как в сетевых взаимодействиях возникают новые режимы сакральности, размывающие классическое различие сакрального и профанного, телесного и виртуального, индивидуального и коллективного. Актуальность темы обусловлена ростом онлайн-практик (трансляции богослужений, молитвенные чаты, цифровые артефакты, VR-пространства), а также усилением алгоритмической медиации религиозного опыта. Новизна подхода состоит в концептуализации феномена «сетевой сакральности» как аналитической категории, фиксирующей диффузное, динамическое и коллективно конструируемое бытование священного в цифровой культуре. На основе философского анализа и сравнительного сопоставления офлайн- и онлайн-форм религиозности выявлены ключевые механизмы сетевой сакрализации: включение сакральных смыслов в повседневные потоки коммуникации; виртуализация присутствия и формирование «цифрового воплощения» через аккаунты и аватары; трансформация структуры общины и смещение религиозного авторитета в сторону сетевых горизонтальных связей и персонализированных «лоскутных» стратегий веры. Делается вывод о расширении онтологии сакрального в цифровую эпоху и о необходимости пересмотра ряда базовых категорий философии религии (иерофании, ритуала, аутентичности, общинности) с учетом медиатизированных форм религиозного опыта.

Ключевые слова: цифровая религия; сетевая сакральность; медиатизация религии; виртуализация ритуала; цифровое присутствие; сетевые сообщества; религиозный авторитет

Для цитирования: Беляев, Д. А. и Гретченко, Е. И. (2026), «Конструирование “сетевой сакральности”: философский анализ цифрового религиозного опыта», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 88-99. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-8

D. A. Belyaev¹,
E. I. Gretchenko²

**Constructing “network sacrality”: a philosophical analysis
of digital religious experience**

¹Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University,
42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia;
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
dm.a.belyaev@gmail.com

²Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
79102228977@ya.ru

Abstract. The digital media environment is radically reshaping forms of religious life: Internet platforms are becoming an independent environment in which a specific configuration of the sacred is being constituted. The article offers a philosophical and religious-studies account of how “network sacrality” emerges from networked interactions and blurs classical oppositions between sacred and profane, bodily and virtual, individual and collective. The relevance of the topic is driven by the spread of online practices (livestreamed services, prayer chats, digital devotional artefacts, VR spaces) and by the growing role of algorithmic mediation in shaping what believers encounter as sacred. The novelty of the approach lies in conceptualizing “network sacrality” as an analytical category that captures the diffuse, dynamic, and collectively constructed modes of the sacred in digital culture. Using philosophical analysis and a comparative perspective on offline and online religiosity, the study identifies three mechanisms of network sacralization: (1) embedding religious meanings into everyday communicative flows; (2) virtualization of presence and “digital embodiment” via accounts and avatars; (3) reconfiguration of community and authority toward horizontal networks and personalized, “patchwork” spiritual strategies. The article concludes that the ontology of the sacred is expanded in the digital era and that core categories of the philosophy of religion (hierophany, ritual efficacy, authenticity, communal belonging) require reconsideration under conditions of mediatized religious experience.

Keywords: digital religion; network sacrality; mediatization of religion; virtual ritual; digital presence; networked communities; religious authority

For citation: Belyaev, D. A. and Gretchenko, E. I. (2026), “Constructing ‘network sacrality’: a philosophical analysis of dig 88-99. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-8

Введение

Современная цифровая среда радикально трансформирует ландшафт религиозного опыта. Интернет и связанные с ним технологии перестали быть лишь утилитарным каналом для транслирования религиозной информации – они становятся самостоятельным пространством, где конституируется особый феномен сакрального. Если классическая феноменология религии разводила сакральное и профанное по разным сферам бытия, связывая священное с выделенными святынями, особыми местами и временем праздников (Элиаде, 1994), то в цифровую эпоху это разграничение размывается. Религиозные практики

вплетаются в повседневную онлайн-коммуникацию, а сакральное содержание появляется там, где прежде доминировал профанный текст – на экранах компьютеров и смартфонов, в социальных сетях и виртуальных мирах. Цифровая среда не только воспроизводит традиционные формы религиозности в новом формате, но и переопределяет сакральное, создавая феномен, который можно назвать «сетевой сакральностью». Под этим понимается такая форма священного, которая возникает и функционирует внутри сетевых (онлайн) взаимодействий.

В статье предпринимается попытка целостного философско-религиоведческого анализа феномена сетевой сакральности. Цель – показать, каким образом цифровая среда переопределяет категорию сакрального и трансформирует традиционные формы религиозного опыта. Для этого последовательно рассматриваются: 1) размывание границы между священным и мирским в онлайн-пространстве; 2) трансформация телесности и присутствия в цифровой религиозной практике; 3) изменение природы религиозной коммуникации, общности и авторитета в условиях сетевой культуры. Опираясь на современные отечественные и зарубежные исследования, мы прослеживаем, как возникает новая символическая реальность и какие теоретические вызовы она ставит перед философией и религиоведением, выявляем различия и сходства между традиционными и цифровыми формами сакральности. Наш анализ проводится преимущественно на материале христианской практики.

Цифровое пространство как новое сакральное измерение

Сегодня медиа формируют новую «реальность» религии и выступают активным фактором, который фундаментально трансформирует онтологию и феноменологию религиозных смыслов. Традиционная религиозность основывалась на разделении пространства и времени: мирское повседневное противопоставлено в ней особым *сакральным пространствам* (храм, святое место) и *сакральному времени* (литургический календарь, праздничные дни). С появлением интернета возникла возможность переноса религиозной активности в повседневное цифровое пространство, что стирает прежнюю оппозицию. Онлайн-среда выступает одновременно и как продолжение профанного мира, и как новая площадка для сакрального. Как отмечается исследователями, религия в интернете проявляется в *гибридных формах*, сочетающих будничное и священное (Нимяев, 2022). Например, на веб-форумах верующие обмениваются молитвенными просьбами наряду с бытовыми разговорами; в социальных сетях соседствуют новости о праздниках и светские новости. Сакральное начинает «циркулировать» в цифровой коммуникации: оно вплетается в потоки информации, мемов, изображений, переставая быть строго отделенным от обыденности.

По выражению М. Сбарделотто, в новых условиях «Слово становится сетью», и священное распространяется через интернет благодаря бесчисленным актам смыслообразования, совершаемым самими пользователями (Sbardelotto, 2016: 233-234). Иными словами, цифровая коммуникация вовлекает религиозный контент в постоянное движение и переосмысление – то, что Ст. Хьярвард назвал банализацией религии в медиасреде (Hjarvard, 2008: 15). Согласно его теории медиатизации, средства массовой информации становятся главными агентами трансляции религиозных идей, подстраивая их под логику популярных жанров и повседневную культуру. В результате массовое сознание привыкает к присутствию элементов сверхъестественного в обычных медиа (фильмах, играх, новостях) и происходит размывание сакрального, его смешение с профанным в общем информационном поле (Lövhelm and Hjarvard, 2019).

Однако параллельно наблюдается и встречный процесс: сами верующие освящают новое пространство – киберпространство – через свои практики. Исследования конца 1990-х впервые заговорили о «сакральном пространстве» киберсреды. Так, С. О’Лири показал, что интернет может выполнять роль храма для онлайн-конгрегаций (O’Leary, 1996). Неопаганская

община «технопаганцев», анализируемая О’Лири, проводила коллективные ритуалы исключительно в виртуальном мире, превращая интернет-площадку в место проявления священного. Хотя многие скептики тогда не верили, что «неорганическое» виртуальное пространство может обладать сакральностью, факты свидетельствовали об обратном. Посредством *декларативных и перформативных актов* – молитв и совместных онлайн-медитаций – участники действительно переживали ощущение присутствия святого. Тем самым была заложена основа феномена, который мы называем сетевой сакральностью: когда интернет-платформа превращается в условно «освященное» пространство, наполненное символами веры и ощущаемое верующими как особая реальность. Д.А. Зайцев, исследуя радикальные религиозные онлайн-сообщества, отмечает, что здесь формируется качественно новая форма религиозности, где привычные категории бытия, пространства и времени претерпевают радикальную трансформацию (Зайцев, 2025: 65-66). В случае религиозных VK-групп платформа не просто служит средством коммуникации – она конструирует особую онтологическую реальность, в которой алгоритмы социальных сетей формируют для участников новую «религиозную реальность» (Беляева, 2025; Müller and Friemel, 2024). Сакральное в таком цифровом контексте уже не привязано жестко к храму или священной географии – оно возникает во взаимодействии человека с кодом и контентом. Алгоритмы выдачи новостей, поисковые системы и т. п. начинают опосредовать религиозный опыт, выступая невидимыми «кураторами» сакрального: например, решая, какие проповеди или цитаты из Писания увидит пользователь в своей ленте. Подобная алгоритмическая медиация тоже становится частью сетевой сакральности.

В условиях цифровых интерфейсов подлинность сакрального акта перестает определяться исключительно формальным соответствием канону или физическим присутствием в сакральном пространстве. На первый план выдвигаются субъективно-эмпирические показатели: интенсивность личного переживания и глубина психологической вовлеченности верующего, что позволяет рассматривать интерфейс как легитимный проводник священного. Важным следствием виртуализации религии становится диффузный характер сакрального. В сетевой среде священное утрачивает свою пространственную изоляцию, становясь частью повседневного информационного потока, генерируемого тем же технологическим устройством, которое служит для профанных целей. Эта диффузность, с одной стороны, ведет к размыванию границ между сакральным и профанным, а с другой – способствует эрозии институционального контроля. В итоге цифровая среда эмансипирует верующего субъекта, предоставляя ему инструменты для самостоятельного конструирования индивидуальной религиозности. Ослабление диктата официальных институтов приводит к расцвету персонализированных духовных стратегий, где сетевая сакральность становится результатом свободного творческого синтеза традиции и технологических возможностей медиасреды (Гузельбаева, 2024).

В философском же плане здесь возникает вопрос о символической реальности: виртуальное сакральное существует преимущественно как символы и тексты (цифровые изображения, звуки, слова), не подкрепленные материальными артефактами традиционного культа. Тем не менее, эти цифровые символы способны вызывать у верующих подлинное благоговение и чувство сопричастности святыне. Онлайн-икона на экране может восприниматься почти так же, как икона в храме; молитва в чате – как не менее действенная, чем молитва вслух. Происходит своего рода *виртуализация священного*: его перенос в пространство знаков и информации. Эта виртуализация не устраняет сакральное, а переоформляет его – как сказано выше, делает «текучим» и гибким по содержанию. Соответственно, сакральное уже не дано раз и навсегда в определенных догматических или обрядовых формах – оно может выявляться в новых контекстах, порой далеких от канона, если сообщество верующих наделяет эти контексты смыслом святости.

Виртуализация присутствия и «цифровое воплощение»

Другая грань трансформации религиозного опыта в цифровую эпоху связана с изменением понятия телесности и присутствия. Традиционные религиозные обряды требуют физического соучастия: собрания верующих в одном месте, телесного совершения ритуальных жестов, использования материальных священных предметов. В виртуальной же среде многие из этих компонентов меняются. Участники онлайн-ритуалов могут быть разобщены географически, присутствуя лишь через аватары или профили; их взаимодействие опосредовано экраном, текстом, аудио- и видеосвязью. Возникает феномен «расширенного присутствия»: верующий человек одновременно телесно находится у себя дома, а виртуально – в общем киберпространстве с другими участниками обряда (Dein and Watts, 2023: 195-196). Можно говорить об эффекте «цифрового воплощения», когда религиозная общность и личность проявляют себя не только в физическом теле, но и через цифровой аватар или аккаунт, служащий как бы вторым «телом» в виртуальном мире.

Эта утрата единого местонахождения верующих вызвала дискуссии об аутентичности ритуалов. Например, в христианстве долго обсуждалась допустимость онлайн-литургии и особенно евхаристии через интернет (Лученко, 2021: 41-43). Многие традиционалисты утверждали, что таинство причастия не может быть совершено удаленно, без телесного собрания общины и священнослужителя. Другие, напротив, искали способы виртуального причастия (Черничкин, 2021: 58-60). Эта дискуссия высветила ключевую проблему: насколько *виртуальное присутствие* может замещать физическое в деле приобщения к святыне. По сути, спор шел о том, может ли виртуальное сакральное считаться равнозначным материальному.

Практика показала, что для многих верующих участие в богослужении через экран может быть глубоко значимым. В период ковидных карантин 2020 г. миллионы людей по всему миру молились и пели вместе со своими общинами посредством онлайн-трансляций, ощущая единство Церкви даже при отсутствии физического контакта (Kgatle, 2020). В глазах этих участников *интернет стал «сакраментальным» пространством*, способным быть носителем Божьего присутствия. Как отметила Х. Кэмпбелл, цифровое пространство может восприниматься верующими как «место, отделенное для святого употребления, часть их религиозной жизни» (Campbell, 2025: 73). Религиозные общины адаптировали обряды: появились виртуальные молитвенные группы, службы в Zoom, исповеди через специальные приложения (Ben-Lulu, 2021: 861-863). Конечно, сохраняются ограничения – многие таинства требуют *материальной* составляющей (вода крещения, хлеб и вино евхаристии), и здесь церкви зачастую идут по пути сочетания онлайн- и офлайн-элементов. Тем не менее, сам факт, что значительная часть религиозной жизни переместилась в цифровую сферу, указывает на формирование нового понимания телесности и реальности обряда. Можно говорить о двойственном статусе виртуального ритуала: он реально переживается участниками (в эмоциональном и духовном плане), но при этом осознается как частично символический, условный. Эта двойственность снимается на уровне *веры*: если участники убеждены в действенности онлайн-ритуала, он для них становится не менее реальным, чем традиционный. Думается, вопрос об «аутентичности» виртуального обряда следует решать с позиции самих верующих: если религиозная аудитория принимает онлайн-практику как легитимную, значит, для нее она является подлинным религиозным опытом. Этот эмпирический критерий показывает, что границы между реальным и мнимым присутствием в опыте веры подвижны.

Философски важным следствием виртуализации является разрыв жесткой связи сакрального с конкретным местом и временем. Священное время в цифровой религиозности тоже меняет характер: онлайн-ритуалы могут происходить вне привычного расписания, часто – непрерывно. Например, круглосуточные молитвенные чаты или трансляции из святых мест позволяют верующим подключаться к общему действу в любое время, по

индивидуальному графику. Так размывается единый ритм литургической жизни общины; каждый участник как бы конструирует свою собственную «духовную хронологию». С одной стороны, это риск фрагментации общности, а с другой – появление *персонализированного священного времени*, адаптированного под жизнь человека.

Аналогично и со священным пространством: теперь не только храм может восприниматься как священное место, но и комната верующего во время подключения к богослужению становится священным пространством. География сакрального децентрализуется – вместо одного центра святости (храма) возникает сеть многих мелких «домашних алтарей» перед экранами. В то же время через интернет происходит и обратное: реконструкция единого сакрального пространства в виртуальной форме. Примером служат виртуальные миры, где воссозданы храмы или святыни и где пользователи могут совместно присутствовать аватарами (Mansour, 2022). Такая «*цифровая литургия*» позволяет людям, физически разбросанным по миру, оказаться вместе в одном символическом храме онлайн и совершать объединенный обряд. Здесь мы видим, как виртуальность порождает новую *цифровую телесность*, где тело верующего представлено его виртуальным образом. Человек действует через интерфейс, однако его активности все равно воспринимаются как реальные внутри данного пространства. Многие отмечают эффект полного погружения: например, надев VR-гарнитуру, человек на интуитивном уровне ощущает себя «стоящим в храме» и поющим вместе со всеми – несмотря на понимание иллюзорности картинки (Tran, Davies, 2023). Соответственно, граница между физическим телом и цифровым интерфейсом размывается.

Эта способность технологий создавать убедительное ощущение присутствия открывает пути для дальнейшей *эмпатической вовлеченности* в онлайн-ритуалы. Виртуализация разрывает связь сакрального с конкретным «здесь и сейчас», превращая религиозный опыт в персональный сетевой процесс, реализуемый через цифровую телесность и иммерсивное присутствие.

Безусловно, виртуализация несет и риски обесценивания тела. Некоторые богословы указывают, что христианство по сути – религия воплощения, и удаление телесности из религиозности может привести к утрате глубинного смысла общности и таинств. Однако, на наш взгляд, более продуктивно видеть здесь не отрицание тела, а расширение понятия телесности. Человек в сети по-прежнему действует как телесное существо, просто его тело воздействует на других опосредованно, через цифровой канал. Можно сказать, что возникает медиателесность, когда материальное и виртуальное тело дополняют друг друга. Философия медиа указывает, что технологии коммуникации всегда расширяли человеческое тело, а интернет можно интерпретировать в качестве продолжения социального «тела» общины, позволяющего ему присутствовать сверх границ пространства. Цифровая трансформация религиозного опыта приводит к возникновению феномена «расширенного присутствия», который снимает классическую оппозицию между физическим и виртуальным. Ключевым сдвигом становится переход от институционально-материальных критериев подлинности ритуала к субъективно-эмпирическим. Таким образом, сетевая сакральность не упраздняет физическое, а создает новую диалектику телесного и виртуального, которая обогащает религиозный опыт, но и требует переосмысления ряда традиционных теологических категорий.

Сетевая общность и смещение религиозного авторитета

Третье ключевое измерение цифровой трансформации религии – это изменение характера религиозной коммуникации и структуры общин. Интернет изначально проектировался как сеть равноправных узлов, и эта сетевая логика переносится и на религиозную сферу. Если прежние модели религиозной общности были во многом

иерархичны и локализованы, то онлайн-пространство способствует более горизонтальным и разомкнутым связям.

Появляются виртуальные общины верующих, зачастую не привязанные к конфессии или месту. Эти сетевые общности формируются по принципу *самоидентификации* участников, а не по официальному членству. Социологи религии заговорили о феномене «сетевой религии», где связи опираются на личные сети коммуникации, а не на институты. Х. Кэмпбелл, введшая этот концепт, выделила несколько характерных черт сетевой религии: во-первых, сетевое сообщество (верующие объединяются через цифровые сети, образуя распределенную общину); во-вторых, нарративная идентичность (личность конструирует свою религиозную идентичность, рассказывая о себе в соцсетях, блогах и т. д.); в-третьих, смещенный авторитет (традиционные лидеры теряют монополию на истину, возрастает роль мнения «равных» участников); в-четвертых, конвергентная практика (разные религиозные активности – молитва, изучение текстов, проповедь – сходятся вместе в мультимедийной онлайн-среде); и в-пятых, множественность пространств (одновременная вовлеченность верующего в офлайн- и онлайн-измерения) (Campbell, 2025). Все эти характеристики указывают на слом прежних границ между индивидуальной и коллективной религиозностью. Сетевая община устроена более как *совокупность индивидов*, каждый из которых сам выбирает степень и форму участия, нежели как строго организованное целое. В ней легко сосуществуют разные уровни вовлеченности и разные интерпретации вероучения – то, что П. Бергер называл «плавающими мирами» в эпоху плюрализации (Бергер, 2019). Онлайн-формат облегчает индивидуализацию веры: человек может следовать именно тем аспектам религии, которые близки лично ему, находя единомышленников по всему миру. Возникает так называемая «*лоскутная религиозность*», когда индивидуальный духовный путь складывается из элементов разных традиций и практик, почерпнутых в сети (Lövhelm and Hjarvard, 2019). Е.И. Гришаева и А.Г. Бусыгин справедливо отмечают, что в интернет-сообществах идентичность становится «текучей» и множественной (Гришаева и Бусыгин, 2020). Верующий может одновременно принадлежать к разным цифровым группам, конструируя свою «индивидуальную карту» сакрального. Соответственно, цифровая эпоха замещает локальную иерархическую общину глобальной горизонтальной сетью, в которой авторитет децентрализован, а верующий получает право на «лоскутное» конструирование собственной духовности.

При этом само понятие *коллективного сакрального опыта* изменяется. Если раньше кульминацией совместного переживания священного была, например, литургия в храме, то в онлайн-общине переживание общего часто складывается *дискретно*. Коллективность выражается не в физической синхронности, а в коммуникационной связанности: верующие чувствуют себя частью группы через постоянное общение, обмен контентом, взаимную поддержку в чате или форуме. Даже если они не находятся вместе тут и сейчас, их объединяет непрерывный информационный поток. Таким образом, коллективное сакральное смещается с уровня совместного действия на уровень совместного информационного поля и символического обмена. Например, участники большого религиозного VK-сообщества могут никогда не молиться *одновременно*, но ощущение единства у них поддерживается ежедневным чтением постов друг друга, комментариями, участием в общих онлайн-проектах. Это новый тип религиозной общности – рассеянная, но связанная. Она вписывается в теорию сетевого общества М. Кастельса, по которой социальная структура смещается от локальных групп к сетям, где узлы соединены потоками информации (Кастельс, 2000).

Одним из наиболее значимых последствий этих процессов является изменение религиозного авторитета. В сетевой коммуникации стирается четкая граница между «экспертом» и «обычным участником». Любой верующий получает платформу для высказывания своих взглядов, и это снижает монополию официальных лидеров мнений

(священников, богословов) на интерпретацию доктрины. Исследование католического онлайн-дискурса показало, что в соцсетях миряне активно полемизируют даже с Ватиканом, публично оспаривая решения и требуя реакции Церкви (Giorgi, 2019). Границы между клиром и паствой в сети размываются – рождается феномен, который Сбарделотто называет «медиатически эмансипированным мирянином», обладающим «обыденной экспертизой» за счет повседневного духовного опыта онлайн (Sbardelotto, 2016: 242). Эти активные верующие в интернете сами создают богословские смыслы, фактически формируя своего рода народное онлайн-богословие. Сеть дает им «право голоса», которого не было в традиционных иерархиях: теперь миряне могут публично выражать несогласие, предлагать альтернативные трактовки и объединяться в группы по интересам, требуя внимания официальной Церкви (Selby and Sayeed, 2023). Так осуществляется своего рода демократизация сакрального – общество (через сеть) начинает само активно участвовать в конструировании религиозного дискурса, не дожидаясь указаний «сверху». Сакральное знание превращается в децентрализованный проект, открытый для со-созидания множеством участников.

Конечно, институциональные религиозные структуры по-прежнему сохраняют влияние, но им приходится считаться с этим новым ландшафтом. Очевидно, что мы видим *конфликт авторитетов*: традиционные «стражи» веры сталкиваются с конкуренцией со стороны харизматичных блогеров-проповедников, лидеров мнений в религиозных онлайн-сообществах. Например, популярный сетевой проповедник может иметь больше аудитории, чем приходской священник. Это не обязательно разрушает Церковь, но заставляет ее переосмыслить свою коммуникационную политику и роль. Многие церкви стараются освоить новые площадки – заводят официальные аккаунты, взаимодействуют с паствой онлайн, признавая ценность этого канала. Однако сам факт, что харизма и авторитет больше не привязаны к должности, а зависят от медийного присутствия и умения коммуницировать, – серьезный сдвиг в социологии сакрального.

Важно подчеркнуть, что сетевая сакральность не существует в отрыве от традиционной религиозности. Напротив, онлайн-формы обычно переплетены с офлайн-контекстом. Верующие, участвующие в цифровых практиках, зачастую параллельно принадлежат реальным общинам и черпают ценности из своей культуры. Поэтому речь не идет о рождении какой-то совершенно новой религии «в компьютере» – скорее, происходит расширение религиозного поля, включающее оба измерения. Однако внутри этого расширенного поля меняются акценты: возрастает роль *личного выбора* и *творчества* в вере, усиливается разнообразие и конкуренция смыслов, религия становится более публично обсуждаемой и видимой. Все это формирует новую общественную реальность, где священное присутствует более диффузно и вне традиционного контроля. Хьярвард говорил о медиатизированной религии, которая функционирует по законам медиа (Hjarvard, 2008). Можно добавить, что в эпоху соцсетей формируется и своеобразная «религия медийного общества», когда духовные нужды людей нередко удовлетворяются вне институтов – через VK-проповеди, «виртуальные храмы» и т. п. Все это указывает на то, что сакральное в сети – свершившийся факт.

Заключение

Цифровая среда выступает сегодня не просто новым инструментом коммуникации для религии, но и новой средой бытования сакрального. В процессе конституирования «сетевой сакральности» мы наблюдаем глубинные сдвиги: стирается прежняя четкая граница между священным и мирским; меняется понимание присутствия; трансформируется природа религиозных сообществ. Сакральное уже не локализовано в особых местах и не монополизировано институциями – оно «течет» через сети, проявляется во взаимодействиях, конструируется коллективно и динамично. Происходит размывание границ между профанным

и священным, телесным и виртуальным, индивидуальным и коллективным в онлайн-опыте верующих.

Для философии религии и религиоведения это означает, что прежние концепции сакрального, разработанные на материале традиционных обществ, нуждаются в обновлении с учетом феномена виртуальности. Требуется осмыслить, например, что значит иерофания в цифровом мире? Как понимать ритуал в условиях отсутствия единого пространства-времени – возможно ли говорить об онтологической действительности онлайн-обрядов или это лишь «театральность»? Как меняется роль религиозного опыта? Эти вопросы открывают широкий простор для дальнейших исследований.

Новизна феномена сетевой сакральности состоит в том, что священное перестает быть «особым островом» реальности, а пронизывает сетевое общество подобно тому, как информация пронизывает все сферы жизни. С философской точки зрения можно сказать, что в цифровую эпоху происходит *расширение онтологии сакрального*: оно обретает «второе измерение» бытия – сетевое, виртуальное, но реально влияющее на сознание и практики людей. Этот синтез виртуального и реального в религии ведет к формированию новой символической реальности, где границы между телесным и духовным, частным и общим постоянно пересматриваются участниками коммуникации.

В целом, сетевая сакральность – это не отказ от традиционного священного, а его неизбежная эволюция в эпоху цифровой глобализации. Она сохраняет преемственность с прошлыми формами, но выражает их новыми способами. Сетевая сакральность выступает в качестве амбивалентного феномена, в котором потенциал для духовной эволюции сосуществует с рисками девальвации священного и утраты аутентичности опыта. На наш взгляд, стратегической задачей остается поиск баланса между технологическими инновациями и сохранением экзистенциальной глубины, подлинности и живого диалога, что является необходимым условием устойчивого развития религиозной жизни сегодня.

Литература

Беляева, У. П. (2025), «Религиозное знание в эпоху нейросетевой дискурсивности», *Традиции и инновации в пространстве современной культуры*, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, 15-21.

Бергер, П. (2019), *Священная завеса: Элементы социологической теории религии*, пер. с англ. Сафронова, Р., Новое литературное обозрение, Москва.

Гришаева, Е. И. и Бусыгин, А. Г. (2020), «Интернет в православном приходе: особенности взаимодействия православных пользователей с интернет-технологиями», *Научный результат. Социология и управление*, 6(1), 3-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1; EDN: GGGBAN

Гузельбаева, Г. Я. (2024), «Цифровизация религиозной сферы, доверие духовным лидерам и отношение к религиозным организациям на фоне постпандемии: взгляд молодежи», *Историческая этнология*, 9(4), 620-637. DOI: 10.22378/he.2024-9-4.620-637; EDN: NMGONK

Зайцев, Д. А. (2025), «Цифровая сакральность: философский анализ онтологии джихадистских Telegram-сообществ», *Вестник Челябинского государственного университета*, 8(502), 62-67. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-502-8-62-67

Кастельс, М. (2000), *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, пер. с англ.; под науч. ред. Шкаратана, О. И., ГУ ВШЭ, Москва.

Лученко, К. В. (2021), «Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия», *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 39(1), 39-57. DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57; EDN: PMXHUB

Нимяев, Э. А. (2022), «Исследование цифровой религии: классификация религиозных онлайн-ресурсов», *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 3, 220-229. DOI: 10.35231/18186653_2022_3_220

Черничкин, Д. А. (2021), «Трансформация религиозной коммуникации под влиянием пандемии COVID-19», *Logos et Praxis*, 20(2), 56-64. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.7; EDN: HYSXSE

Элиаде, М. (1994), *Священное и мирское*, пер. с фр., предисл. и коммент. Гарбовского, Н. К., Изд-во МГУ, Москва.

Ben-Lulu, E. (2021), “Zooming in and Out of Virtual Jewish Prayer Services During the COVID-19 Pandemic”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 60(4), 852-870. DOI: 10.1111/jssr.12746

Campbell, H. A. (2025), “Digital Religion as the Networked Spiritual Infrastructure of Our Religious Futures”, *Redefining Spiritual Spaces in the Age of Technology: Innovations and Pitfalls*, in Guenther, S. K., Li, X. and Scheidt, M. A. (eds), Springer, Cham, 67-80. DOI: 10.1007/978-3-031-93436-0_5

Dein, S. and Watts, F. (2023), “Religious Worship Online: A Qualitative Study of Two Sunday Virtual Services”, *Archive for the Psychology of Religion*, 45(2), 191-209. DOI: 10.1177/00846724221145348

Giorgi, A. (2019), “Mediatized Catholicism – Minority Voices and Religious Authority in the Digital Sphere”, *Religions*, 10(8), Art. 463. DOI: 10.3390/rel10080463

Hjarvard, S. (2008), “The mediatization of religion: a theory of the media as agents of religious change”, *Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook*, 6(1), 9-26. DOI: 10.1386/nl.6.1.9_1

Kgatle, M. S. (2020), “Religious live-streaming in response to coronavirus disease 2019 pandemic and the subsequent lockdown in South Africa”, *Verbum et Ecclesia*, 41(1), Art. a2120. DOI: 10.4102/ve.v41i1.2120

Lövheim, M. and Hjarvard, S. (2019), “The Mediatized Conditions of Contemporary Religion: Critical Status and Future Directions”, *Journal of Religion, Media and Digital Culture*, 8(2), 206-225. DOI: 10.1163/21659214-00802002

Mansour, N. (2022), “The Holy Light of Cyberspace: Spiritual Experience in a Virtual Church”, *Religions*, 13(2), Art. 121. DOI: 10.3390/rel13020121

Müller, J. and Friemel, T. N. (2024), “Dynamics of Digital Media Use in Religious Communities – A Theoretical Model”, *Religions*, 15(7), Art. 762. DOI: 10.3390/rel15070762

O’Leary, S. D. (1996), “Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks”, *Journal of the American Academy of Religion*, 64(4), 781-808. DOI: 10.1093/jaarel/LXIV.4.781

Sbardelotto, M. (2016), “‘And the Word Became Network’: An Analysis of the Circulation of the ‘Catholic’ in Online Communicational Networks”, *Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet*, 11, 229-253. DOI: 10.17885/heup.rel.2016.0.23633

Selby, J. A. and Sayeed, R. (2023), “Religious Authorities in the Digital Age: The Case of Muslims in Canada”, *Contemporary Islam*, 17(3), 467-488. DOI: 10.1007/s11562-023-00536-7

Tran, M. K. and Davies, A. (2023), “Revisiting Benjamin’s Aura in the Age of Mediatization: Virtual Religious Consumption in the (Post-)Pandemic Era”, *Journal of Marketing Management*, 39(17-18), 1765-1799. DOI: 10.1080/0267257X.2023.2289369

References

Ben-Lulu, E. (2021), “Zooming in and Out of Virtual Jewish Prayer Services During the COVID-19 Pandemic”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 60(4), 852-870. DOI: 10.1111/jssr.12746

Berger, P. (2019), *Svyashchennaya zavesa: elementy sotsiologicheskoy teorii religii* [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Belyaeva, U. P. (2025), “Religious knowledge in the era of neural network discursivity”, *Traditsii i innovatsii v prostranstve sovremennoy kultury* [Traditions and innovations in the space of modern culture], Publishing House of Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia, 15-21 (in Russ.).

Campbell, H. A. (2025), “Digital Religion as the Networked Spiritual Infrastructure of Our Religious Futures”, *Redefining Spiritual Spaces in the Age of Technology: Innovations and Pitfalls*, in Guenther, S. K., Li, X. and Scheidt, M. A. (eds), Springer, Cham, Switzerland, 67-80. DOI: 10.1007/978-3-031-93436-0_5

Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture], Higher School of Economics Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Chernichkin, D. A. (2021), “Transformation of religious communication under the influence of the COVID-19 pandemic”, *Logos et Praxis*, 20(2), 56-64 (in Russ.). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.7; EDN: HYXSHE

Dein, S. and Watts, F. (2023), “Religious Worship Online: A Qualitative Study of Two Sunday Virtual Services”, *Archive for the Psychology of Religion*, 45(2), 191-209. DOI: 10.1177/00846724221145348

- Eliade, M. (1994), *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane], Moscow State University Press, Moscow, Russia (in Russ.).
- Giorgi, A. (2019) “Mediatized Catholicism – Minority Voices and Religious Authority in the Digital Sphere”, *Religions*, 10(8), Art. 463. DOI: 10.3390/rel10080463
- Grishaeva, E. I. and Busygin, A. G. (2020), “The Internet in the Orthodox parish: peculiarities of interaction of Orthodox users and Internet technologies”, *Research Result. Sociology and Management*, 6(1), 3-15 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1; EDN: GGGBAH
- Guzelbaeva, G. Ya. (2024), “Digitalization of the religious domain, trust in spiritual leaders and attitudes towards religious organizations in the post-pandemic context: a youth perspective”, *Historical Ethnology*, 9(4), 620-637 (in Russ.). DOI: 10.22378/he.2024-9-4.620-637; EDN: NMGOHK
- Hjarvard, S. (2008), “The mediatization of religion: a theory of the media as agents of religious change”, *Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook*, 6(1), 9-26. DOI: 10.1386/nl.6.1.9_1.
- Kgatle, M. S. (2020), “Religious live-streaming in response to coronavirus disease 2019 pandemic and the subsequent lockdown in South Africa”, *Verbum et Ecclesia*, 41(1), Art. a2120. DOI: 10.4102/ve.v41i1.2120
- Luchenko, K. V. (2021), “The digitalization of worship practices during the coronavirus pandemic in the context of the mediatization of Orthodoxy”, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 39(1), 39-57 (in Russ.). DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57; EDN: PMXHUB
- Lövheim, M. and Hjarvard, S. (2019), “The Mediatized Conditions of Contemporary Religion: Critical Status and Future Directions”, *Journal of Religion, Media & Digital Culture*, 8(2), 206-225. DOI: 10.1163/21659214-00802002
- Mansour, N. (2022), “The Holy Light of Cyberspace: Spiritual Experience in a Virtual Church”, *Religions*, 13(2), 121. DOI: 10.3390/rel13020121
- Müller, J. and Friemel, T. N. (2024), “Dynamics of Digital Media Use in Religious Communities – A Theoretical Model”, *Religions*, 15(7), 762. DOI: 10.3390/rel15070762
- Nimyaev, E. A. (2022), “Digital religion study: A classification of religious online resources”, *Pushkin Leningrad State University Journal*, 3, 220-229 (in Russ.). DOI: 10.35231/18186653_2022_3_220
- O’Leary, S. D. (1996), “Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks”, *Journal of the American Academy of Religion*, 64(4), 781-808. DOI: 10.1093/jaarel/LXIV.4.781
- Sbardelotto, M. (2016), “‘And the Word Became Network’: An Analysis of the Circulation of the ‘Catholic’ in Online Communicational Networks”, *Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet*, 11, 229-253. DOI: 10.17885/heup.rel.2016.0.23633
- Selby, J. A. and Sayeed, R. (2023), “Religious Authorities in the Digital Age: The Case of Muslims in Canada”, *Contemporary Islam*, 17(3), 467-488. DOI: 10.1007/s11562-023-00536-7
- Tran, M. K. and Davies, A. (2023), “Revisiting Benjamin’s Aura in the Age of Mediatization: Virtual Religious Consumption in the (Post-)Pandemic Era”, *Journal of Marketing Management*, 39(17-18), 1765-1799. DOI: 10.1080/0267257X.2023.2289369
- Zaitsev, D. A. (2025), “Digital sacredness: philosophical analysis of the ontology of jihadist Telegram communities”, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 8(502), 62-67 (in Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-502-8-62-67

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Беляев Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; профессор кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, корп. 10, г. Белгород, 308015, Россия; dm.a.belyaev@gmail.com

Гретченко Елена Игоревна, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, корп. 10, г. Белгород, 308015, Россия; 79102228977@ya.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Dmitry A. Belyaev, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Political Science and Theology, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia; Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; dm.a.belyaev@gmail.com

Elena I. Gretchenko, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 79102228977@ya.ru

УДК 323.2/314.74

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-9

Григорьева М. В.¹,
Балакина Ю. В.²**Как формируется общегражданское «мы»?
Анализ инструментов символического включения
в интеграционной политике^{1*}**

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия; mariya.grigoreva@hse.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Б. Печерская, д. 25/12, г. Нижний Новгород, 603155, Россия; julianaumova@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа применяемых в современном мире институционализированных практик, формирующих представления об общей гражданской идентичности через обращение к ценностям, историческим нарративам, коллективной памяти и публичным символическим действиям. Методологическую основу работы составляют качественный сравнительный анализ зарубежных кейсов, а также анализ нормативных документов, государственных программ, материалов гражданской интеграции, музейных и мемориальных практик. В качестве кейсов рассмотрены практики Германии, Канады и Австралии как примеры различных подходов к формированию гражданской принадлежности мигрантов, а также Франции и Великобритании – для выявления ограничений существующих моделей. Исследование показывает, что в различных странах используется сходный набор инструментов интеграционной политики, включая языковые и гражданские курсы, тесты на знание страны, процедуры натурализации, церемонии получения гражданства, музейные проекты и практики публичной памяти. Вместе с тем их содержание и функции существенно различаются. В Германии символическое включение строится вокруг конституционных ценностей и исторической ответственности, в Канаде – на сочетании мультикультурализма и общего исторического нарратива страны иммиграции, в Австралии – на формировании принадлежности через разделяемые гражданские ценности и публичное признание культурного разнообразия. Французский и британский кейсы показывают, что наличие отдельных интеграционных инструментов не гарантирует формирования устойчивого чувства принадлежности. Сделан вывод о том, что эффективность символического включения определяется содержательным наполнением конкретных инструментов и способностью государства формировать непротиворечивую символическую рамку гражданской принадлежности. Один и тот же инструмент может транслировать различные модели интеграции в зависимости от исторического и политического контекста. Результаты исследования позволяют расширить понимание символического измерения интеграционной политики и могут быть использованы при разработке подходов к формированию гражданской принадлежности в условиях многонациональных и многоконфессиональных обществ.

^{1*} Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2026-013 "Гражданская идентичность и традиционные ценности: исторические модели в коммуникативной практике")

Ключевые слова: миграция; символическое включение; гражданская идентичность; мультикультурализм; историческая память; интеграционная политика

Для цитирования: Григорьева, М. В. и Балакина, Ю. В. (2026), «Как формируется общегражданское “мы”? Анализ инструментов символического включения в интеграционной политике», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 100-112. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-9

How is the civic “we” formed? Symbolic inclusion tools in integration policy^{2*}

M. V. Grigoryeva¹, Yu. V. Balakina²

¹ HSE University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; mariya.grigoreva@hse.ru

² HSE University, 25/12 B. Pecherskaya St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia;
julianaumova@gmail.com

Abstract. In the context of intense international migration and increasing ethnocultural diversity, the integration of migrants has become an important issue for public policy. While existing research primarily focuses on the socio-economic and legal dimensions of integration, less attention has been paid to the mechanisms through which migrants develop a sense of belonging to the host society. This study addresses this gap by examining symbolic inclusion as a set of institutionalized practices aimed at fostering civic belonging through values, historical narratives, collective memory, and public symbolic actions. The novelty of the study lies in its comparative analysis of integration policies through the lens of symbolic inclusion and in identifying different models of institutionalizing civic belonging. The research is based on a qualitative comparative analysis of Germany, Canada, and Australia, complemented by the cases of France and the United Kingdom to highlight the limitations of existing approaches. The analysis draws on policy documents, citizenship and integration materials, public programs, and museum and memorial practices. The findings show that different countries employ a similar set of instruments, including language and civic courses, citizenship tests, naturalization procedures, citizenship ceremonies, museums, and memory practices. However, their content and functions vary significantly. Germany emphasizes constitutional values and historical responsibility, Canada combines multiculturalism with a shared national narrative, and Australia promotes belonging through civic values and public recognition of cultural diversity. The French and British cases demonstrate the limitations of alternative approaches to symbolic inclusion. The study concludes that the effectiveness of symbolic inclusion depends less on the presence of specific instruments than on their substantive content and their capacity to create a coherent framework of civic belonging.

Keywords: migration; symbolic inclusion; civic identity; multiculturalism; historical memory; integration policy

^{2*} This article is an output of the research project HSE-BR-2026-013 "Civic Identity and Traditional Values: Historical Models in Communication Practice", implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

For citation: Grigoryeva, M. V. and Balakina, Yu. V. (2026), "How is the civic 'we' formed? Symbolic inclusion tools in integration policy", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 100-112. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-9

Введение

Интенсификация миграционных процессов и рост этнокультурного разнообразия актуализируют вопросы интеграции инокультурных сообществ, в том числе в контексте обеспечения консолидации общества и формирования гражданской идентичности.

Интеграция все чаще рассматривается не только как социально-экономическая или правовая адаптация, но и как процесс включения в общее символическое пространство принимающего общества через освоение коллективной памяти, исторических нарративов и традиционных ценностей. Как показывают результаты исследований, именно символическое измерение интеграции во многом определяет устойчивость гражданской солидарности и долгосрочную включенность новых членов общества в единое гражданское сообщество (см., например: (Penninx and Garcés-Mascareñas, 2016) (Fajth and Lessard-Phillips, 2023)).

Особый интерес в этой связи представляет зарубежный опыт, демонстрирующий различные модели использования символических ресурсов в интеграционной политике. Обращение к зарубежным кейсам позволяет выделить и описать механизмы, которые могут быть сопоставлены с российским контекстом. Цель статьи – на материале зарубежных кейсов описать и сравнить инструменты символического включения, применяемые в интеграционной политике.

Символическое включение мы определяем как институционализированную практику формирования чувства принадлежности к сообществу посредством гражданских ценностей, исторических нарративов, коллективной памяти и публичных символических действий.

Теоретические основания

Для анализа инструментов символического включения актуален вопрос о каналах, через которые общие представления становятся частью публичной культуры. В грамшианской традиции такие каналы рассматриваются через понятие гегемонии: социальный порядок поддерживается согласованием представлений о нормальном, допустимом и ценном (Gramsci, 1971) (Laclau and Mouffe, 2014). С этой точки зрения образование, публичные ритуалы, государственные праздники, школьные программы, музеи и медиа рассматриваются в качестве ключевых инструментов символического включения, через которые формируются представления об общей истории и легитимных общественных ценностях.

В логике диалога культур идентичность формируется через соотнесение разных культурных позиций (Библер, 1991) (Bakhtin, 1984), что имеет принципиальное значение для анализа интеграции, поскольку общие исторические и ценностные рамки могут работать как механизм гражданской идентичности только при учете культурных различий и неравенства позиций участников взаимодействия (Perry and Southwell, 2011) (Elias and Mansouri, 2020) (Оводова, 2018).

Этносимволистский подход Э. Смита (Smith, 1991) и концепция «воображаемых сообществ» Б. Андерсона (Anderson, 2006) позволяют уточнить значимость исторической памяти, коллективных символов и публичных ритуалов, определяя, что политическое сообщество воспроизводится через представления о прошлом, общие образы принадлежности, институциональные практики памяти, образование и медиа. В рамках настоящей статьи эти подходы используются как основание для анализа конкретных

инструментов, таких как экзамены для мигрантов, образовательные материалы, музеи миграции, апелляции к памятным датам и пр.

В итоге интеграция понимается как сочетание институционального участия и символического включения в общее пространство гражданской идентичности.

В исследованиях интеграции отсутствует консенсус относительно классификации и подходов к ее изучению. Так, предлагается анализировать интеграцию на микро-, мезо- и макроуровне (Lindo, 2005). В других работах выделяются структурные, культурные, социальные и политические измерения (Rodat, 2017), а также другие модели, включающие экономические, языковые, социальные, политические, психологические и другие показатели (Harder et al., 2018).

Вместе с тем большинство современных исследований сходятся в том, что для анализа интеграции инокультурных сообществ целесообразно выделять по меньшей мере пять взаимосвязанных уровней.

Первый уровень – структурный – связан с включением индивида в систему образования, рынок труда, жилищную инфраструктуру, здравоохранение и административные сервисы. Этот уровень интеграции чаще всего становится объектом государственной политики, поскольку поддается количественной оценке и институциональному регулированию.

Второй уровень – культурный – связан с освоением языка, норм поведения, символических кодов и повседневных практик принимающего общества. Исторически именно этот уровень чаще всего отождествлялся с ассимиляцией, однако в современных исследованиях данное утверждение было пересмотрено в связи с развитием идеи селективной аккультурации, предполагающей возможность успешного включения без полного отказа от собственной культурной идентичности (Ahrensberg, 2026). Аналогичные тенденции прослеживаются и в исследованиях интеграционной политики, где культурная интеграция рассматривается как процесс освоения норм принимающего общества без обязательного отказа от собственной культурной принадлежности (Rodat, 2017).

Третий уровень – социальный – наличие дружеских связей, соседских контактов, участие в локальных сетях и организациях, а также повседневный опыт взаимодействия с представителями принимающего большинства (Wessendorf and Phillimore, 2019) (Glorius, Bürer and Schneider, 2021).

Четвертый уровень – гражданско-политический – участие в выборах, гражданских инициативах, взаимодействие с государственными институтами и чувство политической принадлежности, то есть приверженность общим нормам, ценностям и правилам общественной жизни (Goodman, 2010) (Pettersson, 2025).

Пятый уровень – идентификационный – формирование чувства принадлежности и эмоциональной связи с принимающим обществом или же оппозиции ему (Fajth and Lessard-Phillips, 2023) (Slootman, 2018).

Поскольку предметом статьи являются инструменты символического включения, далее рассматриваются прежде всего культурное, гражданско-политическое и идентификационное измерения. Структурное и социальное измерения учитываются как контекст, но не становятся самостоятельным объектом анализа.

Методология

Исследование выполнено в логике качественного сравнительного анализа кейсов.

В исследование включены 5 кейсов, демонстрирующих различные подходы к сочетанию инструментов интеграционной политики.

Германия – пример формирования гражданской принадлежности через конституционные ценности и историческую ответственность, Канада – через сочетание мультикультурализма и общего исторического нарратива, Австралия – через общие гражданские ценности и чувство принадлежности. Кейсы Франции и Великобритании

используются для выявления ограничений: первый ориентирован на универсальное гражданство, второй характеризуется отсутствием единой политики символического включения.

Материалом для исследования послужили нормативно-правовые акты, официальные документы органов государственной власти, статистические данные, материалы учреждений гражданства и интеграции, музейных и мемориальных институтов, а также академические исследования, посвященные проблемам миграционной интеграции, национальной идентичности и политики памяти.

Предметом анализа являются инструменты символического включения: гражданское образование и тестирование, процедуры приобретения гражданства, мемориально-исторические практики и музейные формы репрезентации миграции и национальной истории.

Зарубежные кейсы интеграции

Германия

Немецкая интеграционная политика в большей степени ориентирована на включение мигрантов в общий конституционный порядок через освоение языка, знание демократических институтов, правовых норм и исторической ответственности ФРГ.

В национальном плане действий по интеграции этот процесс включает пять этапов: подготовку до миграции, первичную интеграцию, участие [в общественной жизни], непосредственно интеграцию в принимающее сообщество и социальную сплоченность³.

Основной инструмент первичной интеграции – интеграционный курс BAMF (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge), который объединяет языковую адаптацию и гражданско-нормативное включение. Курс знакомит участников с правовым порядком, культурой и историей Германии, демократической системой, базовыми ценностями, региональными особенностями, а также позволяет освоить язык на базовом уровне⁴. Масштаб интеграционных курсов позволяет рассматривать их как системный элемент федеральной интеграционной политики. Так, в первом полугодии 2025 г. было выдано около 223 тыс. разрешений и обязательств на участие⁵.

Следующие инструменты – тест Leben in Deutschland (LiD) и экзамен на гражданство (Einbürgerungstest). По сути, это один и тот же тест, состоящий из 33 вопросов по трем темам: «Жизнь в демократии», «История и ответственность» и «Человек и общество». Тем самым историческая память позиционируется как элемент гражданской социализации и один из критериев символической принадлежности к политическому сообществу⁶. В § 10 Закона о гражданстве закреплено признание особой исторической ответственности Германии за

³Die Bundesregierung. *Making integration easier for migrants: FAQs on the National Action Plan on Integration*, 29.07.2020 [Электронный ресурс], URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/service/archive/aktionsplan-integration-1772728> (дата обращения: 31.05.2026).

⁴Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. *Inhalt und Ablauf eines Integrationskurses*, 30.04.2025 [Электронный ресурс], URL: <https://www.bamf.de/DE/Themen/Integration/TraegerLehrFachkraefte/TraegerIntegrationskurse/Paedagogisches/InhaltAblauf/inhalt-ablauf-node.html> (дата обращения: 26.05.2026).

⁵Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. *Integrationskurszahlen: Integrationskursgeschäftsstatistik für das erste Halbjahr 2025*, 27.11.2025 [Электронный ресурс], URL: <https://www.bamf.de/DE/Themen/Statistik/Integrationskurszahlen/integrationskurszahlen.html> (дата обращения: 27.05.2026).

⁶Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. *Einbürgerung in Deutschland*, 10.06.2025 [Электронный ресурс], URL: <https://www.bamf.de/DE/Themen/Integration/ZugewanderteTeilnehmende/Einbuengerung/einbuengerung-node.html> (дата обращения: 28.05.2026).

национал-социалистическое неправоное правление и его последствия, включая защиту еврейской жизни, мирное сосуществование народов и запрет ведения агрессивной войны⁷.

Таким образом, германский кейс демонстрирует модель символического включения, основанную на нормативной интеграции в конституционное сообщество прежде всего посредством освоения общего правового и ценностного порядка. Язык, гражданское образование, тестирование и процедуры натурализации образуют единую цепочку, в рамках которой мигрант последовательно включается в пространство демократических норм и исторической ответственности. При этом инструменты модели не позволяют установить, каким образом формируется эмоциональная идентификация мигрантов с немецким обществом и как различные группы интерпретируют предлагаемый государством историко-политический нарратив.

Канада

Канадский кейс релевантен как пример модели, в которой символическое включение строится на сочетании признания культурного разнообразия и общей гражданской идентичности. В отличие от Германии, канадская модель исходит из того, что различные культурные сообщества могут сохранять собственную идентичность, являясь частью единого политического сообщества.

Мультикультурализм признан в Канаде официальной политикой и закреплён в Canadian Multiculturalism Act. В официальном описании акта среди целей значатся признание и сохранение мультикультурного наследия, полное и равное участие людей и сообществ разного происхождения в жизни общества, устранение барьеров участия, равное обращение, равная защита законами⁸.

Гражданско-нормативный инструмент представлен тестом на гражданство и официальным руководством “Discover Canada: The Rights and Responsibilities of Citizenship”. Тематически тест проверяет знания о правах и обязанностях гражданина, истории, географии, экономике, системе управления, законах и символах Канады⁹ и сопоставим с германским тестом “Leben in Deutschland”, однако в канадской версии дополнительно присутствуют вопросы о Канаде как об обществе, сформированном несколькими волнами миграции и поддерживаемом культурным разнообразием. Руководство “Discover Canada”, в свою очередь, посвящено истории Канады, ее наследию, государственному устройству, официальным и неофициальным символам, географии и пр.

С точки зрения символического включения руководство выполняет важную интегрирующую функцию, поскольку формирует общий язык гражданской идентичности через представления об истории страны, демократических институтах и пр. Таким образом, государство одновременно признает культурное многообразие и предлагает общий национальный нарратив, в который могут включаться представители различных этнокультурных групп.

Особенностью канадского кейса является то, что общий нарратив строится также вокруг переосмысления отношений между государством и коренными народами посредством

⁷ Staatsangehörigkeitsgesetz. § 10 [Электронный ресурс], URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stag/___10.html (дата обращения: 29.05.2026).

⁸ Government of Canada. Canadian Heritage. About the Canadian Multiculturalism Act. Date modified: 03.06.2024 [Электронный ресурс], URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/about-multiculturalism-anti-racism/about-act.html> (дата обращения: 30.05.2026).

⁹ Immigration, Refugees and Citizenship Canada. Study Guide – Discover Canada – The Rights and Responsibilities of Citizenship. Date modified: 14.02.2025 [Электронный ресурс], URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/publications-manuals/discover-canada.html> (дата обращения: 21.05.2026).

включения в клятву гражданства упоминания прав First Nations, Inuit и Métis¹⁰. Тем самым новым гражданам предлагается принять определенную интерпретацию исторического развития страны.

Музейная политика реализуется, например, через Canadian Museum of Immigration at Pier 21 (Национальный музей иммиграции Канады) в Галифаксе, репрезентирующий опыт прибытия иммигрантов, трудности, с которыми они столкнулись, роль иммиграции в строительстве, культуре, экономике и пр.¹¹ В контексте темы статьи значение музея заключается не столько в репрезентации миграционного опыта, сколько в трансляции определенной интерпретации канадской истории. Музейный нарратив выполняет функцию символического включения, представляя миграцию как базовый элемент национальной истории, что в итоге позволяет новым группам воспринимать собственную историю как часть истории Канады.

Таким образом, канадский кейс демонстрирует модель символического включения, основанную на сочетании мультикультурного признания и общего гражданско-исторического нарратива.

Ограничение канадской модели состоит в том, что правовое признание мультикультурализма и декларация включения мигрантов не устраняют неравномерность этого включения. Статистика показывает, что в 2024 г. 36 % жителей Канады в возрасте 15 лет и старше за последние пять лет сталкивались с дискриминацией или несправедливым обращением¹². Таким образом, проблема неравного включения не ограничивается этапом первичной миграционной адаптации и может сохранять актуальность для последующих поколений мигрантов.

Австралия

Австралийский кейс является примером ценностно-гражданской модели символического включения. Подобно Канаде, Австралия рассматривает культурное разнообразие как часть национальной идентичности и официально поддерживает мультикультурную политику. Вместе с тем австралийский подход в большей степени ориентирован на формирование чувства принадлежности через разделяемые гражданские ценности, участие в общественной жизни и публичное признание культурного разнообразия.

По данным переписи 2021 г., 27,6 % населения Австралии родились за рубежом, а 48,2 % имели хотя бы одного родителя, родившегося за пределами страны¹³, что объясняет встроенность вопросов культурного разнообразия в политическую повестку.

Основу политики интеграции составляют три взаимосвязанных принципа: укрепление общественного взаимодействия и партнерства между государством и сообществами (connection), предполагающее координацию действий государства и сообществ в сфере интеграции; идентичность и принадлежность (identity and belonging), реализуемые через

¹⁰ Immigration, Refugees and Citizenship Canada. Canada's oath of citizenship now recognizes First Nations, Inuit and Métis rights, 21.06.2021 [Электронный ресурс], URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/news/2021/06/canadas-oath-of-citizenship-now-recognizes-first-nations-inuit-and-metis-rights.html> (дата обращения: 20.05.2026).

¹¹ Government of Canada. Canadian Heritage. Canadian Museum of Immigration at Pier 21. Date modified: 16.08.2017 [Электронный ресурс], URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/corporate/portfolio-organizations/canadian-museum-immigration.html> (дата обращения: 01.06.2026).

¹² Statistics Canada. Half of racialized people have experienced discrimination or unfair treatment in the past five years. The Daily, 16.05.2024 [Электронный ресурс], URL: <https://www150.statcan.gc.ca/daily-quotidien/240516/dq240516b-eng.htm> (дата обращения: 24.05.2026).

¹³ Australian Bureau of Statistics. 2021 Census: Nearly half of Australians have a parent born overseas, 28 June 2022 (Электронный ресурс), URL: <https://www.abs.gov.au/media-centre/media-releases/2021-census-nearly-half-australians-have-parent-born-overseas> (дата обращения: 15.05.2026).

программы изучения английского языка, политику гражданства и участие в культурной, спортивной и общественной жизни; а также инклюзия (inclusion), направленная на обеспечение равного доступа к государственным услугам и создание условий для полноценного участия различных культурных групп в жизни общества¹⁴.

Данные принципы реализуются посредством следующих инструментов символического включения.

Быть гражданином означает владение английским языком, знание прав и обязанностей, понимание значения гражданства и приверженность австралийским ценностям¹⁵. В перечень ценностей включены уважение к свободе и достоинству личности, свобода религии, слова и объединений, верховенство права, парламентская демократия, равенство возможностей.

Второй инструмент реализуется через публичное признание культурного разнообразия. Например, Harmony Week – ежегодная инициатива правительства Австралии, направленная на публичное признание культурного разнообразия, инклюзии, уважения и принадлежности¹⁶. С точки зрения символического включения, значение Harmony Week в этом случае заключается в том, что ответственность за интеграцию распределяется между принимающим обществом и новыми группами населения. Через регулярные публичные мероприятия государство транслирует представление о культурном разнообразии как о нормальной и желательной характеристике австралийской нации.

Особое место в австралийской модели занимает использование публичной памяти как инструмента формирования гражданской солидарности. В отличие от Германии, где историческая память связана прежде всего с ответственностью за прошлое, в Австралии важную интеграционную функцию выполняет позитивный национальный миф, воплощенный в традиции ANZAC. Australian War Memorial описывает Anzac Day как день национального поминовения: ритуальные службы, марши, мемориальные церемонии и встречи ветеранов¹⁷. В материалах мемориала “Anzac spirit” связывается с выносливостью, мужеством, изобретательностью, взаимовыручкой¹⁸. Однако в исследовании Т. Roppola и соавторов, посвященном восприятию наследия ANZAC мигрантами – посетителями Australian War Memorial, показано, что участники по-разному соотносили военное наследие с австралийской идентичностью. Для одних оно становилось механизмом участия в национальном нарративе, для других – прежде всего формой неформального обучения и интерпретации истории (Roppola et al., 2019). В контексте статьи такой вывод может говорить о том, что символическое включение не обязательно предполагает замену прежних идентичностей новой национальной идентичностью. Напротив, участие в австралийском историческом нарративе может сочетаться с сохранением транснациональных и семейных связей. Тем самым публичная память выступает пространством переговоров о принадлежности между государством и различными группами населения.

¹⁴ Australian Government. Department of Home Affairs. Multicultural affairs. Last updated 2026 (Электронный ресурс), URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/our-portfolios/multicultural-affairs> (дата обращения: 16.05.2026).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Australian Government. Harmony Week. 2026 (Электронный ресурс), URL: <https://www.harmony.gov.au/> (дата обращения: 16.05.2026).

¹⁷ Australian War Memorial. The Anzac Day Tradition. 2022 (Электронный ресурс), URL: <https://www.awm.gov.au/commemoration/anzac-day/traditions> (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁸ Australian War Memorial. Anzac spirit. 2023 (Электронный ресурс), URL: <https://www.awm.gov.au/articles/encyclopedia/anzac/spirit> (дата обращения: 17.05.2026).

Еще один инструмент, как и в случае с Канадой, – музейная репрезентация миграции как части национальной истории: экспозиция “*Identity: Yours, Mine, Ours*” в Immigration Museum в Мельбурне¹⁹, Migration Museum в Аделаиде²⁰ и другие.

Таким образом, австралийский кейс демонстрирует модель символического включения, основанную на сочетании мультикультурного признания, гражданских ценностей и публичных практик формирования идентичности. В отличие от канадского подхода, где объединяющим элементом выступает общий исторический нарратив страны иммиграции, австралийская модель делает больший акцент на разделяемых ценностях, общественном участии и символическом признании разнообразия. Вместе с тем данные о восприятии миграции и различиях в уровне социальной сплоченности показывают, что даже при высокой поддержке мультикультурализма символическое включение остается неравномерным и зависит от социального положения, происхождения и жизненного опыта различных групп населения (O'Donnell, Guan and Prentice, 2025).

Франция и Великобритания

Рассмотренные кейсы показывают относительно фиксированный набор инструментов символического включения (языковые и гражданские курсы, тесты на знание страны, официальные материалы о правах и обязанностях, музеи миграции, памятные даты, публичные программы). Таким образом, для уточнения границ рассмотренных моделей целесообразно обратиться к двум дополнительным кейсам – Франции и Великобритании.

Во Франции основными инструментами символического включения являются языковая подготовка, гражданская подготовка, экзамен на знание гражданских основ, знакомство с историей и культурой страны. С 2026 г. гражданская подготовка включает экзамен из 40 вопросов с акцентом на республиканстве Франции²¹. Акцент на продвижении республиканских ценностей отчасти сближает французскую модель интеграции с немецкой, где интеграция также строится через общий нормативный порядок, однако во Франции республиканский код более выражен.

Во Франции также проводится работа с исторической миграцией в рамках музейной политики, например, через Musée national de l'histoire de l'immigration (Национальный музей истории иммиграции), миссия которого определяется как «собирать, сохранять и делать доступной историю иммиграции», включая темы расизма, дискриминации, рабства и колонизации²².

При этом французский случай демонстрирует одно из ключевых ограничений символического включения. В отличие от канадской и австралийской моделей, где культурное разнообразие институционально признается как часть национальной идентичности, французский республиканизм исходит из универсального статуса гражданина и стремится минимизировать политическое значение этнокультурных различий. В результате мигрантам предлагается включение прежде всего через принятие общей республиканской идентичности, тогда как пространство для публичного выражения групповых особенностей остается существенно ограниченным.

¹⁹ Museums Victoria. Immigration Museum. Identity: Yours, Mine, Ours (Электронный ресурс), URL: <https://museums victoria.com.au/immigrationmuseum/whats-on/identity-yours-mine-ours/> (дата обращения: 23.05.2026).

²⁰ Migration Museum. Permanent Exhibitions. History Trust of South Australia (Электронный ресурс), URL: <https://migration.history.sa.gov.au/whats-on/permanent-exhibitions/> (дата обращения: 22.05.2026).

²¹ Direction de l'information légale et administrative. Qu'est-ce que le contrat d'intégration républicaine (CIR)? Vérifié le 01.01.2026 (Электронный ресурс), URL: <https://www.service-public.gouv.fr/particuliers/vosdroits/F17048> (дата обращения: 18.05.2026).

²² Palais de la Porte Dorée. The Musée national de l'histoire de l'immigration (Электронный ресурс), URL: <https://www.palais-portedoree.fr/en/the-musee-national-de-l-histoire-de-l-immigration> (дата обращения: 23.05.2026).

Великобритания, в свою очередь, использует такой стандартный инструмент гражданской интеграции, как тест на знание страны “Life in the UK Test”²³. По функции тест сопоставим с тестами Канады, Австралии и Германии, поскольку проверяет знание прав, институтов, истории, символов и норм общественной жизни. Однако в британском кейсе этот инструмент стал предметом парламентской критики. В 2022 г. комитет палаты лордов по вопросам правосудия и внутренних дел указал, что справочник к тесту выглядит как набор малоизвестных фактов и субъективных утверждений, а сам тест может выполнять скорее барьерную функцию, а не интеграционную. Комитет также отметил проблемные исторические утверждения, включая описание Британской империи и Второй мировой войны, и призвал к срочному пересмотру теста и справочника²⁴. В контексте данного исследования высказанная критика показывает, что гражданские тесты способны выполнять не только интеграционную, но и селективную функцию, делая проверку знаний, по сути, административным барьером для получения статуса. Тем самым сама логика символического включения оказывается поставленной под вопрос.

Помимо теста для Великобритании актуальна церемония получения гражданства, которая представляет собой ритуальный механизм символического включения через публичное признание нового гражданина как члена политического сообщества²⁵.

В отличие от Австралии и Канады, отдельные интеграционные меры в Великобритании адресованы не всем мигрантам, а конкретным группам. Например, Refugee Employability Programme (Программа содействия трудоустройству беженцев) была рассчитана на поддержку беженцев в Англии и включала помощь с трудоустройством, курсы английского языка, интеграционную поддержку через ориентацию в местных сервисах, сообществах, здравоохранении и уходе за детьми²⁶.

Наконец, в Великобритании точечно применяется музейная политика, направленная на представление миграции. Например, Migration Museum получил одобрение на создание постоянного музея в Лондоне; открытие заявлено на 2028 г.²⁷.

Таким образом, британский кейс демонстрирует еще одно ограничение символического включения. В стране используются отдельные инструменты символического включения, однако они не образуют столь же целостной и институционально оформленной модели, как в Германии, Канаде или Австралии.

Заключение

Рассмотренные кейсы показывают, что в интеграционной политике зарубежных стран используется сходный набор инструментов символического включения: языковые и гражданские курсы, тесты на знание страны и ее истории, процедуры и церемонии получения гражданства, официальные материалы о правах и обязанностях граждан, музейные

²³ GOV.UK. Life in the UK Test: What happens at the test (Электронный ресурс), URL: <https://www.gov.uk/life-in-the-uk-test/what-happens-test> (дата обращения: 19.05.2026).

²⁴ House of Lords Justice and Home Affairs Committee. UK citizenship test needs urgent review, says Lords committee. 30.06.2022 (Электронный ресурс), URL: <https://www.parliament.uk/business/lords/media-centre/house-of-lords-media-notice/2022/june-2022/uk-citizenship-test-needs-urgent-review-says-lords-committee/> (дата обращения: 20.05.2026).

²⁵ GOV.UK. Citizenship ceremonies (Электронный ресурс), URL: <https://www.gov.uk/citizenship-ceremonies> (дата обращения: 19.05.2026).

²⁶ Home Office. Refugee Employability Programme. Last updated 04.12.2024 (Электронный ресурс), URL: <https://www.gov.uk/guidance/refugee-employability-programme> (дата обращения: 19.05.2026).

²⁷ Migration Museum. About the Migration Museum (Электронный ресурс), URL: <https://www.migrationmuseum.org/about-our-project/> (дата обращения: 22.05.2026).

проекты, мемориальные практики и публичные программы, направленные на формирование чувства принадлежности к принимающему обществу.

Выявленные инструменты позволяют выделить несколько моделей символического включения.

Германский кейс демонстрирует конституционно-мемориальную модель, в которой гражданская принадлежность связывается с конституционными ценностями и порядком, а также историческим нарративом признания ответственности. Канадский кейс может быть описан как модель символического включения, сочетающая мультикультурализм и общий исторический нарратив, в котором история миграции рассматривается не как внешнее дополнение к национальной истории, а как один из ее центральных элементов, позволяющий включать новые группы населения в общее политическое сообщество. Австралийский кейс определяется как ценностно-гражданская модель, в которой ключевое значение имеет формирование чувства принадлежности через разделяемые гражданские ценности, публичное признание многообразия и участие в общественной жизни.

Французский и британский кейсы, в свою очередь, позволяют выявить ограничения различных подходов к символическому включению. В первом случае они связаны с более жесткой республиканской трактовкой гражданской идентичности, во втором – с отсутствием единой концепции, связывающей механизмы интеграции воедино.

Сопоставление рассмотренных стран показывает, что один и тот же инструмент может использоваться для конструирования различных версий гражданского сообщества, определяемого как «мы». Например, тесты для получения гражданства могут использоваться для формирования представлений о демократических институтах, общего исторического нарратива или для закрепления определенного набора гражданских ценностей. Аналогичным образом функции музейных и мемориальных практик варьируются от институционализации исторической ответственности до включения миграционного опыта в национальную историю и формирования общегражданских ценностей.

Таким образом, сравнение кейсов показывает, что различия между моделями символического включения определяются не набором используемых инструментов, а доминирующим механизмом формирования гражданской идентичности.

Исследование также позволило выявить ограничения инструментов символического включения, в частности то, что институциональное признание принадлежности не гарантирует ее автоматического принятия различными группами населения. Даже при условии продвижения официальной политики мультикультурализма, в некоторых случаях сохраняются различия в опыте дискриминации, восприятии миграции и уровне социальной сплоченности. В свою очередь, гражданские тесты и процедуры натурализации наряду с интеграционной функцией выполняют функцию исключения, становясь барьером для получения статуса, что позволяет рассматривать символическое включение как рекурсивный процесс согласования между государством, принимающим обществом и различными группами населения.

Для российского контекста это означает, что мы не можем заимствовать модели зарубежного опыта интеграции напрямую, поскольку для успешного переноса их в российский контекст необходимо определить, какие исторические нарративы и системы ценностей могут быть представлены как общегражданские, через какие институты они должны транслироваться и как не допустить того, чтобы интеграция представляла собой лишь формальную проверку знаний о стране. С этой точки зрения, результаты анализа зарубежных кейсов предоставляют набор ориентиров для дальнейшей разработки инструментов, учитывающих российское многонациональное и многоконфессиональное общественное устройство.

Литература References

- Библер, В. С. (1991), *От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век*, Политиздат, Москва.
- Bibler, V. S. (1991), *Ot naukoucheniya k logike kultury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat pervyy vek* [From the Doctrine of Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century], Politizdat, Moscow, USSR.
- Оводова, С. Н. (2018), «Диалог культур: объяснительные возможности постколониальной оптики в философии культуры», *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 46, 86-94. DOI: 10.17223/1998863X/46/10; EDN: YUOMWD
- Ovodova, S. N. (2018), “Dialogue of Cultures: Explanatory Possibilities of the Postcolonial Perspective in the Philosophy of Culture”, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 46, 86-94. DOI: 10.17223/1998863X/46/10; EDN: YUOMWD
- Anderson, B. (2006), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Verso, London and New York.
- Bakhtin, M. M. (1984), *Problems of Dostoevsky's Poetics*, ed. and transl. by Emerson, C., University of Minnesota Press, Minneapolis.
- Elias, A. and Mansouri, F. (2020), “A Systematic Review of Studies on Interculturalism and Intercultural Dialogue”, *Journal of Intercultural Studies*, 41(4), 490-523. DOI: 10.1080/07256868.2020.1782861
- Fajth, V. and Lessard-Phillips, L. (2023), “Multidimensionality in the Integration of First- and Second-Generation Migrants in Europe: A Conceptual and Empirical Investigation”, *International Migration Review*, 57(1), 187-216. DOI: 10.1177/01979183211063457
- Glorius, B., Bürer, M. and Schneider, H. (2021), “Integration of Refugees in Rural Areas and the Role of the Receiving Society: Conceptual Review and Analytical Framework”, *Erdkunde*, 75(1), 51-60. DOI: 10.3112/erdkunde.2021.01.04
- Goodman, S. W. (2010), “Integration Requirements for Integration's Sake? Identifying, Categorising and Comparing Civic Integration Policies”, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(5), 753-772. DOI: 10.1080/13691831003764300
- Gramsci, A. (1971), *Selections from the Prison Notebooks*, ed. and transl. by Hoare, Q. and Nowell Smith, G. International Publishers, New York.
- Harder, N., Figueroa, L., Gillum, R. M., Hangartner, D., Laitin, D. D. and Hainmueller, J. (2018), “Multidimensional Measure of Immigrant Integration”, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(45), 11483-11488. DOI: 10.1073/pnas.1808793115
- Laclau, E. and Mouffe, C. (2014), *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, 2nd ed., Verso, London and New York.
- Lindo, F. (2005), “The Concept of Integration: Theoretical Concerns and Practical Meaning”, *Social Integration and Mobility: Education, Housing and Health*, in Asselin, O., Fonseca, L., Malheiros, J. and Reeger, U. (eds), Centro de Estudos Geográficos, Lisbon, Portugal, 7-20.
- O'Donnell, J., Guan, Q. and Prentice, T. (2025), *Mapping Social Cohesion 2025*, Scanlon Foundation Research Institute, Melbourne, Australia.
- Penninx, R. and Garcés-Masareñas, B. (2016), “The Concept of Integration as an Analytical Tool and as a Policy Concept”, in *Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors*, Springer, Cham, 11-29. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4_2
- Perry, L. B. and Southwell, L. (2011), “Developing Intercultural Understanding and Skills: Models and Approaches”, *Intercultural Education*, 22(6), 453-466. DOI: 10.1080/14675986.2011.644948
- Pettersson, J. (2025), “Civic Integration and the Negation of Collective Selfhood: A Normative Analysis through Paul Ricoeur's Notions of Identity”, *Distinktion: Journal of Social Theory*, 26(2), 205-228. DOI: 10.1080/1600910X.2024.2350945
- Rodat, S. (2017), “Immigration, Cultural-Ethnic Diversity and Integration Policies”, *Anuarul Universității „Petre Andrei” din Iași. Fascicula: Drept, Științe Economice, Științe Politice*, 20, 190-210.
- Roppola, T., Packer, J., Uzzell, D. and Ballantyne, R. (2019), “Nested Assemblages: Migrants, War Heritage, Informal Learning and National Identities”, *International Journal of Heritage Studies*, 25(11), 1205-1223. DOI: 10.1080/13527258.2019.1578986.

- Slootman, M. (2018), Studying Ethnic Identification: Tools and Theories”, *Ethnic Identity, Social Mobility and the Role of Soulmates*, Springer, Cham, 13-40. DOI: 10.1007/978-3-319-99596-0_2
- Smith, A. D. (1991), *National Identity*, University of Nevada Press, Reno.
- Wessendorf, S. and Phillimore, J. (2019), “New Migrants’ Social Integration, Embedding and Emplacement in Superdiverse Contexts”, *Sociology*, 53(1), 123-138. DOI: 10.1177/0038038518771843

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Григорьева Мария Владимировна, старший преподаватель, Школа коммуникаций, Факультет креативных индустрий, Высшая школа экономики, ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия; mariya.grigoreva@hse.ru

Балакина Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, профессор департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, Высшая школа экономики. ул. Б. Печерская, д. 25/12, г. Нижний Новгород, 603155, Россия; julianaumova@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Mariya V. Grigoryeva, Senior Lecturer, School of Communications, Faculty of Creative Industries, HSE University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; mariya.grigoreva@hse.ru

Yuliya V. Balakina, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, HSE University, 25/12 B. Pecherskaya St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia; julianaumova@gmail.com

УДК 141.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-0

Мельничук Д. В.¹,
Сулов И. В.²Общество платформ: к истории генезиса^{1*}

¹Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; mlnchkdv@gmail.com

²Саратовская государственная юридическая академия,
ул. Вольская, д. 1, г. Саратов, 410056, Россия; suslov85@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению генезиса «общества платформ» и выявлению его эвристического потенциала для анализа современных трансформаций коммуникации и социального взаимодействия. Актуальность исследования обусловлена превращением цифровых платформ в ключевую инфраструктуру производства, распространения и потребления информации, а также формирования новых режимов власти, экономических моделей и способов конструирования социальной реальности. Несмотря на широкое распространение термина, его историко-теоретическое становление и внутренние смысловые трансформации остаются недостаточно систематизированными, что затрудняет концептуализацию процессов алгоритмического управления и платформизации публичности. Новизна подхода заключается в реконструкции генезиса феномена от ранних представлений о персонализированном информационном пространстве конца XX века к современным критическим теориям алгоритмической власти. В работе показано, что переход от вещательной модели коммуникации к платформенной инфраструктуре сопровождался не только технологическими инновациями, но и глубинной перестройкой логики социального выбора, механизмов фильтрации информации и принципов формирования общественного знания. Обосновано, что коммерческий императив платформ стал ключевым фактором всеобъемлющей метризации социального пространства, институционализации алгоритмической селекции и трансформации публичности в управляемую среду предиктивной аналитики. В результате исследования сформулирован вывод о том, что «общество платформ» представляет собой качественно новый тип социотехнической организации, в котором инфраструктура коммуникации выполняет одновременно экономические, когнитивные и властные функции. Показано, что алгоритмическая персонализация выступает механизмом структурирования социального опыта, влияющим на политическое поведение и культурную динамику. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития критической теории платформ, ориентированной на анализ соотношения коммерческих интересов, алгоритмического управления и общественного блага, а также на поиск альтернативных моделей организации цифровой среды, обеспечивающих прозрачность, подотчетность и сохранение субъектности пользователя.

^{1*} Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-03315 «Хронополитические режимы современных идеологических проектов».

Ключевые слова: общество платформ; платформизация; алгоритмическое управление; персонализация; фильтрующие пузыри; алгократия

Для цитирования: Мельничук Д. В. и Суслов И. В. (2026), «Общество платформ: к истории генезиса», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 113-123. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-0

D. V. Melnichuk¹,
I. V. Suslov²

Platform Society: Towards a Genesis History^{2*}

¹Chernyshevsky Saratov State University,
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; mlnchkdv@gmail.com

²Saratov State Law Academy,
1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia; suslov85@inbox.ru

Abstract. This article is devoted to the theoretical understanding of the genesis of "platform society" and the identification of its heuristic potential for analyzing modern transformations of communication and social interaction. The relevance of the study is due to the transformation of digital platforms into a key infrastructure for the production, dissemination, and consumption of information, as well as the formation of new regimes of power, economic models, and ways of constructing social reality. Despite the widespread use of the term, its historical and theoretical development and internal semantic transformations remain insufficiently systematized, which complicates the conceptualization of algorithmic governance and the platformization of publicness. The novelty of the approach lies in reconstructing the genesis of the phenomenon from early ideas about personalized information space in the late 20th century to modern critical theories of algorithmic power. The paper shows that the transition from a broadcast communication model to a platform infrastructure was accompanied not only by technological innovations but also by a profound restructuring of the logic of social choice, mechanisms of information filtering, and principles of public knowledge formation. It is argued that the commercial imperative of platforms has become a key factor in the comprehensive metricization of social space, the institutionalization of algorithmic selection, and the transformation of publicness into a managed environment of predictive analytics. As a result of the study, it is concluded that "platform society" represents a qualitatively new type of socio-technical organization in which communication infrastructure simultaneously performs economic, cognitive, and power functions. It is shown that algorithmic personalization acts as a mechanism for structuring social experience, influencing political behavior and cultural dynamics. The conclusion is drawn about the need for further development of critical platform theory, focused on analyzing the relationship between commercial interests, algorithmic governance, and the public good, as well as on finding alternative models of organization.

Keywords: platform society; platformization; algorithmic governance; personalization; filter bubbles; algocracy

^{2*} The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-03315 "Chronopolitical regimes of modern ideological projects".

For citation: Melnichuk, D. V. and Suslov, I. V. (2026), “Platform Society: Towards a Genesis History”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 113-123. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-0

Введение

Современный этап развития цивилизации характеризуется переходом к новому технологическому укладу, в основе которого лежит доминирование платформ и алгоритмических решений (Назаров, 2020: 108). Фундаментальная трансформация самой логики социального взаимодействия вызвана тем, что человеческое общение, обмен информацией и формирование знания опосредуются вычислительными системами, функционирующими по принципам, далеко не всегда прозрачным для их пользователей.

Само понятие медиа «платформа» за последние десятилетия прошло путь существенной концептуальной эволюции. Изначально оно использовалось в технической литературе для обозначения аппаратной или программной среды, на базе которой разрабатывались приложения. Однако постепенно термин приобрел более широкое и глубокое значение, превратившись в обозначение доминирующей инфраструктурной и экономической модели, объединяющей производителей и потребителей контента (Назаров, 2020: 111). Платформа в современном понимании представляет собой сложную социотехническую систему, которая определяет условия производства, распространения и потребления информации, формирует новые рынки и создает особые властные отношения между различными акторами цифровой экосистемы.

Понятие «общество платформ» не возникло спонтанно, а является результатом длительной научной рефлексии над изменениями в структуре массовой коммуникации, начавшимися еще в конце XX века. Становление этого концепта отражает постепенное осознание исследователями того факта, что цифровые технологии не просто дополняют традиционные медиа, а качественно меняют саму природу информационного обмена и формирования общественного мнения. Настоящая статья ставит целью проследить этот интеллектуальный путь от первых утопических представлений о персонализированном интернете до современного критического анализа алгоритмической власти.

Для достижения поставленной цели в статье решается ряд взаимосвязанных задач. В первом разделе – «Истоки: от “Второго возраста медиа” к идее персонализации» – рассматриваются теоретические предпосылки концепта, явленные прежде всего в работах М. Постера и Н. Негропonte, а также первые критические голоса, предупреждавшие об опасности делегирования выбора алгоритмам. Во втором разделе – «Поворотный момент: технологизация выбора (2009–2011)» – анализируется переход от утопических ожиданий к реальному алгоритмическому управлению информационным пространством, включая введение понятия «пузырь фильтров» (Э. Паризер). В третьем разделе – «Платформизация как экономический и социальный процесс» – исследуется, каким образом платформы превратились в механизмы всеобъемлющей метризации социальной реальности и трансформации публичности. В четвертом разделе – «Современные трактовки: алгократия и цифровой колониализм» – рассматриваются новейшие критические концепции, включая понятие алгократии и тезис о цифровом колониализме. В «Заключении» подводятся итоги и намечаются перспективные направления дальнейших исследований.

Обзор литературы

Настоящее исследование вписывается в широкую и активно развивающуюся область критических исследований «общества платформ» (platform studies), сформировавшуюся как самостоятельное направление в последнее десятилетие. Фундаментальным трудом в этой области является монография Й. ван Дейк, Т. Поэлла и М. де Вааля (Dijck van, Poell and Waal, 2018), которая заложила концептуальный каркас для анализа платформ как программируемых цифровых инфраструктур, организующих взаимодействие между пользователями и поставщиками посредством трех взаимосвязанных механизмов: датафикации (систематического преобразования социальных действий в данные), коммодификации (превращения данных и пользовательского внимания в рыночный товар) и селекции (алгоритмического управления информационными потоками). Авторы ставят ключевой вопрос о том, кто несет ответственность за управление справедливым и демократическим обществом платформ, и настаивают на необходимости новой модели совместной ответственности корпораций, государства и гражданского общества.

Социологическое измерение платформизации детально разработано в статье Д.Е. Добринской (Добринская, 2021), где цифровизация описывается через четыре взаимосвязанных процесса: сетевизацию, датификацию, алгоритмизацию и платформизацию. Особое значение в этом контексте имеет идея «пузырей фильтров» Э. Паризера (Pariser, 2011) как закономерного следствия алгоритмической персонализации. Д.Е. Добринская подчеркивает, что алгоритмические системы автоматизируют обработку данных и формируют новые механизмы социального контроля, ограничивая прозрачность социальных процессов и порождая алгоритмический разрыв – новое измерение социального неравенства.

Г.И. Зверева рассматривает «алгоритмический поворот» и понятие «алгоритмической культуры» как ключевые методологические инструменты изучения платформенного общества (Зверева, 2019). Опираясь на работы Т. Гиллесли, Й. ван Дейк и Ж.-Кр. Плантена, она показывает, что цифровые платформы – это мощные социальные институты, осуществляющие модерацию медиаконтента и формирующие «новую социальность». Особого внимания заслуживает введенное Г. Ланглуа и Г. Элмером понятие «цифрового объекта» как многослойного медиаобъекта, сетевого объекта и фактического объекта одновременно, что позволяет выявлять скрытые формы власти, реализуемой платформами социальных сетей.

В. Потапова акцентирует геополитическое измерение платформизации: концентрация власти в рамках американской «Большой пятерки» порождает феномен «платформенного империализма» (Jin, 2015), при котором локальные ценности и практики публичной сферы оказываются подчинены логике глобальных технокорпораций (Потапова, 2025). Автор обосновывает необходимость цифрового суверенитета и указывает, что создание технологий, служащих общественным интересам, требует совместной ответственности рынка, государства и пользователей.

Вместе с тем существующие исследования преимущественно остаются в рамках социологических и политико-экономических описаний последствий платформизации, не обращаясь к истории генезиса «общества платформ» и интеллектуальным истокам его формирования. Настоящая статья стремится восполнить эту лакуну, реконструируя генезис концепта от ранних медиатеоретических дискуссий до современных критических трактовок.

Истоки: от «второго возраста медиа» к идее персонализации

История генезиса «общества платформ» неразрывно связана с теоретическим различением типов массовой коммуникации, которое активно развивалось в медиаисследованиях второй половины XX века. Традиционные «вещательные» медиа, к которым относятся печать, радио и телевидение, реализовывали коммуникационную модель

«от одного ко многим». Модель предполагала жесткую централизацию контроля над производством и распространением информации в руках относительно небольшой группы профессиональных коммуникаторов, которые транслировали содержание на атомизированную массу получателей (Назаров, 2020: 110). Аудитория в этой системе выступала преимущественно как пассивный объект воздействия, лишенный реальной возможности влиять на содержание сообщений или участвовать в процессе их производства.

Появление интернета в начале 1990-х годов породило волну технологического оптимизма и социальных ожиданий. Многие исследователи увидели в новой среде возможность радикальной демократизации коммуникационного пространства. В середине 1990-х годов американский теоретик медиа М. Постер предложил концепцию «второго возраста медиа», противопоставив интернет традиционным средствам массовой информации. Постер утверждал, что децентрализованная архитектура глобальной сети и возможность каждого пользователя становиться не только потребителем, но и производителем контента приведут к освобождению общества от монополии элит на информационное влияние (Poster, 1995). Концепция отражала широко распространенное в то время представление о том, что интернет, в силу своих технических характеристик, несет в себе эмансипирующий потенциал.

Именно в этот период технологического оптимизма, когда казалось, что цифровые технологии неизбежно приведут к более свободному и равноправному обществу, зародились первые концепции индивидуализированного потребления информации. В 1995 г. Н. Негропonte, один из основателей Медиалаборатории Массачусетского технологического института, опубликовал влиятельную книгу “Being Digital” («Быть цифровым»), в которой предложил концепцию Daily Me (Ежедневное Я). Негропonte предсказывал появление персонализированной газеты, содержание которой будет подбираться специальными интеллектуальными агентами в соответствии с индивидуальными интересами и предпочтениями конкретного пользователя (Negroponte, 1995: 151).

Особенно показательным в концепции Негропonte был тезис о том, что потребители будущего смогут самостоятельно варьировать даже «политический уклон» получаемых новостей (Negroponte, 1995: 46). Идея базировалась на предположении, что фрагментация и персонализация информационных потоков окажутся безусловным благом, поскольку позволят каждому человеку избегать нерелевантной информации и концентрироваться на том, что действительно важно лично для него. В этой логике игнорировался вопрос о том, каким образом общество сможет поддерживать общее информационное пространство и коллективное обсуждение значимых проблем, если каждый будет существовать в своей персонализированной информационной вселенной.

Однако уже в те годы раздавались и критические голоса. Дж. Ланье, один из пионеров в исследовании виртуальной реальности, предупреждал о рисках делегирования выбора алгоритмам, утверждая, что замена человеческого выбора алгоритмическим неизбежно приведет к созданию упрощенных «картонных моделей» интересов и предпочтений людей, которые не смогут адекватно отразить всю сложность и многомерность человеческой личности. По мнению Ланье, это превратит людей в объект манипуляции со стороны тех, кто контролирует алгоритмы (Lanier, 2010: 23). Ранние предупреждения, казавшиеся в атмосфере всеобщего оптимизма излишне пессимистичными, оказались удивительно пророческими.

Поворотный момент: технологизация выбора (2009–2011)

Трансформация абстрактной концепции персонализации в реальный фундамент «общества платформ» произошла на рубеже 2010-х годов. Этот период стал поворотным моментом, когда теоретические рассуждения о будущем интернета столкнулись с конкретными технологическими решениями крупнейших компаний, которые начали активно внедрять алгоритмическую персонализацию в свои сервисы. Переход от модели,

в которой пользователь сам выбирает источники информации, к модели, в которой выбор делается за него невидимыми алгоритмами, произошел практически незаметно для большинства людей, но его последствия оказались чрезвычайно значительными.

4 декабря 2009 г. произошло знаковое событие: компания Google объявила о внедрении персонализированного поиска для всех пользователей, включая тех, кто не был авторизован в системе. Новая система использовала 57 различных сигналов, от географического местоположения пользователя до истории его поисковых запросов, для предсказания его предпочтений и соответствующей модификации результатов поиска (Pariser, 2011: 2). С этого момента исчезло само понятие «стандартного Google», существовавшего единообразно для всех пользователей. Каждый человек начал видеть уникальную, алгоритмически искаженную картину мира, адаптированную под его предполагаемые интересы (Pariser, 2011: 3).

Важно понимать, что решение Google не было изолированным техническим нововведением одной компании, но отражало более широкий тренд в индустрии интернет-сервисов, где персонализация стала рассматриваться как ключевой инструмент повышения вовлеченности пользователей и, соответственно, роста доходов от рекламы. Facebook³, Twitter, YouTube и другие платформы активно двигались в том же направлении, разрабатывая все более сложные алгоритмы для определения того, какой контент показывать каждому конкретному пользователю. Информационные системы становились все более непрозрачными, превращаясь в «черные ящики», внутренняя логика работы которых оставалась недоступной для понимания обычных людей.

В 2011 г. интернет-активист Э. Паризер опубликовал книгу “The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You” («Пузырь фильтров: что интернет от вас скрывает»), в которой ввел в научный и общественный оборот понятие «пузырь фильтров» (filter bubble). Это понятие описывает состояние интеллектуальной изоляции, в которое попадает человек, когда алгоритмы платформ начинают показывать ему преимущественно ту информацию, которая соответствует его предыдущим предпочтениям и поведению (Pariser, 2011). Паризер убедительно продемонстрировал, что персонализация поиска и социальных сетей приводит не к расширению информационных горизонтов людей, как обещали технологические оптимисты, а к их сужению.

Концепция «пузыря фильтров» принципиально отличается от более ранней идеи «эхо-камер» (echo chambers), предложенной К. Санстейном в 2001 г. Санстейн описывал ситуацию, когда люди сознательно окружают себя единомышленниками, самостоятельно подписываясь на источники информации, которые подтверждают их уже существующие взгляды (Sunstein, 2001). В этом случае фильтрация информации происходит в результате осознанного выбора самого человека. Пузыри фильтров же создаются алгоритмами платформ незаметно для пользователя, без его явного согласия или даже понимания того, что такая фильтрация происходит (Bruns, 2019: 29). Таким образом, сущность зарождающегося общества платформ начала определяться именно скрытым алгоритмическим редактированием реальности, происходящим без ведома и контроля со стороны пользователей (Pariser, 2012: 26).

Понятийное различие имеет принципиальное значение для понимания властных отношений в обществе платформ. Если в эхо-камере человек остается субъектом, который сам формирует свое информационное пространство (пусть и неоптимальным образом), то в пузыре фильтров он превращается в объект воздействия внешних алгоритмов, критерии работы которых определяются не его интересами, а коммерческими целями платформ. Утрата субъектности, происходящая под видом персонализации и улучшения пользовательского опыта, стала одной из ключевых характеристик общества платформ.

³ * - принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Платформизация как экономический и социальный процесс

К середине 2010-х годов в научном сообществе сформировалось понимание того, что платформы представляют собой не просто удобные сервисы для коммуникации или поиска информации, а механизмы «всеобъемлющей метризации» социальной реальности (Beer, 2016: 5). Д. Бир в своей работе показал, что платформы систематически превращают все аспекты человеческой деятельности в измеримые и квантифицируемые величины. Лайки, репосты, просмотры, клики, время просмотра и множество других метрик становятся способами измерения активности пользователей и инструментами управления их поведением и формирования новых социальных норм.

В рамках платформенного общества происходит фундаментальная трансформация самого понятия ценности. Если в традиционной рыночной экономике ценность создавалась в процессе производства товаров и услуг, то в экономике платформ рыночной ценностью обладают прежде всего данные о коммуникативном поведении пользователей (Назаров, 2020: 114). Люди, пользуясь «бесплатными» сервисами социальных сетей или поисковых систем, фактически расплачиваются за них своими данными, которые затем используются для таргетированной рекламы или продаются третьим лицам. Модель, которую часто описывают формулой «если вы не платите за продукт, значит продукт – это вы», стала доминирующей в цифровой экономике.

Процесс платформизации привел к ряду существенных концептуальных и практических сдвигов в устройстве современного общества. Первый из них связан с утверждением коммерческого императива как основного принципа организации информационных потоков. Платформы вроде Facebook*, YouTube или Twitter ранжируют контент на основе метрик вовлеченности (лайки, клики, время просмотра, комментарии), а не на основании социальной значимости информации или ее достоверности (Назаров, 2020: 115), что приводит к систематическому продвижению эмоционально окрашенного, сенсационного или провокационного контента, вызывающего максимальную реакцию пользователей. Контент при этом может быть дезинформацией, целенаправленно способствуя разжиганию социальных конфликтов.

Второй важный сдвиг касается модификации поведения пользователей через механизмы, которые можно описать как форму социального бихевиоризма. Платформы используют системы поощрений (лайки, подписчики) для формирования желательных с их точки зрения привычек пользователей (Lanier, 2018) (Назаров, 2020: 118). Люди начинают создавать контент и вести себя в цифровой среде таким образом, чтобы максимизировать эти цифровые поощрения, что меняет не только их онлайн-поведение, но и способы мышления, самовосприятия и взаимодействия с другими людьми. Постоянное стремление получить одобрение в виде лайков или репостов формирует своего рода зависимость от платформ, которая делает пользователей более податливыми для дальнейшего управления их вниманием и поведением.

Третий сдвиг, возможно, наиболее тревожный с точки зрения функционирования демократического общества, связан с кризисом публичности и гражданственности. Марк Андреевич в своей книге показал, что в обществе платформ суверенитет потребителя начинает преобладать над статусом гражданина (Andrejevic, 2013). Информация гражданского характера, касающаяся общественно значимых проблем, воспринимается в логике персонализации как вопрос личного предпочтения, который каждый волен игнорировать, если информация не соответствует его непосредственным интересам, что разрушает само пространство для солидарных действий и коллективного решения общих проблем (Назаров, 2020: 121).

Когда каждый пользователь существует в своем персонализированном информационном пузыре, становится все труднее формировать общее понимание социальной реальности, необходимое для функционирования демократии. Люди, живущие в разных фильтр-пузырях, могут иметь радикально различное представление об одних и тех же событиях, поскольку алгоритмы показывают им различную информацию, интерпретированную через призму их предполагаемых предпочтений, что создает феномен «множественных реальностей», или «постправды».

Современные трактовки: алгократия и цифровой колониализм

В последние годы понятие «общество платформ» все чаще дополняется терминами, которые подчеркивают властный и даже репрессивный аспект платформенных технологий. Исследователи пишут об «алгократии» (algoracry) – власти алгоритмов, которая начинает доминировать в различных сферах общественной жизни (Aneesh, 2006). Термин «алгократия» подразумевает, что алгоритмы поисковых систем и социальных сетей фактически определяют, какая информация становится видимой для общества, а какая остается в тени, тем самым формируя мировоззрение миллиардов людей. При этом критерии, по которым алгоритмы принимают эти решения, остаются непрозрачными и неподотчетными обществу.

Другая важная линия критики связана с концепцией «цифрового колониализма», которая получила развитие в работах таких исследователей, как М. Квет (Kwet, 2019). Согласно этой концепции, глобальные технологические корпорации, преимущественно базирующиеся в США, выстраивают отношения с пользователями по всему миру, которые структурно напоминают колониальные отношения эпохи империализма. Платформы извлекают «цифровое сырье» в виде данных пользователей, которое затем обрабатывается и монетизируется в центрах корпоративной власти, в то время как сами пользователи получают минимальную выгоду от этого процесса.

Алгоритмы, разработанные в одной культурной среде, применяются к совершенно иным социальным контекстам незападных стран, часто игнорируя местную специфику и навязывая определенные культурные нормы и представления. Более того, данные граждан других стран оказываются под юрисдикцией иностранных корпораций и правительств, что создает серьезные риски с точки зрения национального суверенитета и информационной безопасности.

Современные эмпирические исследования начинают выявлять более нюансированную картину влияния платформ на общество. Например, работа Китченс, Джонсон и Грей показала, что разные платформы по-разному влияют на информационное поведение пользователей (Kitchens, Johnson and Gray, 2020: 1620). В процессе исследования было обнаружено, что использование Facebook* статистически связано с «партийным сдвигом» – пользователи склонны потреблять более радикальные новости, соответствующие их политическим предпочтениям. В то же время использование Reddit может способствовать некоторому расширению разнообразия источников информации, к которым обращается пользователь.

Однако общий тренд остается тревожным. Алгоритмические рекомендации на таких платформах, как YouTube, способны создавать так называемые «кроличьи норы» (rabbit holes) радикализации. Система рекомендаций, стремясь максимизировать время просмотра, постепенно подталкивает пользователей ко все более экстремальному контенту, особенно это выражено для пользователей с правыми политическими взглядами. Человек, начавший с просмотра умеренно консервативного контента, через цепочку рекомендаций может оказаться погруженным в мир конспирологических теорий и радикальной пропаганды.

Эти процессы имеют серьезные последствия для политической стабильности демократических обществ. Алгоритмы систематически способствуют поляризации,

подталкивая людей к более радикальным позициям и изолируя их в информационных пузырях, где они не сталкиваются с альтернативными точками зрения, что подрывает возможность конструктивного политического диалога. Общественные дебаты превращаются в противостояние непримиримых лагерей, каждый из которых уверен в своей правоте и не способен понять позицию другой стороны, поскольку они буквально живут в разных информационных реальностях.

Заключение

Понятие «общество платформ» прошло сложный и во многом драматичный путь эволюции. От утопических ожиданий децентрализованного интернета, который должен был освободить человечество от информационного контроля элит, мы пришли к осознанию новых, более изощренных форм контроля, осуществляемого через алгоритмическое управление. Если в середине 1990-х годов казалось, что персонализация информационных потоков станет инструментом расширения свободы выбора и индивидуальной автономии, то сегодня становится очевидным, что она превратилась в механизм незаметной манипуляции и фрагментации общественного пространства.

Сегодня понятие «общество платформ» отражает реальность, в которой социальные отношения, политический дискурс и индивидуальное восприятие мира опосредованы непрозрачной вычислительной логикой частных корпораций (Назаров, 2020: 121) (Onebunne, 2022). Эта логика не является нейтральной или объективной, как часто представляется в технократическом дискурсе, а встроена в систему коммерческих интересов, направленных на максимизацию вовлеченности пользователей и извлечение прибыли из их данных. При этом общественные интересы, такие как поддержание информированной демократической дискуссии или защита психического здоровья пользователей, остаются на периферии внимания платформ.

Критика общества платформ не должна приводить к технологическому пессимизму или отказу от цифровых технологий. Проблема заключается не в самих технологиях как таковых, а в тех социальных и экономических структурах, в которые они встроены. Возможны альтернативные модели организации цифрового пространства, основанные на принципах прозрачности алгоритмов, защиты приватности пользователей и приоритета общественных интересов над коммерческими. Некоторые страны уже начинают двигаться в этом направлении, вводя регулирование деятельности платформ и требуя большей подотчетности от технологических корпораций.

Дальнейшее развитие «общества платформ», вероятно, будет связано с несколькими направлениями. Во-первых, предполагается поиск путей формирования «алгоритмической грамотности» среди широких слоев населения. Люди должны понимать, как работают алгоритмы, которые формируют их информационную среду, какие интересы за ними стоят и какие риски они несут. Во-вторых, необходима разработка механизмов возвращения субъекту контроля над своей цифровой идентичностью и информационным пространством, что может включать как технические решения (например, инструменты для управления персонализацией), так и правовые механизмы (право на доступ к своим данным, право быть забытым и так далее).

Наконец, критически важным представляется развитие альтернативных моделей цифровых платформ, которые не были бы основаны на коммерческой эксплуатации пользовательских данных: публичные платформы, финансируемые государством или гражданским обществом, кооперативные модели, где пользователи являются совладельцами платформы, или децентрализованные сети на основе блокчейн-технологий. Важно, чтобы общество не смирилось с нынешним положением вещей как с неизбежным, а продолжало поиск путей создания цифровой среды, которая действительно служит интересам людей, а не

корпораций. Только в этом случае изначальные утопические надежды на эмансипирующий потенциал цифровых технологий смогут хотя бы частично воплотиться в реальность.

Литература

References

- Добринская, Д. Е. (2021), «Что такое цифровое общество?», *Социология науки и технологий*, 12(2), 112-129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129; EDN: ZLKPXS
- Dobrinskaya, D. E. (2021), "What is the Digital Society?" *Sociology of Science & Technology*, 12(2), 112-129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129; EDN: ZLKPXS
- Зверева, Г. И. (2019), «Концепции "платформенного общества" в современных социокультурных исследованиях», *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 8, 161-171. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-161-171; EDN: NPHVMY
- Zvereva, G. I. (2019), "The Concepts of 'Platform Society' in Contemporary Sociocultural Research", *RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, 8, 161-171. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-161-171; EDN: NPHVMY
- Назаров, М. М. (2020), «Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия», *Коммуникология*, 8(2), 108-124. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124; EDN: WKXZJZ
- Nazarov, M. M. (2020), "Media Platforms and Algorithms: Content and Social Implications", *Communicology (Russia)*, 8(2), 108-124. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124; EDN: WKXZJZ
- Потапова, В. (2025), «Цифровая автономия: кто определяет ценности в обществе платформ?», *Patria*, 2(3), 28-35. DOI: 10.17323/patria.2025.27618
- Potapova, V. (2025), "Digital Autonomy: Who Defines Values in a Platform Society?" *Patria*, 2(3), 28-35. DOI: 10.17323/patria.2025.27618
- Andrejevic, M. (2013). *Infoglut: How Too Much Information is Changing the Way We Think and Know*, Routledge, London, New York, UK, NY. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203075319>
- Aneesh, A. (2006), "Global Labor: Algocratic Modes of Organization", *Sociological Theory*, 24(4), 389-410. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780822387534>
- Beer, D. (2016), *Metric Power*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Bruns, A. (2019), "Filter bubble", *Internet Policy Review*, 8(4), 1-14. DOI: 10.14763/2019.4.1426
- Dijck, J. van, Poell, T. and Waal, M. de. (2018), *The Plat-form Society: Public Values in a Connective World*, Oxford University Press, New York, NY.
- Kitchens, B., Johnson, S. L. and Gray, P. (2020), "Understanding echo chambers and filter bubbles: the impact of social media on diversification and partisan shifts in news consumption", *MIS Quarterly*, 44(4), 1619-1649. DOI: 10.25300/MISQ/2020/16371
- Kwet, M. (2019), "Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South", *Race & Class*, 60(4), 3-26. DOI: 10.1177/0306396818823172
- Lanier, J. (2010), *You Are Not a Gadget: A Manifesto*, Knopf, New York, NY.
- Lanier, J. (2018), *Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now*, Henry Holt & Company, New York, NY.
- Negroponte, N. (1995), *Being Digital*, Knopf, New York, NY.
- Onebunne, A. P. (2022), "Algorithmic bias and media manipulation: A systematic review of AI's Role in shaping public perception and political discourse", *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 16(3), 1239-1249. DOI: <https://doi.org/10.30574/wjarr.2022.16.3.1332>
- Pariser, E. (2011), *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*, Penguin Press, London, UK.
- Pariser, E. (2012), *The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think*, Penguin Books, New York, NY.
- Poster, M. (1995), *The Second Media Age*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Sunstein, C. R. (2001), *Republic.com*, Princeton University Press, Princeton, NJ.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Мельничук Дмитрий Вадимович, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теории функций и стохастического анализа, механико-математический факультет, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; mlnchkdv@gmail.com

Суслов Иван Владимирович, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, д. 1, г. Саратов, 410056, Россия; suslov85@inbox.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Dmitry V. Melnichuk, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Function Theory and Stochastic Analysis, Faculty of Mechanics and Mathematics, Chernyshevsky Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; mlnchkdv@gmail.com

Ivan V. Suslov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia; suslov85@inbox.ru

УДК 008:316.77

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-1

Трищенко Д. А. | Социализация ботов в социальной сети «ВКонтакте»

Финансовый университет при правительстве Российской Федерации,
Краснопресненская наб., д. 2, Москва, 103274, Российская Федерация;
trishchenkoda@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что массовое присутствие социальных ботов в публичных дискуссиях нарушает цифровую культурно-коммуникативную среду, подрывает доверие к сетевым обсуждениям и искажает отражение реальных общественных настроений. Пользователи социальных сетей, включая российскую платформу «ВКонтакте», с трудом идентифицируют автоматизированные аккаунты и нередко вступают с ними в диалог, как с живыми собеседниками. Проявляется противоречие между рациональной констатацией программной природы бота и перформативным признанием за ним субъектности, что требует специального культурологического анализа речевых практик обвинения в «ботстве». Ситуация осложняется тем, что в социальной сети присутствуют аккаунты реальных людей, которые функционально не отличаются от тех, в управлении которыми используются нейросети. Новизна подхода состоит в комплексном культурологическом, семиотическом и эмпирическом анализе феномена, который ранее изучался преимущественно техническими или социологическими методами. В исследовании впервые анализируются речевые практики взаимодействия реальных пользователей с ботами в социальной сети «ВКонтакте». Результаты исследования показали, что пользователи слабо распознают ботов, а при идентификации отвечают эмоционально, антропоморфизируя ботов. В отличие от зарубежных соцсетей, в «ВКонтакте» термин «бот» почти не используется как оскорбление реальных людей.

Ключевые слова: социальные боты; социализация ботов; речевые практики; фейковые аккаунты; цифровая культура; астротурфинг; интернет-СМИ

Для цитирования: Трищенко, Д. А. (2026), «Социализация ботов в социальной сети “ВКонтакте”», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 124-134. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-1

D. A. Trishchenko | Socialization of bots in the VKontakte social network

---

Financial University under the Government of the Russian Federation,
2 Krasnopresnenskaya Emb., Moscow, 103274, Russian Federation; *trishchenkoda@yandex.ru*

Abstract. The migration of public communications to the internet and the development of artificial intelligence have created favorable conditions for manipulating public opinion. Currently, the massive presence of social bots in public discussions disrupts the digital cultural-communicative environment, undermines trust in online discussions, and distorts the reflection of real public sentiments. This phenomenon poses a significant challenge to democratic discourse and informed citizenship. Users of social networks,

including the Russian platform VKontakte, struggle to identify automated accounts and often engage with them in dialogue as if they were live interlocutors. A contradiction emerges between the rational recognition of a bot's programmatic nature and the performative attribution of subjectivity to it, a tension that remains largely unnoticed by ordinary users, which calls for a specific cultural analysis of speech practices of accusing others of being a "bot". The situation is complicated by the fact that the social network contains accounts of real people who are functionally indistinguishable from those managed by neural networks. The novelty lies in a comprehensive cultural, semiotic, and empirical analysis of a phenomenon that has previously been studied primarily through technical or sociological methods. This study is the first to analyze the speech practices of real users interacting with bots in the social network VKontakte. The results of the study show that users poorly recognize bots, and when they do identify them, they respond emotionally, anthropomorphizing the bots. Unlike in foreign social networks, within VKontakte the term "bot" is almost never used as an insult against real people.

Keywords: social bots; bot socialization; speech practices; fake accounts; digital culture, astroturfing; online media

For citation: Trishchenko, D. A. (2026), "Socialization of bots in the VKontakte social network", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 124-134. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-1

Введение

Активное развитие цифровой коммуникации упростило использование инструментов манипуляции, а социальная адаптация отстает от темпов развития технологий. Одним из результатов является то, что сетевое пространство публичной коммуникации заполнили боты, которые активно используются в целях влияния на общественное мнение, на ход и результаты избирательных кампаний. Увеличение количества социальных ботов в соцсетях порождает ряд культурологических проблем, связанных с изменением характера коммуникации, восприятия реальности и социальных норм. Боты могут распространять дезинформацию, фейковые новости и манипулятивный контент; боты могут создавать иллюзию активности, популярности или общественного мнения, которое на самом деле не отражает реальных настроений людей, могут усиливать существующие предубеждения и стереотипы, целенаправленно распространяя контент, который провоцирует конфликты и усиливает социальные расколы. Боты, участвующие в астротурфинге, нарушают принципы честности и прозрачности в общественных дискуссиях. Это искажает представление о социальной реальности и может влиять на самовосприятие индивидов, которые начинают ориентироваться на искусственно созданные тренды или мнения. Это путь к деградации культуры гражданской ответственности и уважения к разнообразию мнений.

Проблема приобретает еще большую актуальность в условиях концентрации аудитории на немногих социальных сетях, что создает наиболее удобную среду для манипуляций. Совершенствование нейросетей делает боты менее доступными для обнаружения, и это тоже усугубляет проблему. Реальный пользователь не может достоверно знать, является ли его собеседник человеком или ботом. С другой стороны, возможна трансформация самого акта обвинения: фраза «ты бот» может быть как дескриптивным суждением (констатацией факта), так и перформативом, и тот, кто использует эти слова, символически исключает собеседника из сообщества «настоящих людей». Таким образом, сообщения реальных пользователей о ботах – это не только отражение технической реальности, но и самостоятельная культурная практика, требующая анализа ее внутренних закономерностей.

Объектом исследования выступают для нас комментарии реальных пользователей под публикациями в сообществах российских СМИ и популярных пабликах соцсети «ВКонтакте».

Предметом исследования является реакция пользователей на ботов, а именно, речевые практики идентификации бота, включая лексико-семантические маркеры, которыми пользователи обозначают предполагаемого бота, риторические стратегии обвинения, перформативные акты исключения.

Цель исследования – выявить и аналитически описать речевые практики взаимодействия реальных пользователей сети «ВКонтакте» с предполагаемыми ботами, рассматривая эти практики как феномен современной цифровой культуры.

Обзор литературы

Объектом научного интереса социальные боты стали сравнительно недавно, около полутора десятков лет назад. Примерно в это время в научный дискурс вошло понятие «астротурфинг»: «political astroturf – campaigns disguised as spontaneous, popular “grassroots” behavior that are in reality carried out by a single person or organization» (Ratkiewicz et al., 2010).

Проблематика социальных ботов чаще исследуется с точки зрения социологии, информационной безопасности, или создания математических моделей по выявлению ботов. Во многих исследованиях (Ellaky et al., 2023; Ng & Carley, 2025; Rodič, 2025; Василькова и Легостаева, 2019) содержится обзор научной литературы, посвященной классификации и методикам выявления ботов в социальных сетях. Наиболее точно рамкам нашего исследования отвечает такая категория, как *social manipulation bots*, цель которых – формировать общественный дискурс или социальное поведение. В одном из исследований приводится информация о том, что люди могут точно идентифицировать взаимодействие с ботами только в 42 % случаев (Lopez-Joya et al., 2025). В то же время авторы указывают, что, выбирая методики и базы автоматизированного выявления ботов, они остановились на той, чья максимальная точность определения ботов составляет 87 %.

В другой обзорной статье, в которой проведен анализ научных публикаций в области обнаружения социальных ботов с 2008 по 2022 г., отмечается, что в зависимости от применяемых методик, доля выявляемых ботов близка к 100 % и даже достигает этого показателя (Ellaky et al., 2023). Правда, преимущественно речь шла о сети Twitter, и в выводах авторы указывают, что использование искусственного интеллекта стало существенно затруднять этот процесс. Для характеристики ботов на базе искусственного интеллекта ученые из Китая и Японии уже предложили использовать термин «плюрипотентность», который, на их взгляд, хорошо передает способность ботов к развитию и адаптации в сетевом сообществе (Xu et al., 2024).

Методики выявления ботов развиваются и совершенствуются, появляются новые, их эффективность то снижается, то повышается, вновь приближаясь к максимуму (например, 94 % как утверждают Р. К. Shukla и его соавторы (Shukla et al., 2025)). Битва нейросетей – это современный аналог соревнования снаряда и брони, и стопроцентный результат здесь вряд ли возможен.

Еще одна проблема кроется в терминологии. Под ботом чаще понимают именно компьютерную программу, выполняющую задачи автоматически: «an automated account that carries out a series of mechanics on social media platforms, for content creation, distribution, and collection and processing, and/or for relationship formation and dissolutions» (Li, Vásárhelyi, & Vedres, 2024). Однако такое значение – преимущественно техническое, оно чаще характерно для тех, кого интересует технологическая сторона вопроса. Сохраняется оно и в социологическом дискурсе, в частности, в исследованиях коммуникации человека и программы (Панкратова, 2022: 53–58).

В научном дискурсе специалистов в области информационных технологий заметна эволюция: «ранее под ботами понимали такие аккаунты социальных сетей, которые действуют исключительно автоматически», а сегодня «боты определяются как аккаунты социальных медиа, которые используют для социоинженерных атак» (Чечулин и Коломеец, 2024: 95). То есть бот – это не обязательно программа, или не только программа, поскольку «реальные и суррогатные пользователи по коммуникативному поведению трудноразличимы» (Василькова, Легостаева и Радушевский, 2019: 202–245).

Впрочем, в научной литературе можно встретить и достаточно нейтральный термин «ботоподобные аккаунты» (bot-like accounts) (Hagen et al., 2022), и такой операциональный, как «живые» боты (Kolomeets et al., 2024). Терминологическая проблема в ближайшее время сохранится, по крайней мере, в силу отмеченной сложности идентификации аккаунта в социальных сетях, и не потеряет актуальность вопрос о том, кто или что является ботом («questions about who or what is considered a bot») (Carlson, Burgess, & Kasianenko, 2025), как в культурологическом, так и в социально-психологическом, и в правовом аспектах.

Идентификационные признаки бота описаны достаточно хорошо, причем имеют уже свою историю исследований (Алымов, Баранюк и Смирнова, 2016): закрытый аккаунт, отсутствие или малое (чаще всего не больше двух) количество фотографий, большое количество подписок – десятки, а то и сотни – на паблики новостных СМИ (Ионова и Махаева, 2024; Lopez-Joya et al., 2025). Первичные признаки, по которым обычный пользователь начинает предполагать фальшь, – это тексты комментариев, которые оставляют боты. Наличие ошибок и опечаток, которые некоторые AI-модели все еще продолжают рассматривать как признак «человечности», уже не стоит принимать за таковой, поскольку ошибки могут эффективно генерироваться.

Другая проблематика научных исследований – вопрос о «вредоносности» ботов. Если присутствие таких, которые опознаваемы пользователями, может быть оправдано и даже признано желательным (Carlson et al., 2025), то не идентифицируемые пользователями социальные/политические боты чаще расцениваются как вредоносные: «вредоносные боты стремятся выдавать себя за реально существующих людей, так как доверие пользователя является одним из элементов успешности проведения атаки» (Коломеец и Чечулин, 2023: 96) Их деятельность трактуется как «способ вмешательства... в межличностную сетевую коммуникацию» (Панкратова, 2022: 55), в результате которого «за сообщения, исходящие от низовых инициатив и реальных пользователей, выдается размещенная на страницах интернет-ресурсов имитация общественных высказываний» (Новицкая, 2025: 154). Такие «фальшивые аккаунты опасны, поскольку они могут влиять... на экономику, политику и общество в целом» (Lee et al., 2024). Одним из результатов является снижение «уровня доверия в медиaprостранстве» (Новицкая, 2025: 154). Роль вредоносных ботов значительна, их использование «непропорционально повышает интерес цифровой аудитории не только к теме, представляющей интерес для манипулятора (например, к политическим новостям), но и к конкретным аспектам этой темы» (Cresci et al., 2015: 56). Очень часто «боты стремятся быть первыми комментаторами, задавая начальный тон обсуждения», что «может существенно повлиять на последующих агентов, склоняя их к тому же мнению» (Губанов и Чхартисвили, 2024: 109–128).

Достаточно противоречивым является понимание вопроса о субъектности ботов: от признания (Панкратова, 2022: 55) до отрицания (Докучаев, 2024: 6–16). В исследованиях можно найти и явную антропоморфизацию ботов-программ, когда их рассматривают как действующих субъектов, наделенных целеполаганием и этической направленностью (Carlson et al., 2025) (Laaksonen et al., 2023).

Исследователи также отмечают, что слово «бот» в социальных сетях приобрело характер ругательства, обвинения в «ботстве» применяются не только к действительно

автоматизированным аккаунтам, но и к возможным «человеческим», с намерением их дегуманизировать и оскорбить, поставить под сомнение их интеллект и лишить права на выражение своего мнения» (Assenmacher, Fröhling, & Wagner, 2024).

Таким образом, боты, несмотря на сохраняющуюся размытость и полисемию термина, заняли свое определенное место в культурно-коммуникативном пространстве и речевых практиках людей.

База исследования

Исследованы новостные сообщения и комментарии к ним в социальной сети «ВКонтакте», всего 30 публикаций, сделанных в период с 01.04.2026 по 13.04.2026. Последние комментарии датированы 16.04.2026. Выборка случайная, в нее отобраны паблики как федеральных СМИ – «Газета.ru»¹, «РИА Новости»², «Российская газета»³, «Коммерсантъ»⁴, «LIFE.ru»⁵, «Комсомольская правда»⁶, «Лента.ру»⁷, «Новости RT на русском»⁸, «PostNews»⁹, так и региональные паблики – «Е1.РУ Екатеринбург. Онлайн. Новости»¹⁰, «Подслушано. Самара»¹¹, «Инцидент Барнаул»¹², «Регион-70 Томск»¹³, «Регион 78 Санкт-Петербург»¹⁴, «Владивосток»¹⁵, «Подслушано в Салехарде»¹⁶, «Набережные Челны Life»¹⁷, «Подслушано Железногорск»¹⁸, а также специализированные паблики по интересам – «IT News»¹⁹ и «Лепрозорий»²⁰. Тематика – внутриполитическая, в том числе блокировки интернета и Telegram. Во всех 30 публикациях присутствуют комментарии ботов, всего 2429 комментариев, в том числе сделанных ботами – 752 (30,1 %). В 20 публикациях из 30 есть, в той или иной форме, указания пользователей на наличие ботов.

Боты получили 236 откликов на комментарии, и среди них 57 упоминаний «ботства». Не учитывались реакции (лайки), так как они могли быть сделаны ботами.

Методология исследования

Для первоначальной идентификации ботов использовался сервис «Ботнадзор»²¹. Необходимо указать на преимущества и ограничения этого сервиса. Выявление ботов строится на анализе нескольких показателей: количества комментариев от аккаунта, подписок на сообщества, времени активности и иной информации об аккаунте, то есть ряда формальных признаков. Некоторые аккаунты, помеченные сервисом как бот, при ручной проверке скорее оказываются реальными пользователями. Оценочно доля этих ошибок не так уж велика, не превышает 2-3 %. Но в соответствии с классификацией сервиса метку «автоматизированный»

¹ <https://vk.com/gazeta>

² <https://vk.com/ria>

³ <https://vk.com/rgru>

⁴ <https://vk.com/kommersant>

⁵ <https://vk.com/life>

⁶ <https://vk.com/kpru>

⁷ <https://vk.com/lentaru>

⁸ https://vk.com/rt_russian

⁹ <https://vk.com/postnews>

¹⁰ <https://vk.com/e1news>

¹¹ <https://vk.com/overstory163>

¹² <https://vk.com/incident22>

¹³ <https://vk.com/tomsk123>

¹⁴ <https://vk.com/regio78>

¹⁵ https://vk.com/vladivostok_group_25

¹⁶ https://vk.com/salekhard_vk

¹⁷ <https://vk.com/chelny.life>

¹⁸ <https://vk.com/zhelezzka46>

¹⁹ https://vk.com/it_today_ru

²⁰ <https://vk.com/leprazo>

²¹ <https://botnadzor.org>

(то есть, явно программа) получают не все выявленные боты. Новые, недавно зарегистрированные аккаунты, которые имеют все признаки бота, могут быть еще не проверены сервисом и не иметь пометки «бот». Определение их доли/количества не входило в задачи исследования.

Еще раз подчеркнем: «бот» в нашем исследовании – это аккаунт, чья коммуникативная активность проявляется исключительно в поддержке определенного нарратива в социальной сети.

Результаты и обсуждение

Итак, пользователи оставили в комментариях 57 упоминаний различной формы о «ботстве», это около 7,6 % от общего количества комментариев.

Боты получили 216 ответов на свои комментарии, в том числе 34 – от других ботов, их мы исключаем из общего количества. Из оставшихся 182 – 145 (79,7 %) комментаторов воспринимают их как людей, а 37 (20,3 %) идентифицировали в них ботов. То есть четыре пятых пользователей, вступивших в диалог, рассматривали их как реальных пользователей.

Комментарии с упоминанием ботов были разделены на три группы (таблица).

Таблица

Типология реакций с упоминанием ботов в социальной сети «ВКонтакте»

Table

Typology of reactions mentioning bots on the social network VKontakte

Тип реакции, адресация / Type of reaction, addressing	Примеры / Examples	Количество и доля (в %) / Quantity and share (in %)
Администратору или другим пользователям / To the administrator or other users	Я зашёл чисто ботяр почитать) Ничего себе тут ботов налетело... Админ, почистите ботов пжл, самому то не надоело.	20 (35,1)
Боту, безэмоционально ²² / To the bot, emotionlessly	бот бот + информация «Ботнадзора» спасибо, бот	10 (17,5)
Боту, эмоционально / To the bot, emotionally	ботяра защекалка ты ботонечисть У вас у ботов все честно? А кто врет за деньги?	27 (47,4)
Всего		57 (100)

Эти цифры дают примерное соотношение разных категорий пользователей, типологизируемых по отношению к ботам. Среди тех, кто отвечает ботам, указывая, что они боты (37 пользователей), почти две трети, тем не менее, дают в комментариях эмоциональную оценку. Отметим, что у нас нет оснований утверждать, что в понятие «бот» пользователи вкладывают одно и то же содержание (собственно, как и исследователи, что отмечалось ранее). Обратимся к качественному анализу высказываний²³.

«Али, ботяра твоя безответственность это врать». «У вас у ботов все честно? А кто врет за деньги?». Без очеловечивания эти фразы бессмысленны. Боту не задают вопросов. Боту отвечают, как человеку, которого можно уличить во лжи или наивности. Аккаунты

²² Хотя данного рода комментариев формально отвечает боту, но он адресован и другим пользователям, указывая на присутствие бота.

²³ Орфография и пунктуация оригиналов сохранена.

воспринимают как аккаунты живых людей, которым заплатили. «Безответственность», «врать» – это свойства человеческого разума, атрибуты человеческого субъекта. Этот кто-то должен: иметь намерения (лгать с какой-то целью), уметь различать правду и ложь, обладать свободой выбора (быть ответственным). Суффикс -яр имеет экспрессивный окрас. Он добавляет эмоциональность, иронию, фамильярность и является признаком разговорного стиля. Обвиняя бота в безответственности, автор перформативно признает в нем человека.

«Отвечаю боту, дожили) А кто виноват, что на нас сотни дронов летят?)) Телеграм или вотсап?)))))». В данном случае эмоциональность передана глаголом «дожили», выражающим горькую усмешку, и смайликами.

«Мерзость вызываете, ползаете у нас ВКонтакте, пытаетесь тут суету навести, своей тупой писаниной ботов. Не заметили, что не получается? Не задумывались почему? Всё просто, умственные способности иметь нужно». «Ползать» – предикат животных (змей, насекомых). Но здесь он адресован тому, кто пишет тексты. Животные не пишут. Значит, автор накладывает две рамки: животное (низкое, отвратительное, «мерзость») и человеческое (способность писать, суетиться, врать). Этот гибрид – человек-животное – классическая семиотическая фигура оскорбления еще со времен античной инвективы («ты свинья, ты собака»). Но свинья или собака – это все же живые существа, а не программы. Очеловечивание идет через низведение до животного, но не до программы. Автор требует от бота способности к рефлексии («задуматься»), замечать свои ошибки и иметь умственные способности. Требуя этого, он одновременно говорит, что у бота этого нет. Но само требование обращено к сознанию, которого, по утверждению автора, нет.

Бота ругают – значит, признают, что он мог бы иметь умственные способности, но «не имеет» (по версии автора). А мог бы – значит, почти человек. И ругань бессмысленна.

«Антон, сунь себе в xxx эту безопасность, бот». Оскорбление в данном случае полностью антропоморфное.

Это напоминает семиотику жертвоприношения: жертва должна быть достаточно человеческой, чтобы ее смерть имела смысл, и достаточно не-человеческой, чтобы ее убийство не было убийством. То же самое с «ботом». Его очеловечивают, чтобы иметь право его ненавидеть (ненавидеть можно только того, кто способен на зло). Его дегуманизируют, чтобы иметь право его уничтожить без моральных издержек.

Семиотический механизм: гипостазирование – абстрактному явлению (бот-программа) придают свойства живого существа, чтобы над ним можно было надругаться по-человечески.

«Ян, Кто вас генерирует? Ау-у-у, почему в России такие тупые боты? Тупой бот это позор стране, позор правящей партии». Вопрос «кто вас генерирует?», скорее, риторический, он содержит низкую оценку не бота-аккаунта, а того, кто за ним стоит. «Ау-у-у» – это имитация голоса, зова в пустоте. В данном контексте это как раз поиск создателя бота. Последнее предложение – это обращение автора комментария к «ботоводу» и указание на плохо разработанную программу, неумение использовать искусственный интеллект или слабость используемой модели ИИ, негативная оценка. Ведь сам бот не может быть тупым.

На указанное количество комментариев с обвинением в «ботстве» нашлось два ответа со стороны тех, кого называли ботами и, судя не только по диалогу, но и по наполненности аккаунта, это действительно живые люди. В остальных случаях ответной реакции не последовало. По абсолютному большинству признаков эти аккаунты не имеют признаков субъектности. Собственно, вне зависимости от того, стоит ли за аккаунтом живой человек или программа, обращение к совести и тому подобное не имеет смысла: бот-человек тоже выполняет лишь определенную функцию, это его работа.

Онлайн-интервью с пользователями сети «ВКонтакте», которые в комментариях использовали термин «бот», дали возможность сформировать представление об их восприятии ботов. Речь не идет о количественных данных, о статистике, по причине, которая частично

описывалась выше: не все являются пользователями «ВКонтакте», еще меньшее количество людей активно интересуется определенной тематикой, еще меньшее количество считает ботов проблемой и так далее. Респонденты указывали, что боты – это те аккаунты, которые продвигают определенную повестку, что отличить программу от человека очень трудно или невозможно, поэтому это либо автоматизированные аккаунты, либо аккаунтами (одним или одновременно несколькими) управляет человек, которому платят, «но смысл их деятельности один – искусственные комментарии». Но примечательно то, что даже те респонденты, которые в своих ответах считали их ботами-программами, в комментариях в «ВК», в ответах ботам в той или иной степени их антропоморфизировали.

Выводы

Комментарии, сделанные от имени фейковых аккаунтов по актуальной внутриполитической тематике, превышают 30 % общего количества. Это свидетельствует о системном характере феномена: боты превратились в заметный элемент цифровой коммуникации, способный искусственно формировать повестку, создавать ложное ощущение консенсуса и подавлять живую дискуссию. Такое насыщение автоматизированными аккаунтами нарушает культурно-коммуникативную среду, подрывает доверие к публичным обсуждениям и затрудняет для обычных пользователей возможность различать подлинные общественные настроения и сфабрикованные. Пользователи социальной сети «ВКонтакте», на момент проведения исследования, слабо идентифицируют ботов, часто вступают с ними в диалог, не получая ответов. Большинство не способны отличить автоматизированный аккаунт от живого собеседника. Данный факт согласуется с данными зарубежных исследований (максимальная точность распознавания около 42 %) и указывает на уязвимость современной аудитории перед методами скрытого манипулирования.

Наиболее значимым результатом работы является выявленное противоречие: даже те пользователи, которые уверены, что общаются с ботом, в большинстве случаев дают эмоциональные ответы, адресованные живому человеку. В комментариях используются оскорбления, риторические вопросы, требования рефлексии и даже приписывание моральных качеств. Семиотический анализ показывает, что пользователи гипостазируют бота, наделяют программу свойствами одушевленного существа, человеческого субъекта. При этом бота одновременно дегуманизируют (сравнивают с животными), чтобы оправдать агрессию без моральных издержек. Онлайн-интервью с пользователями подтвердили этот разрыв: даже те, кто в рациональном объяснении считает ботов программами, в реальной коммуникации ведут себя так, будто общаются с живым человеком. Этот двойной механизм свидетельствует о глубокой культурной неопределенности статуса бота в цифровом общении. Даже при большой доле уверенности пользователя в том, что комментарий оставлен ботом, часто следует эмоциональный ответ, адресованный живому человеку.

Обвинения в «ботстве» реальных пользователей достаточно редки. Вопреки данным зарубежных исследований, где обвинение в «ботстве» превратилось в универсальный ярлык для дискредитации оппонентов и оскорбления реальных людей, в российской социальной сети «ВКонтакте» этот термин практически не приобрел таких коннотаций, не является ярлыком для дискредитации. Большинство участников используют слово «бот» в его прямом, техническом значении, для указания на автоматизированный или проплаченный аккаунт. Это может объясняться как меньшей политической поляризацией аудитории данной платформы, так и более поздним освоением практики обвинений в «ботстве» или спецификой модерации сообществ.

Таким образом, массовое присутствие ботов в «ВКонтакте» приводит не столько к успешной маскировке программ под людей, сколько к формированию у пользователей устойчивого, но внутренне противоречивого паттерна поведения: они не распознают ботов,

а если и распознают, то отвечают им как людям, антропоморфизуя их и тем самым легитимируя их место в коммуникации. Это позволяет говорить о феномене социализации ботов – процессе, при котором автоматизированные аккаунты не просто имитируют человека, но и реально встраиваются в систему социальных взаимодействий, изменяя ее изнутри.

Литература

Алымов, А. С., Баранюк, В. В. и Смирнова, О. С. (2016), «Детектирование бот-программ, имитирующих поведение людей в социальной сети “ВКонтакте”», *International Journal of Open Information Technologies*, 4(8), 55–60.

Василькова, В. В. и Легостаева Н. И. (2019), «Социальные боты в политической коммуникации», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 19(1), 121–133. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133; EDN: VUHAGU

Василькова, В. В., Легостаева, Н. И. и Радусhevский, В. Б. (2019), «Тематический ландшафт бот-пространства социальной сети “ВКонтакте”», *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(4), 202–245. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.8; EDN: PTLFHC

Губанов, Д. А. и Чхартишвили, А. Г. (2024), «Влияние алгоритмов ранжирования, ботов и модерации контента на формирование мнений в социальной сети», *Управление большими системами: сборник трудов*, 112, 109–128. DOI: 10.25728/ubs.2024.112.7; EDN: JVSGVL

Докучаев, И. И. (2024), «Перформативная сущность сетевой культуры и искусства. Опыт типологического анализа», *Международный журнал исследований культуры*, 2, 6–16. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_2_6-16; EDN: DCZPYE

Ионова, С. В. и Махаева, Е. В. (2024), «Социально-сетевые боты в естественной коммуникации: проблемы диагностики», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, 23(3), 93–108. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.8; EDN: COJWZO

Коломеец, М. В. и Чечулин, А. А. (2023), «Метрики вредоносных социальных ботов», *Труды учебных заведений связи*, 9(1), 94–104. DOI: 10.31854/1813-324X-2023-9-1-94-104; EDN: HEFHFR

Новицкая, Т. Е. (2025), «Искусственный интеллект и модусы медиатизированной социальности», *Общественные и гуманитарные науки. Военная подготовка*, Мат-лы 89-й науч.-технич. конф. профессорско-преподавательского состава, науч. сотр. и аспирантов (с междунар. участием), Изд-во Белорусского гос. технического университета, Минск, 153–156. EDN: GJNQJE

Панкратова, Л. С. (2022), «Культура общественно-политической интернет-дискуссии с использованием ботов», *Теория и практика общественного развития*, 11, 53–58. DOI: 10.24158/tpor.2022.11.7

Чечулин, А. А. и Коломеец, М. В. (2024), «Подход к обнаружению вредоносных ботов в социальной сети ВКонтакте и оценка их параметров», *Труды учебных заведений связи*, 10(2), 92–101. DOI: 10.31854/1813-324X-2024-10-2-92-101; EDN: ZTCHLS

Assenmacher, D., Fröhling, L. & Wagner, C. (2024), “You are a bot! – studying the development of bot accusations on Twitter”, *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 18(1), 113–125. DOI: 10.1609/icwsm.v18i1.31301

Carlson, D., Burgess, J. & Kasianenko, K. (2025), “The lives and afterlives of community-created bots on Twitter: a minor history”, *Convergence*, 31(6), 2006-2024. DOI: 10.1177/13548565251334087

Cresci, S., Di Pietro, R., Petrocchi, M., Spognardi, A. & Tesconi, M. (2015), “Fame for sale: efficient detection of fake Twitter followers”, *Decision Support Systems*, 80, 56–71. DOI: 10.1016/j.dss.2015.09.003

Ellaky, Z., Benabbou, F. & Ouahabi, S. (2023), “Systematic Literature Review of Social Media Bots Detection Systems”, *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 35(5), 101551. DOI: 10.1016/j.jksuci.2023.04.004

Hagen, L., Neely, S., Keller, T. E., Scharf, R. & Vasquez, F. E. (2022), “Rise of the machines? Examining the influence of social bots on a political discussion network”, *Social Science Computer Review*, 40(2), 264–287. DOI: 10.1177/0894439320908190

Kolomeets, M., Tushkanova, O., Desnitsky, V., Vitkova, L. & Chechulin, A. (2024), “Experimental evaluation: can humans recognise social media bots?”, *Big Data and Cognitive Computing*, 8(3), 24. DOI: 10.3390/bdcc8030024

Laaksonen, S., Laitinen, K., Koivula, M. & Sihvonen, T. (2023), “Triggered by socialbots: communicative anthropomorphization of bots in online conversations”, *Human-Machine Communication*, 6, 135–153. DOI: 10.30658/hmc.6.8

Lee, S., Shin, D., Kwon, K. H., Han, S. P. & Lee, S. K. (2024), “Disinformation spillover: uncovering the ripple effect of bot-assisted fake social engagement on public attention”, *MIS Quarterly*, 48(3), 847–872. DOI: 10.25300/MISQ/2023/17195

Li, L., Vásárhelyi, O. & Vedres, B. (2024), “Social bots spoil activist sentiment without eroding engagement”, *Scientific Reports*, 14, 27005. DOI: 10.1038/s41598-024-74032-0

Lopez-Joya, S., Diaz-Garcia, J. A., Ruiz, M. D. & Martin-Bautista, M. J. (2025), “Dissecting a social bot powered by generative AI: anatomy, new trends and challenges”, *Social Network Analysis and Mining*, 15(1), 1–24. DOI: 10.1007/s13278-025-01410-5

Ng, L. H. X. & Carley, K. M. (2025), “A global comparison of social media bot and human characteristics”, *Scientific Reports*, 15, 10973. DOI: 10.1038/s41598-025-96372-1

Ratkiewicz, J., Conover, M., Meiss, M., Gonçalves, B., Flammini, A. & Menczer, F. (2011), “Detecting and Tracking Political Abuse in Social Media” *Proceedings of the Fifth International Conference on Weblogs and Social Media*, Barcelona, Catalonia, Spain, July 17-21.

Rodič, B. (2025), “Social media bot detection research: review of literature”, *arXiv*, DOI: 10.48550/arXiv.2503.22838

Shukla, P. K., Veerasamy, B. D., Alduaiji, N., Addula, S. R., Pandey, A. & Shukla, P. K. (2025), “Fraudulent account detection in social media using hybrid deep transformer model and hyperparameter optimization”, *Scientific Reports*, 15, 38447. DOI: 10.1038/s41598-025-24326-8

Xu, W., Sasahara, K., Chu, J., Wang, B., Fan, W. & Hu, Z. (2024), “A multidisciplinary framework for deconstructing bots' pluripotency in dualistic antagonism”, *arXiv*. DOI: 10.48550/arXiv.2402.15119.

References

Alymov, A. S., Baranyuk, V. V. and Smirnova, O. S. (2016), “Detection of bot programs imitating human behavior in the social network VKontakte”, *International Journal of Open Information Technologies*, 4(8), 55–60.

Assenmacher, D., Fröhling, L. & Wagner, C. (2024), “You are a bot! – studying the development of bot accusations on Twitter”, *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 18(1), 113–125. DOI: 10.1609/icwsm.v18i1.31301

Carlson, D., Burgess, J. & Kasianenko, K. (2025), “The lives and afterlives of community-created bots on Twitter: a minor history”, *Convergence*, 31(6), 2006-2024. DOI: 10.1177/13548565251334087

Chechulin, A. A. and Kolomeets, M. V. (2024), “An approach to detecting malicious bots in the VKontakte social network and assessing their parameters”, *Proceedings of Telecommunication Universities*, 10(2), 92-101 (in Russ.). DOI: 10.31854/1813-324X-2024-10-2-92-101; EDN: ZTCHLS

Cresci, S., Di Pietro, R., Petrocchi, M., Spognardi, A. and Tesconi, M. (2015), “Fame for sale: efficient detection of fake Twitter followers”, *Decision Support Systems*, 80, 56–71. DOI: 10.1016/j.dss.2015.09.003

Dokuchaev, I. I. (2024), “Performative Essence of Network Culture and Art. Experience of Typological Analysis”, *International Journal of Cultural Research*, 2, 6-16 (in Russ.). DOI: 10.52173/2079-1100_2024_2_6-16; EDN: DCZPYE.

Ellaky, Z., Benabbou, F. and Ouahabi, S. (2023), “Systematic Literature Review of Social Media Bots Detection Systems”, *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 35(5), 101551. DOI: 10.1016/j.jksuci.2023.04.004

Gubanov, D. A. and Chkharishvili, A. G. (2024), “The influence of ranking algorithms, bots and content moderation on opinion formation in social networks”, *Large-Scale Systems Control*, 112, 109-128 (in Russ.). DOI: 10.25728/ubs.2024.112.7; EDN: JVSGVL.

Hagen, L., Neely, S., Keller, T. E., Scharf, R. and Vasquez, F. E. (2022), “Rise of the machines? Examining the influence of social bots on a political discussion network”, *Social Science Computer Review*, 40(2), 264–287. DOI: 10.1177/0894439320908190

Ionova, S. V. and Makhaeva, E. V. (2024), “Social network bots in natural communication: problems of diagnostics”, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23(3), 93-108 (in Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu.2024.3.8; EDN: COJWZO

Kolomeets, M. and Chechulin, A. A. (2023), "Properties of malicious social bots", *Proceedings of Telecommunication Universities*, 9(1), 94-104 (in Russ.). DOI: 10.31854/1813-324X-2023-9-1-94-104; EDN: HEFHFR

Kolomeets, M., Tushkanova, O., Desnitsky, V., Vitkova, L. & Chechulin, A. (2024), "Experimental evaluation: can humans recognise social media bots?", *Big Data and Cognitive Computing*, 8(3), 24. DOI: 10.3390/bdcc8030024

Laaksonen, S., Laitinen, K., Koivula, M. & Sihvonen, T. (2023), "Triggered by social bots: communicative anthropomorphization of bots in online conversations", *Human-Machine Communication*, 6, 135–153. DOI: 10.30658/hmc.6.8

Lee, S., Shin, D., Kwon, K. H., Han, S. P. & Lee, S. K. (2024), "Disinformation spillover: uncovering the ripple effect of bot-assisted fake social engagement on public attention", *MIS Quarterly*, 48(3), 847–872. DOI: 10.25300/MISQ/2023/17195

Li, L., Vászrhelyi, O. & Vedres, B. (2024), "Social bots spoil activist sentiment without eroding engagement", *Scientific Reports*, 14, 27005. DOI: 10.1038/s41598-024-74032-0

Lopez-Joya, S., Diaz-Garcia, J. A., Ruiz, M. D. & Martin-Bautista, M. J. (2025), "Dissecting a social bot powered by generative AI: anatomy, new trends and challenges", *Social Network Analysis and Mining*, 15(1), 1–24. DOI: 10.1007/s13278-025-01410-5

Ng, L. H. X. & Carley, K. M. (2025), "A global comparison of social media bot and human characteristics", *Scientific Reports*, 15, 10973. DOI: 10.1038/s41598-025-96372-1

Novitskaya, T. E. (2025), "Artificial intelligence and modes of mediatized sociality", *Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki. Voyennaya podgotovka* [Social Sciences and Humanities. Military Training], Proceedings of the 89th Scientific and Technical Conf., Publishing House of the Belarusian State Technical University, Minsk, 153-156 (in Russ.). EDN: GJNQJE

Pankratova, L. S. (2022), "Culture of Socio-political Internet Discussion with the Use of Bots", *Theory and Practice of Social Development*, 11, 53-58 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2022.11.7

Ratkiewicz, J., Conover, M., Meiss, M., Gonçalves, B., Flammini, A. & Menczer, F. (2011), "Detecting and Tracking Political Abuse in Social Media" *Proceedings of the Fifth International Conference on Weblogs and Social Media*, Barcelona, Catalonia, Spain, July 17-21.

Rodič, B. (2025), "Social media bot detection research: review of literature", *arXiv*, DOI: 10.48550/arXiv.2503.22838

Shukla, P. K., Veerasamy, B. D., Alduaiji, N., Addula, S. R., Pandey, A. & Shukla, P. K. (2025), "Fraudulent account detection in social media using hybrid deep transformer model and hyperparameter optimization", *Scientific Reports*, 15, 38447. DOI: 10.1038/s41598-025-24326-8

Vasilkova, V. V. and Legostaeva, N. I. (2019), "Social bots in political communication", *RUDN Journal of Sociology*, 19(1), 121-133 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133; EDN: VUHAGU

Vasilkova, V. V., Legostaeva, N. I. and Radushevskiy, V. B. (2019), "Thematic landscape of the bot-space of the social network 'VKontakte'", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 22(4), 202-245 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.8; EDN: PTLFHC

Xu, W., Sasahara, K., Chu, J., Wang, B., Fan, W. and Hu, Z. (2024), "A multidisciplinary framework for deconstructing bots' pluripotency in dualistic antagonism", *arXiv*. DOI: 10.48550/arXiv.2402.15119.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Трищенко Дмитрий Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Краснопресненская наб., д. 2, Москва, 103274, Российская Федерация; trishchenkoda@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Dmitry A. Trishchenko, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, 2 Krasnopresnenskaya Emb., Moscow, 103274, Russian Federation; trishchenkoda@yandex.ru

УДК 070:811.111

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-2

Черкашина А. А.

**Сетевая рецензия на детскую книгу:
к жанровой открытости англоязычных медиатекстов**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
cherkashina@bsuedu.ru

Аннотация. В статье излагаются результаты систематического исследования англоязычных медиатекстов – современных сетевых рецензий на детские книги. Актуальность работы определяется трансформацией жанра рецензии в цифровой медиасреде и необходимостью систематизации выявленных жанровых форм рецензии. Результаты значимы как для теории медиалингвистики, так и для практики медиакommunikации, поскольку раскрывают коммуникативную динамику жанра и эффективные стратегии взаимодействия с аудиторией. Аналитический обзор избранного эмпирического материала позволил получить новые типологические обобщения жанровых имплементаций англоязычных текстов: рецензия на одно произведение (развернутый аналитический текст); рецензия в тематической подборке (описание 2-3 книг схожей тематики с акцентом на визуальную составляющую); обзор из бриф-рецензий (лаконичных отзывов, имеющих навигационную функцию). Методологически предпосылочным в исследовании чаще всего оказывался баланс структурно-функциональной и конкретно-герменевтической (контент-аналитической) парадигм; как результат, это позволило определить закономерности построения сетевой рецензии, уточнить ее речевую структурно-жанровую определенность и открытость (на коммуникативном базисе английской речевой культуры). Жанровый статус современной сетевой англоязычной рецензии на детскую книгу, как обосновывается, имеет положительную коммуникативную динамику: следуя установке на поиск удачной коммуникации с аудиторией анализируемой книги, приумножаются формы активной подачи материала (ориентируемые прежде всего на целевые структуры предполагаемого читательского отклика).

Ключевые слова: медиатекст; сетевая рецензия; англоязычные медиа; жанр; детская книга

Для цитирования: Черкашина, А. А. (2026). «Сетевая рецензия на детскую книгу: к жанровой открытости англоязычных медиатекстов», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 135-145. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-2

A. A. Cherkashina

**Online review of a children's book: towards genre openness
in English-language media texts**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation;
cherkashina@bsuedu.ru

Abstract. The article presents the results of a systematic study of English-language media texts – contemporary online reviews of children’s books. The relevance of the work is determined by the transformation of the review genre in the digital media environment and the need to systematize the identified genre forms of review. The results are significant both for the theory of media linguistics and for the practice of media communications, as they reveal the communicative dynamics of the genre and effective strategies for interacting with the audience. An analytical review of the selected empirical material allowed us to obtain new typological generalizations of genre implementations of English-language texts: a review of a single work (an expanded analytical text); a review in a thematic collection (a description of 2-3 books on a similar topic with an emphasis on the visual component); an overview from brief reviews (laconic reviews with a navigational function). The methodological prerequisite for the study was most often a balance of structural-functional and concrete-hermeneutic (content-analytical) paradigms. As a result, this allowed us to identify the patterns of online review construction, clarifying its structural, genre-specific, and open nature (based on the communicative foundation of English speech culture). The genre status of contemporary online English-language children's book reviews, as argued, has a positive communicative dynamic: following the focus on finding successful communication with the audience of the book being analyzed, forms of active presentation of material (focused primarily on the target structures of the expected reader response) are proliferating.

Keywords: media text; online review; English-language media; genre; children’s book

For citation: Cherkashina, A. A. (2026), “Online review of a children’s book: towards genre openness in English-language media texts”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 135-145. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-2

Жанровые трансформации медиатекстов (жанр рецензии)

Открытым вопросом междисциплинарных медиаисследований остается изучение современных жанровый трансформаций медиатекстов в целом и жанра рецензии в частности. Этот процесс обусловлен прежде всего конвергенцией традиционных требований, предъявляемых к критическому анализу, с требованиями цифровых медиа: ориентир на коммуникацию с аудиторией, сокращение аналитической составляющей в пользу эмоционально-оценочных суждений, а также включение элементов промоцийности. Традиционно жанр рецензии относится к аналитической жанровой группе и был подробно описан профессором А.А. Тертычным, который трактует рецензию как «жанр, основу которого составляет отзыв (прежде всего – критический) о произведении художественной литературы, искусства, науки, журналистики и т. п. В какой бы форме ни был дан такой отзыв, суть его – выразить отношение рецензента к исследуемому произведению» (Тертычный, 2000).

Обратимся к отечественным и англоязычным толковым словарям для более четкого понимания исследуемого понятия. В Словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова рецензии дается самое общее пояснение: «критический отзыв о каком-л. сочинении, спектакле и т. п.»¹. В Кембриджском словаре рецензия трактуется как «a report in a newspaper, magazine, or programme that gives an opinion about a new book, film, etc.»². Оксфордский словарь английского языка определяет рецензию как «a report in a newspaper or magazine, or on the internet, television or radio, in which somebody gives their opinion of a book, play, film, product, etc.»³. Словарное издание Collins описывает рецензию как «a report in the media in which someone gives their opinion of something such as a new book or film»⁴. Из сопоставления приведенных определений следует, что словари интерпретируют рецензию как сообщение в средствах массовой информации, в котором обязательно должна быть дана оценка продукта – фильма, постановки, кинокартины и др.

Действительно, оценочность – одна из ключевых категорий рецензии. К вопросу экспликации оценки в рецензии обращался ряд исследователей (Набиева, 2010) (Дубровский, 2017) (Тоичкая, 2021). В своем диссертационном исследовании Е.А. Набиева подчеркивает персуазивность категории оценочности, «поскольку адресат влияет на адресанта» (Набиева, 2010: 4). Так, например, одним из определяющих признаков интернет-рецензии выступает «наличие или отсутствие критической оценки представленного художественного текста», а также «развернутость и обоснование данной оценки, на основании чего дается вывод о близости / отдаленности анализируемой интернет-рецензии от рецензии традиционной» (Медведев, 2017: 126).

О. Г. Шильникова подробно анализирует динамику исторического развития рецензии в составе литературно-художественных журналов первой четверти XIX в. – «Санкт-Петербургского вестника», «Санкт-Петербургского Меркурия», «Московского журнала» и др., подчеркивая, что при общей склонности «аксиологических жанров к дифференциации в указанный период произошла видовая сепарация “внутри” рецензии как жанра: стало ясно, что сформировалось два ее вида. С учетом их дальнейшего жанрового генезиса и привязки к определенному типу СМИ их условно можно обозначить как рецензия аналитического (“журнального”) типа и информационно-библиографическая рецензия (“газетного” типа)» (Шильникова, 2017: 66).

В диссертационном исследовании Т.Е. Нерсесовой (Нерсесова, 2012) рассмотрены также проблемы типологического описания предметно-тематических направлений рецензирования (художественная критика, медиакритика и сервисная критика) и его основные жанровые модели (информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры критики). Рецензия сочетает в себе признаки информационных и аналитических жанров и имеет четкую коммуникативную установку: привлечь внимание читателя к рецензируемому произведению, что объясняет ее ярко выраженную оценочность. Е.И. Илова, Е.Н. Галичкина и Р.Ж. Измайлова подробно проанализировали лексико-семантические особенности кинокритики: использование терминологии, клишированные обороты, риторические вопросы с включением прецедентных имен, вводные конструкции, интертекстуальные включения и др. (Илова, Галичкина, Измайлов, 2020).

¹ Ожегов, С. И. (2012), *Словарь русского языка: около 53 000 слов*, под общ. ред. Л. И. Скворцова, 24-е изд., испр., Оникс: Мир и Образование, Москва, 668.

² “Review”, Cambridge Dictionary [Online], available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/review> (Accessed 15. April 2026).

³ “Review”, Oxford Learner’s Dictionaries [Online], available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/review_1?q=review (Accessed 15 April, 2026).

⁴ “Review”, Collins Dictionary [Online], available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/review> (Accessed 15 April, 2026).

В диссертационном исследовании А. Г. Башкатовой подчеркивается важность специфики того издания, в котором публикуются рецензии. Отмечается, что «любое издание стремиться транслировать собственную картину мира. Можно говорить о существовании разных форматов одного и того же жанра литературной рецензии» (Башкатова, 2013: 16). «Формат дает о себе знать на парадигмальном уровне рецензирования: на уровне выбора книг и тем для анализа, критериев оценки, оснований для интерпретации. Сказывается формат и на стиле языковых и выразительных средствах» (Там же: 22). Автором также представлена типология жанра рецензии и предложены следующие форматы литературной рецензии в современной прессе: рецензия-навигатор, рецензия-фильтр, рецензия-сигнал, рецензия стимул.

Появление онлайн-медиа оказало существенное влияние на изменения жанрового поля и появление новых жанровых форм, учитывая запрос аудитории. С.И. Якимова и У.С. Суровцева обращаются к изучению жанра литературной рецензии в условиях цифровизации и конвергенции медиа, подчеркивая тот факт, что ранее рецензия принадлежала «исключительно к группе аналитических жанров, в настоящее время приобретает черты информационного продукта журналистского творчества. Сетевое пространство и новые способы коммуникации привели к трансформации текста в принципе» (Якимова и Суровцева, 2024: 120) и появлению новых тенденций: сокращение объема текста, включение игровых и информационных элементов, изменение языка и его сближение с разговорным стилем, активное внедрение мультимедийных, интерактивных и гипертекстуальных возможностей и др. (см. там же). Именно с появлением новых медиа рецензия начала трансформироваться, приобретать новые жанровые черты, появилась некая лаконичность и «шаблонность» изложения, которое «конструируется по четкому алгоритму и содержит определенный набор постоянных элементов, который зависит прежде всего от целей и типа рецензии», а также от задач самого издания (Черкашина, 2023: 263).

Н.Н. Молитвина отмечает, что за пределами специализированных изданий рецензирование рассматривается как самостоятельное направление журналистской деятельности, отличающееся категоричностью суждений, снижением стиля и сближением с разговорной речью, ярко выраженной оценочностью, аттрактивностью, рекламностью, диалогичностью, субъективностью (Молитвина, 2017: 12). Как показывают исследования, СМИ все чаще становятся платформами для рецензирования, что неизбежно приводит к трансформации жанра и снижению общепринятых стандартов. Все очевиднее то, что рецензия не может быть просто рекомендацией, информирующей адресата о необходимости ознакомиться с чем-либо (посмотреть фильм, почитать какой-либо текст). Особенность этого жанра заключается в оценке определенного явления с точки зрения лингвокультуры, в оценке его значимости для общества (Kulikova, Brusenskaya, 2025: 224, 228). Вместе с тем, рецензии также трактуются как «небольшие тексты, по структуре приближающиеся к мини-рецензиям или анонсам, но, тем не менее, они выполняют основные задачи жанра: оценить продукт культуры на основе определенной иерархии ценностей (иерархия понимается рецензентом в большей степени интуитивно и обязательно согласуется с гипотезой адресата) и воздействовать на адресата, чтобы побудить его к определенному действию» (Набиева, 2013: 61).

***

Актуальность изучения современных жанрово-типологических трансформаций рецензии как сетевого явления, как представляется, обусловлена,

во-первых, разнообразием выпускаемых в настоящее время сетевых арт-продуктов, которые представлены в медиасфере;

во-вторых, недостаточностью исследования сетевой рецензии, необходимостью описания ее структуры, типологии и ключевых жанровых характеристик (применительно к наиболее широкой сфере медиа, англоязычной).

Типология жанровых форм англоязычной рецензии

Эмпирический корпус выполненного мною исследования составил 31 текст, опубликованный под рубрикой «Children's books» – медиатексты в жанре рецензии на детскую книгу, размещенные в открытом доступе на официальном сайте англоязычного издания «Нью-Йорк Таймс» с января 2025 по август 2026 года. В анализируемом издании все тексты рецензий группируются по двум ключевым основаниям: возраст читательской аудитории и тематическое направление. Например, книги для малышей на ночь (soothing bedtime books for babies and toddlers); подборка книг для начинающих читателей (great chapter books for beginning readers); новинки для школьников среднего возраста (new and noteworthy: middle grade); иллюстрированные книги (new and noteworthy: picture books) и др. Авторами рецензий выступают в основном писатели, чьи работы также переведены на русский язык, – Лорел Снайдер (Laurel Snyder), Лин Трасс (Lynne Truss), Мак Барнет (Mac Barnett) и др. Информация об авторе рецензии присутствует в каждом тексте рубрики: издание стремится максимально подробно рассказать о тех, кто дает оценку произведениям, подчеркивая их экспертность и авторитетность: *Lynne Truss is the author of "Eats, Shoots & Leaves" and "Talk to the Hand", as well as the Constable Twitten mystery novels* (Truss, 2025); *Laurel Snyder is the author of many books for children. Her most recent picture book is "The Book of Candles: Eight Poems for Hanukkah", illustrated by Leanne Hatch. "Shrinking Violet", with art by LeUyen Pham, is due out in the spring* (Snyder, 2025a). Важно, что форма представления текста рецензии напрямую коррелирует с возрастом читательской аудитории, на которую ориентировано то или иное произведение. Я полагаю, что, исходя из эмпирического корпуса текстов, оптимальным будет предложить следующую классификацию жанрово-типологических форм рецензии на детскую книгу: *рецензия на одну книгу*; обзор из кратких рецензий или *бриф-рецензия* (в основном обзор произведений для самых маленьких в одном тексте либо произведений одного автора); *рецензия в тематической подборке* (достаточно детальное описание 2-3 произведений книг схожей тематики). Отдельно в подборке стоит выделить *рецензию на иллюстрированную книгу*, так как рецензент в таком случае уделяет внимание не только анализу произведения, но и разбирает работу иллюстратора как не менее важную составляющую.

Рецензия на одно произведение

За исследуемый период издание разместило семь рецензий, каждая объемом около 5000 знаков. Произведения, подобранные изданием для рецензирования, рассчитаны на подростковый и старший возраст. В качестве примера рассмотрим текст рецензии под названием «A Servant Girl in 1776 Boston Fights Her Own Battle for Independence» на книгу Лори Холс Андерсон (Laurie Halse Anderson) «Rebellion 1776» о судьбе 13-летней девочки-служанки Элсбет Малоны Калпеппер, потерявшей семью из-за эпидемии оспы. Структуру текста можно различить следующим образом.

1. Заголовочный комплекс.

В рецензии на одну книгу задача заголовка – заинтриговать читателя. В этом примере – личная история на фоне исторического события:

A Servant Girl in 1776 Boston Fights Her Own Battle for Independence (Snyder, 2025b).

Подзаголовок дополняет заголовок: автор обязательно указывает автора книги, читательскую аудиторию и жанр произведения:

Laurie Halse Anderson returns to the Revolutionary War era with a timely new novel for young readers (Snyder, 2025b).

Отметим, что заголовки-крючки встречаются и в текстах других рецензий этого типа: «First Love and First Loss in 1941 Iowa» или «The Loneliness of the Larger-Than-Life Black Athlete» (Moore, 2025). В заголовках используется настоящее простое время (Present Simple), что подчеркивает актуальность произведений, вовлекает читателя, приближает его к событиям, о которых пойдет речь. Стилистически приведенный выше пример заголовка построен на контрасте: борьба за независимость целой страны с борьбой за личную свободу главной героини.

2. Основная часть.

Анализ книги начинается с оценки мастерства автора романа, автор рецензии говорит о Лори Холс Андерсон как о мастере жанра «*a master of the genre*», подчеркивает глубину исследования исторического контекста и «*exhaustive research*», живой и динамичный стиль «*lively, fast-paced writing*». В рецензии делается акцент на актуальности темы и для современного общества, несмотря на то, что действие романа происходит в далеком прошлом:

The novel may be historical, but its themes echo our current tensions: vaccine detractors versus promoters, royalists versus patriots, misogyny versus feminism, old ways of living and loving versus new ways of being true to oneself (Snyder, 2025b).

В рецензии отмечается напряженность и таинственность сюжета, и вместе с тем автор говорит, что у романа есть душа – борьба главной героини за личную свободу.

There is a fair bit of skulduggery as well – stolen fortunes, false accusations, thefts, betrayals – that adds mystery and suspense.

The soul of the novel is Elsbeth's own private rebellion: the fight for her personal freedom (Snyder, 2025b).

Стилистический диапазон текста рецензии широк – от разговорной выразительности (*skulduggery, a fair bit of*) до метафоричности (*soul of the novel*), что соответствует задачам рецензии: информировать, убеждать и касаться читателя.

3. Заключение.

В завершающем абзаце текста рецензии автор подводит итог максимально эмоционально (Huzzah!) и емко, подчеркивает создание реального эффекта присутствия и достоверного погружения в эпоху событий (*immersive detail, true experience of a historic moment*), мастерство автора книги в создании многогранных характеров (*expert delineations of complex characters*) и связь настоящего с прошлым (*resonates with today's world*) – обращение автора к таким понятиям, как свобода, социальное неравенство, борьба за свои права.

Filled with immersive detail, expert delineations of complex characters, and both harsh and loving reality, "Rebellion 1776" provides young readers with a true experience of a historic moment in time that resonates with today's world. To use Elsbeth's celebratory last word, "Huzzah!" (Snyder, 2025b).

Последнее предложение заключения текста рецензии – это грамматически инфинитивная конструкция цели *to use*, которая вводит прямую цитату из романа и передает тем самым слово главной героине. Полагаем, автор намеренно использует прием «чужого голоса»: выбор архаичного междометия *Huzzah!* погружает читателя в романную эпоху, делает отсылку к главной героине и выражает финальную эмоциональную оценку автора рецензии.

Рецензия в тематической подборке

Одним из самых ярких примеров подборок является рецензия на иллюстрированную книгу (picture books). За исследуемый период на сайте издания было размещено 12 подборок рецензий на детскую книгу. В одном тексте может быть представлена как рецензия на одну книгу, так и 2-3 рецензии на разные произведения для детей, объединенные одним тематическим тезисом – например, о сущности дружбы (3 Picture books That Capture the Essence of Friendship) (Snyder, 2025a); о силе языка (Two New Picture Books About the Transformative

Power of Language) (Truss, 2025) или о нашем восприятии мира в очках (Here's Looking at You, Kids: 3 Picture Books About Eyeglasses) (Saltzberg, 2025). В зависимости от количества произведений, объем рецензии варьируется от 4000 до 5500 знаков текста, обязательно дополненных яркими 3-4 иллюстрациями из книг. Структура рецензии отходит от шаблонности, но вместе с тем подчиняется определенным правилам построения: заголовок, подзаголовок, сведения об авторе рецензии, основная часть и заключение. Рассмотрим структуру на примере рецензии под названием «Two new Picture Books About the Transformative Power of Language».

1. Заголовочный комплекс.

Как уже сказано выше, в этой рубрике в основном преобладают подборки из 2-3 рецензий на книги, объединенные одной тематикой. Заголовок строится максимально просто и понятно – количество книг, которое будет рассмотрено в рецензии, и тема, которая их объединяет. Задача подзаголовка – в одной фразе рассказать читателю, о чем идет речь в книгах. Таким образом, в заголовке автор дает минимальное количество информации для аудитории, затем дополняет ее в подзаголовке и уже подробно анализирует в основной части.

A boy unearths a treasure trove of adjectives, and a strange word discovered by a scholar becomes an overnight sensation (Truss, 2025).

2. Основная часть.

Здесь представлены следующие друг за другом рецензии на книги «A Chest Full of Words» и «Ashimpra». Вначале обязательно сообщаются основные данные о книге – целевая аудитория, авторы, иллюстраторы. Далее рецензент кратко рассказывает о сюжете. В рассказе «A Chest full of Words» речь идет мальчике Оскаре, который находит сундук с необычными словами; описываются яркие эпизоды того, как мальчик применяет эти слова: например, прилагательное «*fluorescent*» превращает ёжика в неоновно-жёлтый, «*hairy*» делает дерево мохнатым, «*grandiose*» – скворечник впечатляющим.

Сам Оскар, в оценке автора, быстро обучаем (*a fast learner*) и практичен:

If I were to apply adjectives to Oscar, I would describe him as practical and perhaps worryingly-adept-with-tools, but also, crucially, teachable (Truss, 2025).

Автор считает книгу увлекательной (*attractive picture book, the book soon sweeps you away*), а прилагательные, которые находит герой в сундуке, – изысканными (*quite fancy*) и описательными (*delightfully descriptive*). Посредством вопросов создается эффект живого общения с читателем (вопрос-пауза-ответ), наталкивая его на размышления:

*1. Does this opening sentence raise questions in the mind of an adult reader? It certainly does. But even if you pause briefly to ask why Oscar digs every day – and whether child protective services should be alerted – the attractive picture book **A CHEST FULL OF WORDS**, by the frequent collaborators Rebecca Guggenberger and Simon Röthlisberger, soon sweeps you along* (Truss, 2025).

2. Where does the adjective land? On a hedgehog, which suddenly becomes bright yellow and glowy! (Truss, 2025).

3. Заключение

В заключении автор рецензии подчеркивает образовательный потенциал книги, которая расширяет словарный запас юных читателей, учит ярче описывать мир и экспериментировать со словообразованием.

Meanwhile, there is nothing basic about the adjectives offered to this book's intended young audience. In fact, if any children of your acquaintance start calling things "pear-a-licious" or "forest-floor-squishy," you will know what they've been reading (Truss, 2025).

В рецензии может быть представлена и критическая оценка произведению. К примеру, в анализируемом обзоре во втором рассказе под названием «Ashimpra» критик прямо говорит о том, что книга лучше бы работала на языке оригинала – португальском – и что, вероятно, перевод на английский язык мог ослабить замысел автора книги:

I suspect it worked better in the original language (Truss, 2025).

Обзор бриф-рецензий

За исследуемый период издание разместило 12 таких текстов-обзоров, в каждом от пяти до нескольких десятков книг. Например, в тексте под названием «23 Great Chapter Books for Beginning Readers» произведения для подборки отбираются по результатам опроса сотрудников редакции и маркируются в тексте надписью «By The New York Times Books Staff». Структура текста подборки классическая: заголовок; подзаголовок, в котором отмечен возраст целевой аудитории, а также – на чем мнении основывается подборка: *Here are some of our staff's favorites, for ages 4 to 8*; краткие отзывы на произведения объемом до 500 знаков. Рассмотрим примеры бриф-рецензий в названной подборке.

Mercy Watson to the Rescue

by Kate DiCamillo; illustrated by Chris Van Dusen

In DiCamillo's loopy charmer, a pig named Mercy – "a porcine wonder" – lives as a beloved house pet with the Watsons, snuggling down with them in one large bed every evening and dreaming of her favorite treat, hot buttered toast. When the bed collapses through the floor one night (don't blame the butter!), a kerfuffle involving two spinsterish sisters next door and no small contingent of the local fire department follows (23 Chapter books for beginning readers, 2026).

Charlie & Mouse

by Laurel Snyder; illustrated by Emily Hughes

Two intrepid brothers, Charlie and Mouse, manage to make their own fun wherever they go – whether they're gathering a rowdy neighborhood cohort for a party in the park, selling rocks for ice cream money or finagling bedtime bananas from their very patient mother. (Don't worry, all little-boy teeth get another good brushing afterward.) If you're a fan of this one, rejoice: Five more books in the series await (23 Chapter books for beginning readers, 2026).

В примерах кратко описан сюжет книг, легко и непринужденно, с акцентом на эмоции. Автор обращается к читателю текста в шутильной форме (если позволяет сюжет книги!), используя повелительное наклонение, осознанно вовлекает в коммуникацию с ним: *don't blame the butter! Don't worry, all little-boy teeth get another good brushing afterward*. Вместе с автором обязательно указывается информация об иллюстраторе, так как визуальная составляющая не менее важна для маленьких читателей. Отметим, что такого рода краткие отзывы о книгах не отвечают критериям, предъявляемым к жанру классической рецензии, прежде всего из-за своей краткости. Однако формат подборки вполне релевантен для сетевого издания, так как бриф-рецензии нацелены не на оценку книги, ее описание и детальный разбор, их задача – сориентировать родителей, послужить навигатором и сократить время поиска книг для самых маленьких слушателей или начинающих читателей.

***

Таким образом, издание выстраивает систему рецензирования детской литературы, ориентируясь прежде всего на целевую аудиторию: рецензии группируются жанрово-типологически, по категориям читателей (от малышей до подростков) и по тематическим блокам; их речевая форма варьируется от развернутых аналитических текстов для старшей аудитории (с интригующими заголовками, оценкой мастерства автора и детальным анализом произведения) до обзоров, состоящих из лаконичных бриф-рецензий для самых маленьких с акцентом на иллюстрацию.

Ключевыми особенностями сетевой англоязычной рецензии на детскую литературу, как показывает анализ избранного эмпирического комплекса, выступают экспертность авторов рецензий, детальная проработка заголовочного комплекса, учет роли иллюстраций в восприятии книги и адаптация стиля изложения в зависимости от коммуникативной нацеленности рецензии – от эмоционального и глубокого анализа до легкого, шутильного тона; в целом очевидна первостепенная значимость ориентации автора рецензии на коммуникацию с читателем.

Литература

- Башкатова, А. Г. (2013), «Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры»: Автореф. дис. ... канд. филологич. наук, Москва. EDN: SVIUVB
- Дубровский, А. В. (2017), «Современная литературная рецензия как результат жанрово-стилистических трансформаций (на материале публикаций в еженедельнике «Литература і мистецтва)», *Медіалінгвістика*, 2, 55-64. EDN: YKVDKW
- Илова, Е. В., Галичкина, Е. Н. и Измайлова, Р. Ж. (2020), «Лексико-семантические особенности жанра «кинорецензия», *Гуманитарные исследования*, 4, 67-75. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-76-4-066-074; EDN: GWXOJV
- Медведев, С. А. (2017), «К методике описания типологии интернет-рецензии», *Филология и человек*, 4, 121-127. EDN: ZWUTKN
- Молитвина, Н. Н. (2017), «Литературная рецензия в современном медиадискурсе (жанрово-стилистический аспект)»: Автореф. дис. ... канд. филологич. наук, Москва. EDN: ZQIATL
- Набиева, Е. А. (2010) «Оценочность в жанре рецензии лингвистический и прагматический аспекты (на материале "Литературной газеты" и региональной парламентской газеты "Тюменские известия" постсоветского периода 1993-1995 и 2003-2005 гг.)»: Автореф. дис. ... канд. филологич. наук, Тюмень. EDN: ZODGHJ
- Набиева, Е. А. (2013), «Заголовок в рецензии», *Журналистский ежегодник*, 2-2, 61-63. EDN: RMULXV
- Нерсесова, Т. Е. (2012), «Типы и жанры рецензирования в современных печатных СМИ»: Автореф. дис. ... канд. филологич. наук, Москва. EDN: QHWKXL
- Тоцицкая, Н. А. (2021), «Коммуникативные стратегии и тактики речевого воздействия в жанрах арт-журналистики (рецензия, репортаж)», *Медіалінгвістика*, 8(3), 287-298. DOI 10.21638/spbu22.2021.307; EDN: VEATVI
- Тертычный, А. А. (2000), *Жанры периодической печати* [Электронный ресурс], URL: <https://evartist.narod.ru/text2/05.htm> (дата обращения: 10.08.2026).
- Черкашина, А. А. (2023), «Типы и композиция англоязычной рецензии на книгу», *Дискурсология и медиакритика средств массовой информации*, сб. статей IV Междунар науч.-практич. конф. Белгород, 5-7 октября 2023 г., Изд-во Белг. гос. нац. исслед. ун-та, Белгород, 259-264. EDN: KRBMPB
- Шильникова, О. Г. (2017), «Рецензия как жанр литературной критики: генезис, формирование структурно-функциональных параметров», *Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 8: Литературоведение. Журналистика*, 1, 55-67. EDN: YWLHOT
- Якимова, С. И. и Суровцева, У. С. (2024), «Жанр литературной рецензии в условиях цифровизации (на примере газеты «Коммерсантъ)», *Ученые заметки ТОГУ*, 15(2), 114-121. EDN: ZXNXJO
- Kulikova, E. and Brusenskaya, L. (2025), «Argumentative Discourse of a Media Review Media Education», *Mediaobrazovanie*, 21(2), 223-231.
- Moore, D. B. (2025), «The loneliness of larger-than-life black athlete», *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/11/14/books/review/derrick-barnes-the-incredibly-human-henson-blaze.html> (Accessed 5 May, 2026).
- Saltzberg, B. (2025), «Here's looking at you, kids: 3 picture books about eyeglasses», *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/02/14/books/review/children-picture-books-eyeglasses.html> (Accessed 5 May, 2026).
- Snyder, L. (2025a), «3 Picture books that capture the essence of friendship», *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/10/17/books/review/jane-godwin-joshua-david-stein-matthew-diffie-childrens-picture-books.html> (Accessed 5 May, 2026).
- Snyder, L. (2025b), «First love and first loss in 1941 Iowa», *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/01/17/books/review/scattergood-bouwman-childrens-novel.html> (Accessed 5 May, 2026).
- Truss, L. (2025), «Two new picture books about transformative power of language», *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/05/30/books/review/language-childrens-picture-books-a-chest-full-of-words-ashimpa.html?ysclid=mrar7gcct6706961490> (Accessed 5 May, 2026).

23 Chapter books for beginning readers (2026), *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2026/04/02/books/review/best-chapter-books-beginning-readers.html> (Accessed 5 May, 2026).

References

Bashkatova, A. G. (2013), "Literary review in the context of contemporary trends in cultural development", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow (in Russ.). EDN: SVIUVB

Cherkashina, A. A. (2023), "The types and structure of a book review in the Guardian newspaper", Proc. 4th Int. Scientific Conference. "*Media discourse and media critics*", Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, 259-264 (in Russ.). EDN: KRBMPB

Dubrovsky, A. V. (2017), "Contemporary reviews of literary works as an outcome of genre and stylistic transformations (based on publications in the "Literature and Art" journal)", *Media Linguistics*, 2, 55-64 (in Russ.).

Ilova, E. V., Galichkina, E. N. and Izmailova, R. Zh. (2020), "Lexical and semantic features of a film review as a genre", *Humanitarian studies*, 4, 67-75. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-76-4-066-074; EDN: GWXOJV

Kulikova, E. and Brusenskaya, L. (2025), "Argumentative Discourse of a Media Review Media Education", *Mediaobrazovanie*, 21, 223-231 (in Russ.).

Medvedev, S. A. (2017), "The Methodology for Describing the Typology of Internet Reviews" [K metodike opisaniya tipologii internet-retsenzii], *Filologiya i chelovek*, 4, 121-127 (in Russ.). EDN: ZWUTKN

Molitvina, N. N. (2017), "The Literary Review in Contemporary Media Discourse (Genre and Stylistic Aspect)", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow (in Russ.). EDN: ZQIATL

Moore, D. B. (2025), "The loneliness of larger-than-life black athlete", *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/11/14/books/review/derrick-barnes-the-incredibly-human-henson-blaze.html> (Accessed 5 May, 2026).

Nabieva, E. A. (2010), "Evaluativeness in the Review Genre: Linguistic and Pragmatic Aspects (Based on Material from 'Literaturnaya Gazeta' and the Regional Parliamentary Newspaper 'Tyumenskie Izvestiya' During the Post-Soviet Periods of 1993–1995 and 2003–2005)", Abstract of Ph.D. dissertation, Tyumen (in Russ.). EDN: ZODGHI

Nabieva, E. A. (2010), "The title of the review", *Zhurnalistskiy ezhegodnik*, 2-2, 61-63 (in Russ.). EDN: RMULXV

Nersisova, T. E. (2012), "Types and Genres of Reviewing in Modern Print Media", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow (in Russ.). EDN: QHWKXL

Shilnikova, O. G. (2017), "The review as a genre of literary criticism: the genesis, formation of structural-functional parameters", *Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*, 1, 55-67 (in Russ.). EDN: YWLHOT

Tochitskaya, N. A. (2021). "Communicative strategies and tactics of speech influence in art journalism genres (review, reportage)", *Media Linguistics*, 8(3), 287–298 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu22.2021.307; EDN: VEATVI

Saltzberg, B. (2025), «Here's looking at you, kids: 3 picture books about eyeglasses», *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/02/14/books/review/children-picture-books-eyeglasses.html> (Accessed 5 May, 2026).

Snyder, L. (2025a), «3 Picture books that capture the essence of friendship», *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/10/17/books/review/jane-godwin-joshua-david-stein-matthew-diffie-childrens-picture-books.html> (Accessed 5 May, 2026).

Snyder, L. (2025b), «First love and first loss in 1941 Iowa», *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/01/17/books/review/scattergood-bouwman-childrens-novel.html> (Accessed 5 May, 2026).

Truss, L. (2025), «Two new picture books about transformative power of language», *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2025/05/30/books/review/language-childrens-picture-books-a-chest-full-of-words-ashimpa.html?ysclid=mrar7gcct6706961490> (Accessed 5 May, 2026).

Yakimova, S. I. and Surovtseva, U. S. (2024), "Genre of literary review in conditions of digitalization (by the example of the newspaper 'Kommersant')", *Scientists notes PNU*, 15(2), 114-121 (in Russ.). EDN: ZXNXJO

23 Chapter books for beginning readers (2026) , *The New York Times* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2026/04/02/books/review/best-chapter-books-beginning-readers.html> (Accessed 5 May, 2026).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Черкашина Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; cherkashina@bsuedu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Anna A. Cherkashina, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; cherkashina@bsuedu.ru

УДК 11:61

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-3

Мочалов К. С.¹,
Давлетшина Г. Р.²,
Мингазова Н. Р.³,
Латыпова Д. Ф.⁴

Старение как утрата «меры жизни»:
метафизика возрастного рассогласования должного и сущего

¹Башкирский государственный медицинский университет,
ул. Ленина, д. 3, г. Уфа, 450008, Россия; kostja.mochalov@yandex.ru

²Башкирский государственный медицинский университет,
ул. Ленина, д. 3, г. Уфа, 450008, Россия; goul'nara.davletshina@yandex.ru

³Башкирский государственный медицинский университет,
ул. Ленина, д. 3, г. Уфа, 450008, Россия; nailya.m76@mail.ru

⁴Башкирский государственный медицинский университет,
ул. Ленина, д. 3, г. Уфа, 450008, Россия; diana-latypova@mail.ru

Аннотация. В современной философии медицины, биоэтике и геронтологии сохраняется острая дискуссия: следует ли рассматривать старение как болезнь, подлежащую лечению, либо как закономерный этап онтогенеза, не сводимый к патологии. Эта дилемма приобретает особую значимость в контексте развития проектов радикального продления жизни, пересмотра критериев Международной классификации болезней, а также растущих экономических и социальных вызовов, связанных с демографическим старением населения. Однако бинарная оппозиция «болезнь – не болезнь» не позволяет учесть всю сложность возрастных изменений, что порождает риск либо редукционизма и эйджизма, либо пассивного принятия страданий пожилых людей. Новизна подхода авторов статьи состоит в том, что предлагается выйти за рамки дихотомии, введя понятия «метасостояния» и «метапроцесса» применительно к старению. При этом старение интерпретируется не как отдельная нозология, а как универсальная платформа для возраст-ассоциированных заболеваний, нарушение гомеодинамики и кризис автообновления биосистемы. С опорой на категорию «меры жизни» и антитезу должного и сущего, старение интерпретируется как хроническое сужение интервала согласования между идеальными физиологическими параметрами и актуальным состоянием организма, ведущее к утрате витальности. Здоровье понимается как сильное динамическое согласование должного и сущего, болезнь как их рассогласование, а старение как постепенное и необратимое накопление такого рассогласования. Предложенный подход позволяет снять жесткую оппозицию сторонников и противников «лечения старости», переводя дискуссию в плоскость разработки интегративной стратегии управления метапроцессом старения.

Ключевые слова: старение; болезнь; метапроцесс; мера жизни; должное и сущее; философия медицины

Для цитирования: Мочалов, К. С., Давлетшина, Г. Р., Мингазова, Н. Р. и Латыпова, Д. Ф. (2026), «Старение как утрата “меры жизни”: метафизика возрастного рассогласования должного и сущего», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 146-156. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-3

K. S. Mochalov¹,
G. R. Davletshina²,
N. R. Mingazova³,
D. F. Latypova⁴

**Ageing as the loss of the “measure of life”: the metaphysics
of age-related discrepancies between the ideal and the real**

¹Bashkir State Medical University,
3 Lenin St., Ufa, 450008, Russian Federation; kostja.mochalov@yandex.ru

²Bashkir State Medical University,
3 Lenin St., Ufa, 450008, Russian Federation; goulmara.davletshina@yandex.ru

³Bashkir State Medical University,
3 Lenin St., Ufa, 450008, Russian Federation; nailya.m76@mail.ru

⁴Bashkir State Medical University,
3 Lenin St., Ufa, 450008, Russian Federation; diana-latypova@mail.ru

Abstract. In contemporary philosophy of medicine, bioethics, and gerontology, a key debate persists: whether aging is a disease warranting treatment or a natural, non-pathological process. This dilemma is increasingly urgent due to lifespan extension projects, revisions of disease classification criteria, and the socioeconomic challenges of population aging. However, the binary “disease – non-disease” framework fails to capture the complexity of age-related changes, risking reductionism, ageism, or passive acceptance of elderly suffering. The authors propose transcending this dichotomy by introducing the concepts of “metastate” and “metaprocess” regarding aging. Aging is reinterpreted not as a separate nosology but as a universal platform for age-associated diseases, a disruption of homeodynamics, and a crisis of biological self-renewal. Using the category of the “measure of life” and the antithesis of the ideal and the real, aging is conceptualized as a chronic narrowing of alignment between ideal physiological parameters and the organism’s actual state, leading to diminished vitality. Health is defined as strong dynamic alignment of the ideal and the real, disease as their misalignment, and aging as the gradual, irreversible accumulation of such misalignment. This approach overcomes the rigid opposition between proponents and opponents of “treating old age”, shifting the debate toward an integrative strategy for managing the meta-process of aging.

Keywords: aging; disease; metaprocess; “measure of life”, the ideal and the real; philosophy of medicine

For citation: Mochalov, K. S., Davletshina, G. R., Mingazova, N. R. and Latypova, D. F. (2026), “Ageing as the loss of the 'measure of life': the metaphysics of age-related discrepancies between the ideal and the real”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 146-156. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-3

Введение

Каждый человек, доживший до глубокой старости, в конечном итоге умирает. Но от чего именно? Вопрос о том, следует ли классифицировать старение как болезнь, давно вышел за рамки академических дискуссий и превратился в одну из ключевых философских и социальных проблем современности. Спор о природе старости начался задолго до появления современной медицины.

Данная дискуссия в настоящее время преломляется в свете развития современных технологий и философских размышлений медико-гуманитарного спектра по вопросам улучшения природы человека, продления жизни, биоэтики, возможностей биомедицины.

В настоящей статье предпринимается попытка перенести дискуссию о старении на метауровень посредством подведения под фундаментальные философские категории и описания в качестве системы более высокого порядка. Это может позволить смягчить оппозицию между сторонниками и противниками рассмотрения старения как болезни.

Философские и медицинские аргументы в пользу признания старения болезнью

Среди аргументов за признание старения в качестве болезни можно выделить основные. Один из них – медико-биологический аргумент. М. Абрамсон полагает, что каждый человек, который умер от старости, на самом деле умер от конкретного заболевания (Abramson, 2019). С этой точки зрения, в старении нет ничего необычного – это не мистический процесс, а совокупность конкретных молекулярных и клеточных повреждений, которые со временем накапливаются в организме. Так, болезни сердца, онкология, нейродегенеративные расстройства – это прогрессирующие проявления старости, а не ее спутники.

Другой аргумент – инженерный – аргумент «ремонтпригодности». Его сторонники полагают, что если можно починить сложный механизм, заменив изношенные детали, то можно «починить» и человека в целом. В исследованиях по регенерации тимуса – вилочковой железы, отвечающей за систему иммунитета, у данного органа была выявлена способность вновь производить молодые Т-клетки (Fahy et al., 2019). Тем самым, оказалось возможным возвращать в исходное функциональное состояние один из ключевых компонентов старения.

Еще одна система аргументов сосредоточена на эпидемиологических и экономических факторах. Сторонники этой аргументации указывают на необходимость разработки реальных стратегий «лечения старения», которые позволили бы сократить финансирование мер здравоохранения, направленных только на облегчение последних лет жизни пожилых людей, но не способствующих поддержанию качества жизни (Abramson, 2019).

К. Карриган указывает на то, что, с точки зрения эволюционной биологии, мы являемся лишь «одноразовой сомой», что природе «выгодно», когда организмы умирают после размножения, освобождая место для новых поколений. Но человек – единственное существо, способное восстать против этой слепой программы. Поэтому признание старения болезнью – это первый шаг к утверждению права личности на жизнь, не ограниченную эволюционным «сроком годности» (Carrigan, 2019). Г. Гегель философски замечал, что индивидуальный организм несет в себе «прирожденный зародыш смерти», поскольку род достигает своей цели лишь через бесконечную смену смертных индивидов. Однако человек, по Гегелю, благодаря мышлению и самосознанию способен освободить всеобщее (род, идею, государство) от его природной привязанности к единичному. Смерть перестает быть просто биологическим угасанием, а становится моментом «снятия» – жертвой или познанием, через которое дух освобождается от оков природы и утверждает свою истинную бесконечность (Гегель, 1975: 535).

Отдельные инициативы по радикальному преобразованию природы человека классифицируют инволюционное старение как болезнь, и их главная цель – добиться включения старения в Международную классификацию болезней (МКБ) (Lee, 2019), что создаст правовую базу для исследований и лечения. При этом страховые компании будут покрывать антиэйдж-терапию, а фармацевтические гиганты получают четкий рынок и стимулы для разработки препаратов против старения, а не просто «омолаживающих» косметических средств (Stambler, 2019).

Почему старение не следует считать болезнью

Свои существенные аргументы есть и у противников позиции «лечения старения». В частности, эволюционные биологи М. Роуз и Г. Ратледж видят в этой точке зрения редукцию сложного феномена старения к сугубо медицинскому измерению (Rose, Rutledge, 2019). Старение, по их мнению, – это не одна нозология, а результат работы тысяч генов в сложнейших сетях. При этом попытки «починить» старение посредством замены отдельных поврежденных механизмов – корневая ошибка в самой методологии.

Еще одно важное концептуальное различие старения и болезни состоит в том, что старение – фактор риска для болезней, точно такой же, как, например, курение является фактором риска для рака легких. Курение не называют болезнью, хотя оно и приводит к катастрофическим последствиям для здоровья. Кроме того, есть случаи того, как отдельные люди сохраняют отличное здоровье в глубокой старости. А это было бы невозможно, если бы возраст сам по себе являлся патологией.

В этом плане можно обратиться к конкретным примерам. Фремингемское исследование, начатое еще в 1948 году, на протяжении десятилетий изучало факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний у пожилых людей (Framingham Heart Study, 1948–present). Его результаты показывают, что можно эффективно влиять на болезни, ассоциированные с возрастом, без воздействия на сам возраст. Еще один пример – проблемы психологического благополучия. Многие пожилые люди страдают от депрессии или тревоги, однако эти состояния не являются неизбежными спутниками старости и поддаются коррекции. Эти кейсы подчеркивают важнейшее различие: есть излечимые заболевания, которые часто возникают в пожилом возрасте, и есть сам процесс старения как таковой. Таким образом, возраст и болезнь не одно и то же.

Наибольшие опасения противников признания старения болезнью лежат в плоскости этики. Официальный статус старения как болезни означает признание пожилых людей в качестве «больных» и даже «неполноценных». Это может усилить социальный феномен эйджизма – дискриминации по возрасту (Abramson, 2019) (Peters, 2019). Общество рискует рассматривать пожилых как обузу, которую нужно «лечить» или изолировать, а не как источник мудрости и опыта.

Вопрос о том, является ли старение болезнью, остается открытым. Сторонники «лечения» старения правы в том, что мы не должны пассивно мириться со страданиями, вызванными возрастными изменениями. Их противники правы в другом отношении: навешивание ярлыка «болезнь» несет в себе серьезные социальные риски и упрощает сложнейшую реальность человеческого бытия.

Возможное решение может заключаться в выходе за пределы бинарной точки зрения «болезнь – не-болезнь» и формулировании старения как метасостояния и метапроцесса, требующего системного управления. Это управление должно включать в себя как высокотехнологичные вмешательства, в частности, регенеративную медицину, клеточное репрограммирование, так и социальную поддержку, изменение общественных установок и создание условий для активного и достойного долголетия.

Такой интегративный подход позволит использовать мощь современной науки для борьбы со страданиями, не скатываясь при этом в стигматизацию и дегуманизацию пожилых людей. В конечном счете, вопрос не в том, как назвать процесс, а в том, как сделать так, чтобы каждый человек мог прожить долгую, здоровую и осмысленную жизнь.

Старение как метасостояние и метапроцесс

В теории систем приставка «мета-» означает выход за ее пределы, описание системы более высокого порядка. Применительно к старению это позволяет взглянуть на него с нескольких уровней. Приведем некоторые из них:

1. Старение как платформа для болезней. Если конкретная болезнь – это программа, дающая сбой, то старение может рассматриваться в качестве операционной системы, в которой со временем увеличивается количество ошибок и «уязвимостей». Сбои в системе иммунитета, накопление мутаций, ухудшение репарации ДНК создают среду, где любая внешняя угроза может оказаться смертельной. Один и тот же вирус часто вызывает высокую летальность в одной возрастной группе и относительно невысокую в другой, потому что метасостояние организма изменяется.

2. Старение как нарушение гомеодинамики. В молодом возрасте организм находится в состоянии динамического равновесия (гомеостаза), способного нейтрализовать внешние воздействия. Однако со временем происходит нарушение гомеостатической или гомеодинамической стабильности. Это метапроцесс – режим существования, при котором болезнь становится неизбежной.

3. Старение как кризис автообновления. Человеческое тело находится в постоянном обновлении: макромолекулы замещаются, клетки умирают и рождаются вновь. Организм «переходит сам в себя», оставаясь инвариантом благодаря сохранению формы и памяти. Однако на каждом цикле копирования информационной матрицы (ДНК, энграммы памяти) накапливаются изменения, которые в итоге приводят к деградации механизмов, обеспечивающих точность копирования, и организм в итоге становится чуждым – «внешним» самому себе, когда он уже не в состоянии сохранять себя в своем инобытии.

4. Социальное метасостояние. Наконец, общество, состоящее из стареющих индивидов, также входит в особое метасостояние, которое демографы называют «серебряным цунами» (Gray Tsunami). Процессы демографического перехода сопровождаются медицинскими, социальными, экономическими и этическими метаизменениями.

Старение как утрата «меры жизни»

Выведение на метауровень проблемы старения позволяет отчасти преодолеть дихотомию между трансгуманистами, требующими лечить старость, и их критиками, опасющимися стигматизации старческого возраста. Метаизмерение старения высвечивает онтологический горизонт, за которым болезни становятся правилом, а не исключением. В этом смысле центральная задача общества – не отрицать этот горизонт и не смиряться с ним, а последовательно отодвигать его, работая на всех уровнях, повышая качество жизни.

Понятие «метасостояние» приводит к сопоставлению его с фундаментальными, предельными онтологическими основаниями философии медицины. Мы полагаем, что таким понятием может стать категория «меры жизни», которая занимает центральное место в философии биологии и медицины В.И. Моисеева, выступая мостом между абстрактными законами диалектики и конкретной клинической реальностью (Моисеев, 2015: 410-426). Опираясь на классический философский закон перехода количества в качество, «мера жизни» определяется как интервал количественных значений биоконстант, внутри которого организм сохраняет свою качественную определенность. При этом сама «мера жизни» является результатом совершенствования биосистем, в которых реализуется нисходящая причинность: детерминация нижестоящих инстанций высокоуровневыми переменными (Моисеев и Мочалов, 2025).

С точки зрения категории «меры жизни», старение предстает не просто как биологический процесс деградации, а как фундаментальное изменение онтологического статуса живого существа. Старение в этом изменении можно определить как хроническое и неуклонное сужение «меры жизни». В отличие от болезни, которая часто является острым качественным скачком – резким выходом физиологических параметров за пределы интервала нормы, старение представляет собой длительное накопление количественных изменений. В процессе старения эластичность сосудов снижается, метаболизм замедляется,

регенеративный потенциал тканей падает. Все эти микроизменения, взятые по отдельности, могут оставаться в рамках референсных значений, но их совокупный эффект ведет к качественной трансформации: организм утрачивает способность возвращаться в состояние устойчивого равновесия. «Мера жизни» как диапазон, внутри которого система сохраняет качества витальности, постепенно сжимается до предела, за которым следует смерть.

Это понимание неизбежно ставит вопрос об интегральном критерии оценки старения. Категория «мера жизни» в своей сути имеет холистический характер, противостоящий редукционистским установкам, сводящим жизнь к набору физико-химических показателей. В этом плане необходим синтез двух перспектив: объектной (биомедицинские параметры здоровья) и субъектной (внутренняя картина болезни, переживание времени, качество жизни, экзистенциальная наполненность) (Моисеев, 2015). Такой синтез производится, в частности, в понятии патоса – феномене болезни как комплексного инварианта, насыщенного детерминацией как внешнего (физиологического), так и внутреннего (психологического, экзистенциального) бытия человека (Моисеев, 2014). Применительно к проблеме старения патос возрастной деградации не может быть понят исключительно через молекулярно-генетические сбои – необходимо принимать во внимание и переживание человеком своей старости.

Болезнь и здоровье как мера согласования должного и сущего

Описание взаимоотношений здоровья и болезни не просто как физиологических состояний, а как феноменов человеческого бытия может быть проведено еще на одних предельных основаниях – понятиях должного и сущего (Моисеев, 2015). Как подчеркивает М.А. Мануильский, дихотомия должного и сущего пронизывает не только индивидуально-медицинский, но и социально-нормативный уровень организации здоровья и болезни, требуя постоянного ценностно-ориентированного выбора (Мануильский, 2015: 170-173).

Сущее – это актуальное функциональное состояние организма, его объективные показатели, самочувствие человека. Это наличная данность, которую можно измерить, зафиксировать, описать. Должное – это то, что должно быть, референсные показатели человека. Это идеал, физиологическая норма. Если норма нарушена, то является целью, к которой стремится организм в процессе выздоровления. Должное для врача выступает в разных формах: как статистическая норма (давление 120/80), как индивидуальная норма (для конкретного пациента обычное давление 140/90). Кроме того, должное в клиническом отношении – это идеал здоровья, которое, как известно по определению ВОЗ, является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а также как цель лечения (рана должна зажить, инфекция должна быть вылечена и др.).

Философская рефлексия над этой парой понятий имеет давнюю традицию. Как отмечает Л.В. Максимов, антитеза сущего и должного органично входит в ряд классических философских дихотомий, разделяющих мироздание на «несовершенное» сущее и «образцовое» должное. Эти понятия должны рассматриваться в двух различных контекстах – аксиологическом (ценностном) и онтологическом (бытийном) (Максимов, 2019: 29-40).

С точки зрения соотношения указанных понятий, жизнь – это непрерывный процесс согласования сущего с должным. Живые системы постоянно удерживают это соответствие, отслеживают отклонения, реализуют механизмы обратной связи для устранения отклонений. Жизнь – это агентность, энергозатратное утверждение долженствования, торжество порядка над энтропией.

Здоровье и болезнь – это не статичные состояния, а различные режимы отношения между должным и сущим. Еще Гиппократ утверждал, что наилучший врач является также и философом, тем самым определяя интегративный подход к пониманию здоровья, который

соединяет эмпирическое (сущее) с нормативным (должное). В «Филебе» Платон рассматривал здоровье как особого рода гармонию – согласие между тем, что есть в организме, и тем, что должно быть по его природе: «Как только в нас, живых существах, расстраивается гармония, так вместе с тем разлагается природа и появляются страдания. Когда же гармония вновь налаживается и возвращается к своей природе, то следует сказать, что возникает удовольствие» (Платон, 2016: 513). В классической немецкой философии И. Кант разграничил эмпирический мир (где господствуют законы природы – «сущее») и мир свободы (где действует моральный закон как выражение «должного») (Кант, 2025). Это разграничение впоследствии оказало глубокое влияние на медицинскую этику и понимание нормы и патологии (Соловьева, Рахметова, 2022: 11-13).

Здоровье – это состояние сильного согласования категорий должного и сущего (Моисеев, 2015: 423). Они в высокой степени соответствуют друг другу: противоположность между ними минимальная. Но это не статичное равенство, а динамический процесс: организм постоянно подтверждает свою способность удерживать норму. В здоровом состоянии организм способен утверждать свое долженствование. Болезнь, напротив, – это состояние рассогласования, в котором сущее перестает соответствовать должному. Возникает напряжение, диссонанс, который переживается организмом как страдание. В.С. Соловьев определял здоровье как нормальное состояние организма, а болезнь – как уклонение физиологической жизни от ее нормы (Соловьев, 2012: 540). Болезнь может быть временным разрывом, который биосистема стремится ликвидировать, или хроническим состоянием, когда рассогласование становится устойчивым условием существования.

Динамика рассогласования между должным и сущим в процессе старения

Применяя антитезу должного и сущего к возрастным различиям, можно увидеть, как по-разному выражена противоположность здоровья и болезни в разные периоды жизни.

В молодом возрасте механизмы согласования должного и сущего носят гибкий характер. Болезнь для молодого организма – это событие, характеризующее резкий разрыв между должным и сущим. При этом система организма стремится немедленно ликвидировать этот разрыв. Противоположность здоровья и болезни может быть здесь выражена радикально, однако и переход из болезни в здоровье может быть быстрым и часто с полным восстановлением. Болезнь в этой логике выступает как временное и острое рассогласование.

В ходе старения трансформируется само должное. Происходит угасание долженствования. Высокие стандарты молодого возраста сменяются на более скромные. Многие функции утрачивают жесткую регуляцию – должное отступает. Например, клетки могут перестать делиться с необходимой скоростью или, наоборот, начинают бесконтрольное деление.

В молодом возрасте отклонения сущего от должного являются эпизодическими и имеют возможность для полной обратимости. При старении рассогласование начинает накапливаться. Повреждения макромолекул, мутации – это все примеры того, как сущее (текущее состояние) перестает успевать обновляться до уровня должного. Процесс становится необратимым: организм уже не может вернуться к исходному, более молодому состоянию.

Весь жизненный путь, с этой точки зрения, предстает как лестница нисхождения согласования:

1. Сильное согласование (молодой возраст). Мощная система должного (Debitum (D)). Любое отклонение сущего (Ens (E)) быстро и полностью купируется компенсаторными механизмами.

2. Поддерживаемое согласование (зрелость). Система D еще развита, но E отклоняется все чаще. Возврат к D требует все больше ресурсов. Появляются хронические заболевания – зоны стойкого рассогласования.

3. Хрупкое согласование (старость). Система D сужена до предела. Е удерживается ценой колоссального напряжения. Любое малое воздействие способно разрушить этот хрупкий баланс.

4. Распад согласования (смерть). Связь между D и E окончательно прерывается. Организм перестает быть системой, стремящейся к должному. Он становится просто телом (сущим), подчиняющимся исключительно законам физики и химии.

Таким образом, при старении сущее с трудом и не полностью подтягивается к должному. Хроническое рассогласование становится фоном жизни. Противоположность здоровья и болезни при этом может ослабевать, появляется континуальность между ними. Они не разделены четкой границей, но находятся в опасной близости. Сама возможность рассогласования (заболевания) присутствует постоянно, а цена ошибки – выход за пределы меры жизни – может быть необратимой. Этот процесс возрастного рассогласования физиологического гомеостаза получил детальное описание в работах В.М. Дильмана (Дильман, 1981, 1987). Согласно его теории «отклонения гомеостаза», с возрастом закономерно повышается порог чувствительности гипоталамуса к регулирующим сигналам, что ведет к стойкому отклонению физиологических параметров от должного уровня и развитию так называемых «нормальных болезней старения» – ожирения, диабета II типа, атеросклероза, гипертонической болезни (Дильман, 1981). Дильман рассматривал ожирение, гипердаптоз и другие возраст-ассоциированные состояния как «нормальные болезни». Он подчеркивал их закономерный, неизбежный характер в рамках онтогенетической программы человека (Дильман, 1981).

Смерть олицетворяет собой полный распад между должным и сущим в рамках исходных биосистем. Для мертвого тела понятие должного теряет всякий смысл. Согласование становится равным нулю. В экзистенциальной онтологии М. Хайдеггера это соответствует переходу от подлинного существования (Dasein), всегда открытого своему «бытию-к-смерти», к простому наличию: смерть есть ««переключение сущего из бытийного рода присутствия к больше-не-присутствию» (Хайдеггер, 2003: 238).

Таким образом, витальность предстает как сила организма, утверждающая свое долженствование, удерживающая согласие между идеалом и реальностью. Болезнь ослабляет эту силу. И чем старше человек, тем более напряженной становится эта внутренняя работа по удержанию согласования.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что спор о природе старения – является ли оно болезнью или закономерным этапом развития – не может быть разрешен в рамках жесткой бинарной оппозиции. Каждая из сторон приводит свои весомые аргументы: трансгуманистический подход указывает на молекулярную ремонтпригодность организма и необходимость борьбы со страданиями, в то время как его оппоненты справедливо предупреждают о рисках редукционизма, стигматизации пожилых людей и утраты экзистенциальной ценности старости.

Выход за пределы этой дилеммы становится возможным при переходе на метауровень рассмотрения. Предложенное понимание старения как метасостояния и метапроцесса позволяет интерпретировать его не как отдельную нозологию, а как универсальную платформу возраст-ассоциированных заболеваний, нарушение гомеодинамики и кризис автообновления биосистемы.

Ключевым теоретическим инструментом здесь выступает категория «меры жизни». С этой точки зрения, старение представляет собой хроническое и неуклонное сужение интервала между должным и сущим – постепенное накопление количественных изменений, которое в итоге ведет к качественной утрате витальности. Здоровье при этом является

состоянием сильного согласования должного и сущего, а болезнь их рассогласованием. При старении это рассогласование становится постоянным фоном, должное угасает, а механизмы компенсации работают на пределе возможностей вплоть до окончательного распада согласования в смерти.

Таким образом, центральная задача современной геронтологии и философии медицины заключается не в простом продлении биологического существования любой ценой, а в максимальном расширении полноценной, осмысленной и здоровой жизни – в удержании «меры жизни» как пространства подлинного человеческого бытия, где сущее способно отвечать должному.

Литература

- Гегель, Г. В. Ф. (1975), *Энциклопедия философских наук: В 3 т., Т. 2: Философия природы*, отв. ред. Ситковский, Е. П., Мысль, Москва.
- Дильман, В. М. (1981), *Большие биологические часы (Введение в интегральную медицину)*, Знание, Москва.
- Дильман, В. М. (1987), *Четыре модели медицины*, Медицина, Ленинград.
- Кант, И. (2025), *Критика практического разума*, пер. с нем. Соколова, Н. М., Юрайт, Москва.
- Максимов, Л. В. (2019), «Сущее и должное: проблемные контексты», *Этическая мысль*, 19(2), 38-50. DOI: 10.21146/2074-4870-2019-19-2-38-50; EDN: SXGULS
- Мануильский, М. А. (2015), «Максимы должного, парадоксы сущего», *Человек*, 3, 170-175. EDN: UYLWST
- Моисеев, В. И. (2014), «Об интегральном характере феномена патоса», *Философские науки*, 11, 130-138.
- Моисеев, В. И. (2015), *Философия науки: Философские проблемы биологии и медицины*, ГЭОТАР-Медиа, Москва. ISBN 978-5-9704-3358-1
- Моисеев, В. И. и Мочалов, К. С. (2025), «Категория “мера жизни” в биосистемах с нисходящей причинностью», *Философия науки*, 1, 29-41. DOI: 10.15372/PS20250103; EDN: FEBNTG
- Платон (2016), «Филеб», *Платон. Диалоги*, пер. с древнегреч. Сомсонов, Н. В., РИПОЛ классик, Москва, 479–530.
- Соловьёв, В. С. (2012), *Оправдание добра*, отв. ред. Платонов, О. А., Институт русской цивилизации, Алгоритм, Москва. EDN: QXCSYV
- Соловьёва, Г. и Рахметова, Ж. (2022), «Человек и его здоровье», *Адам Элемі*, 92(2), 3-15. DOI: 10.48010/2022.2/1999-5849.01
- Хайдеггер, М. (2002), *Бытие и время*, пер. с нем. Бибикина, В. В., Наука, Санкт-Петербург.
- Abramson, M. E. (2019), “To Age, or Not to Age: That Is the Question”, *The Transhumanism Handbook. Ch. 17*, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_17
- Carrigan, K. (2019), “Taking Up the Cosmic Office: Transhumanism and the Necessity of Longevity”, *The Transhumanism Handbook. Ch. 27*, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_27
- Fahy, G. M., Brooke, R. T., Watson, J. P., Good, Z., Vasanaawala, S. S., Maecker, H., Leipold, M. D., Lin, D. T. S., Kobor, M. S., & Horvath, S. (2019), “Reversal of epigenetic aging and immunosenescent trends in humans”, *Aging cell*, 18(6), e13028. DOI: 10.1111/accel.13028
- Framingham Heart Study (1948–present), *Epidemiological Study of Cardiovascular Disease*, National Heart, Lung and Blood Institute [Электронный ресурс], URL: <https://www.framinghamheartstudy.org/> (дата обращения: 10.05.2026).
- Lee, N. (2019), “Brave New World of Transhumanism”, *The Transhumanism Handbook. Ch. 1*, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_1
- Peters, T. (2019), “Boarding the Transhumanist Train: How Far Should the Christian Ride?”, *The Transhumanism Handbook. Ch. 62*, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_62
- Rose, M. R. and Rutledge, G. A. (2019), “Are You Willing to Die for Reductionism?”, *The Transhumanism Handbook. Ch. 20*, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_20

Stambler, I. (2019), “What Do We Need to Know to Treat Degenerative Aging as a Medical Condition to Extend Healthy Lifespan?”, *The Transhumanism Handbook*. Ch. 21, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_21

References

Abramson, M. E. (2019), “To Age, or Not to Age: That Is the Question”, *The Transhumanism Handbook*. Ch. 17, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_17

Carrigan, K. (2019), “Taking Up the Cosmic Office: Transhumanism and the Necessity of Longevity”, *The Transhumanism Handbook*. Ch. 27, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_27

Dilman, V. M. (1981), *Bolshie biologicheskie chasy (Vvedenie v integralnuyu meditsinu)* [The Great Biological Clocks: An Introduction to Integrative Medicine], Znaniye, Moscow, USSR (in Russ.).

Dilman, V. M. (1987), *Chetyre modeli meditsiny* [Four Models of Medicine], Meditsina, Leningrad, USSR (in Russ.).

Fahy, G. M., Brooke, R. T., Watson, J. P., Good, Z., Vasanawala, S. S., Maecker, H., Leipold, M. D., Lin, D. T. S., Kobor, M. S., & Horvath, S. (2019), “Reversal of epigenetic aging and immunosenescent trends in humans”, *Aging cell*, 18(6), e13028. DOI: 10.1111/ace1.13028

Framingham Heart Study (1948–present), *Epidemiological Study of Cardiovascular Disease*, National Heart, Lung and Blood Institute [Online], available at: <https://www.framinghamheartstudy.org/> (Accessed 10 May 2026).

Hegel, G. W. F. (1975), *Entsiklopediya filosofskikh nauk: V 3 t., T. 2: Filosofiya prirody* [Encyclopedia of Philosophical Sciences: In 3 vols, Vol. 2: Philosophy of Nature], in Sitkovskiy, E. P., Kedrov, B. M. and Rozental, M. M. (eds), Mysl, Moscow, USSR (in Russ.).

Heidegger, M. (2002), *Bytie i vremya* [Being and Time], Transl. by Bibikhin, V. V., Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kant, I. (2025), *Kritika prakticheskogo razuma* [The Critique of Pure Reason], Transl. by Sokolov, N. M., Yurayt, Moscow, Russia (in Russ.).

Lee, N. (2019), “Brave New World of Transhumanism”, *The Transhumanism Handbook*. Ch. 1, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_1

Maksimov, L. V. (2019), “The Concepts of “What Is” And “What Ought to Be” In Ethical Contexts”, *Ethical Thought*, 19(2), 38-50 (in Russ.). DOI: 10.21146/2074-4870-2019-19-2-38-50; EDN: SXGULS

Manuilskiy, M. A. (2015), “Maxims of the Due, Paradoxes of the Things”, *Human Being*, 3, 170-175 (in Russ.). EDN: UYLWST

Moiseev, V. I. (2014), “On the Integral Character of the Phenomenon of Pathos”, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 11, 130-138 (in Russ.).

Moiseev, V. I. (2015), *Filosofiya nauki: Filosofskie problemy biologii i meditsiny* [Philosophy of Science: Philosophical Problems of Biology and Medicine], GEOTAR-Media, Moscow, Russia (in Russ.). ISBN 978-5-9704-3358-1

Moiseev, V. I. and Mochalov, K. S. (2025), “Category ‘Measure of Life’ in Biosystems with Top-Down Causation”, *The Philosophy of Science*, 1, 29-41 (in Russ.). DOI: 10.15372/PS20250103; EDN: FEBNTG

Peters, T. (2019), “Boarding the Transhumanist Train: How Far Should the Christian Ride?”, *The Transhumanism Handbook*. Ch. 62, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_62

Plato (2016), “Philebus”, *Plato. Dialogy* [Plato. Dialogues], Translated from Ancient Greek by Somsonov, N. V., RIPOL klassik, Moscow, Russia, 479-530 (in Russ.).

Rose, M. R. and Rutledge, G. A. (2019), “Are You Willing to Die for Reductionism?”, *The Transhumanism Handbook*. Ch. 20, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_20

Soloviev, V. S. (2012), *Opravdanie dobra* [Justification of the Good], in Platonov, O. A. (ed.), Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QXCSYV

Solovieva, G. and Rakhmetova, Zh. (2022), “Man and His Health”, *Adam Alemi*, 92(2), 3-15 (in Russ.). DOI: 10.48010/2022.2/1999-5849.01

Stambler, I. (2019), "What Do We Need to Know to Treat Degenerative Aging as a Medical Condition to Extend Healthy Lifespan?", *The Transhumanism Handbook*. Ch. 21, in Lee, N. (ed.), Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-16920-6_21

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Мочалов Константин Сергеевич, доктор философских наук, доцент, кафедра философии, Башкирский государственный медицинский университет, ул. Ленина, д. 3, г. Уфа, 450008, Россия; kostja.mochalov@yandex.ru

Давлетшина Гульнара Рафисовна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Башкирский государственный медицинский университет, ул. Ленина, д. 3, г. Уфа, 450008, Россия; goulnara.davletshina@yandex.ru

Мингазова Наиля Рифкатовна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Башкирский государственный медицинский университет, ул. Ленина, д. 3, г. Уфа, 450008, Россия; nailya.m76@mail.ru

Латыпова Диана Флоридовна, кандидат юридических наук, доцент, кафедра философии, Башкирский государственный медицинский университет, ул. Ленина, д. 3, г. Уфа, 450008, Россия; diana-latypova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Konstantin S. Mochalov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Bashkir State Medical University, 3 Lenin St., Ufa, 450008, Russian Federation; kostja.mochalov@yandex.ru

Gulnara R. Davletshina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Bashkir State Medical University, 3 Lenin St., Ufa, 450008, Russian Federation; goulnara.davletshina@yandex.ru

Nailya R. Mingazova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Bashkir State Medical University, 3 Lenin St., Ufa, 450008, Russian Federation; nailya.m76@mail.ru

Diana F. Latypova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Bashkir State Medical University, 3 Lenin St., Ufa, 450008, Russian Federation; diana-latypova@mail.ru

УДК 81.25:316.6

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-4

A. G. Bykova

Localization strategies and their impact on gaming community identity

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia;
anna.bykova05@mail.ru

Abstract. This article examines the translation of in-game terminology in English-to-Russian game localization, with particular focus on the sociolinguistic consequences of translation strategy selection for gaming community identity. The relevance of the topic is driven by the rapid global expansion of the video game industry and the formation of a stable English-based gaming sociolect that frequently conflicts with officially localized equivalents. The novelty of the approach lies in the application of an integrated theoretical framework – combining Vinay and Darbelnet’s translation strategy typology, O’Hagan and Mangiron’s concept of transcreation, Tajfel’s social identity theory, Lave and Wenger’s Communities of Practice model, and discourse theory by Michel Foucault – to the Russian localization of *Resident Evil 4: Remake* (Capcom, 2023). The analysis identifies four categories of translation difficulty: loss of character-specific idiolect markers, register distortion, untranslatable wordplay, and terminological inconsistency. It is concluded that domesticating translation strategies, while ensuring surface-level fluency, may undermine the discursive coherence of gaming communities and erode the identity-bearing subcultural language.

Keywords: game localization; gaming terminology; translation strategies; community identity; sociolect; English-to-Russian translation; domestication; borrowing

For citation: Bykova, A. G. (2026), “Localization strategies and their impact on gaming community identity”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 157-163. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-4

Быкова А. Г.

Приемы локализации и их влияние на идентичность игрового сообщества

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
ул. Лермонтова, д. 83, г. Иркутск, 664074, Россия;
anna.bykova05@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется перевод игровой терминологии в процессе англо-русской локализации видеоигр с особым акцентом на социолингвистических последствиях выбора переводческих стратегий для идентичности игрового сообщества. Актуальность темы обусловлена стремительным ростом глобального рынка видеоигр и формированием устойчивого англоязычного социолекта, который вступает в противоречие с официально переведенными эквивалентами. Новизна подхода заключается в применении комплексной теоретической рамки, объединяющей типологию переводческих стратегий Вине и Дарбельне, концепцию транскреации (О’Хаган и Мангирон), теорию социальной идентичности Тэджфела,

модель сообществ практики Лэйва и Венгера, а также теорию дискурса Фуко, к материалу русской локализации Resident Evil 4: Remake (Capcom, 2023). Проведенный анализ выявил четыре категории переводческих трудностей: утрату отличительных знаков идиолекта персонажей, искажение контекста, неперебиваемые языковые игры слов и терминологические непоследовательности. Сделан вывод о том, что доместицирующие стратегии перевода, обеспечивая поверхностную беглость речи, способны подрывать дискурсивную связность игровых сообществ и разрушать субкультурный язык, несущий идентификационную функцию.

Ключевые слова: локализация игр; игровая терминология; стратегии перевода; идентичность сообщества; социолект; англо-русский перевод; доместикация; заимствование

Для цитирования: Быкова, А. Г. (2026), «Приемы локализации и их влияние на идентичность игрового сообщества», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 157-163. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-4

Introduction

The rapid global expansion of the video game industry has produced a distinctive linguistic phenomenon: a specialized English-rooted lexicon that has penetrated virtually every major gaming market. Terms such as *grind*, *respawn*, *buff*, *nerf*, *tank*, and *meta* are no longer confined to Anglophone contexts – they circulate across forums, streaming platforms, and in-game chats in dozens of languages, coexisting awkwardly with official localized equivalents or outright displacing them. This tension between global gaming English and target-language adaptation is not merely a terminological inconvenience; it is a sociocultural phenomenon with direct consequences for how players construct and experience community belonging.

The English-to-Russian context presents a particularly compelling case. Russia represents one of the largest gaming markets in Europe and Central Asia (Newzoo, 2023), and Russian-language localizations of titles such as *World of Warcraft*, *League of Legends*, and *Counter-Strike* have long been subjects of community debate – with players frequently rejecting official translations in favor of anglicized or community-coined alternatives (Kovalev, 2019: 47). This tension between institutional translation and organic community usage reflects the resistance of identity-bearing subcultural language to domestication.

Despite the prevalence of this phenomenon, the field of translation studies has been slow to engage with the language of video games as a sociolinguistic object. Existing scholarship on game localization has largely focused on technical challenges, cultural adaptation of narrative content, and humor translation, while identity-related dimensions of terminology transfer remain underexplored (Bernal-Merino, 2015: 88). This gap is particularly pronounced in the Russian-language context.

The aim of the present study is to examine how translation strategies applied to in-game terminology in English-to-Russian localization influence the formation and coherence of gaming community identity. To achieve this aim, the following objectives are addressed: (1) to systematize theoretical frameworks relevant to specialized terminology in translation studies, sociolinguistics, and game studies; (2) to identify and classify categories of in-game terminology carrying community identity markers; (3) to analyze translation strategies applied in the Russian localization of a commercially significant video game and assess their sociolinguistic impact.

1. Theoretical Framework

1.1. Video Game Translation as a Discipline

The translation of video games occupies a distinctive and increasingly prominent position within translation studies. The field's key concept is localization – borrowed from the software industry, denoting the comprehensive adaptation of a product for a specific locale, encompassing linguistic translation, cultural adjustment, technical modification, and legal compliance (Esselink, 2000: 3). In video games, localization extends beyond language replacement to include adaptation of visual elements, voice acting, interface design, and the specialized terminology embedded in gameplay systems (Mangiron, 2006: 11).

Bernal-Merino identifies a spectrum ranging from full gold localization (including dubbed voice acting) to minimal text-only translation (Bernal-Merino, 2015: 56). The degree of localization directly affects terminological handling: full adaptation may permit creative domestication, whereas partial localization leaves core gameplay vocabulary in English by default, cementing anglicisms in target-language communities. O'Hagan and Mangiron introduce the concept of transcreation – the freedom, and sometimes obligation, to depart from source text fidelity in favor of functional and experiential equivalence (O'Hagan, Mangiron, 2013: 215). A translated game must not merely be understood; it must be played, and terminology must preserve the player's ability to interact with game systems and community networks effectively.

1.2. The Nature of Gaming Terminology

Gaming language constitutes a sociolect: a variety associated with a particular social group, shaped by shared practices, values, and forms of communication (Eble, 1996: 11). Its vocabulary can be organized into four broad categories, each presenting distinct translation challenges.

Player role and archetype labels (*tank, healer, carry, support*) originated as functional descriptors but have acquired strong community-cultural weight. Social structure terminology (*guild, clan, raid, party*) describes organizational forms that carry not only semantic content but the weight of social contracts within gaming communities (Bernal-Merino, 2015: 43). Gameplay mechanics vocabulary (*grind, farming, respawn, nerf, buff, aggro*) is largely technical but often metaphorical, with many terms already adopted as loanwords before any official localization is produced (Bernal-Merino, 2015: 102). Meta-discourse and community terminology (*meta, OP, AFK, GG, noob*) functions primarily in player-to-player interaction and has achieved a degree of cross-linguistic standardization that makes translation both unnecessary and, in many communities, actively unwelcome (Gee, 2003: 45).

The distinctiveness of gaming terminology also lies in its rate of change: unlike legal or medical terminology, it is generated and modified in real time by developer communications, content creators, competitive scene developments, and community discourse – a pace that official localization systems can rarely match (Mangiron, 2006: 14).

1.3. Translation Strategies

Vinay and Darbelnet's typology – ranging from direct methods (borrowing, calque, literal translation) to indirect methods (transposition, modulation, equivalence, adaptation) – provides a useful framework for analyzing how in-game terms are rendered in target languages (Vinay, Darbelnet, 1995: 31). The following analysis of four terms illustrates the full range of strategies encountered in English-to-Russian game localization.

Noob, etymologically derived from “newcomer,” has evolved to function as a term of social stigmatization denoting not merely inexperience but a perceived failure to meet community standards (Paul, 2018: 43). Official Russian localizations have used equivalents such as “новичок” or the colloquial “чайник,” but the Russian-speaking gaming community has overwhelmingly adopted the anglicism *нуб*, preserving both phonetic identity and social connotations of the original (Kovalev, 2019: 48) – a clear case in which borrowing has displaced institutionally sanctioned translation.

Grind – repetitive low-engagement gameplay for incremental reward – has no precise pre-existing equivalent in Russian. Functional equivalents such as “прокачка” capture part of the mechanical meaning but lose the connotation of tedious repetition; calques are descriptively accurate but unusable in player communication. The anglicism *гринд* has consequently become dominant, used as both noun and verb (*гриндить*), demonstrating productive morphological integration of English loanwords into the Russian gaming sociolect (Bernal-Merino, 2015: 104).

Buff and *debuff* constitute a semantically paired set denoting temporary enhancement or weakening of character attributes. Calque-based alternatives (“усиление” / “ослабление”) are semantically accurate but morphologically awkward for real-time gameplay communication. Players uniformly employ *бафф* and *дебафф*, coupling them as productive verbs (*баффать*, *дебаффать*). This case demonstrates how Russian's verbal suffixation system turns English gaming terms into flexible lexical items rather than rigid borrowings.

DPS (damage per second) operates simultaneously as a technical metric, a player role, and community shorthand. Acronyms resist direct conversion because their compression is inherent to their function (Gottlieb, 1994: 105). Russian-speaking players uniformly employ the English acronym *ДПС*, reflecting broader standardization of competitive gaming vocabulary across language communities.

These four cases expose a clear pattern: when source terms carry identity, social, or expressive weight that target-language equivalents cannot match, official localization strategies are consistently overtaken by community borrowing.

1.4. Language, Identity, and Community in Gaming Culture

The foundational sociolinguistic insight of this study is that language is not merely a vehicle for communicating meaning but a medium through which social identities are constructed, performed, and negotiated (Bucholtz, Hall, 2005: 586). Tajfel's social identity theory argues that group membership is maintained through shared practices, symbols, and language (Tajfel, Turner, 1979: 40). In gaming communities, shared terminology functions as precisely such a signal – the ability to use terms like *meta* or *carry* correctly marks one as a legitimate community participant.

Lave and Wenger's concept of Communities of Practice – defined by mutual engagement, a jointly negotiated repertoire of resources, and a shared understanding of collective purpose (Lave, Wenger, 1991: 98) – applies directly to online gaming communities. When localization disrupts the shared linguistic repertoire by replacing established terms, it risks fracturing the community's sense of shared identity.

Foucault's theorization of discourse as a historically and institutionally conditioned system that produces and regulates social relations (Foucault, 1972: 49) provides a further critical lens. Official translation is not a neutral linguistic act but an exercise of institutional power – one in which a publisher determines the legitimate language of a gaming community, potentially overwriting the organic terminology players have developed as their collective identity (Foucault, 1977: 27). This dimension is particularly salient in the Russian-language context, where tension between state-affiliated language norms and informal internet culture has long been a site of ideological contestation (Tajfel, Turner, 1979: 67).

2. Practical Analysis

2.1. Material Selection

This section presents a practical analysis of the Russian localization of *Resident Evil 4: Remake* (Capcom, 2023) – a commercially and culturally significant release with over seven million copies sold within its first month. The choice of this title is additionally justified by its comparative dimension: the original *Resident Evil 4* (2005) was also localized into Russian, enabling a trace of how terminological choices evolved across nearly two decades of practice. The 2023 remake was created with full awareness of an established, opinionated gaming community, rendering translators' choices particularly deliberate and analytically valuable. The analysis is organized around four

categories of difficulty, identified through community-generated critiques and systematic comparison of source and target texts (Difficulties in translation..., 2026).

2.2. Categories of Translation Difficulty

2.2.1. Loss of Character-Specific Idiolect Markers. The clearest example involves Leon S. Kennedy's habitual use of the exclamation "Jesus Christ" – an established lexical marker of his character, present in *Resident Evil 2* (Capcom, 2019) and carried into the 2023 source text. In the Russian localization, this phrase appears in only one instance, with all other occurrences omitted or replaced with neutral equivalents. The strategy of omission is systematically employed, disrupting the character's established idiolect and, with it, the continuity of fan community expectations built across the franchise. Similarly, Leon's professional military register is toned down in several lines, rendered in a style more consistent with informal colloquial speech.

2.2.2. Register Distortion. Rather than maintaining a consistent expressive register, the Russian localization introduces emotionally charged or obscene language in several scenes where the English original displays restraint, while simultaneously toning down the emotional intensity of other lines. This two-way asymmetry cannot be explained by lip-synchronization constraints alone. Ada Wong's characterization is particularly affected: a line rendering Leon as "predictable" – a tonally neutral, psychologically accurate adjective – is replaced in Russian with the more pejorative "послушный" (compliant/obedient), altering the interpersonal register through modulation in a way unsupported by the source.

2.2.3. Untranslatable Wordplay. The most analytically significant difficulties are concentrated around wordplay in the source text. Three instances are particularly illustrative. (1) Leon's ironic use of "Bingo" – drawing on cultural stereotypes about rural leisure in a village setting – is rendered as "кино" (cinema), a cultural substitution that sacrifices the original's register in favor of a locally comprehensible but tonally inert equivalent. (2) The "Knighty-night" homophone play – bidding defeated enemies 'good knight' with reference to the castle setting – is inevitably lost, as the two words share no phonetic similarity in Russian and no equivalent wordplay is attempted. (3) The final boss pun on "holy" and "hole" – contextually tied to the cult setting – is similarly diminished, with no phonetic basis for the joke in Russian and no compensatory solution offered.

2.2.4. Terminological Inconsistency. The term "stranger" – a signature form of address used by the Merchant character – is rendered consistently as "чужак" (outsider) throughout most of the game but shifts to "незнакомец" in isolated scenes, disrupting the character's established voice. Such internal inconsistency undermines the sense of a coherent characterization, and is particularly consequential for players whose community identity is partly constructed around franchise-specific characters and their verbal signatures.

2.3. Discussion

The Russian localization of *Resident Evil 4: Remake* is best characterized as uneven rather than unsuccessful. Several characters receive genuinely accomplished treatment: the Merchant's signature lines are faithfully adapted; dramatic scenes demonstrate contextual sensitivity; some comedic exchanges show meaningful engagement with the source text. However, the analysis identifies systemic rather than isolated difficulties: erosion of character idiolect, asymmetric register handling, untranslatable wordplay rendered without adequate compensation, and internal terminological inconsistency. The dominant strategies employed are adaptation, functional substitution, and omission.

These findings corroborate the theoretical framework established in Section 1. Domesticating strategies tend to sacrifice the expressive texture of source texts in favor of fluency – and this, as Foucault's discourse theory implies, carries consequences for the coherence of community identity built around a text. When localization disrupts the shared linguistic repertoire – whether by eroding an established character's idiolect or by failing to preserve identity-bearing terminology – it risks fragmenting the community's sense of shared belonging.

Conclusion

The present study has examined the translation of in-game terminology and its impact on gaming community identity, integrating perspectives from translation studies, sociolinguistics, and cultural theory. The theoretical analysis established that game localization is never a merely technical act but a social intervention with measurable consequences for the communities it affects. The practical analysis confirmed that dominant localization strategies are adequate for main-message dialogue but insufficient for identity-relevant, expressive, and culturally specific content.

The findings carry practical implications for the professional practice of game localization: translators and studios must attend not only to semantic accuracy and technical constraints but to the sociolinguistic function of the terms they handle – their role in sustaining the discursive coherence of player communities. The intersection of game localization, sociolinguistics, and community identity remains a broad and underexplored field, and the present study warrants further research across languages, genres, and cultural contexts.

References

Литература

- Kovalev, A. (2019), “Game localization: between professionalism and community”, *Igromania*, 11-12, 45-52 (in Russ.).
- Ковалев, А. (2019), «Локализация игр: между профессионализмом и сообществом», *Игромания*, 11-12, 45-52.
- Bernal-Merino, M. Á. (2015), *Translation and Localisation in Video Games*, Routledge, New York, USA.
- Bucholtz, M. and Hall, K. (2005), “Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach”, *Discourse Studies*, 7, 585-614.
- Difficulties in translation of Resident Evil 4: Remake* (2026) [Online], available at: <https://youtu.be/FEveBJqRxEc> (Accessed 13 April 2026).
- Eble, C. (1996), *Slang and Sociability*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, USA.
- Esselink, B. (2000), *A Practical Guide to Localization*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands.
- Foucault, M. (1972), *The Archaeology of Knowledge*, Transl. by Sheridan Smith, A. M., Tavistock, London, UK.
- Foucault, M. (1977), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Transl. by Sheridan, A., Pantheon Books, New York, USA.
- Gee, J. P. (2003), *What Video Games Have to Teach Us About Learning and Literacy*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Gottlieb, H. (1994), “Subtitling: Diagonal Translation”, *Perspectives*, 2, 101-121.
- Lave, J. and Wenger, E. (1991), *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Mangiron, C. (2006), “Game Localisation: Unleashing Imagination with ‘Restricted’ Translation”, *The Journal of Specialised Translation*, 6, 10-21.
- “Newzoo” (2023), *Global Games Market Report* [Online], available at: <https://newzoo.com> (Accessed 15 April 2026).
- O'Hagan, M. and Mangiron, C. (2013), *Game Localization: Translating for the Global Digital Entertainment Industry*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands.
- Paul, C. A. (2018), *The Toxic Meritocracy of Video Games*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
- Tajfel, H. and Turner, J. C. (1979), “An Integrative Theory of Intergroup Conflict”, in Austin, W. G. and Worchel, S. (eds), *The Social Psychology of Intergroup Relations*, Brooks/Cole, Monterey, USA, 33-47.
- Vinay, J.-P. and Darbelnet, J. (1995), *Comparative Stylistics of French and English*, Transl. by Sager, J. C. and Hamel, M.-J., John Benjamins, Amsterdam, Netherlands.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ABOUT THE AUTHOR:

Anna G. Bykova, Bachelor's Student in Linguistics, Baikal BRICS Institute, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia; anna.bykova05@mail.ru

ОБ АВТОРЕ:

Быкова Анна Григорьевна, студентка бакалавриата по направлению «Лингвистика», Байкальский институт БРИКС, Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова, д. 83, г. Иркутск, 664074, Россия; anna.bykova05@mail.ru

УДК 168.522

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-5

Норманская А. В.¹,
Полканова А. Ю.²Реактуализация художественного наследия крымских
караимов в XXI в.

¹ Крымский университет культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, 295017, Российская Федерация;
normanskaya.anzhela@yandex.ru

² Симферопольский художественный музей,
ул. Долгоруковская, д. 35, г. Симферополь, 295000, Российская Федерация;
polkanovaa@mail.ru

Аннотация. Переосмысление и адаптация художественного наследия народа в новых условиях являются важными факторами сохранения этнической идентичности и культуры. В работе исследуются практики реактуализации художественного наследия крымских караимов (малочисленного коренного народа Крыма) в XXI в.: выявляются используемые формы и направления реактуализации; дается оценка возможности привлечения к художественному наследию народа новой аудитории и интегрирования его в современный контекст. У крымских караимов пластическая художественная культура проявляется в декоративно-прикладном искусстве и архитектуре. Ее традиционные формы в среде бытования утрачены. Художественные предметы сохраняются в музеях в местах компактного проживания народа в Крыму и в специализированных музеях (Российский этнографический и др.). Существуют самодеятельные музейные учреждения при национально-культурных автономиях. Караимские экспонаты используются выставками разного типа (общими и тематическими, традиционными и виртуальными). Нередко музеи представляют реконструкции интерьеров, на базе которых проводятся мастер-классы, конференции, экскурсии с показом архитектуры. Способствуют изучению и обращению к художественному наследию народа государственная политика и активности разных уровней на местах: тематические годы, фестивали, конкурсы, смотры-конкурсы, квесты и пр. Существующие проблемы с недостаточностью информации, ее достоверностью и доступностью для людей разных категорий можно решить с помощью использования мультимедийных проектов.

Ключевые слова: крымские караимы; художественное наследие; реактуализация; народная культура; музеи XXI в.

Для цитирования: Норманская, А. В. и Полканова, А. Ю. (2026), «Реактуализация художественного наследия крымских караимов в XXI в.», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 164-176. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-5

A. V. Normanskaya¹,
A. Yu. Polkanova²

Re-actualization of the artistic heritage of the Crimean Karaites in the 21st century

¹ Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
39 Kiyevskaya St., Simferopol, 295017, Russian Federation;
normanskaya.anzhela@yandex.ru

² Simferopol Art Museum,
35 Dolgorukovskaya St., Simferopol, 295007, Russian Federation;
polkanovaa@mail.ru

Abstract. In order to preserve ethnic identity and culture, it is important to rethink and adapt the artistic heritage of a people in a new context. This paper explores the practices of reactualizing the artistic heritage of the Crimean Karaites (a small indigenous people of Crimea) in the 21st century, identifying the forms and directions of reactualization, and assessing the possibility of attracting a new audience to the artistic heritage of the people and integrating it into the modern context. The Crimean Karaites have a rich artistic culture that manifests itself in decorative and applied arts and architecture. However, their traditional forms have been lost in their everyday life. Art objects are preserved in places where the people live in Crimea and in specialized museums. There are also amateur museums at national and cultural autonomies. Karaite exhibits are used in various types of exhibitions (general and thematic, traditional and virtual). Museum institutions often present reenactments. Museum institutions often present reconstructions of interiors, which serve as the basis for master classes, excursions, conferences, and comprehensive (including architecture) tours. State policies and activities at various local levels, such as thematic years, festivals, contests, reviews-competitions, quests, etc., contribute to the study and access to the people's artistic heritage. The existing problems with insufficient information, its reliability, and accessibility for people of different categories can be addressed through the use of multimedia projects.

Keywords: Crimean Karaites; artistic heritage; reactualization; folk culture; museums in 21st century

For citation: Normanskaya, A. V. and Polkanova, A. Yu. (2026), "Re-actualization of the artistic heritage of the Crimean Karaites in the 21st century", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 164-176. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-5

Глобализация, межэтнические конфликты, проблема сохранения этнического разнообразия и другие злободневные вопросы делают актуальным изучение этносов, важнейшей характеристикой которых является культура. Академик Ю.В. Бромлей писал, что для этнического размежевания большую роль играют не антропологические, а групповые культурные особенности в самом широком смысле, что обозначает культуру как объективную основу этноса (Бромлей, 1973: 30, 47). Такого же мнения придерживались авторы информационной теории этноса. Так, академик С.А. Арутюнов отмечал, что этническую общность связывает определенная общая культура в самом широком понимании этого слова (Арутюнов, 1989: 51). Н.Н. Чебоксаров указывал, что «этнос можно определить как осознанную культурно-языковую общность» (Чебоксаров и Чебоксарова, 1985: 29). Среди этнических определителей он выделял культурную специфику, которая влияет на сохранение

народа как исторически сложившейся общности и находит выражение в этническом самосознании (Там же: 24).

Традиционная художественная этническая культура является важной частью этнической культуры народа. Художественное наследие этноса представляет собой «явления художественной культуры прошлого, так называемые “вечные ценности”, осваиваемые и переосмысливаемые современностью» (*Эстетика: словарь* (1989), общ. ред. А. А. Беляева и др., Политиздат, Москва: 225), это система знаний, ценностей, норм, способов жизнедеятельности этноса, воплощенных в художественных образах, отражающая мировоззрение, миропонимание, национальный характер и духовно-нравственные идеалы народа, включая формы и способы создания, сохранения и распространения художественных ценностей, передаваемые из поколения в поколение.

Учитывая значимость художественного наследия этносов и появление новых технических возможностей, в XXI в. исследователи неоднократно обращались к вопросам перспектив его сохранения и интерпретации. Т. И. Кимеева и Г. Н. Миненко раскрывают тему на примере малочисленных коренных народов Сибири, шорцев и бачатских телеутов, утративших производство предметов традиционного искусства в естественной этнической среде (Кимеева и Миненко, 2017: 20). Авторы видят путь сохранения и интеграции в современную социокультурную среду объектов художественного наследия через включение их в музейные коллекции, причем интерпретация и реконструкция объектов должны базироваться на научно обоснованных методах, посредством публикации научной информации, включения ее в экспозиции и использования в различных формах культурно-образовательной деятельности.

Изучаются и отдельные аспекты актуализации и реактуализации художественного этнического наследия: белорусская вышивка (Давыдова, 2021), культурные практики крымских греков (Шонус, 2025), «культурный архетип» финно-угорского и марийского изобразительного искусства (Колчева, 2015) и пр.

В нашей работе представлен опыт изучения практик реактуализации художественного наследия крымских караимов в XXI в. с целью выявить используемые формы и направления реактуализации, оценить возможности привлечения к художественному наследию крымских караимов новой аудитории, интегрирования его в современный контекст.

У крымских караимов (караев), коренного малочисленного народа Крыма (около двух тысяч человек в мире) пластическая художественная культура проявляется в декоративно-прикладном искусстве и архитектуре. Традиционные формы материальной культуры, а следовательно, и народной художественной культуры, в среде бытования утрачены. Сегодня художественные предметы (посуда, одежда, обувь, сумочки и пр.) сохраняются в местных музеях в районах компактного проживания караимов, а также в специализированных музеях (Российский этнографический музей, Кунсткамера и др.).

Привычно для зрителя музейные предметы крымских караимов используются в традиционных экспозициях музеев. Так, во временной выставке «Соцветие культур» Музея истории и археологии Старого Крыма (2026 г.), объединившей материалы по истории и культуре крымских татар, крымских караимов и крымчаков, декоративно-прикладное искусство представлено в традиционном выставочном пространстве.

Российский этнографический музей, также соединивший крымские этносы в выставке «Народы Крыма» (Санкт-Петербург, 2025-2026 гг.), для отражения региональной культуры конца XIX – начала XX в., совместил несколько музейных подходов. Наряду с костюмными комплексами, изделиями ремесленников, ювелирными изделиями и пр., зритель может увидеть инсталляцию, воспроизводящую уголок крымского базара, столик с кофейными принадлежностями, макеты жилых зданий (рис. 1-2). Предметы крымских караимов здесь показаны как часть общей крымской культуры. Культурно-образовательные программы,

тематические экскурсии и мастер-классы, разработанные в рамках этой выставки, не рассказывали только о крымских караимах.

Рис. 1-2. Фрагменты выставки «Народы Крыма». Российский этнографический музей. 2025 г.
Фото Николаевой В.

Fig. 1-2. A fragment of the Peoples of Crimea Exhibition. Russian Ethnographic Museum. 2025.
Photo by V. Nikolaeva.

Экспозиционеры Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника пошли по пути воссоздания интерьера конца XIX – начала XX в. Малой кенаса (караимского храма) «пещерного города» Чуфут-Кале во временной выставке «Религия крымских караимов» (2007-2025 гг.) (рис. 3). Изначально здесь были представлены богато орнаментированные алтарные занавеси и покрывала на аналои XVIII-XIX вв., детали мужского шарфа для молитвы XIX-XX вв. с золотым шитьем, подсвечники, молитвенники, ковры и пр.

Рис. 3-4. Реконструкция интерьера кенаса (2009) и тематическая экскурсия для крымских караимов (2012). Выставка «Религия крымских караимов». Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник.

Fig. 3-4. Reconstruction of the Kenas interior (2009) and a thematic tour for the Crimean Karaites (2012). Exhibition Religion of the Crimean Karaites. Bakhchisaray Historical, Cultural, and Archaeological Museum-Reserve.

Из-за отдаленности помещения, сезонности выставки и технических сложностей ежегодно проводились реэкспозиции, в результате которых аутентичные предметы заменялись муляжами. Тем не менее, проект пользовался успехом и позволял удовлетворить интерес посетителей. Несколько лет выставка устраивалась с привлечением представителей крымских караимов. На базе музейного интерьера проводились тематические экскурсии, научно-методические семинары, конференция (рис. 4).

Выставка «Религия крымских караимов» в Чуфут-Кале позволяла составить комплексное представление о пластической художественной культуре народа. Кроме предметов религиозного и бытового предназначения, демонстрировались изображения караимских храмов разных городов бывшей Российской империи (в том числе и не сохранившихся) и архитектура Большой и Малой кенаса. Дальнейший маршрут тематической экскурсии пролегал мимо старинных усадеб А. Фирковича и Чалбору для ознакомления с жилой архитектурой, а далее к кладбищу Балта-Тиймэз, где можно увидеть разнообразие форм и орнаментов надгробий.

Евпаторийский краеведческий музей погружает в эпоху XVIII-XIX вв. через фрагментарную реконструкцию интерьера жилой комнаты. В этом экспозиционном комплексе используются сундук, металлическая посуда, детали потолка и деревянные колонны веранды (рис. 5). Особенно впечатляют деревянные фигурные детали потолка с рельефным цветным орнаментом. В прошлом декоративные деревянные резные потолки украшали комнаты домов зажиточных крымских караимов. Сейчас такие потолки частично сохранились лишь в доме Бабовича (Евпатория) и Фирковича (Чуфут-Кале), недоступны к осмотру (рис. 6).

Рис. 5-6. Потолок, колонна и фрагмент интерьера караимского дома (Евпаторийский краеведческий музей, 2025 г.) и центр потолка усадьбы А. Фирковича (Чуфут-Кале, 2014).

Fig. 5-6. Ceiling, column, and interior fragment of a Karaite house (Yevpatoria Local History Museum, 2025) and the center of the ceiling of A. Firkovich's estate (Chufut-Kale, 2014).

В Евпаторийском краеведческом музее также воссоздана комната инициатора создания детского курорта в Евпатории крымского караима С. И. Черкеса. Однако она отражает городскую культуру начала XX в. и не несет национального колорита.

Применение ансамблевого метода, аттрактивного и эмоционального, позволило частично воссоздать в музейных комплексах интерьеры традиционного жилища в Феодосийском музее древностей, в комнате при Феодосийском национально-культурном обществе крымских

караимов «Мэхэбэтлик» (рис. 7), в Музее истории и этнографии крымских караимов им. С. Кушуль (Евпатория) (рис. 8) и в Музее истории, культуры и религии крымских караимов-тюрков им. Т. Ормели (Симферополь).

Энтузиасты народных музеев, созданных при национальных и религиозных организациях, продолжают работу по экспозиции караимской старины с элементами реконструкции интерьера, впервые выполненной Р. Исакович в Одессе в 1893 г. Выставка называлась «Караимская комната», рассказывала о народе и его художественной культуре на примере 42 изделий декоративно-прикладного искусства.

Кроме экскурсий, на базе экспозиций народных музеев проводятся мастер-классы, конкурсы, квесты, записываются короткие познавательные видео. Так, например, в музеях имени Т. Ормели и имени С. Кушуль можно ознакомиться с декоративно-прикладным искусством караимов и архитектурой кенаса. Особенно ценен комплекс кенаса в Евпатории, датируемый началом XIX в. Фонтаны для омовения, памятные плиты, залы Малой и Большой кенаса, формы беседки, колонн, дверей и прочих архитектурных деталей предсталяют информацию о художественных вкусах и предпочтениях караев разного времени.

Рис. 7-8. Фрагменты зала «Караимская слобода» Феодосийского музея древностей (2025 г. Фото О. Ткебучава) и экспозиции Музея истории и этнографии крымских караимов им. С. Кушуль (Евпатория, 2010 г.).

Fig. 7-8. Fragments of the Karaite settlement hall of the Feodosia Museum of Antiquities (2025. Photo by O. Tkebuchava) and the exposition of the S. Kushul Museum of History and Ethnography of the Crimean Karaims (Yevpatoria, 2010).

Реактуализации художественного наследия крымских караимов во многом способствовало развитие цифровых технологий. Музейные сайты позволяют детально рассмотреть экспонаты, даже не представленные в экспозиционных залах, что особенно важно удаленному посетителю. Так, Российский этнографический музей предоставляет информацию о 98 предметах караев. Крымский этнографический музей предлагает виртуальный тур по старой экспозиции, с «посещением» караимского комплекса. Бахчисарайский историко-культурный и археологический заповедник размещал на сайте виртуальную выставку «Крымские караимы». Евпаторийский краеведческий музей в экспозиции разместил терминал

«Волшебное зеркало истории», который позволяет увидеть оцифрованные предметы музейной коллекции в увеличенном виде, например, игольницу с караимской вышивкой начала XX в.

Следует особо отметить, что государственная культурная политика направлена на сохранение, развитие и популяризацию нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации, что способствует приобщению детей и молодежи к художественной культуре этносов. Так, во всероссийском фотоконкурсе «Мама и дети в национальных костюмах», организованном региональной общественной организацией «Интернациональный Союз Женщин» (г. Москва) при поддержке Федерального агентства по делам национальностей России, участвовали и вышли в финал в 2024 г. Анна и Мария Журочко с костюмом крымских караимов (рис. 9).

Рис. 9-10. Участники конкурсов А. и М. Журочко, А. Сидоренко (Мангуби) в костюмах крымских караимов.

Fig. 9-10. Contestants A. and M. Zhurochko, and A. Sidorenko (Mangubi) in Crimean Karaite costumes.

Принятие Федерального закона № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» повлекло создание Реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Крым. В результате проведенных исследований во главе с экспертами Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова в Реестр внесли праздник феодосийских караимов «Ага Думпа» и технологию изготовления традиционного блюда праздника «ступеч» (г. Феодосия), а также традицию заключения брачного договора «шетар» у крымских караимов (г. Евпатория), что существенно повысило интерес к караимскому художественному наследию.

Реактуализации этнической художественной культуры немало способствуют региональные крымские практики, иногда имеющие многолетнюю историю. Крымский конкурс красоты и национальной культуры «Крымская красавица» (г. Симферополь, с 2003 г.) включает фото- и видеосъемку, выставки, дегустации национальных блюд. Нередко видеосюжет, фотосессия и задания конкурса проводились в праздничных национальных

костюмах, в традиционных интерьерах, с привлечением предметов быта. В 2017 г., например, А. Сидоренко (Мангуби) представляла крымских караимов на официальном фотоснимке в праздничном караимском платье с кофеваркой в руках (рис. 10).

Активно знакомятся с традициями разных народов учащиеся крымских средних учебных заведений. На мероприятиях при демонстрации освоенного материала они воспроизводят ряд знаковых элементов культуры: костюм, музыку, кухню. В марте 2026 г. в Школе-гимназии № 10 им. Э.К. Покровского в Симферополе на Неделе, посвященной открытию Года единства народов России, ученики 6-В класса представляли крымских караимов под национальную музыку с демонстрацией металлической посуды, деревянных столиков, музыкальных инструментов и вышивки.

Ежегодно администрация Феодосии задействует национально-культурные автономии и другие общественные организации в мероприятиях города. В марте 2026 г. проведен Всекрымский смотр-конкурс любительского искусства «Ступени мастерства» с выставкой национальных костюмов и предметов быта (медная чаша для разведения хны, вышитые скатерти, салфетки, женские головные покрывала и шапочки *фесы*). Демонстрировавшиеся фесы были вышиты бисером в 2010-2020 гг. С.Б. Шерегене (рис. 11-13) по традиционным мотивам и переданы в национально-культурные объединения крымских караимов для использования (выставок, фотографий, посещений кенаса). Эти фесы наглядно демонстрируют путь реактуализации этнической художественной культуры.

Рис. 11-13. Фесы, вышитые С.Б. Шерегене.
Fig. 11-13. Fezzes embroidered by S. B. Sheregene.

Фесы продолжали носить крымские караимки даже после смены платья на европейское. Эти шапочки (а чаще расшитое бисером, жемчугом, золотой нитью навершие от них) сохранялись в некоторых семьях или попадали в музеи. Затем *фес* ушел из употребления на полвека и появился в 1990-е гг. на национальных праздниках, причем нередко в сочетании с современными юбками и джинсами. С.Б. Шерегене изучила старинные изделия и по их мотивам изготовила шапочки с использованием бисера. Её фесы демонстрируются в Музее им. Т. Ормели. В них участвует в национальных праздниках и фотографируется молодежь (рис. 14-15). Позже для нужд кенаса и упомянутого музея изготовили фесы Р. Кисир и А. Олерская. В некоторых образцах сохраняется форма, другие орнаментированы по мотивам известных старинных музейных образцов, третьи сохраняют технику исполнения. Таким образом происходит ретрансляция самих объектов, навыков, форм, приемов, техник производства, и их функционального предназначения.

Рис. 14-15. Крымские караимки в национальных костюмах на празднике Оракъ Тойу (Симферополь, 2023; Чуфут-Кале, 2010).

Fig. 14-15. Crimean Karaites in national costumes at the Orak Toyu festival (Simferopol, 2023; Chufut-kale, 2010).

Еще одним примером приобщения молодежи и детей к художественному наследию может служить Крымский конкурс художественного творчества, приуроченный к Году единства народов России. Участниками были представлены работы, отражающие культурное многообразие страны. Несколько произведений было посвящено образам представителей коренных народов Крыма. С. Пильщикова, учащаяся Крымского художественного училища им. Н. Самокиша, написала «Караимку» в фесе и головном покрывале (рис. 17). Караимов нарисовала в одноименном рисунке У. Портненко (Приморская детская художественная школа им. М.А. Волошина г. Феодосии). Художники и их педагоги сделали попытку показа этнической принадлежности людей через одежду, посуду, орнамент, для чего необходимо обращение к историческому художественному материалу и знание предмета.

Профессиональные художники, крымские караимы также не раз в XX в. обращались к образам караев в традиционной одежде в исторических интерьерах или ландшафтах (Б. Эгиз, С. Черкез и др.). Эта часть личных воспоминаний, выраженных в художественных произведениях, имела, кроме эстетического значения, задачу зафиксировать и передать близкое и родное, но уже уходящее или ушедшее. В ряде случаев Б. Эгиз, видимо, создавал картины для музея. Например, в «Караимской танцовщице» (1939 г.) детально воспроизводятся богатый интерьер старинной караимской комнаты, одежда и украшения танцующей девушки (рис. 16).

Рис. 16. Эгиз Б. «Танцовщица». 1939 г.
Литовский национальный музей.

Fig. 16. Agiz B. "Dancer". 1939. Lithuanian National Museum.

Рис. 17. С. Пильщикова «Караимка». 2026 г.

Fig. 17. S. Pilshchikova. "Karaite". 2026.

Изучению и возвращению в использование аналогов старинных изделий способствуют народные праздники, фестивали и другие мероприятия. На ежегодный праздник урожая Оракъ тойу, Дни памяти С.М. Шапшала, на другие собрания караи одевают праздничные, расшитые курточку, платье, фес, головное покрывало, ювелирные украшения.

Рис. 17-18. Е. Чайкина. «Караимочки». 2021 г.

Fig. 17-18. E. Chaikina. "Karaimochki". 2021

По мотивам декоративно-прикладного искусства оформлены национальная литература, бланки документов, грамоты, фотозоны, сувенирная продукция (рис. 20). К примеру, Г. Ефетов при разработке гербов национально-культурных организаций крымских караимов разного уровня за основу взял национальные символы – тамги (сээнэк и калкан) (рис. 19). Е. Чайкина использовала фигурки девочек в стилизованном национальном костюме с украшениями и кухонные предметы для оформления открыток и брошюр с рецептами национальной кухни (рис. 17-18).

Рис. 19. Герб Бахчисарайского общества крымских караимов, разработанный Г. Ефетовым. 2004 г.

Fig. 19. Coat of arms of the Bakhchisarai society of Crimean Karaites, designed by G. Efetov. 2004.

Рис. 20. Примеры оформления национальной литературы.

Fig. 20. Examples of national literature design.

В заключение отметим, что реактуализация художественного наследия необходима для предупреждения исчезновения этнокультуры крымских караимов в частности и сохранения этнокультурного разнообразия в целом. Пластическое художественное наследие крымских караимов проявляется в декоративно-прикладном искусстве и архитектуре, используется в выставочной и научной работе ряда музеев в самых разнообразных форматах: реконструкции, цифровые технологии, мастер-классы, образовательные и лекционные проекты, конкурсы и квесты. Реактуализации художественного наследия способствует государственная политика Российской Федерации и проекты местных администраций (фестивали, конкурсы, программы). Особенно ярко представлены такие элементы этнической культуры, как праздничный национальный костюм, орнаментика, вышивка, традиционное оформление ряда блюд, национальная символика.

Однако, несмотря на определенную возможность увидеть художественное наследие крымских караимов в музеях и на специальных ресурсах, оно представлено недостаточно, фрагментарно, разрозненно. Сведения о нем нередко недостоверны. Не хватает изображений и научно-популярной корректной информации, которая позволила бы выделить художественную этническую культуру крымских караимов, ее специфические характеристики и общие черты с другими крымскими этносами; связь с природной средой и национальными святынями; взаимосвязь с караимским вероисповеданием и с древним тюркским

представлением о мироустройстве. Улучшить ситуацию возможно, используя для реактуализации объединенные усилия специалистов (в число которых обязательно включить знатоков – крымских караимов, членов Научного совета Национально-культурной автономии крымских караимов Республики Крым), организаторов мультимедийных проектов (анимации, видеореконструкции, игры, виртуальные каталоги и пр.) и педагогов, которые расширят аудиторию просветительских проектов за счет детей в возрасте до 10 лет.

Литература

Арутюнов, С. А. (1989), *Народы и культуры: развитие и взаимодействие*, Наука, Москва. EDN: TATSXP

Бромлей, Ю. В. (1973), *Этнос и этнография*. Наука, Москва.

Давыдова, С. В. (2021), «Реактуализация традиционной культуры при изучении семантики белорусской вышивки на уроках декоративно-прикладного искусства», *Наука – образованию, производству, экономике*, Мат-лы 73-й Региональной науч.-практич. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11 марта 2021 г., Витебский гос. университет им. П.М. Машерова, Витебск, 370-371. EDN: UESSVK

Кимеева, Т. И. и Миненко, Г. Н. (2017), «Художественное этническое наследие и его смысловое поле», *Человек и культура*, 5, 13-21. EDN: ZXAPBP

Колчева, Э. М. (2015), «Понятие “культурный архетип” как инструментальный анализа национального искусства», *Знание. Понимание. Умение. Проблемы филологии, культурологии и искусствознания*, 1, 254-263. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.24; EDN: TRKXQJ

Чебоксаров, Н. Н. и Чебоксарова, И. А. (1985), *Народы, расы, культуры*, 2-е изд., испр. и доп. Наука, Москва.

Шонус, И. А. (2025), «К вопросу о необходимости реактуализации культурных практик греков Крыма», *Искусство и наука третьего тысячелетия*, Мат-лы XIII Междунар. науч.-творч. конф., Том 13, Симферополь, 71–74. EDN: GDSQXQ

References

Arutyunov, S. A. (1989), *Narody i kultury: razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and Cultures: Development and Interaction], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.). EDN: TATSXP

Bromley, Yu. V. (1973), *Etnos i etnografiya* [Ethnos and Ethnography], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Cheboksarov, N. N. and Cheboksarova, I. A. (1985), *Narody, rasy, kultury* [Peoples, Races, and Cultures], 2nd edition, revised and expanded, Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Davydova, S. V. (2021), "Re-actualization of Traditional Culture in the Study of the Semantics of Belarusian Embroidery in the Lessons of Decorative and Applied Arts", *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike* [Science for Education, Production, and the Economy], Proceedings of the 73rd Regional Scientific and Practical Conference, Vitebsk, March 11, 2021, Publishing House of Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus, 370-371 (in Russ.). EDN: UESSVK

Kimieva, T. I. and Minenko, G. N. (2017), "Artistic Ethnic Heritage and Its Semantic Field", *Man and Culture*, 5, 13-21 (in Russ.). EDN: ZXAPBP

Kolcheva, E. M. (2015), "The Concept of ‘Cultural Archetype’ as a Tool for Analyzing Ethno-National Art", *Knowledge. Understanding. Skill*, 1, 254-263 (in Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2015.1.24; EDN: TRKXQJ

Shonus, I. A. (2025), "On the Need to Re-actualize the Cultural Practices of the Greeks of Crimea", *Iskusstvo i nauka tretiego tysyacheletiya* [Art and science of the third millennium], Proceedings of the XIII International Scientific and Creative Conference, Vol. 13, Simferopol, Russia, 71-74 (in Russ.). EDN: GDSQXQ

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Норманская Анжела Викторовна, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии, культурологии и межкультурных коммуникаций, Крымский университет культуры, искусств и туризма, ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, 295017, Российская Федерация; *normanskaya.anzhela@yandex.ru*

Полканова Анна Юрьевна, старший научный сотрудник, Симферопольский художественный музей, ул. Долгоруковская, д. 35, г. Симферополь, 295000, Российская Федерация; *polkanovaa@mail.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Angela V. Normanskaya, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Interlingual Communications, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, 39 Kiyevskaya St., Simferopol, 295017, Russian Federation; *normanskaya.anzhela@yandex.ru*

Anna Yu. Polkanova, Senior Researcher, Simferopol Art Museum, 35 Dolgorukovskaya St., Simferopol, 295007, Russian Federation; *polkanovaa@mail.ru*

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 1(091) (470) «18»

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-6

Дикарева О. В.

Русские мыслители в письмах Н.Н. Страхова
Ю.Н. Говорухе-Отроку (опыт систематического обзора)

Образовательный комплекс "Лицей №3" имени С.П. Угаровой,
м-н Интернациональный, д. 1А, г. Старый Оскол, Белгородская область, 309530, Россия;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
Olesya-Dikareva2010@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается аналитический обзор писем Н.Н. Страхова, адресованных Ю.Н. Говорухе-Отроку. Тексты выявлены в порядке архивной работы с рукописным наследием Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока. Собрание писем Страхова – при том, что ответные письма Говорухи-Отрока неизвестны – позволяет уточнить некоторый диалогический минимум представлений философа о его современниках: Н.Я. Гроте, Г.Е. Струве, А.А. Козлове, С.Н. Трубецком, К.Н. Леонтьеве, В.В. Розанове, В.С. Соловьеве. Показывается, что установки «понимающего» философского общения, которые, можно полагать, разделяли Н.Н. Страхов и Ю.Н. Говоруха-Отрок, предполагали высокую эмоционально-оценочную интенсивность, смысловую взаимность. Анализируемые в статье письма могут служить одним из источников новых реконструкций интеллектуальной истории России XIX в.

Ключевые слова: русские мыслители; Н.Н. Страхов; Ю.Н. Говоруха-Отрок; герменевтика; эпистолярный образ; литературная критика

Для цитирования: Дикарева, О. В. (2026), «Русские мыслители в письмах Н.Н. Страхова Ю.Н. Говорухе-Отроку (опыт систематического обзора)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 177-191. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-6

O. V. Dikareva

Russian thinkers in the letters of N.N. Strakhov
to Y.N. Govorukha-Otrok (a systematic review)

S. P. Ugarova Lyceum No. 3 Educational Complex,
1A International Dist., Belgorod region, Stary Oskol, 309530, Russia;
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
Olesya-Dikareva2010@yandex.ru

Abstract. The article offers an analytical review of N.N. Strakhov's letters addressed to Yu.N. Govorukha-Otrok. The texts were discovered through archival work with the

manuscript legacy of N.N. Strakhov and Yu.N. Govorukha-Otrok. The collection of Strakhov's letters, while Govorukha-Otrok's reply letters are unknown, allows us to clarify a certain dialogical minimum of the philosopher's ideas about his contemporaries: N.Ya. Grote, G.E. Struve, A.A. Kozlov, S.N. Trubetskoy, K.N. Leontyev, V.V. Rozanov, V.S. Soloviev. It is shown that the attitudes of "understanding" philosophical communication which were supposedly shared by N.N. Strakhov and Yu.N. Govorukha-Otrok, presupposed semantic reciprocity. It was established that a characteristic feature of the texts under study is their high emotional intensity. The letters analyzed in this article could well serve as a source for new reconstructions of 19th-century Russian intellectual history.

Keywords: Russian thinkers; N.N. Strakhov; Yu.N. Govorukha-Otrok; hermeneutics; epistolary image; literary criticism

For citation: Dikareva, O. V. (2026), "Russian thinkers in the letters of N.N. Strakhov to Y.N. Govorukha-Otrok (a systematic review)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 177-191. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-6

Н.Н. Страхов, «настоящий энциклопедист» (Зеньковский, 2001: 392) и «всепонимающий философ» (Григорьев, 1999: 261) в русской интеллектуальной культуре XIX века – долговременный собеседник А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, И.С. Аксакова, Л.Н. Толстого, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьёва, В.В. Розанова, Ф.Э. Шперка и др. Один из самых неисследованных диалогических архивов Н.Н. Страхова – его переписка с Ю.Н. Говорухой-Отроком. Между тем, современниками Говоруха-Отрок воспринимался как «достойный друг, почитатель и единомышленник» Страхова (Введенский, 1896: 208), который, в свою очередь, высоко ценил критика, считая его очень хорошим человеком, «которого нужно поддерживать всячески» (Фет, 2011: 508). Е.Н. Мотовникова полагает, что Н.Н. Страхов был для Ю.Н. Говорухи-Отрока «одним из главных людей в жизни, поскольку непосредственно представлял в своем лице и "Время" и "Эпоху" Ф.М. Достоевского, и "органическую критику" Ап. Григорьева, и теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского – всех тех, кто внес основной вклад в перевоспитание бывшего народника-революционера в православного консерватора» (Мотовникова, 2015: 185).

Исследовательским центром «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» НИУ «БелГУ» (П.А. Ольховым, Л.Е. Кусковой и мной) был выявлен корпус писем Н.Н. Страхова Ю.Н. Говорухе-Отроку, пронизанных ощущением живого непрерывного общения, активно интересующего обоих корреспондентов. Характер этого эпистолярного диалога вполне можно представить как «развивающееся взаимоотноисследование», в котором «каждый индивидуально и открыт, и закрыт для другого» что делает письма «такими привлекательными и поучительными своей герменевтичностью» (Мотовникова, 2015: 184).

Рассуждения о мыслителях-современниках – одна из магистральных линий писем Н.Н. Страхова. Встречаются упоминания таких отечественных философов, как Н.Я. Грот, Г.Е. Струве, К.Н. Леонтьев, С.Н. Трубецкой, И.С. Аксаков, В.А. Грингмут, Л.А. Тихомиров, П.А. Каленов, Л.Е. Оболенский, А.А. Козлов, М.И. Каринский, А.И. Введенский. Пожалуй, самыми насыщенными в эмоциональном и познавательном-смысловом отношении являются заметки о Н.Я. Гроде, Г.Е. Струве, К.Н. Леонтьеве, С.Н. Трубецком и А.А. Козлове; в хронологическом порядке писем эти заметки можно представить следующим образом.

Николай Яковлевич Грот (1852–1899)

22 января 1891 г.: «Всю Вашу полемику с Гротом прочитал я внимательно. Конечно, Вы правы и по делом его осрамили. Вы правы и по вежливости, кроме разве замечания, что он чиновник, а не философ» (Письма Николая Николаевича Страхова..., 1891: Л. 4 об.).

Полемика между редактором журнала «Вопросы философии и психологии», философом-идеалистом, психологом, ординарным профессором Московского университета Н.Я. Гротом и Ю.Н. Говорухой-Отроком состоялась в первый год существования журнала (1889-1890), когда определялись принципы редакционной политики нового издания¹. Говоруха-Отрок посвятил «Вопросам философии и психологии» ряд статей².

В одной из них, приветствуя появление нового журнала, способного предложить русским читателям серьезную философскую литературу, требующую от них ответных интеллектуальных усилий, Говоруха-Отрок, убежденный в том, что журналы должны поднимать умственный и нравственный уровень общества, писал: «Нет уже того отрицательного и бессмысленно глумящегося отношения к философии, каковое было прежде. Таким образом, является почва, хотя и весьма сомнительная – почва индифферентизма, на которой философский журнал мало-помалу может "приучить" к себе читающую публику» (Говоруха-Отрок, 1889: 1).

Редакторская политика журнала, как считал Н.Я. Грот, должна заключаться в том, чтобы «дать выход всем наличным направлениям русской философской мысли, не стараясь обеспечить интерес какого-либо из них. Пусть каждое из них выскажется и разовьется полностью <...> Философия, стоявшая всегда на страже истинной свободы и гуманности, должна во главе символа "убеждений" своих поставить принципы *терпимости*». (Грот, 1886: 3). Как полагает А.А. Ермичев, «предложив принцип терпимости для философского журнала, Н.Я. Грот <...> первым сумел организовать философские направления, наличные на тот момент, в форму журнала – постоянно действующего социального института, привлечшего к себе внимание всего общества» (Ермичев, 2016: 117).

Говоруха-Отрок, как и Грот, надеялся, что работа журнала приведет к формированию национальной русской философии, настаивая при этом «на сознательном обращении редакции к славянофильской традиции, определяя конечной целью философского поиска создание православной метафизики, отвечающей исконным потребностям народной жизни <...> Однако Грот предоставил страницы своего журнала авторам-позитивистам, что было совершенно неприемлемо для его оппонента» (Ермичев, 2021: 123). Для Говорухи-Отрока русские последователи западноевропейских учений (позитивизма, материализма, дарвинизма, неокантианства) – «поверхностные и малодаровитые журналисты, начиная от П. Лаврова

¹ В письме Н.Н. Страхову от 22 сентября 1890 г. Н.Я. Грот замечает: «Вообще, теперь как редактор журнала, имея обширные сношения с людьми, я ясно вижу... какой Вавилон – наша общественная жизнь» (Письма Николая Яковлевича Грота..., 1887-1895: Л. 17 об.).

² Николаев Ю. (1889), «Несколько слов о философском журнале: (По поводу статьи проф. Грота "О новом философском журнале")», *Южный край*, 28-30 сент., 3002-3004; Николаев Ю. (1889), «Новый философский журнал: "Вопросы философии и психологии" под редакцией проф. Н.Я. Грота. Книга 1-я. М., 1889», *Московские ведомости*, 22 нояб., 323, 2-4; Николаев Ю. (1889), «Новый философский журнал: "Вопросы философии и психологии". Под редакцией профессора Н.Я. Грота», *Московские ведомости*, 23 нояб., 324, 3; Ю.Н. (1890), «Наши "уличные" философы: По поводу статьи Вл. Соловьева "Письмо к редактору". "Вопросы философии и психологии". Книга 5-я: <О заслугах Лесевича>», *Московские ведомости*, 17 нояб., 318, 6; Николаев Ю. (1890), «"Ученое простодушие" и "уличное" лукавство: По поводу русского перевода книги Ибервега-Гейнце "История новой философии"», *Московские ведомости*, 15 дек., 346, 3-5; Николаев Ю. (1890), «По поводу "Письма" Н.Я. Грота: <Об "уличной" философии>», *Московские ведомости*, 18 дек., 349, 4; Николаев Ю. (1891), «В чем же дело?: По поводу статьи Н.Я. Грота "Еще о задачах журнала". "Вопросы философии и психологии", год II. Книга 6-я», *Московские ведомости*, 12 янв., 12, 3-4; Николаев Ю. (1891), «Сила вещей: По поводу журнала "Вопросы философии и психологии"», *Московские ведомости*, 19 янв., 19, 3-4.

и кончая гг. Лесевичем и Михайловским», которые, угождая низким вкусам читающей публики, на страницах журналов рассказывают «сплетню о Спенсере или Дюринге, сплетню, никакого отношения ни к литературе, ни к философии, ни к науке не имеющую» (Говоруха-Отрок, 1890: 5). Деятельность «уличных философов» служит, по мысли Говорухи-Отрока, средством «для пропаганды литературного невежества» (Говоруха-Отрок, 1890: 4), а все написанное ими – «вздор» под личиной философии³. (Говоруха-Отрок, 1890: 5), поэтому авторы такого склада не должны, с точки зрения критика, печататься на страницах философского издания.

Говоруха-Отрок продолжает полемику с Гротом и в своей прозе. В рассказе «Господин Антихрист», опубликованном в № 354 «Московских ведомостей» за 1891 г. под псевдонимом Vox⁴, Говоруха-Отрок, иронически описывая «происшествие, превосходящее всякое вероятие», которое было ли «наяву или в галлюцинации», изображает встречу Антихриста с разными «либеральными писателями», среди которых и Н.Я. Грот, характеризующий себя так: «Я метафизик и без предрассудков. Лишь бы современно было!» (Говоруха-Отрок, 2012a: 734). «И вообще, – заключает господин Антихрист свое суждение о Гроте, – он выразил готовность оказывать содействие, то есть во имя альтруизма и гуманности...» (Там же). Говорухе-Отроку – человеку продуманного и твердого православного мировоззрения – гуманистическая, либеральная позиция Грота-редактора казалась неприемлемой.

Полемика между Н.Я. Гротом и Ю.Н. Говорухой-Отроком нашла отражение и в их эпистолярной переписке. Так, Н.Я. Грот в письме Н.Н. Страхову от 16 января 1891 г. замечает: «Вы, конечно, читали, какой ушат помоев вылил мне на голову Ю. Николаев в "Моск.<овских> Вед<омостях>". Вспоминаю о Сократе и переносу по-философски. Нынче роли перемешались. Консерваторы выучились у старых либералов их приемам литературной борьбы и которые практикуют их не менее успешно. Когда мы покончим с этой эпохой литературной грязи и пошлого шарлатанства! (Письма Николая Яковлевича Грота..., 1887-1895: Л. 25). В свою очередь Ю.Н. Говоруха-Отрок писал К.Н. Леонтьеву 2 апреля 1891 г.: «История моя с Гротом еще не кончилась. Вся компания этих сентиментальных и казен<н>окоштных философов, увидя, что бороться со мной в печати не так-то легко, как они думали, избрала иное оружие. Они распускают обо мне всевозможные сплетни с упорством и виртуозностью, достойными просто приятной и приятной во всех отношениях дамы. Ну и на здоровье» (Говоруха-Отрок, 2012d: 797).

Одобрительный отзыв на позицию Ю.Н. Говорухи-Отрока Н.Н. Страхов повторяет и в письме к В.В. Розанову от 30 января 1891 г.: «В полемике с Гротом он был очень хорош; одно только место в конце, где он назвал Грота чиновником – не совсем литературно. Впрочем, Грот, Бог знает, что понаписал» (Розанов, 1913: 264).

Убедительность Ю.Н. Говорухи-Отрока в состоявшейся полемике с Н.Я. Гротом А.А. Ермичев объясняет тем, что для критика «Московских ведомостей» она воспринималась как «эпизод всемирно исторической борьбы христианства с эвдемонистической идеей прогресса» (Ермичев, 2021: 123). При этом спор с Говорухой-Отроком не повлиял на редакторские стратегии Н.Я. Грота: в 1895 г., говоря о «Вопросах философии и психологии», он отстаивал право философской мысли на свободу: «Широкая терпимость и принцип полной свободы убеждений, поставленные в основу дела, принесли добрые плоды. Все, кто не хотел

³ Яркая сатирическая характеристика «уличные философы», вероятно, заимствована Говорухой-Отроком у М.Е. Салтыкова-Щедрина, отозвавшегося на роман И.А. Гончарова «Обрыв» весьма нашумевшей в образованном обществе статьей «Уличная философия: По поводу 6-й главы 5-й части романа "Обрыв"», которая была опубликована в шестом номере «Отечественных записок» за 1869 г.

⁴ «Vox clamantis in deserto» («Глас вопиющего в пустыне», Ис. 40:3, Мк 1:3) – известный латинско-библейский афоризм, который, можно полагать, был хорошо известен в круге общения Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока. – См. напр. (Ольхов, 2011: 79-80).

замыкаться в узкую философскую секту, имел доступ в журнал под условием известного уровня знаний и философского развития» (Грот, 1895: III).

Генрих Егорович Струве
(1840–1912)

9 марта 1891 г.: «Сейчас только я дописал ответ Струве в защиту своей рецензии на его книгу (в «Ж<урнал> М<инистерства> Нар<одного> Пр<освещения>» февраль). Этот спор явится в апрельской книге того же журнала. Меня поразило мое собственное спокойствие, с которым я написал три страницы ответа» (Письма Николая Николаевича Страхова..., 1891: Л. 8).

Н.Н. Страхов скептически относится к попыткам Г.Е. Струве, российско-польского философа, логика и психолога, дать представление о некоторой «основной науке философии», которую называет «философией философии» (Страхов, 1891: 389). «Знакомство с философией для него означает именно знакомство с различными нынешними учениями и тою философской литературой, которая появилась в последние годы» (Страхов, 1891: 391) – полагает Страхов, – книга Струве не решает вопросов, а представляет только «удобное подготовительное пособие для занятий разными вопросами» (Там же). «Вообще, подобное "подготовление" к занятиям философскими вопросами легко может повести к тому, что начинающий растеряется среди множества имен и ссылок и, ознакомившись с разными, так сказать, внешними обстоятельствами философии, – с книгами, терминами, именами, – не получит однако ни единого философского воззрения», – уверен Страхов (Страхов, 1891: 393). Итог размышлениям мыслителя обо всей книге Струве на примере разбора одной части таков: в ней «то же сопоставление различных мнений, такое же накопление исторических и библиографических указаний без определенного взгляда на вопросы. Нам кажется, что такое "подготовление к занятиям философией" может только рассеять внимание читателя и заслонить от него сущность дела» (Страхов, 1891: 397).

В апрельском номере «Журнала Министерства народного просвещения» вышли статьи Г.Е. Струве «Ответ Н.Н. Страхову» и Н.Н. Страхова «Заметка о предыдущем "Ответе"». Струве, считая, что в оценке Страховым его книги обнаруживаются «важные недосмотры и недоразумения» (Струве, 1891: 454), полагает, что ученый понял ее неточно, и продолжает настаивать на содержательности своей работы. Струве убежден, что его воззрения высказаны ясно и четко и образуют «"руководящее понятие", связывающее отдельные моменты <...> очерка из истории философии по вопросу ее отношения к естествознанию» (Струве, 1891: 460). В «Заметке о предыдущем "Ответе"» Страхов пишет, что в суждениях об идее книги Струве и ее основном приеме он не ошибся, поскольку на эти сужения «автор не делает никакого возражения» (Страхов, 1891: 460). Страхов, отметив, что мог бы сделать некоторые замечания насчет точности и определенности изложения, а также решительности суждений Струве, останавливается на главной мысли своего отзыва: «Нельзя получить никакого решения, если идти путем, который предлагает автор. Если вопрос не поставлен, как должно, и если не видно приема, которым он может быть разрешен, – то и решения не будет, а будет одна его видимость» (Страхов, 1891: 461). Оспаривает Страхов и установку Струве на источники: «искать точки опоры в современном состоянии философии мы не можем, если убедимся, что в сущности это состояние очень печально. Книгоделание, процветающее в Европе и начинающее процветать у нас, еще не свидетельствует об успехе, особенно в области философии. Популярность Гартмана или Спенсера не может доказывать процветания философской мысли» (Страхов, 1891: 462). Однако Страхов высказывает надежду, ссылаясь на возрождение интереса к Канту, что «философия со временем из нынешнего упадка опять подыметься на высоту, более соответствующую ее истинной природе» (Страхов, 1891: 462).

**Алексей Александрович Козлов
(1831–1901)**

Недатированное (вероятно, апрель 1891 г.): «Козлов пишет: "Главы эти написаны так прекрасно и сильно, что при чтении их местами просто дух захватывает от возбуждения чувств; но, к сожалению <...>" и пр. (он хочет сказать, что из них ничего не выходит). – Это Вы найдете в "Вопросах философии", кн. 7, стр. 97. Посмотрите, как это дико! Философ совершенно не может понять, отчего у него дух захватывает, тогда как в этом и весь вопрос и этим совершенно обращаются в ничто все его рассуждения о неточностях, противоречиях и т. д.» (Письма Николая Николаевича Страхова..., 1891: Л. 5 об).

А.А. Козлов – русский философ, представитель метафизического персонализма, профессор Киевского университета, издатель первых отечественных философских журналов («Философский трёхмесячник», «Своё слово»). А.А. Козлов, стремясь определить основные задачи философии, ее предмет, предлагает считать предметом философии общее, причем этим общим является для него «мир как целое». Помимо сочинений, связанных с философской проблематикой, мыслитель отзывался и на художественные произведения, в том числе Л.Н. Толстого. В мартовском номере «Вопросов философии и психологии» за 1891 г. вышла обширная статья А.А. Козлова «Письма о книге гр. Л.Н. Толстого «О жизни» (Письмо десятое. От автора к г. NN)», цитату из которой Страхов приводит в письме к Говорухе-Отроку. В частности, А.А. Козлов пишет: «Но, однако, в книге "О жизни" есть несколько глав, в которых гр. Толстой специально и прямо занимается определением того, что нужно разуместь под нашим "я". Прежде всего я должен вам сказать, что главы эти написаны так *прекрасно и сильно*, что при чтении их местами просто дух захватывает от возбуждения чувств; но, к сожалению, должен я прибавить, что, несмотря на глубину и истину тех или других *отдельных* положений, все-таки в целом содержание этих глав не дает твердой почвы для удовлетворительного решения поставленного мною вопроса и, в конце концов возбуждает чувства разочарования и сомнения. Вы помните, что в этих главах гр. Толстой, отстаивая свой, по-моему, ошибочный тезис: "смерти нет", доказывает, что наше "я" не есть *ни* вещественно наше *тело*, *ни* непосредственное, непространственное наше *сознание*. Почему так? Потому что, думает он, вещественное тело наше не есть нечто тождественное, а непрерывно *течет* и постоянно *изменяется* в своих состояниях. Если же оно и признается нами одним и тем же, то только на основании постоянно пребывающего и соединенного с ним нашего невещественного сознания» (Козлов, 1891: 97).

Суждения А.А. Козлова о Л.Н. Толстом отрицательно оценивались Н.Н. Страховым. Позднее, в письме Толстому от 16 июня 1895 г., он сообщает о реакции читателей на появление рассказа «Хозяин и работник»: «Вы недавно могли видеть, что значит появление Вашего рассказа. Настоящий праздник в Русской Литературе! Успех, какого до сих пор не имел у нас ни один известный писатель. И начали Вас судить так строго, как никого не судили. Забавные оценщики! Самая глупая статья, по-моему, – Козлова в «Вопросах». Ведь как тупы люди! Наверное, самые простые читатели поняли *ужас* Вас[илия] Андреича, а присяжные критики и философы и перед этим ужасом останавливаются, как корова перед новыми воротами. Что касается до смерти, то, очевидно, никакого представления о ней не может образоваться в этих головах, как будто они пятилетние ребята» (Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова, 2023, II, 2: 506).

В статье А.А. Козлова «Анализ последнего произведения гр. Л.Н. Толстого "Хозяин и работник"», о которой Страхов сообщает писателю, Козлов пишет: «За *внешней фабулой* прикрывается незаметно воплощающаяся в сочинении *мистерия*, содержание которой не имеет никакой внутренней связи с поездкой Брежунова, метелью и проч., и состоит в том, что неправедно живший *грешник* перед концом жизни чудесно покаялся, любовно *отождествил* себя с презираемым им человеком и, совершивши это дело любви, тотчас же замерз и умер,

так как ему на этом свете ничего не оставалось делать после этого исполненного им акта любви, которая есть, по религии гр. Толстого, *единственное наше назначение в жизни*» (Козлов, 1895: 327). Как полагает А.А. Козлов, художественные образы в рассказе «не составляют *единого неразрывного целого*, а существуют в отдельности» (Козлов, 1895: 328). Сущность всего произведения гр. Толстого заключается в развязке, которая, по мысли рецензента, «конечно же, была изобретена раньше всего и взята из области религиозно-моральной, а потом уже к ней подбиралась завязка из области эстетической» (Козлов, 1895: 329).

Ю.Н. Говоруха-Отрок в своих печатных выступлениях, напротив, благожелательно отзывается о профессоре А.А. Козлове, подчеркивая православные основания его телеологизма и близость к славянофилам. Козлова, по мнению критика, «как и всех русских людей, желавших самостоятельно мыслить и чувствовать, не подчиняясь веяниям минуты и журнальной указке, в нашей журналистике "замалчивали" или вышучивали с хохотом, с визгом, с циничным глумлением, по обыкновению» (Говоруха-Отрок, 2012с: 257), вследствие чего философу пришлось пережить «многие годы умственного и нравственного одиночества» (Там же). Отзываясь на издаваемый А.А. Козловым с 1888 года сборник «Своё слово», Говоруха-Отрок замечает: «Иные мысли, с которыми мы здесь встретимся, если не новы, то очень оригинально высказаны и освещают вопрос с некоторых очень любопытных сторон» (Говоруха-Отрок, 2012е: 698). Характеризуя Козлова как философа, Говоруха-Отрок считает, что он «пришел к сознанию необходимости, приняв западноевропейское философское наследие, отнестись к нему критически и создать *свою философию*» (Говоруха-Отрок, 2012с: 263).

Сергей Николаевич Трубецкой
(1862–1905)

Константин Николаевич Леонтьев
(1831–1891)

8 октября 1892 г.: «*Но возьмите октябрь<ьский> "Вестн<ик> Европы" – вот Вам пища. Сергей Трубецкой написал об К.Н. Леонтьеве. Они все стараются похоронить славянофильство, и потому не просто нападают на Леонтьева, у которого и по-моему много недостатков, но ставят эти недостатки на счет славянофильству. Жаль только, что очень дурно это доказывают, вместо выводов – одни громкие фразы. Теперь, Вы увидите, славянофильство уже убито, а наступило поклонение вселенской правде и вселенскому единению. Московские пророки провозглашают, что человечество при помощи либерализма и социализма скоро все уравниется и сольется в одно государство. Но на этом дело не остановится, произойдет огромный переворот и водворится теократия. Словом, что-нибудь в этом вселенском роде.*

Обидела меня одна фраза: «Данилевский – славянофил в зоологии...» Что это значит? Его исследования по рыболовству, его борьба с филлоксерою, его дарвинизм – ужели все это может быть предметом шутки и подсмеивания? Сергей Трубецкой – очень образованный и много понимающий человек, но и он заряжен московским велеречьем и острословием, которого я терпеть не могу, – и которое может испортить самое прекрасное дело, – нить, которая не дает доходить до дела, а довольствуется словами» (Письма Николая Николаевича Страхова..., 1892-1893: Л. 8).

25 октября 1892 г. «*Забыл поблагодарить Вас за статью о Трубецком. Очень доказательно!*» (Письма Николая Николаевича Страхова..., 1892-1893: Л. 10).

С.Н. Трубецкой – русский религиозный философ, публицист и общественный деятель, профессор Императорского Московского университета. Его статья «Разочарованный славянофил: Восток, Россия и славянство, сборник статей К. Леонтьева» (Трубецкой, 1892)

вызвала полемику: на нее откликнулись Ю.Н. Говоруха-Отрок (Говоруха-Отрок, 2012b), Л.А. Тихомиров (Тихомиров, 1892), позднее А.А. Киреев (Киреев, 1912). Трубецкой ответил своим оппонентам статьей «Противоречия нашей культуры» (Трубецкой, 1907).

В работе, появившейся спустя год после смерти К.Н. Леонтьева, С.Н. Трубецкой характеризует мыслителя как «разочарованного славянофила, пессимиста славянофильства» (Трубецкой, 1892: 772), который «значительно оригинальнее» по таланту Н.Я. Данилевского. В сочинениях Леонтьева, соединяющих «страсть к парадоксу» и «ученическую откровенность своей проповеди» (Трубецкой, 1892: 772), Трубецкой видит «убежденную и продуманную апологию реакции» (Трубецкой, 1892: 772). Леонтьев, по мысли Трубецкого, «не верил в историю и прогресс, не верил в человечество» (Трубецкой, 1892: 774). В целом же сочинения Леонтьева – это последнее слово славянофильства» (Трубецкой, 1892: 772). «Такого глубокого неверия в Россию, такого разочарования в ней мы стали бы напрасно искать у многих крайних западников: по крайней мере никто из них не выразил его так наглядно, никто не пророчил, а главное не *желал* для России столь постыдного конца» (Трубецкой, 1892: 802).

Говоруха-Отрок отозвался на статью С.Н. Трубецкого критикой, вызвавшей благожелательный отклик Н.Н. Страхова. Автора статьи Говоруха-Отрок характеризует как «покорного, но не весьма понятливого ученика <...> Вл. Соловьева» (Говоруха-Отрок, 2012b: 191). Для Говорухи-Отрока «многозначителен тот факт, что заговорили о К.Н. Леонтьеве в журнале, где систематически замалчивалась деятельность этого, по признанию самого <...> князя Трубецкого, выдающегося и оригинального писателя» (Говоруха-Отрок, 2012b: 191). Статья Трубецкого, по мысли Говорухи-Отрока, не является критикой, поскольку «не хочет раскрыть сущность и смысл воззрений Леонтьева» (Говоруха-Отрок, 2012b: 192), а просто «желает дискредитировать эти воззрения в глазах читающей толпы» (Там же).

«Для достижения этой цели он, "философ", унижается до жаргона уличных листков, называя Леонтьева проповедником "мракобесия", а каких-то не названных им писателей "перекувыркнувшимися" (?) террористами» (Говоруха-Отрок, 2012b: 192). Так, Трубецкой пишет, что Леонтьев «одним из первых писателей <...> пустил в ход <...> ложные толкования церковного учения о страхе Божиим, то особого рода христианство "железной рукавицы", которое пришлось по вкусу нынешним перекувыркнувшимся террористам и, к сожалению, проповедуются не одними газетами консервативного направления. Фарисеи, купившие Христа за тридцать сребреников, чтобы предать Его в руки игемона, они не различают "страх иудейский" от "страха Божия", священный трепет верующего и любящего сердца – от трепета бесовского» (Трубецкой, 1892: 804). Весьма вероятно, эту уничижительную характеристику Говоруха-Отрок воспринимает как адресованную в том числе и себе лично⁵.

⁵ Мировоззренческий поворот Говорухи-Отрока, отказавшегося от идеологии либерального народничества в пользу религиозного консерватизма, обусловил перемену в его установках литературно-философского анализа – переход на позиции вечных истин христианства и «почвеннического» здравого смысла, аналитических стратегий «органической критики» А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова. Такой переход, который кн. В.П. Мещерский описал как превращение «из Савла в Павла» (Мещерский, 1896: 368), некоторыми современниками Говорухи-Отрока, в особенности его бывшими единомышленниками, был воспринят крайне негативно: его называли «ренегат», «отступник». И.И. Ясинский, писатель, журналист, критик и издатель, говоря о фельетонах Говорухи-Отрока о творчестве В.Г. Короленко, характеризует критика как «бывшего социалиста, и, по-видимому, искреннего ренегата, наподобие Тихомирова». (Ясинский, 1926: 140). Сам В.Г. Короленко, творчеству которого Ю.Н. Говоруха-Отрок посвятил критический этюд, где дал высокую оценку его произведениям, при этом выразив надежду на то, что писатель «когда-нибудь решительно отделается от сентиментальности, доктринёрства и резонёрства» (Говоруха-Отрок, 1893: 22), называет эти характеристики «чрезвычайно лестными», при этом сам подход Говорухи-Отрока к анализу его произведений писатель сравнивает с «прокрустовым ложем, в которое он меня усиленно старается втиснуть» (Короленко, 1930: 37). Говоруху-Отрока и Тихомирова как сотрудников «Московских ведомостей» Короленко определяет как «клику Страстного бульвара» (Короленко, 1930: 36). На предложение стать сотрудником издания Короленко отвечает отказом: «я отклонил этот призыв к сослужению соборне с гг. Тихомировым и Ю. Николаевым» (Короленко, 1930: 37). Оценка Говорухи-Отрока как ренегата

Характеризуя стиль Трубецкого, Говоруха-Отрок заключает: «Вульгарные слова, вульгарные обороты речи свидетельствуют о вульгарности в самых мыслях писателя, их употребившего» (Говоруха-Отрок, 2012b: 192). Так, оценивая воззрения Леонтьева и его последователей, Трубецкой использует такие выражения: «некоторые газеты известного направления селятся доставить ему лавры» (Трубецкой, 1892: 772), «циническая откровенность проповеди» (Трубецкой, 1892: 772), «проповедь реакции и мракобесия» (Трубецкой, 1892: 772), «убежденная и продуманная политическая апология реакции» (Трубецкой, 1892: 773), «полное отсутствие веры в самобытность русского духа» (Трубецкой, 1892: 773), «глубокая ненависть к "гнилому" Западу и его культуре» (Трубецкой, 1892: 774), «саморазложение славянофильского учения» (Трубецкой, 1892: 775), «безнравственные воззрения нынешнего газетного славянофильства» (Трубецкой, 1892: 782), «перекувыркнувшийся реакционный нигилизм нашей прессы» (Трубецкой, 1892: 782), «односложное и сбивчивое» учение (Трубецкой, 1892: 784), «отчаянная борьба ... против всего, что называется цивилизацией» (Трубецкой, 1892: 783), «"патриотические" консерваторы» (Трубецкой, 1892: 787), «наш обскурантизм» (Трубецкой, 1892: 794), «наши ложные консерваторы» (Трубецкой, 1892: 794), «полная путаница понятий» (Трубецкой, 1892: 796), «безнадежная политическая программа» (Трубецкой, 1892: 797), «абсурд логики ложных мыслей» (Трубецкой, 1892: 802), «взывал к насилию и реакции» (Трубецкой, 1892: 803), «обскурантизм и крепостничество» (Трубецкой, 1892: 803) и т. п.

Критик подробно останавливается на словах Трубецкого о Данилевском, которые так возмутили Страхова, о чем он написал Говорухе-Отроку 8 октября 1892 г. «Как Данилевский – этот славянофил в зоологии и зоолог в славянофильстве, – Леонтьев, считающий себя его учеником и последователем, столь же чужд настоящего исторического образования и еще более философского понимания истории» (Трубецкой, 1892: 797). В этом суждении Говоруха-Отрок, как и Страхов, не видит «никакого острословия и никакого смысла» (Говоруха-Отрок, 2012b: 193). Вторя страховскому определению, данному в переписке, Говоруха-Отрок заключает: «эта фраза <...> есть только плод московского клубного острословия и велеречия» (Там же). По мысли Говорухи-Отрока, Трубецкой использует эту не имеющую никакого смысла фразу, только чтобы «дать готовую формулу разным глупцам, которые бессмысленно станут повторять, что Данилевский был "славянофил в зоологии и зоолог в славянофильстве"» (Там же).

Говоруха-Отрок замечает, что свои суждения Трубецкой «даже не пытается доказать <...> а ограничивается голословным утверждением, ничем его не подкрепляя» (Там же). Это относится к утверждению Трубецкого о том, что Леонтьев «был чужд философского понимания истории» (Говоруха-Отрок, 2012b: 194), а также в своих сочинениях представил «апофеоз "варварства" и "грубости"» (Говоруха-Отрок, 2012b: 196). Свое мнение об ошибочности суждений Трубецкого Говоруха-Отрок подкрепляет обширными ссылками из работ Леонтьева. Рассуждая над определением «разочарованный славянофил», данным Леонтьеву Трубецким, Говоруха-Отрок заключает: «Леонтьев разочаровался в идее европейского, как он выражался, эгалитарного прогресса, он разочаровался в европейском демократическом движении, он разочаровался, наконец, в мечтаниях о будущем, уже окончательном, устройстве человечества, которое приведет к общему благополучию, разочаровался и в демократических, и в теократических мечтах о таком устройстве, – но он не разочаровался в идее православия, он не разочаровался в Церкви, и вот почему назвать его "разочарованным славянофилом" можно лишь по странному недоразумению, или вследствие совершенного непонимания как сущности славянофильства, так и сущности воззрений

впоследствии закрепились в советской научной мысли: «участник движения 1970-х гг., потом ренегат» (Итенберг, 1965: 341).

Леонтьева» (Говоруха-Отрок, 2012b: 205). Леонтьева, как считает Говоруха-Отрок, можно назвать «последним славянофилом», но не «разочарованным» (Говоруха-Отрок, 2012b: 206). «Точка зрения Трубецкого упрощенная, с нее нельзя толковать такое сложное и оригинальное явление, как К.Н. Леонтьев» (Говоруха-Отрок, 2012b: 208), – заключает Говоруха-Отрок.

Отдельного размышления и подробного комментирования заслуживают упоминания в письмах Н.Н. Страхова Ю.Н. Говорухе-Отроку В.В. Розанова и В.С. Соловьева – важных собеседников для обоих мыслителей, входивших в их «сферу разговора». Исследование этих упоминаний в силу их полноты и многозначительности следует предпринять особым образом; предварительно здесь полагаю уместным указать на следующее.

Образ Розанова нередко возникает на страницах писем Страхова Говорухе-Отроку, включая последнее (письма от 21 февраля 1891 г.; 9 марта 1891 г.; 22 апреля 1892 г.; 8 октября 1892 г.; 25 октября 1892 г.; 10 декабря 1895 г.; 18 января 1896 г.). Характеристику личности философа Страхов дает в двух из них. В письме от 21 февраля 1891 г. замечает: *«Василий Васильевич Розанов приезжал в Петербург со мной познакомиться; он человек очень даровитый и милый, но несколько болезненный. У него недостает чутья к комическому, он слишком сентиментален, работает порывами, не владеет собою»* (Письма Николая Николаевича Страхова..., 1891: Л. 5).

Гораздо позднее, в письме от 10 декабря 1895 г. Страхов, благодаря Говорухе-Отроку за поклон, переданный с Розановым, характеризует последнего так: *«Розанов мил по-прежнему и по-прежнему увлекается. Теперь уже он проповедывает терпимость и кается в фанатизме, с которым писал о Толстом»* (Письма Николая Николаевича Страхова..., 1894-1896: Л. 10). И в последнем страховском письме от 18 января 1896 г. тоже есть упоминание Розанова: *«Письмо Ваше пришло при Розанове, и он тут же читал его и нашел для себя поучительным»* (Письма Николая Николаевича Страхова..., 1894-1896: Л. 12).

В.В. Розанов часто навещал Н.Н. Страхова в последние дни его жизни, о чем оставил воспоминания, объединив их впоследствии с воспоминаниями о Ю.Н. Говорухе-Отроке (Розанов, 1913: 455-531). Книга «Литературные изгнанники» (1913) занимает особое место в творчестве писателя, и, как считает В.А. Фатеев, появилась во время растущего признания Розанова не случайно. По мысли исследователя, «у В.В. Розанова была очень хорошая черта: у него болела душа за другого человека <...> Болела душа еще и потому, что в жизни нигилизм как-то всё брал верх, а те мыслители, которые пытались приостановить его торжествующий ход, умирали в безвестности» (Фатеев, 2015: 176). В.В. Розанов надеялся, что его собственный успех будет способствовать и возвращению интереса у русских читателей к литературно-философскому творчеству уже забытых к середине 1910-х годов близких ему мыслителей «понимающего» склада, в том числе Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока. Пытаясь восстановить память «литературных изгнанников», Розанов ориентировался на опыт Страхова, который, несмотря на трудности, издавал и популяризировал сочинения А.А. Григорьева и Н.Я. Данилевского. В.В. Розанов писал об этом так: «Что это, неужели я буду "читаем" (успех "Уединенного")? То только, что "со мной" будут читаемы, останутся в памяти и получают какой-то там "успех" (может быть ненужный) Страхов, Леонтьев, Говоруха-Отрок (не издан); может быть, Флоренский и Рцы. Для самого – не надо, и может быть, не следует» (Розанов, 2010: 136).

В.С. Соловьев был одним из тех современников Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока, с кем они были лично знакомы и полемизировали на страницах отечественной периодики. Личность Соловьева и особенности стиля его мышления Страхов метафорически охарактеризовал в письме Говорухе-Отроку от 21 февраля 1891 г. так: *«Да он весь путаница, и был путаницей от самого начала. Очень избалован, очень симпатичен, наивно-лукав, но пустоцвет совершенный»* (Письма Николая Николаевича Страхова..., 1891: Л. 5 об.),

продолжив характеристику в письме от 9 марта 1891 г.: «*Логика у него нет никакой, а есть талантливость, большой круг понятий и речистость. Но он постоянно (то, что называется) плетет*» (Там же: Л. 8)⁶.

Следует заметить, что несмотря на ожесточенный характер полемик между Н.Н. Страховым, В.С. Соловьевым и Ю.Н. Говорухой-Отроком, между мыслителями сохранялись личные, видимо, приятельские отношения, о чем свидетельствует эпистолярный современников. Так, в письме А.А. Фета В.С. Соловьеву от 8 июля 1892 г. Фет с огорчением пишет, что от Юрия Николаевича он узнал об изменении планов Соловьева приехать в Воробьевку. Далее Фет пишет: «Уступаю перо более опытной руке и дружески жму Вам руку. Ваш старый А. Шеншин». Приписку к письму делает Говоруха-Отрок, внося «два слова к нашему разговору о церкви идеальной и реальной», замечая: «для всякого верующего в церковь идеальную тем самым она становится реальной, хотя и не заключенной в ведомую форму, т<аким> об<разом>, есть только одна действительно существующая церковь – идеальная. Благодать, сообщаемая помазанием Царя, действительна, потому что, будь Царь верующий или нет, добрый или злой, он не отрекается от Христа. Если он в душе верующий, то благодать только будет иметь отрицательное действие. Неверующий же деятель прямо отрекается от Христа и жизнью, и делом, и словом. Вот почему Ваш пример неудачен», подписываясь «Ваш Юрий» (Фет, 1892: 326). Уже через два дня, 10 июля 1892 г., Фет пишет Соловьеву следующее письмо, в котором повторяет свое приглашение погостить в Воробьевке: «мы все ждем Вас ежедневно с распростертыми объятиями к Юрию Николаевичу во флигель» (Фет, 1892: 326-327).

***

Размышления о мыслителях-современниках, высказанные Н.Н. Страховым в письмах Ю.Н. Говорухе-Отроку, показывают, насколько философ был заинтересован в ответном слове своего собеседника, внимателен к его размышлениям. Установки на свободное мышление, открытость, самостоятельность, стремление непредвзято понять другого – такие герменевтические по своей сути стратегии были свойственны и Н.Н. Страхову, и Ю.Н. Говорухе-Отроку.

Источники

Письма Николая Николаевича Страхова Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. [Рукопись] ч. 2. СПб., 1891, ОР РГБ, Ф. 178. Оп. 1. № 9631. Ед. хр. 2. 20 л.

Письма Николая Николаевича Страхова Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. [Рукопись] ч. 3. СПб., 1892-1893, ОР РГБ, Ф. 178. Оп. 1. № 9631. Ед. хр. 3. 14 л.

Письма Николая Николаевича Страхова Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. [Рукопись] ч. 4. СПб., 1894-1896, ОР РГБ, Ф. 178. Оп. 1. № 9631. Ед. хр. 4. 13 л.

Письма Николая Николаевича Страхова Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. [Рукопись] 24 сентября – 22 октября 1893, РГАЛИ, Ф. 1159. Оп. 2. Ед. хр. 2. 3 л.

Письма Николая Яковлевича Грота Николаю Николаевичу Страхову. [Рукопись] 1887-1895, ОР РНБ, Ф. 747. Ед. хр. 13. 70 л.

⁶ Эта страховская характеристика стиля мышления В.С. Соловьева перекликается с характеристикой, данной Н.Я. Гротом в письме К.Н. Победоносцеву от 5 ноября 1891 г., где он отмечает «некоторую отвлеченность его полубогословских полумифологических формул» (Победоносцев, 1923: 956).

Литература

- Введенский, А. И. (1896), «Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока [Ю. Николаева]», *Богословский вестник*, 3(8), 208–212.
- Говоруха-Отрок, Ю. Н. (Ю. Николаев) (2012a), «Господин Антихрист», *Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: Том I*, Росток, Санкт-Петербург, 728–738.
- Говоруха-Отрок, Ю. Н. (Ю. Николаев) (1889), «Несколько слов о философском журнале: По поводу статьи проф. Грота “О новом философском журнале”», *Южный край*, 28 сент., 3002, 1.
- Говоруха-Отрок, Ю. Н. (Ю. Николаев) (2012b), «Новый критик славянофильства. “Разочарованный славянофил”, статья князя С.Н. Трубецкого», *Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: Том II*, Росток, Санкт-Петербург, 191–208.
- Говоруха-Отрок, Ю. Н. (Ю. Николаев) (2012c), «Новый философский журнал “Вопросы философии и психологии”. Под редакцией профессора Н.Я. Грота», *Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: Том II*, Росток, Санкт-Петербург, 248–277.
- Говоруха-Отрок, Ю. Н. (Ю. Николаев) (1893), *Очерки современной беллетристики. В.Г. Короленко*, Университетская типография, Москва.
- Говоруха-Отрок, Ю. Н. (Ю. Николаев) (2012d), «Письмо К.Н. Леонтьеву от 2 апреля 1891 г.», *Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: Том I*, Росток, Санкт-Петербург, 797.
- Говоруха-Отрок, Ю. Н. (Ю. Николаев) (2012e), «Православие и католицизм. По поводу философско-литературного сборника “Свое слово”, издаваемого проф. А.А. Козловым», *Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: Том II*, Росток, Санкт-Петербург, 698–709.
- Говоруха-Отрок, Ю. Н. (Ю. Николаев) (1890), «“Ученое простодушие” и “уличное” лукавство: По поводу русского перевода книги Ибвергега-Гейнце “История новой философии”», *Московские ведомости*, 15 дек., 346, 3–5.
- Григорьев, Ап. А. (1999), *Письма*, Наука, Москва.
- Грот, Н. Я. (1886), «К вопросу о философском журнале», *Русские ведомости*, Москва, 16 ноября, 315, 3.
- Грот, Н. Я. (1895), «К читателям», *Вопросы философии и психологии*, 30(V), I–IV.
- Ермищев, А. А. (2021), «Идеолог Ю.Н. Говоруха-Отрок и философ Н.Я. Грот: полемика 1890–1891 гг.», *Вопросы философии*, 11, 123–137. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-11-123-137; EDN: ВТРJNH
- Ермищев, А. А. (2016), «Первый год журнала “Вопросы философии и психологии” (ноябрь 1889 г. – январь 1891 г.)», *Вопросы философии*, 2, 113–126. EDN: VVNJMN
- Зеньковский, В. В. (2001), *История русской философии*, Академический Проект, Раритет, Москва.
- Итенберг, Б. С. (1965), *Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в.*, Наука, Москва.
- Киреев, А. А. (1912), «Наши противники и наши союзники», *Сочинения в 2 т. Т. 2*, издание А. С. Суворина, Санкт-Петербург, 149–158.
- Козлов, А. А. (1895), «Анализ последнего произведения гр. Л.Н. Толстого: “Хозяин и работник”», *Вопросы философии и психологии*, май, 28, 313–330.
- Козлов, А. А. (1891), «Письма о книге гр. Л.Н. Толстого “О жизни” (Письмо десятое. От автора к г. NN) (продолжение)», *Вопросы философии и психологии*, март, 7, 69–102.
- Короленко, В. Г. (1930), *Письма к П.С. Ивановской*, Изд-во политкаторжан, Москва.
- Мещерский, В. П. (1896), «Памяти Ю.Н. Говорухи-Отрока», *Русское обозрение*, XLI, 368–369.
- Мотовникова, Е. Н. (2015), «Н.Н. Страхов и его ученики: герменевтические установки общения», *Теория и практика общественного развития*, 10, 184–187. EDN: UBEZWR
- Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т.* (2023), сост. Л.В. Калужная, Т.Г. Никифорова, В.А. Фатеев, В.Ю. Шведов. Изд-во «Пушкинский Дом», Санкт-Петербург.
- К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки* (1923), Том 1, полутом 2, Гос. изд-во, Москва; Петроград.

- Розанов, В. В. (2010), *Листва. Уединенное. Опавшие листья*, Республика, Москва; Росток, Санкт-Петербург.
- Розанов, В. В. (1913), *Литературные изгнанники*, Санкт-Петербург.
- Салтыков-Щедрин, М. Е. (1970), *Собрание сочинений в двадцати томах. Том 9. Критика и публицистика (1868–1883)*, Художественная литература, Москва.
- Страхов, Н. Н. (1891), «Введение в философию Генриха Струве. Варшава, 1890», *Журнал Министерства народного просвещения*, 2, 389–397.
- Страхов, Н. Н. (1891), «Заметка о предыдущем “Ответе”», *Журнал Министерства народного просвещения*, 4, 460–462.
- Струве, Г. Е. (1891), «Ответ Страхову», *Журнал Министерства народного просвещения*, 4, 454–460.
- Тихомиров, Л. А. (1892), «Славянофилы и западники в современных отголосках», *Русское обозрение*, 10 [Электронный ресурс] URL: <https://samoderjavie.ru/node/551> (дата обращения: 12.05.2026)
- Трубецкой, С. Н. (1907), «Противоречия нашей культуры», *Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. I*, тип. Г. Лисснера и Д. Собко, Москва, 212–229.
- Трубецкой, С. Н. (1892), «Разочарованный славянофил: Восток, Россия и славянство, сборник статей К. Леонтьева – Т. I и II. М., 1885–86; К. Леонтьев. Национальная политика, как орудие всемирной революции», *Вестник Европы*, Октябрь, Кн. 10, 772–810.
- Ольхов, П. А. (2011), *Диалог и История: Экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX–XXI вв.*, Научная книга, Москва. EDN: QXECQD
- Фатеев, В. А. (2015), «Борьба В.В. Розанова за репутации и наследие “литературных изгнанников”», *Христианское чтение*, 3, 163–182. EDN: ULHCCR
- Фет, А. А. (2011), «Переписка с Н.Н. Страховым (1877–1892)», *А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. Кн. 2*, отв. ред. Т.Г. Динесман, ИМЛИ РАН, Москва, 233–550.
- Фет, А. А. (1982), *Сочинения в 2 т.: Т. 2*, Художественная литература, Москва.
- Ясинский, И. И. (1926), *Роман моей жизни. Книга воспоминаний*, Гос. изд-во, Москва, Ленинград.

Sources

- Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fond 747.
Manuscript Department of the Russian State Library. Fond 178. Op. 1. No. 9631.
Russian State Archive of Literature and Art. Fond 1159.

References

- Govorukha-Otrok, Yu. N. (Yu. Nikolaev) (1889), "A Few Words on the Philosophical Journal: Regarding Prof. Grot's Article 'On the New Philosophical Journal'", *Yuzhny kray* [Southern Land], Sept. 28, 3002, 1 (in Russ.).
- Govorukha-Otrok, Yu. N. (Yu. Nikolaev) (2012b), "A New Critic of Slavophilism. 'A Disillusioned Slavophile': An Article by Prince S.N. Trubetskoy", in: *Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika: Tom II* [What Did Russian Writers Believe In? Literary Criticism and Religious-Philosophical Essays: Volume II], Rostok, Saint Petersburg, 191-208 (in Russ.).
- Govorukha-Otrok, Yu. N. (Yu. Nikolaev) (2012c), "A New Philosophical Journal: 'Questions of Philosophy and Psychology'. Edited by Professor N.Ya. Grot", in: *Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika: Tom II* [What Did Russian Writers Believe In? Literary Criticism and Religious-Philosophical Essays: Volume II], Rostok, Saint Petersburg, 248-277. (in Russ.).
- Govorukha-Otrok, Yu. N. (Yu. Nikolaev) (1890), "'Learned Naivety' and 'Street-Smart' Cunning: On the Russian Translation of Ueberweg and Heinze's 'History of Modern Philosophy'", *Moskovskie Vedomosti*, Dec. 15, 346, 3–5 in Russ.
- Govorukha-Otrok, Yu. N. (Yu. Nikolaev) (2012d), "Letter to K.N. Leontiev dated April 2, 1891", in: *Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika: Tom I* [What Did Russian Writers Believe In? Literary Criticism and Religious-Philosophical Essays: Volume I], Rostok, Saint Petersburg, 797 (in Russ.).

Govorukha-Otrok Yu. N. (2012a), "Mr. Antichrist", in: *Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika: Tom I* [What Did Russian Writers Believe In? Literary Criticism and Religious-Philosophical Essays: Volume I], Rostok, Saint Petersburg, 728-738 (in Russ.).

Govorukha-Otrok, Yu. N. (1893), *Ocherki sovremennoy belletristiki*. V.G. Korolenko [Essays on Contemporary Fiction. V.G. Korolenko], University Press, Moscow (in Russ.).

Govorukha-Otrok, Yu. N. (Yu. Nikolaev) (2012e), "Orthodoxy and Catholicism: On the Philosophical-Literary Collection 'Svoe Slovo' [One's Own Word], Edited by Prof. A.A. Kozlov", in: *Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika: Tom II* [What Did Russian Writers Believe In? Literary Criticism and Religious-Philosophical Essays: Volume II], Rostok, Saint Petersburg, 698-709 (in Russ.).

Grigoriev, Ap. A. (1999), *Pisma* [Letters], Nauka, Moscow (in Russ.).

Grot, N. Ya. (1886), "On the Question of a Philosophical Journal", *Russkie Vedomosti*, Moscow, November 16, 315, 3 (in Russ.).

Grot, N. Ya. (1895), "To the Readers", *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of Philosophy and Psychology], 30(V), I-IV (in Russ.).

Ermichyov, A. A. (2016), "The First Year of «Voprosy filosofii i psikhologii» (November, 1889 – January, 1891)", *Voprosy Filosofii*, 2, 113-126 (in Russ.). EDN: VVNJMN

Ermichev, A. A. (2021), "The Ideologist Yu.N. Govorukha-Otrok and The Philosopher N.Ya. Grot: Polemics of 1890-1891", *Voprosy filosofii*, 11, 123-137 (in Russ.). DOI: 10.21146/0042-8744-2021-11-123-137; EDN: BTPJNH

Fateev, V. A. (2015), "Fighting of Vasily Rozanov for The Reputations and Heritage of The "Literary Exiles"", *Christian Reading*, 3, 163-182 (in Russ.). EDN: ULHCCR

Fet, A. A. (2011), "Correspondence with N.N. Strakhov (1877–1892)", in: *A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: V 2 kn. Kn. 2* [A.A. Fet and His Literary Circle: In 2 Books. Book 2], ed. Dinesman, T. G., IMLI RAS, Moscow, 233-550 (in Russ.).

Fet, A. A. (1982), *Sochineniya v 2 t.: T. 2* [Collected Works in 2 Volumes: Vol. 2], Khudozhestvennaya Literatura, Moscow, USSR (in Russ.).

Itenberg, B. S. (1965), *Dvizhenie revolyutsionnogo narodnichestva. Narodnicheskie kruzhki I "hozhdzenie v narod" v 70-h godah XIX v.* [The Revolutionary Narodnik Movement: Narodnik Circles and the "Going to the People" in the 1870s], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Kireev, A. A. (1912), "Our adversaries and our allies", in: *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Collected Works in 2 Volumes. Vol. 2], published by A. S. Suvorin, St. Petersburg, 149-158 (in Russ.).

Korolenko V. G. (1930), *Pisma k P.S. Ivanovskoy* [Letters to P.S. Ivanovskaya], Politkatorzhan Publishing House, Moscow (in Russ.).

Kozlov, A. A. (1891), "Letters Concerning Count L.N. Tolstoy's Book 'On Life' (Letter Ten: From the Author to Mr. NN) (Continued)", *Voprosy filosofii i psikhologii*, 7, March, 69-102 (in Russ.).

Kozlov, A. A. (1895), "Analysis of the Latest Work by Count L.N. Tolstoy: 'Master and Man'", *Voprosy filosofii i psikhologii*, 28, May. 313-330 (In Russ.).

Meshchersky, V. P. (1896), "In Memory of Yu.N. Govorukha-Otrok", *Russkoe obozrenie*, XLI, 368-369 (in Russ.).

Motovnikova, E. N. (2015), "Nikolay Strakhov and His Followers: Hermeneutical Framework of Communication", *Theory and Practice of Social Development*, 10, 184-187 (in Russ.). EDN: UBEZWR

Olkhov, P. A. (2011), *Dialog i Istoriya: Ekzistentsial'nye aspekty istoricheskogo myshleniya v XIX–XXI vv.* [Dialogue and History: Existential Aspects of Historical Thinking in the 19th–21st Centuries], Nauchnaya kniga, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QXECQD

Perepiska L.N. Tolstogo i N.N. Strakhova (1870-1896): v 2 t. (2023) [Correspondence between L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov (1870–1896): in 2 volumes], Compiled by Kalyuzhnaya, L. V., Nikiforova, T. G., Fateev, V. A. and Shvedov, V. Yu., Pushkinsky Dom Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

K. P. Pobedonostsev i ego korrespondenty: pisma i zapiski. T. 1, polutom 2 (1923), [K. P. Pobedonostsev and His Correspondents: Letters and Notes. Vol. 1, Part 2], State Publishing House, Moscow; Petrograd, USSR (in Russ.).

Rozanov, V. V. (2010), *Listva. Uedinennoe. Opavshie listiya*, Republic, Moscow; Rostok, St. Petersburg (in Russ.).

Rozanov, V. V. (1913), *Literaturnye izgnanniki* [Literary Exiles], St. Petersburg (in Russ.).

Saltykov-Shchedrin, M. E. (1970), *Collected Works in Twenty Volumes. Volume 9: Kritika i publitsistika* [Criticism and Publicistic Writings] (1868–1883), Khudozhestvennaya Literatura, Moscow, USSR (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1891), "A Note on the Previous 'Reply'", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 4, 460-462 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1891), "Introduction to Philosophy by Henryk Struve. Warsaw, 1890", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 2, 389-397 (in Russ.).

Struve, G. E. (1891), "Answer to Strakhov", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 4, 454-460 (in Russ.).

Tikhomirov, L. A. (1892), "Slavophiles and Westernizers in Modern Echoes", *Russkoe obozrenie*, 10, Available at: <https://samoderjavie.ru/node/551> (accessed: 12.05.2026) (in Russ.).

Trubetskoy, S. N. (1892), "A Disillusioned Slavophile: 'The East, Russia, and Slavdom' (Collection of Articles by K. Leontiev, Vols. I & II, Moscow, 1885–86); K. Leontiev, 'National Policy as an Instrument of World Revolution'", *Vestnik Evropy*, 10, 772-810 (in Russ.).

Trubetskoy, S. N. (1907), "Contradictions of Our Culture", in: *Sobraniye sochineniy kn. Sergeya Nikolayevicha Trubetskogo*, [Collected Works of Prince Sergei Nikolaevich Trubetskoy], Vol. I, G. Lissner & D. Sobko Printing House, Moscow, 212-229 (in Russ.).

Vvedensky, A. I. (1896), "In memory of Yu. N. Govorukha-Youth [Yu. Nikolaev]", *Bogoslovsky vestnik* [Theological Bulletin], 3(8), 208-212 (in Russ.).

Yasinsky, I. I. (1926), *Roman moy zhizni. Kniga vospominaniy* [The Novel of My Life: A Book of Memoirs], State Publishing House, Moscow, Leningrad (in Russ.).

Zenkovsky, V. V. (2001), *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy], Akademichesky Proekt, Raritet, Moscow (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Дикарева Олеся Викторовна, магистр философии, учитель русского языка и литературы, Образовательный комплекс "Лицей №3" им. С.П. Угаровой, м-н Интернациональный, д. 1А, г. Старый Оскол, Белгородская область, 309530, Россия; аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Olesya-Dikareva2010@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olesya V. Dikareva, Master of Philosophy, Teacher of Russian Language and Literature, S.P. Ugarova Lyceum No. 3 Educational Complex, 1A International Dist., Stary Oskol, Belgorod region, 309530, Russia; PhD Student at the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; Olesya-Dikareva2010@yandex.ru

УДК 27 – 9

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-7

Ивашина Р. А.

«Никтоже на вы»: храм Вознесения Господня в селе Богатое, XX-XXI столетия (опыт микроисторической хроники)¹

Белгородская Духовная семинария (с миссионерской направленностью),
Белгородский пр-т, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
roman_ivashina@mail.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается растущий интерес к церковной микроистории. Исследования в этом направлении имеют свою специфику, в частности, каждый период истории восстанавливается на основе определенных источников. Данное исследование охватывает период послереволюционной истории, включающий закрытие прихода, уничтожение храма, возрождение прихода в послевоенный период, повторное закрытие и возрождение на современном этапе со строительством нового храма. Для восстановления забытой истории храма и прихода в селе Богатое использовались документы, многие из которых изучаются впервые, что составляет новизну исследования. Комплексный подход и синтез материалов из различных источников позволяют воссоздать целостную картину истории храма Вознесения Господня на всех этапах новейшего времени – от закрытия до полного возрождения в настоящем. Исследование представляет собой пример проведения изысканий и написания церковной микроистории новейшего периода.

Ключевые слова: село Богатое; храм Вознесения Господня; священнослужители; молитвенный дом; личное дело храма; личное дело священнослужителя

Для цитирования: Ивашина, Р. А. (2026), ««Никтоже на вы»: храм Вознесения Господня в селе Богатое, XX-XXI столетия (опыт микроисторической хроники)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 192-204. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-7

¹ Продолжение исследования, представленного в статье: Ивашина, Р. А. и Ткач, В. А. (2025), «Храм Вознесения Господня в заштатном городе Богатый (опыт микроисторической хроники)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(3), 103-115. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-9

R. A. Ivashina

**“...And no one will be against you!” Ascension Church
in the village of Bogatoye, 20th-21st centuries
(an attempt at a microhistorical chronicle)²¹**

Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary focus),
75 Belgorodskiy Ave., Belgorod, 308009, Russia;
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
roman_ivashina@mail.ru

Abstract. There is currently a growing interest in church microhistory. Research in this area has its own specific features. Each historical period is reconstructed based on particular sources. This study covers the modern period, which includes the closure of the parish, the destruction of the church, the post-war revival of the parish, its second closure, and another revival with the construction of a new church. To recover the forgotten history of the church and parish in the village of Bogatoye, documents were used, many of which had not been examined before. This makes the research novel. An integrated approach and synthesis of materials from various sources allow for the reconstruction of a complete picture of the history of the Church of the Ascension at all stages of the modern period – from its closure to its full revival at the present time. The study serves as an example of writing church microhistory of the modern period.

Keywords: village of Bogatoye; Church of the Ascension of the Lord; clergy; prayer house; church file; clergy file

For citation: Ivashina, R. A. (2026), “‘...And no one will be against you!’ Ascension Church in the village of Bogatoye, 20th-21st centuries (an attempt at a microhistorical chronicle)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 192-204. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-7

"Аз есмь с вами и никтоже на вы"
Кондак праздника Вознесения Господня, глас 6

Введение

Одним из последствий революционных событий 1917–1922 гг. стала борьба с религией, которая проявилась в том числе в закрытии и уничтожении храмов. История храма Вознесения Господня в селе Богатое Ивнянского района Белгородской области является ярким примером реализации атеистической политики в СССР и возрождения Русской Православной Церкви в 1990-е годы.

Охватываемый исследованием новейший период истории начинается с Революции 1917 года и перетекает в настоящее время. Поиск и исследование источников, на основе которых удастся составить во многом забытую историю храма, позволяют проследить целенаправленную политику государства по закрытию храмов и приходов вопреки воле жителей села. Другой особенностью данного исследования является разнородность

² This material continues the research presented in the article: Ivashina, R. A. and Tkach, V. A. (2025), “The Church of the Ascension of the Lord in the provincial town of Bogaty (towards the methodological frontiers of ecclesiastical microhistory)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(3), 103-115. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-9

специфических источников, характерных для истории новейшего периода. Их анализ требует разделения на отдельные периоды, особого подхода, отдельных методов исследования и дальнейшего структурирования и синтеза собранного материала для получения общей хронологически точной и содержательной истории.

Довоенный период (1917–1930-е годы)

Революционные события 1917 года отразились и на религиозной жизни Богатого. После революции священник был арестован и увезен; год неизвестен. Из описания нападения махновцев на Богатое в субботу 22 января 1921 г. известно, что комиссар просвещения Антон Агафонович Толмачев спрятался в церкви (где проходило вечернее богослужение) и спасся на колокольне (Гладких, 1965). Из этого следует, что в январе 1921 г. церковь еще действовала; значит, упомянутый священник либо был арестован после 22 января 1921 г., либо к этому времени уже служил другой. Прямых свидетельств, повествующих о жизни прихода в 1920–1930-х гг., найти пока не удастся; имеются только косвенные источники.

Исходя из данных, указанных в анкетах членов церковного совета от 18 июля 1948 г., М.П. Греховодов находился на «церковной работе» с 1928 г.³, а И.И. Бабанин – с 1925 г.⁴. Эта информация означает, что до конца 1920-х годов приход существовал, и богослужения в храме совершались.

В 1930 г. храм был закрыт, богослужения прекратились, и церковный совет прекратил свое существование⁵. Здание церкви было конфисковано у верующих.

По свидетельству сельского краеведа Николая Ивановича Мухина, до ноября 1937 г., оставшись без помещения, верующие для совершения богослужений стали собираться в деревне Чертово в доме сапожника.

23 ноября 1937 г. комиссия произвела осмотр и установила: «... здание церкви пришло в негодность <...> Учитывая, что здание церкви находится на расстоянии до 25 погонных метров от школьного здания и угрожает обвалу»⁶. Западнее церкви находится крутой склон, и случаев обвала не зафиксировано, что говорит о необоснованности решения.

21 февраля 1938 г. Президиум Курского Облисполкома постановил: «Церковь в с. Богатое закрыть, здание Богатенской церкви передать на строительство Богатенской школы»⁷. Документов о сносе не найдено, но церковь стали разбирать после 16 сентября 1938 г.⁸. Большинство жителей были против сноса, однако решение властей оказалось выше мнения народа.

В личном деле храма указано, что в 1936 или 1937 году П.К. Рыбников «организовал сбор подписей среди верующих Богатенского прихода на закрытие Богатенской церкви. После достаточного сбора подписей церковь была закрыта <...> и религиозная община <...> не существовала до прихода немецкой оккупации»⁹.

На аэрофотоснимке Люфтваффе от 2 июня 1943 г. видно здание церковной сторожки, но следов фундамента храма нет – храм был разобран до основания. В 2013 г. на разрушенной церкви установлен памятный крест.

³ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 55, 55 об.

⁴ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 58, 58 об.

⁵ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 34. Л. 25.

⁶ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 34. Л. 27, 27 об.

⁷ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 34. Л. 20.

⁸ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 85.

⁹ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 30.

Временное возрождение (1942–1962)

Во время оккупации Богатого немецкими войсками богослужения были возобновлены. Первым настоятелем с октября 1942 г. по август 1943 г. был священник Георгий Григорьевич Николаюк (23.04.1903 – 22.07.1976). В характеристике послужного списка о нем сообщается: «хорошо знает пение, обладает хорошим голосом, может сказать проповедь»¹⁰. Богослужения совершались в здании средней школы, построенной из материала разрушенного храма¹¹.

Второй настоятель – протоиерей Сергей Григорьевич Ханов (род. 09.09.1882 в с. Студенок). В 1903 г. окончил Курскую духовную семинарию, в 1909 г. – Демидовский юридический лицей. 6 ноября 1932 г. осужден по ст. 58 (п. 10–11) к 5 годам лагерей, вернулся 5 сентября 1936 г. Служил настоятелем с 10 мая 1943 г. по 2 октября 1944 г.¹². 14 августа 1944 г. он подал прошение о переводе, указав: «1) богослужения совершаются во временном здании (школа) и, несмотря на то, что богослужения совершаются около двух лет, здание в должный вид не приведено; 2) нет постоянного псаломщика и всю службу часто приходится проводить одному, что для меня непосильно и не дает возможности сосредоточиться во время службы; 3) нет при храме сторожа и все приходится делать самому, начиная от уборки помещения и до приготовления огня для кадила»¹³. Прошение удовлетворено 15 августа 1944 г.

Дальнейшие события восстанавливаются по делу молитвенного дома с. Богатое. Община функционирует с 14 октября 1942 г.¹⁴. В списке членов – 21 человек: 10 мужчин и 11 женщин¹⁵. Председатель и члены совета – мужчины. Особо выделяется Зинаида Степановна Карачарова – вдова Героя Советского Союза, погибшего при форсировании Днепра. С 1948 г. она член ревизионной комиссии¹⁶.

15 августа 1944 г. община зарегистрирована Советом по делам РПЦ¹⁷. 16 августа 1944 г. настоятелем назначен священник Иаков Петрович Беспалов (с 1913 г. диакон, с 1921 г. священник; в 1929 г. осужден на 3 года ссылки)¹⁸. 10 сентября 1944 г. церковный совет просил наградить ктитора¹⁹. Известно, что на данный момент прихожанами была сохранена почти вся утварь. Священник Иаков Беспалов служил в с. Богатое до 24 февраля 1945 г.²⁰

За два года отказались три священника. Прихожане выбрали кандидатом в священники местного жителя – псаломщика Ивана Васильевича Мартынова (род. 24/25.02.1888). Церковный совет просил рукоположить его, охарактеризовав как «религиозного»²¹. 7 апреля 1945 г. кандидат был рукоположен во диакона, 20 апреля – во священника. Служил, однако, менее года: 5 февраля 1946 г. арестован и судим за агитацию²². В архивах УМВД сведений о нем не сохранилось²³.

Община, занимавшая здание школы, с 26 сентября 1945 г. выселена в бывшую церковную сторожку²⁴.

Следующий настоятель – священник Владимир Иванович Случевский (12.07.1896–

¹⁰ «Личное дело свящ. Георгия Николаюк. Послужной список». Л. 285», *Архив Курской епархии*

¹¹ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 21

¹² «Личное дело прот. Сергея Ханова», *Архив Курской епархии*.

¹³ «Личное дело прот. Сергея Ханова. Прошение 15.08.1944.», *Архив Курской епархии*

¹⁴ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 3, 3 об.

¹⁵ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 3, 3 об., 4.

¹⁶ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 5.

¹⁷ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56.

¹⁸ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 58. Л. 6.

¹⁹ «Репорт от 10.09.1944», *Архив Белгородской епархии*.

²⁰ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.

²¹ «Личное дело свящ. Иоанна Мартынова. Обращение. Л. 4; Справка». Л. 5, *Архив Курской епархии*

²² «Письмо от 17.02.1946», *Архив Белгородской епархии*.

²³ Ответы УМВД от 23.10.2025 № 3/257728756461; 28.10.2025 года № 3/257728772768.

²⁴ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 3, 21, 25, 56 об.

18.12.1960). С отличием окончил Орловскую семинарию в 1918 г. и рукоположен во священники. В 1944 г. мобилизован в ряды Красной Армии. В августе 1945 г. после демобилизации вернулся в Курск²⁵. С 12 марта 1946 г. – настоятель в с. Богатое (рис. 1). Обнаружив отсутствие псаломщика, 5 апреля 1946 г. пишет прошение правящему архиепископу, в котором просит назначить псаломщика. 24 марта 1946 г. во диакона рукоположен Никита Николаевич Звягинцев. Из-за отсутствия диаконских мест²⁶ 3 мая 1946 г. назначен штатным псаломщиком с правом диаконского служения²⁷. Служил до 14 июня 1946 г., затем рукоположен во священника и назначен настоятелем в соседнее село Новенькое, где служил до 1 сентября 1975 г.²⁸. Пожилые прихожане храма села Богатое помнят протоиерея Никиту, к которому ходили на богослужения в храм Новенького. Его служение церкви начиналось в том числе и в храме села Богатое.

Рис. 1. Священник Владимир Иванович Случевский. 3 июня 1949 г.

Фото из Архива Курской епархии

Fig. 1. Priest Vladimir Ivanovich Sluchevsky. June 3, 1949.

Photo from the Archives of the Kursk Diocese

²⁵ «Личное дело свящ. Владимира Случевского. Анкета». Л. 3, 5. *Архив Курской епархии*.

²⁶ «Личное дело прот. Никиты Звягинцева. Прошение». Л. 134, 151, 152. – *Архив Курской епархии*.

²⁷ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 47, 48; Указ. Л. 150

²⁸ Захарчук, М. Г. (2013), Светлая песнь веков. Михайло-Архангельский храм: история и современность, Издание Михайло-Архангельского храма села Новенького, Курск, С. 49.

Со стороны атеистической власти создавались препятствия, чинились провокации. На праздник Святой Троицы 1 июня 1947 г. во время совершения божественной литургии председатель Богатенского сельсовета Тимофеев П.Ф. требовал разойтись со словами «Вы одного слушаете, а Советской власти не подчиняетесь»²⁹.

10 мая 1948 г. община была зарегистрирована, 25 мая 1948 г. заключен договор аренды на «бессрочное и бесплатное пользование». Новый состав «двадцатки» включал лишь 2 мужчин из числа 21 члена. По состоянию на 1 декабря 1949 г. большинство членов общины – пенсионеры, мужчин и женщин почти поровну, представлены жители сёл: Богатое, 2-я Новосёлка, Чертово, Выезжее, Вышние Пены, Венгеровка³⁰.

Летом 1952 г. сельсовет пытался отобрать у общины здание под библиотеку, но настоятель отстоял³¹. Богатенский сельсовет при поддержке Ивнянского Исполнительного комитета не отказался от планов выселить общину из здания молитвенного дома и продолжал искать другие пути. Несмотря на усилия, здание молитвенного дома у прихода отнять не получилось. 21 сентября 1955 г. по благословению епископа Иннокентия состоялось приходское собрание, на котором присутствовало 180 человек (подчеркнем, это был рабочий день, среда).

Священник Владимир Случевский скончался от кровоизлияния в мозг 18 декабря 1960 г.³². Отпевание было совершено 24 декабря 1960 г. в Николо-Иоасафовском соборе г. Белгорода Погребен на кладбище около этого же собора³³. Могила не сохранилась³⁴.

Последний настоятель молитвенного дома – священник Иоанн Петрович Кот (род. 22.02.1902). 12 февраля 1943 г. был расстрелян фашистами, но выжил, стал инвалидом. Рукоположен во диаконы 19 декабря 1958 г., во священники 21 декабря 1958 г. Назначен настоятелем 23 января 1961 г. Во время его служения в селе Богатое при загадочных обстоятельствах случился пожар в молитвенном доме. Настоятель следующим образом описал это событие (рис. 2): «13 июня 1961 года в 2 часа ночи был подожжён молитвенный дом. Вся внутренность сгорела, остались только стены с крышей. Об этом было заявлено в милицию. Было произведено следствие. Виновного пока не обнаружено»³⁵. В архиве МВД сведений об уголовном деле не имеется³⁶. 17 июня 1961 г. священник Иоанн Кот переведен на другой приход³⁷.

²⁹ «Личное дело свящ. В. Случевского. Отношение уполномоченному». Л. 2. – *Архив Курской епархии*.

³⁰ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 68, 51, 51 об., 13, 13 об.

³¹ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 26, 24 об., 24, 25, 26, 28.

³² Богатенский сельсовет. Похозяйственная книга № 4. Стр. 11, лиц. счёт № 166

³³ «Личное дело свящ. Владимира Случевского. Рапорт благочинного от 25.12.1960», *Архив Курской епархии*.

³⁴ Администрация г. Белгорода от 18.11.2023 № 194.

³⁵ «Личное дело свящ. Иоанна Кот. Заявление от 16.06.1961», *Архив Курской епархии*.

³⁶ Ответ УМВД от 23.10.2025 № 3/257728751435.

³⁷ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 99.

До епарх. Кур. Белгородской
До преосвященна Епископа Леониды
Курского и Белгородского
от протоиерея Иоанна, настоятеля
Монашеского Заведения
Святого Иова.
16 июня 1961 года в 2 часа ночи был подожжен
молитвенный дом. Возникших - село Богатое
Белгородской епархии.
всех внутренностей строения остались
только стены сруба
об этом было заявлено тогда милиции
было произведено следствие виновного
пока не обнаружено 16 июня 1961 год
Св. - О. Иоанн Кот.

Рис. 2. Заявление о пожаре 16 июня 1961 г. Архив Курской епархии. Фото автора
Fig. 2. Report on the fire of June 16, 1961. Archive of the Kursk Eparchy. Photo by the author

16 ноября 1961 г. исполком принял решение о закрытии молитвенного дома. Община писала жалобы. 27 февраля 1962 г. уполномоченный запросил фотографии³⁸. Данный запрос свидетельствует о том, что, несмотря на официальные заявления о власти народа, мнение жителей села Богатое и сел округи власти не принимали во внимание, а процесс закрытия храма был искусственно и намеренно организован. Благодаря этому запросу имеются 4 фотографии молитвенного дома до пожара (рис. 3).

³⁸ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 64, 70, 78.

Рис. 3. Фото молитвенного дома храма Вознесения Господня села Богатое.
Государственный архив Белгородской области³⁹.

Fig. 3. Photograph of the prayer house of the Church of the Ascension of the Lord in the village of Bogatoye. State Archive of the Belgorod Region³⁹.

28 февраля 1962 г. в заключении указано: после пожара церковь не восстанавливается, «двадцатка (приходской совет) распалась»⁴⁰. 23 марта 1962 г. облисполком принял решение о закрытии⁴¹. Следует заметить, что причина закрытия прихода намерено придумана для обоснования реализации антирелигиозной политики в СССР.

Постсоветское возрождение

После закрытия молитвенного дома в Богатом и до 1996 г. верующие относились к приходу в с. Новенькое. Протоиерей Лука Захарчук вспоминал: «бросалось в глаза, что в Богатом ... на погребения всегда приходили певчие ... самая большая и неплохо поющая группа ... духовная жизнь в селе никогда не прерывалась»⁴².

С начала 1990-х годов активную роль в судьбе храма сыграла Ефросинья Григорьевна Черкашина (10.05.1920 – март 1999), жительница блокадного Ленинграда⁴³. Обращалась в местную и районную администрации с просьбами выделить помещение для совершения богослужений. 1 сентября 1993 г. сельсовет передал православной общине села Богатое старый дом (рис. 4)⁴⁴. Организовал проведение ремонта один из активных членов православной общины Василий Андреевич Реутов (07.04.1935 — 31.10.2016).

³⁹ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 2а.

⁴⁰ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 85–86.

⁴¹ ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56. Л. 84.

⁴² «Захарчук, Лука Авксентьевич. Воспоминания», *Личный архив Р.А. Ивашины*.

⁴³ «Черкашина, Е. Г. Карточка эвакуированного. Блокада Ленинграда. Эвакуация», *Архивный комитет Санкт-Петербурга* [Электронный ресурс] URL: <https://evacuation.spbarchives.ru/card?cardRecordId=2673693> (дата обращения: 24.02.2024).

⁴⁴ «Справка от 14.09.1993», *Архив Губкинской епархии*.

Рис. 4. Здание молитвенного дома, где до 1999 года располагался храм⁴⁵.

Fig. 4. The prayer house building, which housed the church until 1999⁴⁵.

Первый настоятель после возрождения – протоиерей Леонид Степанович Ярёмченко⁴⁶, назначен 8 февраля 1996 г. Через 11 дней, 19 февраля 1996 г. указом епископа Белгородского Иоанна (ныне митрополита) протоиерей Леонид Ярёмченко «согласно прошению»⁴⁷ освобожден от должности настоятеля. С 1 июля 1996 г. настоятель – священник Анатолий Михайлович Ивашина⁴⁸. Первые два с половиной года богослужения совершались в домике размерами 5,85×7,35 м. 3 июля 1998 г. для совершения богослужений передано здание бывшего детского сада. После проведенного ремонта храм располагался в нем с января 1999 г. по ноябрь 2014 г. (рис. 5).

⁴⁵ Давыдов, В. И. (2000), *Храмы Белгородчины*, 2. изд., испр. и доп., Изд-во В. Шаповалов, Белгород, С. 88. Davydov, V. I. (2000), *Churches of the Belgorod Region*, 2nd ed., V. Shapovalov Publishing House, Belgorod, p. 88.

⁴⁶ «Указ епископа Белгородского и Старооскольского Иоанна протоиерею Леониду Степановичу Ярёмченко № 7 от 08.02.1996 г.», *Архив Белгородской епархии*.

⁴⁷ «Указ епископа Белгородского и Старооскольского Иоанна протоиерею Л.С. Ярёмченко № 12 от 19.02.1996 г.», *Архив Белгородской епархии*.

⁴⁸ «Указ епископа Белгородского и Старооскольского Иоанна священнику Анатолию Ивашина № 54 от 19.06.1996 г.», *Архив Белгородской епархии*.

Рис. 5. Здание молитвенного дома, где с 1999 по 2014 год располагался храм.

Фото из сети интернет

Fig. 5. The prayer house building that housed the church from 1999 to 2014.

Photo from the Internet

Начать строительство храма долгое время не представлялось возможным. Инициатором строительства стал уроженец села Богатое, первый заместитель генерального директора ОСАО «РЕСО-Гарантия» (г. Москва) Игорь Васильевич Черкашин. В конце мая 2014 г. Игорь Васильевич позвонил протоиерею Анатолию и сказал, что собрал 5 миллионов рублей и хочет пожертвовать их на строительство храма. Идея нашла поддержку в администрации Ивнянского района. Глава администрации В.А. Старченко собрал Попечительский совет по строительству храма (Гончаров, 2015). Место в центре села было выбрано на сельском сходе. 12 июля 2014 г. епископ Софроний освятил закладной камень. Недостающая сумма была собрана пожертвованиями местных предпринимателей, жителей села и других неравнодушных людей (Храм в Богатом..., 2014). 10–11 ноября 2014 г. освящены купола, кресты и колокола и после установлены. 21 ноября 2014 г., в день православного праздника Архистратига Михаила, в Богатом был освящен и открыт храм Вознесения Господня. Освящение храма и первую божественную литургию совершил епископ Губкинский и Грайворонский Софроний, а после и первое в новоосвященном храме таинство Крещения (Гончаров, 2014). За последующие годы благоустроена территория. Хвойные растения на территории храма разрослись и создали особый зеленый уголок в центре села (Ивашина, 2024: 8) (рис. 6).

Рис. 6. Современный вид храма. Фото автора
Fig. 6. Modern view of the church. Photo by the author

Заключение

Каждый из периодов истории храма Вознесения Господня позволяют восстановить отдельные источники. По количеству доступных и сохранившихся источников каждый период имеет свои отличия. Особый доступный источник – воспоминания старожилов.

Довоенный период описан относительно кратко: 1920–1930-е годы скудны на источники. Тем не менее на основе архивных документов, косвенных источников и воспоминаний старожилов удастся восстановить историю закрытия и сноса храма.

Период послевоенный основан на официальных архивных документах, поэтому подробно описан. Во время немецкой оккупации приход был открыт, но храма уже не было, богослужения совершались в приспособленных помещениях. Документы содержат много примеров попыток советской власти закрыть приход, что удалось сделать после смерти настоятеля священника Владимира Случевского и после искусственного поджога молитвенного дома.

Период после закрытия (1962–1990-е) восстанавливается в основном по воспоминаниям старожилов и настоятеля храма из соседнего села. Религиозная жизнь в селе была, но без храма и регулярных богослужений.

Современный период основан на воспоминаниях, фотографиях, публикациях в местной и епархиальной прессе, документах прихода, указах правящих архиереев и личных делах священнослужителей. После открытия прихода религиозная жизнь возрождалась сначала в маленьком доме (2,5 года), затем с 1998 г. в здании бывшего детского сада. Храм удалось построить в 2014 г.

Таким образом, изложенная история, помимо восстановленной структурированной хронологии событий и их оценок, представляет собой методический пример специфики исследований новейшего периода церковной микроистории.

Источники

Архив администрации Богатенского сельского поселения Ивнянского района Белгородской области.

Архив Белгородской епархии.

Архив Губкинской епархии.

Архив Курской епархии.

Архивный комитет Санкт-Петербурга

ГАБО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 56, 58.

ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 34.

Личный архив Р. А. Ивашины.

National Archives and Records Administration (USA) gx 2240 Nr 043.

Литература

Гладких, Е. (1965), «В Бурях борьбы, труде и заботах. Рассказ о селе Богатое и его людях», *Родина. Газета Ивнянского района*, 04.12, 2-3.

Гончаров, М. (2014), «Торжества в Богатом. Празднование дня села», *Родина*, 29.11, 96(9568), 1.

Гончаров, М. (2015), «Храм в подарок», *Родина*, 28.01, 8(9584), 1.

Захарчук, М. Г. (2013), *Светлая песнь веков. Михайло-Архангельский храм: история и современность*, Издание Михайло-Архангельского храма села Новенького, Курск.

Ивашина, Р. А. (2024), «Путь возрождения. К годовщине освящения храма в селе Богатое», *Родина*, 19.12, 51(10304), 8.

«Храм в Богатом. Строительству нужна поддержка» (2014), *Родина*, 27.09, 79(9551), 2.

Sources

Archival Committee of St. Petersburg.

Archive of Kursk Diocese.

Archive of the Belgorod Diocese.

Archive of the Gubkin Diocese.

Archive of the Administration of Bogatensky Rural Settlement, Ivnyansky District, Belgorod Region.

National Archives and Records Administration (USA) gx 2240 Nr 043.

Personal archive of R. A. Ivashina.

State Archive of Belgorod Region. F. R-1179. Inv. 1. File 56, 58.

State Archive of Kursk Region. F. R-3322. Inv. 4. File 34.

References

Gladkikh, E. (1965), "In the Storms of Struggle, Labor, and Care. A Story about the Village of Bogatoye and Its People", *Rodina, Newspaper of the Ivnyansky District*, December 4, 2-3 (in Russ.).

Goncharov, M. (2014), "Celebrations in Bogatoye. Village Day", *Rodina*, November 29, 96(9568), 1 (in Russ.).

Goncharov, M. (2015), "A Church as a Gift", *Rodina*, January 28, 8(9584), 1 (in Russ.).

Ivashina, R. A. (2024), "The Path of Revival: On the Anniversary of the Consecration of the Church in Bogatoye", *Rodina*, December 19, 51(10304), 8 (in Russ.).

"The temple in Bogatoye. Construction needs support" (2014), *Rodina*, September 27, 79(9551), 2 (in Russ.).

Zakharchuk, M. G. (2013), *Svetlaya pesn' vekov. Mikhailo-Arkhangelskiy khram: istoriya I sovremennost* [The Bright Song of Ages: St. Michael the Archangel Church: History and Modernity], Edition of St. Michael the Archangel Church in Novenkoye, Kursk, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ивашина Роман Анатольевич, кандидат философских наук., доцент кафедры библеистики и богословия, Белгородская Духовная семинария (с миссионерской направленностью), пр-т Белгородский, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия; преподаватель основ философии, Инжиниринговый колледж, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; roman_ivashina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9355-507X

ABOUT THE AUTHOR:

Roman A. Ivashina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Biblical Studies and Theology, Belgorod Theological Seminary (with a missionary focus), 75 Belgorodsky Ave., Belgorod, 308009, Russia; Lecturer in Philosophy, College of Engineering, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; roman_ivashina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9355-507X

**MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

УДК 165(47)

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-8

Тинус Н. Н.

**Право на мысль: хроника интеллектуальной драмы.
Рецензия на книгу «Молодой Ильенков:
архивные исследования». Москва: Директ-Медиа, 2026¹**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
tiinusnn@gmail.com

Аннотация. Рецензия на книгу «Молодой Ильенков: архивные исследования» (авт.-сост. Е.Э. Иллеш, науч. ред. А.Д. Майданский. Москва: Директ-Медиа, 2026. 352 с.) выстроена с опорой на ключевые тематические линии биографии философа, охватывающие период с 1953 по 1955 год. В центре внимания находится анализ уникальной архивной базы сборника и исследование интеллектуально-политического конфликта, известного как «дело гносеологов». Особое внимание уделено педагогическому феномену Э.В. Ильенкова в МГУ, фрагменты тетрадей с рабочими записями семинаров которого опубликованы впервые. Делается вывод, что рецензируемая книга представляет высокую ценность для исследователей интеллектуальной истории СССР.

Ключевые слова: советская философия; Э. В. Ильенков; советский марксизм; эпистемология; интеллектуальная история

Для цитирования: Тинус, Н. Н. (2026). «Право на мысль: хроника интеллектуальной драмы. Рецензия на книгу “Молодой Ильенков: архивные исследования”. Москва: Директ-Медиа, 2026», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 205-210. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-8

¹ Рецензия выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта No 24-18-00130 «Э.В. Ильенков и конец классической марксистской философии».

N. N. Tinus

**The Right to Thought: A Chronicle of Intellectual Drama.
Review of the book *Young Ilyenkov: Archive Research* (2026),
Direct-Media, Moscow²**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
tiinusnn@gmail.com

Abstract. The review of the book *Young Ilyenkov: Archive Research* (compiled by E. E. Illesh, edited by A. D. Maidansky, Direct-Media, Moscow, 2026. 352 p.) highlights the key thematic lines of the philosopher's biography, covering the pivotal period from 1953 to 1955. It focuses on analyzing the collection's unique archival data and examining the intellectual and political conflict known as the “case of the gnoseologists”. Special attention is paid to E.V. Ilyenkov's pedagogical phenomenon at Moscow State University, featuring the first-ever publication of his notebook fragments with seminar notes. The review concludes that the book is of high value to researchers of Soviet intellectual history.

Keywords: soviet philosophy; E.V. Ilyenkov; Soviet Marxism; epistemology; intellectual history

For citation: Tinus, N. N. (2026), “The Right to Thought: A Chronicle of Intellectual Drama. Review of the book *Young Ilyenkov: Archive Research* (2026), Direct-Media, Moscow”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 205-210. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-8

Сборник «Молодой Ильенков: архивные исследования», выпущенный в этом году издательством «Директ-Медиа», является не просто новой порцией архивных текстов Э.В. Ильенкова. Содержание книги, в определенном смысле, представляет собой документальную реконструкцию ранних лет работы философа, в том числе обстоятельств драматического «дела гносеологов».

Сегодня вполне очевидно, что Э.В. Ильенков – одна из самых ярких фигур советского периода в отечественной философии, чьи работы по диалектической логике, концепции идеального и теории познания пользуются заслуженным вниманием. Однако в вышедшей книге Е.Э. Иллеш и А.Д. Майданский (автор-составитель и научный редактор издания) сфокусировали внимание на периоде 1953-1955 гг., критическом как для самого Ильенкова, так и для истории советской мысли в целом. Странное положение, в котором находилась страна между смертью вождя и XX съездом КПСС, между сталинизмом и зачатками оттепели, определяло атмосферу философской жизни тех лет. Е.Э. Иллеш в обстоятельном введении к сборнику ссылается на Г.П. Щедровицкого, который писал, что «смысл происходившего тогда состоял в том, что нельзя было продолжать философствовать прежними методами и в прежнем стиле – нужна была новая, реальная, живая философия» (Щедровицкий, 2001: 54). Новую жизнь в «любовь к мудрости», едва не испустившую дух под тяжестью темного догматизма, привнесло молодое поколение мыслителей, таких как Ильенков. Это же самое обстоятельство породило острый конфликт, который освещают материалы, публикуемые

² The review is funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 24-18-00130 “E.V. Ilyenkov and the End of Classical Marxist Philosophy”.

в книге. Живая философия столкнулась тогда с мракобесием полуграмотных идеологов-охранителей, многие из которых занимали важные посты в ключевых институтах того времени. Это неравное противостояние определяет тот нерв, что держит в напряжении при чтении архивных стенограмм, которые напоминают скорее боевые сводки, чем свидетельства академической работы.

Сборник объемом три с половиной сотни страниц имеет шесть глав, в них по хронологическому принципу располагаются различные архивные материалы. В первой главе содержатся материалы 1953 года, связанные с диссертацией Ильенкова и его поступлением на работу в МГУ. Особенный интерес представляет черновая версия автореферата до его правки Т.И. Ойзерманом – в итоговой версии значительная часть текста была «причесана» научным руководителем, дабы избежать опасных последствий.

Вторая глава посвящена преподавательской работе Ильенкова в 1954-ом, а также содержит добытый из архива МГУ доклад «О разногласиях по вопросам логики». Именно из этого доклада впоследствии выросли знаменитые «Тезисы», которые тоже здесь опубликованы. Примечательно, что ранее исследование историками философии «дела гносеологов» велось без опоры на сам текст тезисов, который реконструировался по косвенным деталям. На момент выхода последнего крупного издания по этой теме (см.: (Иллеш, Майданский, 2016)), тезисы считались утраченными. Как пишет Е.Э. Иллеш, «спустя несколько месяцев после выхода “Страстей” Тезисы были обнаружены в Архиве Академии наук. 11 страниц, напечатанных на папиросной бумаге, были подшиты к одному из многих обсуждений» (Иллеш, Майданский, 2026: 11).

В третьей главе размещены фрагменты тетрадей, на страницах которых шла разработка «вопроса о предмете философии». Хотя хронологически эти записи, по всей видимости, относятся к началу пятидесятых – аспирантским годам Ильенкова, – они укладываются в общую канву сборника, выстроенную вокруг перипетий, случившихся тогда в связи с этим самым «вопросом».

Четвертая глава представляет особый интерес – она позволяет взглянуть на Ильенкова как на педагога. Опубликованные впервые фрагменты тетрадей 1954-1955 гг. представляют собой планы и конспекты семинарских занятий, которые философ вел в ходе своего недолгого преподавания в МГУ. Из разного рода свидетельств мы хорошо знаем, что Ильенков пользовался огромной популярностью среди студентов благодаря своему стилю мышления и педагогической работы. Как пишет А.Д. Майданский: «До сих пор мы слабо представляли себе, что конкретно обсуждалось на тех занятиях... Публикуя эти тетради, мы надеемся, что они и сегодня, и завтра смогут послужить образцом высокого стиля в преподавании философии» (Иллеш, Майданский, 2026: 315).

В пятой главе составитель поместил первую опубликованную Ильенковым статью «О диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании» (Вопросы философии, 1955). Шестая глава под заголовком «Год 1955. Дискуссия или судилище?», наверное, самый тяжелый и одновременно самый захватывающий раздел книги. Занимая добрую половину объема рецензируемого сборника, он содержит стенограммы, протоколы, письма и другие архивные тексты, проливающие свет на детали мрачной истории с «Тезисами», за которой последовали обвинения в «гносеологизме», и в результате – громкое увольнение Ильенкова и Коровикова из МГУ.

Документы, представленные в сборнике, предваряются обширным введением Е.Э. Иллеш, которое связывает их в единый нарратив судьбы философа, а также дополняются послесловием А.Д. Майданского, где публицистически хлестко подводится черта под событиями тех непростых лет. Введение и послесловие позволяют выстроить общую картину происходящего, понять мотивацию и роль основных действующих лиц этой интеллектуально-политической драмы. Кроме того, сборник дополнен приложением, в котором приведены

воспоминания соседа и друга Ильенкова В.Б. Иллеша, освещающие детство Эвальда Васильевича, прерванное войной, а также некоторые письма военного периода. Эти биографические подробности позволяют сделать восприятие фигуры Ильенкова для читателя более объемным и личным.

Как было сказано ранее, центральное пространство книги «Молодой Ильенков» сосредоточено вокруг конфликта, который лег в основу «дела гносеологов». Читая написанный в 1953 г. автореферат, посвященный методу К. Маркса во «Введении. К критике политической экономии», мы видим, как вызревал знаменитый метод восхождения от абстрактного к конкретному. Ильенков попытался прочесть работу Маркса не как нормативную скрижаль, а как результат работы Логике и системы категорий, в которых отражаются всеобщие законы мышления и познания. Позднее это привело к созданию «Тезисов», когда через год весной Ильенкову и Коровикову предложили сформулировать свои идеи для дискуссии. Этот манифест утверждал: марксистская философия не занимается обобщением достижений отдельных наук, синтезируя их в мировоззрение, в картину мира «в целом». Если Вселенная, природа и общество эффективно изучаются соответствующими науками, то что же тогда остается философии? Превращенная Марксом из идеалистической в материалистическую, философия есть наука о мышлении, диалектическая логика и теория познания. Зафиксировав эти мысли, к тому же в нарочито заостренной форме, авторы манифеста фактически определили свое будущее.

Для советского официоза, вскормленного на сталинском «Кратком курсе», подобного рода выводы звучали как святотатство. Сведение философии к исследованию правил мышления интерпретировалось идеологами чуть ли не как ликвидация диамата и истмата, как попытка «выбросить за борт» законы исторического развития. Ильенкова и Коровикова обвинили в «меньшинствующем идеализме», ярлыке, который в тридцатые годы стал бы приговором. Стенограммы обвинительных заседаний, опубликованные в сборнике, дают потрясающий материал для анализа лексики и научной атмосферы советской эпохи. Академическая дискуссия, судя по характеру аргументов и высказываний, больше напоминала судебный процесс над особо опасными преступниками. Чертков, Каммари, декан Молодцов и другие оперировали на этих заседаниях в основном милитаристскими метафорами «высокого сталинизма». Философия – это «фронт», на котором ведется «борьба против врагов нашей партии». Оппоненты именовались «деборинцами», «ревизионистами» и «путаниками». Прокурорский тон обвинителей требовал отнюдь не истины, а капитуляции и публичного покаяния. Как точно заметил Ильенков в яростном письме в редакцию «Вопросов философии»: «Вычитать из того, что я когда-либо говорил и писал вместе с Коровиковым, то, что приписано мне Молодцовым, можно только с помощью бериевско-абакумовских следователей» (Иллеш, Майданский, 2026: 221).

На этом мрачном фоне крайне неоднозначно выглядит фигура научного руководителя Ильенкова, Теодора Ильича Ойзермана. Архивные материалы показывают читателю спорную суть его положения. С одной стороны, именно Ойзерман буквально исчеркал черновик автореферата Ильенкова, пытаясь сделать его идеологически «проходимым», и он же доверил Эвальду Васильевичу руководство ключевыми семинарами у старших курсов. Именно он, судя по всему, поспособствовал принятию Ильенкова в Институт философии, где тот продолжал работать научным сотрудником после катастрофы с «Тезисами». С другой стороны, на публичных заседаниях Ойзерман был вынужден участвовать в травле своего ученика, вероятно, чтобы обезопасить себя самого от аналогичных обвинений.

Переходя к не столь сумрачным темам, затронутым в книге, необходимо сказать, что рецензируемое издание впервые позволяет увидеть Ильенкова-педагога. Его семинары по марксистской философии и «Капиталу» для студентов четвертого и пятого курсов, кажется, были своего рода оазисом живой мысли посреди выжженной пустыни бесплодного

догматизма. Включая в сборник фрагменты тетрадей с записями по семинарским занятиям, составитель показывает, как именно Ильенков учил студентов не зубрить формулы, а мыслить, сомневаться и двигаться по логике самого предмета. Научить этому проще путем совместного, коллективного творческого мышления в рамках педагогической работы. Именно поэтому в семинарах Ильенкова сложно распознать грань между научной и преподавательской работой. А.Д. Майданский пишет: «Нам с Еленой Эвальдовной очень хотелось сохранить для потомков образ Ильенкова-учителя. Он не только призывал “учиться мыслить смолоду”, но и обладал даром увлекать за собой молодежь на простор философской мысли» (Иллеш, Майданский, 2026: 315). Нужно отметить, что далеко не все преподаватели и тогда, и сегодня обладают похожим даром, поэтому публикация этих тетрадей кажется очень уместной идеей. Именно из этих семинаров вышли многие, ставшие позднее корифеями отечественной философии, – В.А. Лекторский, В.В. Давыдов, В.М. Межуев, Н.В. Мотрошилова и другие. Студенты Ильенкова, судя по воспоминаниям и некоторым архивным деталям, были преданы своему молодому преподавателю. Однако плата за такую популярность оказалась жестокой – философ был навсегда отлучен от преподавания в университете. Для любого, знакомого с трудами Ильенкова, очевидно, что этот человек писал для современников и страстно хотел «быть понят своей страной» (Иллеш, Майданский, 2026: 16). Поэтому запрет на общение со студенческой аудиторией стал незаживающей раной, повлиявшей на дальнейшую траекторию его жизненного пути.

Основное и неоспоримое достоинство рецензируемого сборника – его мощная источниковая база. Читатель может оценить работу по поиску и расшифровке текстов из фондов Российского государственного архива новейшей истории, Центрального государственного архива Москвы, архивов МГУ и РАН, а также из личного архива Ильенкова. Жанровая полифония сборника масштабна: личные письма соседствуют со строгими академическими отзывами, а за рукописными конспектами следуют стенограммы Ученого совета и закрытых партсобраний, которые по стилю и накалу больше напоминают протоколы допросов эпохи Большого террора. Именно разнообразие источников позволяет составить достоверную картину происходящего с советской философией и с жизнью Ильенкова в те три длинных года.

Источник

Иллеш, Е. Э. (сост.) и Майданский, А. Д. (ред.) (2026), *Молодой Ильенков: архивные исследования*, Директ-Медиа, Москва.

Литература

Иллеш, Е. Э. и Майданский, А. Д. (сост.) (2016), *Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955)*, Канон+, Москва.

Щедровицкий, Г. П. (2001), *«Я всегда был идеалистом...»*, Путь, Москва.

Source

Illesh, E. E. (comp.) and Maidansky, A. D. (ed.) (2026), *Molodoy Ilyenkov: arkhivnye issledovaniya* [Young Ilyenkov: Archive Research], Direkt-Media, Moscow, Russia (in Russ.).

References

Illesh, E. E. and Maidansky, A. D. (comps.) (2016), *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Passions for Theses on the Subject of Philosophy (1954–1955)], Kanon+ ROOI, Moscow, Russia (in Russ.).

Shchedrovitsky, G. P. (2001), “*Ya vseгда byl idealistom...*” [“I have always been an idealist...”], Put', Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Никита Николаевич Тинус, младший научный сотрудник Института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; tiinusnn@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6870-4157

ABOUT THE AUTHOR:

Nikita N. Tinus, Research Fellow, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; tiinusnn@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6870-4157

УДК 791.43:821.161.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-9

Шаталова Ю. Н.¹,
Елисеева А. И.²**Современные киноадаптации русской классики:
особенности зрительского восприятия**

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
shatalova_yu@bsuedu.ru

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
alenka.yeliseyeva@gmail.com

Аннотация. В современном российском кинематографе наблюдается тенденция к переосмыслению классических произведений русской литературы, что находит отражение в киноадаптациях, по-новому интерпретирующих знакомые темы и образы. Известность первоисточника, с одной стороны, обеспечивает интерес к фильму, с другой – является основой предвзятости зрительского восприятия. Рассматривая киноадаптацию как самостоятельное произведение искусства, сочетающее оригинальный нарратив с современными эстетическими критериями и техническими возможностями кинематографа, авторы актуализируют вопрос зрительского отношения к экранизации. Восприятие зрителями киноадаптаций зависит от множества факторов, среди которых знание первоисточника, знакомство с предыдущими экранизациями, культурный контекст и жизненный опыт. В статье приводятся результаты исследования восприятия зрителями таких российских киноадаптаций, как «Мастер и Маргарита» М. Локшина и «Онегин» С. Андреасяна. Анализ зрительских рецензий, результатов проведенного опроса и фокус-группы показывает, что положительное восприятие фильмов зависит от ряда факторов: соответствие духу и идее оригинала; качество актерской игры; визуальные решения; возраст и ожидания зрителей (молодая аудитория более открыта к экспериментам, зрелая предпочитает традиционное прочтение). Авторы подчеркивают важность сохранения баланса между уважением к оригиналу и креативностью, необходимой для привлечения современной аудитории.

Ключевые слова: киноадаптация; экранизация; зрительское восприятие; зрительская аудитория; режиссерская интерпретация; «Мастер и Маргарита»; «Онегин»

Для цитирования: Шаталова, Ю. Н. и Елисеева, А. И. (2026), «Современные киноадаптации русской классики: особенности зрительского восприятия», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 211-222. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-9

Yu. N. Shatalova¹,
A. I. Eliseeva²

**Modern film adaptations of Russian classics:
features of audience perception**

¹Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
shatalova_yu@bsuedu.ru

²Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
alenka.yelisseyeva@gmail.com

Abstract. In modern Russian cinema, there is a tendency to rethink classic works of Russian literature. While the familiarity of the source material fosters interest in the film, it also predisposes audiences to biased perceptions. Considering the film adaptation as an independent work of art, combining an original narrative with modern aesthetic criteria and technical capabilities of cinema, the authors actualize the issue of the audience's attitude to the film adaptation. Viewers' perception of film adaptations depends on many factors, including knowledge of the original source, familiarity with previous film adaptations, cultural context, and life experience. This article presents the results of a study examining audience perceptions of the film adaptations of M. Lokshin's "The Master and Margarita" and S. Andreasyan's "Onegin". An analysis of audience reviews, the results of a survey and a focus group show that the positive perception of films depends on a number of factors: compliance with the spirit and idea of the original; the quality of acting; visual solutions; age and expectations of viewers (young audiences are more open to experimentation, mature prefer traditional reading). It's important for viewers to maintain a balance between respect for the original and the creativity needed to attract a modern audience.

Keywords: film adaptation; screen version; audience perception; audience; director's interpretation; *The Master and Margarita*; *Onegin*

For citation: Shatalova, Yu. N. and Eliseeva, A. I. (2026), "Modern film adaptations of Russian classics: features of audience perception", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 211-222. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-9

Введение

С момента появления кинематографа адаптация произведений литературы стала универсальной практикой кинопроизводства. Успех бестселлеров выступает гарантией высокого интереса к экранизации. В киноиндустрии XXI в. экранизации имеют особое значение. Здесь можно отметить, во-первых, многочисленность коммерчески успешных киноадаптаций, вдохновленных произведениями мировой классики (пьесами У. Шекспира, романами Дж. Остин, А. Конан-Дойля, Ф.С. Фицджеральда и др.), во-вторых, важнейшую роль экранизаций в стимулировании киноиндустрии через появление медиафраншиз. Так, именно экранизация в 2001 г. романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» послужила опорой для появления целой киновселенной о Гарри Поттере, медиафраншизы, включившей, помимо книг и фильмов, компьютерные игры, сувенирную продукцию, многочисленные фан-сообщества по всему миру. Заметным явлением современной массовой культуры стало появление медиафраншиз, созданных вокруг сериальных экранизаций

литературных произведений (например, «Игра престолов» по произведениям Дж. Мартина, «Ведьмак» по романам А. Сапковского, «Американские боги» Н. Геймана и мн. др.), а также вокруг экранизаций графических романов и комиксов (например, киновселенная супергеройских фильмов Marvel). Подобные медиафраншизы становятся ключевым механизмом массовой культуры, формируя глобальные нарративы, объединяя людей и их потребительские практики, стимулируя творчество и экономику.

В отечественном кинематографе экранизации также достаточно распространены. В последние годы особенно очевидна тенденция к переосмыслению классических произведений русской литературы, что находит отражение в киноадаптациях, которые претерпевают значительные изменения как в содержательном, так и в структурном аспектах. Если ранее в экранизациях преобладала буквальная визуализация литературных текстов, то в настоящее время чаще они представляют авторское интерпретирование сюжета, предлагающее новый взгляд на культовые произведения. Данная трансформация оказывает влияние на восприятие зрителей, способствуя переосмыслению классических тем и мотивов в контексте современности.

Особенности киноадаптаций и их восприятия зрителями требуют научного освещения. Классической работой по теории экранизации можно считать книгу Дж. Блустона «Novels into Film» (Bluestone, 1961). Автор представил экранизацию как отдельный вид творчества, в котором сталкиваются две разные художественные логики – словесная и визуальная, – и рождается новый художественный продукт. Фундаментальным исследованием, предложившим целостную теоретическую рамку для анализа адаптаций в разных медиа, стала книга Л. Хатчен и С. О'Флинн «A Theory of Adaptation» (Hutcheon, O'Flynn, 2013). В соответствии с подходом авторов, адаптация – не копия, а творческий акт присвоения и переосмысления, результат которого имеет самостоятельную художественную ценность. Комплексному анализу постсоветских адаптаций российской классики посвящена работа Л. Федоровой (Федорова, 2022).

Вопрос о восприятии киноадаптаций аудиторией нельзя назвать всесторонне изученным, особенно если принять во внимание перманентность появления нового эмпирического материала и изменения контекстов восприятия. Отдельные аспекты зрительского восприятия киноадаптаций рассматриваются в работах Т.В. Духовной (Духовная, 2022), П.Ю. Рыбиной (Рыбина, 2022, 2025), Р.И. Сарбаста (Сарбаст, 2019) и др. Вопросам зрительской рецепции экранизаций отдельных литературных произведений посвящены статьи А.А. Гапоненкова (Гапоненков, 2024), Е.П. Гуриной (Гурина, 2017), Ф.В. Шелухина (Шелухин, 2021, 2023) и др.

В последние годы вышло несколько экранизаций произведений русской классической литературы, среди которых полнометражные фильмы по романам «Евгений Онегин» А.С. Пушкина (реж. С. Андреасян, 2024 г.) и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (реж. М. Локшин, 2024 г.). Отношение аудитории к обеим кинокартинам формируется под влиянием ряда общих факторов: школьный опыт изучения романов; культурный багаж в виде предыдущих экранизаций; художественные компромиссы, обусловленные сложностью для адаптации исходного материала. Цель данной работы – представить результаты исследования зрительского восприятия данных кинокартин, включающего выявление доминирующих тенденций в оценках и определение факторов, обуславливающих эти оценки.

Киноадаптация как специфический вид художественного произведения

Проблема экранизации классических литературных произведений является одной из самых противоречивых в кинематографе. Определяя важную роль художественной литературы в становлении киноискусства, Ю.М. Лотман и Ю.Г. Цивьян отмечают: «Разные виды искусства, обладая каждый своим языком, воссоздают разные образы мира, но только

два из них – искусство слова и кинематограф пользуются целым набором языков, позволяющих воссоздать предельно полный образ реальности» (Лотман и Цивьян, 2014: 92).

Советский киноматург И.М. Маневич считал, что экранизация – это «такая форма киноискусства, в которой автор экранизации, не выходя из рамок литературного оригинала, воссоздает его на экране специфическими средствами киноискусства, стремясь как можно глубже и поэтичнее передать пафос оригинала, его художественную сущность» (Маневич, 1966: 12). По замечанию Е.В. Волковой, это не копия, не репродукция, а «образ литературного первоисточника» (Волкова, 1976: 14).

Под экранизацией мы понимаем адаптацию литературного произведения кинематографическими средствами путем переосмысления оригинального текста сквозь призму современных эстетических критериев и взглядов на социальную действительность. Такая форма киноискусства должна стремиться к сохранению целостности повествования и образной структуры, к адекватному раскрытию заложенной в произведение идеи и отражению своеобразия творчества писателя, создавая при этом новый посыл для зрительской аудитории.

Вопрос, является ли экранизация лишь интерпретацией, киновоплощением литературного источника, или же это самостоятельное произведение искусства, большинством ученых решается в пользу второго утверждения.

Л. Хатчен и С. О'Флинн определяют адаптацию как особый вид перевода, представляющий собой интерсемиотический перенос сообщения из одной знаковой системы в другую (Hutcheon, O'Flynn, 2013). При интерпретации художественного произведения происходит диалог между оригинальным текстом и создателем его адаптации, в результате которого рождаются новые смыслы и создается уникальное произведение искусства. По определению Т. В. Духовной, киноадаптация – это «контекстно-зависимый коммуникативный акт: <...> Адаптация перемещает повествование и, что более важно, дискурсивное событие в новый социально-временной и медийный контекст с иными ценностями и коммуникативными конвенциями. По этой причине адаптацию можно считать реконтекстуализацией текста...» (Духовная, 2022: 59). Киноадаптация становится таким художественным продуктом, в котором сочетаются оригинальный текст, индивидуальные творческие концепции режиссера, культурный и исторический контекст, а также актуальные тенденции времени.

В теории киноматургии представлено несколько подходов к классификации экранизаций, представляющих попытки упорядочить их виды в зависимости от методов адаптации и эстетических задач режиссера. Так, отечественный исследователь Г.А. Поличко выделил три основных типа экранизаций: 1) прямая экранизация, 2) экранизация по мотивам, 3) общая киноадаптация (цит. по: Шелухин, 2021).

Прямая экранизация характеризуется минимальными вмешательствами со стороны кинематографистов, что обусловлено стремлением сохранить исходную фабулу, стилистические особенности и художественный замысел оригинального произведения. Данный тип ставит своей целью буквально повторить книгу, дать возможность зрителю еще раз, но уже в формате кино, соприкоснуться с источником. Примеры прямой экранизации классики в российском кинематографе – «Война и мир» С.Ф. Бондарчука, «Собачье сердце» В. В. Бортко (Шелухин, 2023).

Экранизация по мотивам художественного произведения относится к категории киноадаптаций, отличающихся внесением существенных изменений в структурно-композиционные элементы произведения, а также разницей в соотношении между оригинальной версией текста и интерпретированным визуальным образом. Данный вид экранизации ставит перед собой задачу сохранить ядро смысловой сущности канонического текста и перенести на экран известное произведение в новой форме. Экранизации «по

мотивам» реализуются в тех случаях, когда из-за большого объема текста, ограничений по хронометражу и пр. невозможно точно передать исходный материал в киноформате (примеры – «Мой ласковый и нежный зверь» Э. В. Лотяну, «Жестокий романс» Э. А. Рязанова).

Общая киноадаптация представляет собой такой вид экранизации, при котором целью кинематографистов становится создание уникального и самобытного произведения, дополняющего первоисточник. Такие фильмы часто используют экспериментальные приемы, расширяя возможности киноязыка и внедряя новые элементы в сюжетно-образную структуру произведения. Примерами подобных киноадаптаций могут служить фильмы А.А. Тарковского «Солярис» и «Сталкер».

Л.Н. Нехорошев выделяет три вида экранизации: пересказ-иллюстрация, новое прочтение, переложение (Нехорошев, 2009).

Пересказ-иллюстрация – это вид экранизации, характеризующийся минимальным отступлением от оригинального текста и минимальным творческим вмешательством режиссера. Этот вид подразумевает приспособление текста к экрану: сокращение текста, если он по объему больше метража; перевод прозаического описания мыслей и чувств героев в диалоги, монологи, закадровые виды речи; сокращение диалогов и монологов при экранизации пьесы и т. д. Пересказы-иллюстрации не всегда успешны, поскольку в них не используются в должной степени преимущества кинематографа. В качестве неудачного примера Л.Н. Нехорошев приводит экранизацию пушкинской драмы «Борис Годунов» С. Бондарчука. По мнению исследователя, такой способ адаптации оправдан в многосерийных экранизациях, дающих возможность совместного со зрителем постраничного прочтения на экране литературного произведения (к успешным попыткам относят «Войну и мир» С. Бондарчука, «Тихий Дон» С. Герасимова, «Идиот» В. Бортко и др.) (Нехорошев, 2009).

Новое прочтение – это интерпретация художественного текста, рассматривающая первоисточник как материал для создания нового фильма. При подобном подходе автор свободен в выборе выразительных средств и отборе материала, он может изменить или сократить романную фабулу, объединяя отдельные сюжетные линии или удаляя ненужные эпизоды. Режиссер может менять временные рамки и социальные условия, перенося действия в другое время или место (например, из средневековой Европы в наши дни в США). Новое прочтение предполагает активное преобразование сюжета, при котором кинематографист актуализирует текст для современного зрителя и сохраняет лишь ключевые детали произведения.

Экранизация-переложение – способ адаптации художественного текста, при котором создатель фильма не создает полностью самостоятельное произведение на базе оригинала, а стремится донести до зрителя его ключевую суть, особенности художественного стиля, дух и атмосферу оригинального произведения посредством специфических кинематографических средств. Такой вид экранизации, когда режиссер пытается найти с помощью киноязыка полные аналоги стилистике романа, является самым трудновыполнимым.

Как видим, обе классификации базируются на сравнении фильма с литературным первоисточником и выявляют степень их близости.

Зрительская оценка фильмов

«Мастер и Маргарита» (реж. М. Локшин) и «Онегин» (реж. С. Андреасян)

Процесс зрительского восприятия является динамическим, воплощается в сопереживании героям, в воображаемом перенесении на себя событий, при этом восприятие существенно зависит от индивидуальных особенностей, культурного контекста и личного опыта субъекта. Помимо этого, на зрительское восприятие киноадаптаций значительное влияние оказывает фактор знания первоисточника. «У читателя литературного произведения

складывается свое видение героев и смысла произведения, которые могут не совпадать с точкой зрения другого человека – автора киноадаптации, тоже читателя» (Гурина, 2017: 563).

В данном случае обе кинокартины являются экранизациями не просто широко известных произведений, это экранизации романов, входящих в российскую школьную программу по литературе. Приступая к такой работе, создатели заведомо понимают, что будут иметь дело с осведомленным зрителем, который будет воспринимать кинопродукт сквозь призму уже имеющегося читательского опыта или, как минимум, под влиянием навязанных на школьных уроках стереотипов об образах, проблемах и идеях.

Подчеркнем, однако, что «осведомленность» отнюдь не препятствие на пути к зрительскому интересу. Как отмечают Л. Хатчен и С. О'Флинн, это, наоборот, основа удовольствия, которое аудитория получает от пересказа старых историй. По мнению исследователей, восприятие адаптации связано с радостью узнавания, с удовольствием от «повтора с варьированием» (repetition with variation). Повтор при этом ассоциируется с комфортом повседневных ритуалов, а варьирование – с потребностью в новизне, в неожиданном (Hutcheon, O'Flynn, 2013). Исследовательскую проблему представляет изучение тех факторов, которые обеспечивают успех киноадаптации через верный баланс радости узнавания и критического скептицизма осведомленного зрителя.

В январе 2024 г. на российские киноэкраны вышел фильм Михаила Локшина «Мастер и Маргарита», созданный по мотивам одноименного романа М. Булгакова. В соответствии с типологией Л. Нехорошева, данную киноадаптацию можно отнести к виду «новое прочтение»: это не иллюстрация, а скорее, интерпретация булгаковского текста и самой жизни писателя.

Адаптация романа «Мастер и Маргарита» в формат полнометражного фильма (не сериала) представляется весьма сложной задачей из-за жанровой специфики – «роман в романе». М. Локшин визуализирует этот литературный механизм через фигуру персонажа-нарратора, который, собственно, и пишет роман «Мастер и Маргарита», опираясь на события собственной жизни. Этот персонаж выполняет роль «мостика», связывая реальность с вымыслом и служа проводником между автором и зрителем. Двойственная природа персонажа – он и создатель романа, и его герой – дает режиссеру инструмент для переходов между двумя пластами реальности. Переходы осуществляются как благодаря закадровому голосу героя-рассказчика, так и с помощью визуальных решений, когда холодные, сдержанные тона изображаемого пространства сменяются теплыми и насыщенными.

Мониторинг зрительских оценок в интернете свидетельствует о неоднозначном восприятии кинокартины. Так, на сайте kinopoisk.ru¹ на момент написания данной работы представлено 287 зрительских рецензий; 146 из них (50,87 %) – положительные, 90 (31,36 %) – отрицательные, 51 (17,77 %) – нейтральные. Полярность оценок наблюдается во всех аспектах. Одни рецензенты впечатлены визуальной составляющей фильма, отмечают завораживающую атмосферу гротескной, футуристичной Москвы, зрелищность костюмов, спецэффекты, музыку. Другие разочарованы этими же составляющими, отмечают визуальное сходство с известной компьютерной игрой, «перебарщивание» со спецэффектами, сравнивают музыку Анны Друбич с музыкальным сопровождением И. Корнелюка в кинокартине В. Бортко не в пользу новой версии.

Неоднозначную оценку получает и актерская игра. По большей части положительных отзывов удостоились актеры, исполнившие главные роли. Так, по мнению зрителей, у актрисы Юлии Снигирь, исполняющей роль Маргариты, получилось воссоздать образ несчастной, но в то же время страстной и нежной женщины, которая, отчаянно стремясь к счастью,

¹ Рецензии на фильм «Мастер и Маргарита» (2024), Кинопоиск, URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1115471/reviews/> (дата обращения: 20.01.2026)

становится ведьмой. В своей игре она ярко передает внутренние чувства и переживания, делая образ максимально живым и достоверным. Евгению Цыганову, исполняющему роль Мастера, удалось воплотить образ страстного творца, готового бороться за правду, тонко передать внутреннюю сложность и трагизм своего персонажа. Воланд в исполнении немецкого актера Аугуста Дили – это образ глубокого и непредсказуемого зла, обладающего харизмой, способной одновременно притягивать и утешать. Зритель киноадаптации до конца не понимает, реален Воланд или является лишь видением героя-нарратора.

Более полярные мнения высказываются в отношении второстепенных персонажей, в частности свиты Воланда. В работе М. Фойгель отражено мнение значительной части рецензентов: «Блекло вышли на экране вампира Гелла, несмотря на харизму Полины Ауг, и Аззелло в исполнении Алексея Розина. Больше всего же обидно за таких замечательных актеров, как Юрий Колокольников и Юра Борисов в ролях Коровьева и Бегемота. Несмотря на все старания артистов, роли им не удалось» (Фойгель, 2024: 51).

Аудитория критически воспринимает сокращение ключевых сюжетных линий (например, эпизоды с Иешуа и Пилатом), утрату булгаковской иронии и юмора, их замену мрачной и местами гротескной эстетикой. Многие отмечают, что фильм нужно воспринимать не как точную экранизацию, а как самостоятельную интерпретацию, при этом смотреть его стоит только после прочтения литературного первоисточника.

***

Экранизация «Онегин» режиссера Сарика Андреасяна ставит перед собой цель передать глубокие философские идеи и тональность оригинала, одновременно обновляя формы подачи сюжета для соответствия реалиям настоящего времени. Фильм является прямой экранизацией, полностью сохраняющей фабулу романа. Режиссер сознательно отказался от большого количества спецэффектов, по максимуму используя натурные съемки в тех локациях, которые реально посещал Пушкин.

Сложность киноадаптации пушкинского романа заключается в необходимости перевести уникальный язык онегинской строфы в прозаическую форму. Попыткой сохранить языковой колорит первоисточника стал художественный прием с использованием цитат из романа, прочитанных Владимиром Вдовиченковым. Его герой – отстраненный повествователь, чей облик гармонирует с изображаемой эпохой и представляет собой условный, символический образ автора.

Зрительская оценка фильма «Онегин» оказалась еще более неоднозначной, чем оценка «Мастера и Маргариты». Во многом это обусловлено репутацией режиссера С. Андреасяна, чьи ранние работы подвергались резкой критике, обвинениям в пошлости, безвкусице, примитивном подражательстве и имеют на сайте kinopoisk.ru крайне низкий рейтинг. В рецензиях к «Онегину» на данном сайте² встречаем прямые указания на предвзятость оценки, например: «*Не скрою, у меня изначально были заниженные ожидания из-за сложившейся репутации режиссера*». Из 84 оставленных на сайте рецензий 33 положительные, 34 отрицательные, 17 – нейтральные.

Зрители, поделившиеся отрицательным мнением, сходятся в определении фильма как скучного и затянутого, а в качестве основного недостатка фильма называют выбор актеров, сыгравших Онегина и Татьяну: В. Добронравов и Е. Моряк гораздо старше пушкинских персонажей.

Особенно дискуссионным среди зрительской аудитории оказался образ Татьяны в исполнении Елизаветы Моряк. В оригинальном произведении Татьяна представляет собой сложный, диалектичный образ: она проходит путь развития – от наивной девочки к зрелой,

² Рецензии на фильм «Онегин» (2024), *Кинопоиск*, URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/5117258/reviews/> (дата обращения: 25.01.2026).

независимой женщине, воплощающей внутреннюю целостность и духовное совершенство. Татьяна в исполнении Моряк, по мнению зрителей, лишена внутренней динамики, ее характерные черты – пылкость, чистота, мечтательность и прямодушность – здесь не реализуются в полном объеме, остаются статичными, лишенными сложной трансформации. Против Татьяны как нравственного идеала Пушкина и вульгарный макияж, и злой огонек в глазах во время отповеди Онегину.

Стоит отметить, что негативные оценки воплощения образа Татьяны могут быть тоже связаны с предвзятостью к режиссеру (актриса является его женой), тем более что встречаем и абсолютно противоположные отзывы: *«Лиза Моряк (Татьяна Ларина) – изумительно подобранная на эту роль актриса. Играет Лиза настолько проникновенно, что вы точно не останетесь равнодушными к этой героине»*; *«<...> попадание в образ получилось идеальное»*.

Примечательно, что даже в отрицательных рецензиях похвалу получает визуальная составляющая кинокартины, зрители отмечают *«красивую картинку»*, *«замечательные пейзажи»*.

Высокую оценку получает уважение к первоисточнику, точное соблюдение сценаристом хронотопа романа: аккуратное воспроизведение смены времен года и последовательного развития сюжета. В отличие от других экранизаций, изображающих мрачную, заснеженную или туманную Россию XIX века, данный фильм представляет богатую палитру ярких и насыщенных красок, что создает образ благополучия, изобилия и даже роскоши. Интерьер, реквизит и костюмы воплощают дух эпохи. Медленная динамика и использование закадровой музыки создают атмосферу неспешности, а стремление к аутентичности подчеркнуто минимизацией компьютерной графики.

Понимание возможной коммерческой ангажированности отзывов, размещаемых в медиапространстве, обусловило необходимость проведения собственного социологического исследования восприятия современных киноадаптаций классики российским зрителем. Для этого были выбраны метод опроса в виде анкетирования (с участием 95 мужчин и женщин разного возраста) и метод фокус-группы.

Блок общих вопросов, представленных в анкете, позволил выявить, что подавляющее большинство респондентов (более 80 %) положительно относятся к экранизациям классической литературы. Предварительное знакомство с первоисточником, по их мнению, в значительной степени влияет на восприятие, позволяя глубже понять экранизацию.

Лояльное отношение к сценарным и режиссерским преобразованиям первоисточника демонстрирует молодежь 18–25 лет (64,9 %) и зрители старше 35 лет (66,6 %). Респонденты в возрасте 26–34 лет продемонстрировали в ответах единогласное неприятие сюжетных изменений в киноадаптациях.

Среди наиболее важных факторов, влияющих на зрительскую оценку, респондентами названы соответствие оригиналу и качество актерской игры.

Важно отметить, что при оценке киноадаптаций «Мастер и Маргарита» и «Онегин» характеристики «плохо» и «очень плохо» выбраны лишь несколькими участниками опроса: фильм «Мастер и Маргарита» – 3,1 % оценок «плохо» и «очень плохо»; фильм «Онегин» – 6,2 %. Кинокартине М. Локшина оценку «отлично» поставили 37,9 % респондентов, еще 24,2 % оценили фильм на «хорошо», что свидетельствует об удачной, с точки зрения зрителей, реализации. Фильм С. Андреасяна подвергся более критичному восприятию зрителей: только 27,4 % респондентов оценили фильм на «отлично», 23,2 % – на «хорошо».

Результаты фокус-группы из восьми студентов-филологов педагогического института НИУ «БелГУ» подтвердили результаты проведенного опроса. Участники считают, что зрители, хорошо знакомые с оригиналом, склонны критически оценивать соответствие адаптации оригинальному тексту, такой зритель становится внимательнее и требовательнее. Отношение респондентов к вольности в преобразовании первоисточника разделилось: одни

(большая часть) поддерживают новое прочтение, другие выступают за строгое следование тексту с минимальными изменениями. Это проявилось и в оценке фильма М. Локшина «Мастер и Маргарита». Часть участников высоко оценила свежий взгляд на классический роман и смелость режиссера в переосмыслении сюжета, другие остались недовольны изменением оригинального текста.

Визуальный ряд фильма респонденты оценили положительно, отметив яркую и эффектную палитру при описании потустороннего мира, однако были высказаны некоторые замечания об изображении Москвы 1930-х годов, касающиеся ее современности, идеальности и «глянцевости».

При анализе актерского состава участники фокус-группы сошлись в положительной оценке работы Августа Дилия, посчитав его воплощение Воланда удачным. Маргариту восприняли по-разному: одни увидели в ней нужную страсть и глубину, другие – холодность и «недоигранность». Мастер вызвал больше всего критики: респонденты ожидали большей трагичности и внутренней драмы персонажа.

По мнению респондентов, режиссеру удалось передать ключевые аспекты произведения, подчеркнув его философскую глубину. При этом два человека выразили негативное отношение к режиссерскому переосмыслению книги, отметив упрощение сатиры советского общества, сокращение ершалаимских глав и потерю булгаковской многослойности.

Фильм С. Андреасяна «Онегин» также получил неоднозначные оценки фокус-группы. Участники положительно оценили введение рассказчика, отметили высокое качество визуального ряда, однако высказали недовольство затянутостью повествования, недостаточной эмоциональной глубиной персонажей, несоответствием актерского состава (в то же время высоко оценена игра Виктора Добронравова, сумевшего передать холодность, усталость и разочарование Онегина).

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что основным фактором привлекательности киноадаптаций русской классики для российских зрителей является умелое сочетание оригинального произведения и режиссерского переосмысления. В то же время негативными аспектами считаются значительные отклонения от сюжета, упрощение идей, некачественный подбор актеров и недостаточное раскрытие характеров персонажей.

Заключение

Киноадаптация представляет собой сложное взаимодействие различных коммуникативных систем и дискурсов, включающих авторскую, читательскую и зрительскую перспективы, и выполняет функцию смыслопорождения через медийную природу. Высококачественная адаптация сохраняет способность формировать развитые метатекстовые связи посредством интеграции первоисточника и современных реалий, при этом художественная целостность сохраняется в той степени, в которой возможно актуализировать фундаментальные нравственно-философские проблемы оригинального произведения. При этом создателю важно учитывать современные запросы зрителя, поэтому ценность адаптации определяется не точным следованием оригиналу, а сохранением его духа и идейного пафоса.

В условиях современной России, где социальные перемены требуют новых подходов и пересмотра моральных норм, возникает особая актуальность вопроса о степени необходимой аутентичности литературного источника или, напротив, его реконцептуализации.

Зрительское восприятие экранизаций зависит от множества факторов, включая предварительное знакомство с первоисточником, личные ожидания, культурный контекст и индивидуальный опыт. Знание исходного произведения может как углублять понимание адаптации, так и усиливать критическое отношение к отклонениям от текста.

Исследование зрительского восприятия двух киноадаптаций русской классики («Мастер и Маргарита» М. Локшина и «Онегин» С. Андреасяна) продемонстрировало сложную динамику взаимодействия зрителей с кинематографическими версиями знаменитых романов. Анализ показал, что важнейшими факторами успеха адаптаций являются:

- соответствие оригинальной идее. Несмотря на относительную толерантность молодежи к режиссерским инновациям, большинство зрителей ценят сохранение духа первоисточника, положительно оценивая следование сюжету первоисточника;
- качество актерской игры. Зрителю важна как эмоциональная составляющая раскрытия образа, так и внешнее соответствие экранных героев литературным прототипам. Реалистичность исполнения ролей значительно влияет на общее впечатление, особенно важна убедительность актеров, исполняющих главные роли;
- визуальные решения. Красивая картинка и внимание к деталям способны компенсировать недостатки сценария и создать положительное впечатление;
- возраст зрителей. Молодые зрители чаще готовы принять новые подходы, тогда как старшая аудитория ожидает точности следования тексту и глубине образов литературных первоисточников.

Несмотря на полярность зрительских мнений, исследование показало, что ключевым элементом успешности киноадаптации является правильный баланс между сохранением исходного материала и творческой переработкой. Оба фильма демонстрируют этот принцип: «Мастер и Маргарита» вызывает восхищение визуальной составляющей, однако критикуется за упрощение философии и сюжетных линий романа, нехватку юмора и сатиры М. Булгакова, в то время как «Онегин» заслуживает похвалы за реалистичные декорации и бережное обращение с сюжетом, но подвергается критике за несоответствие возрасту исполнителей центральных ролей и слабость драматургической проработки.

Таким образом, современный зритель ищет в киноадаптациях не просто развлекательное зрелище, но глубокое понимание художественного замысла классики, сочетающееся с актуальным форматом подачи.

Литература

- Волкова, Е. В. (1976), *Произведение искусства – предмет эстетического анализа*, Изд-во Моск. ун-та, Москва.
- Гапоненков, А. А. (2024), «Экранизации произведений Михаила Булгакова: литературный первоисточник и его интерпретация», *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 24(4), 427–433. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-4-427-433; EDN: MNJVON
- Гурина, Е. П. (2017), «К вопросу о зрительской рецепции киноадаптации Дж. Райта и Т. Стоппарда “Анна Каренина” (2012 г.)», *Культура и цивилизация*, 7(5А), 561–567. EDN: ZJNOYD
- Духовная, Т. В. (2022), «Киноадаптация литературного произведения как контекстно-зависимый коммуникативный акт», *Гуманитарные науки*, 2, 56–63. EDN: ETACHM
- Лотман, Ю. М. и Цивьян, Ю. Г. (2014), *Диалог с экраном*, Изд. 2-е, обновл. и доп., Argo, cop., Таллинн.
- Маневич, И. М. (1966), *Кино и литература*, Искусство, Москва.
- Нехорошев, Л. Н. (2009), *Драматургия фильма*, ВГИК, Москва.
- Рыбина, Ю. П. (2022), «“Литература на экране”: адаптация читательского воображения», *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 3, 73–82. EDN: YFOYPD
- Рыбина, Ю. П. (2025), «Литература на экране: базовые метафоры современной теории адаптации», *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 3, 158–170. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-14; EDN: DJMPNK
- Сарбаст, И. Р. (2019), «Современное киноискусство и законы психологии восприятия», *Chronos: общественные науки*, 3, 24–29. EDN: IPFFEF

Федорова, Л. (2021), *Адаптация как симптом. Русская классика на постсоветском экране*, Новое литературное обозрение, Москва.

Фойгель, М. (2024), «“Мастер и Маргарита”: сравнительный анализ двух картин», *Байкальский госуниверситет*, 5, 46-51.

Шелухин, Ф. В. (2023), «Интерпретация художественного текста в кино: роман И. Гончарова “Обломов” и фильм Н. Михалкова “Несколько дней из жизни И.И. Обломова”», *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 17(1), 92-99. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.10; EDN: LXUXTG

Шелухин, Ф. В. (2021), «Проблемы киноэкранизаций художественных произведений (опыт сравнения романа Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” и кинофильма “Преступление и наказание” (1969), реж. Л. Кулиджанов)», *Уральский филологический вестник*, 4, 50-62. DOI 10.26170/2306-7462_2021_04_04; EDN: WALTTH

Bluestone, G. (1961), *Novels into Film*, University of California Press, Berkeley, CA.

Hutcheon, L. and O'Flynn, S. (2013), *A Theory of Adaptation*, Routledge, London and New York.

References

Bluestone, G. (1961), *Novels into Film*, University of California Press, Berkeley, CA.

Dukhovnaya, T. V. (2022), “Film adaptation of a literary work as a context-dependent communicative act”, *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*, 2, 56–63 (in Russ.). EDN: ETACHM

Fedorova, L. (2021), *Adaptatsiya kak simptom. Russkaya klassika na postsovetском ekrane* [Adaptation as a Symptom. Russian Classics on the Post-Soviet Screen], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Foygel, M. (2024) ““The Master and Margarita”: A Comparative Analysis of Two Paintings”, *Baikalskiy gosuniversitet*, 5, 46-51 (in Russ.).

Gaponenkov, A. A. (2024), “Film adaptations of Mikhail Bulgakov’s works: Literary source and its interpretation”, *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 24(4), 427–433 (in Russ.). DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-4-427-433; EDN: MHJVOH

Gurina, E. P. (2017), “On the audience reception of J. Wright and T. Stoppard’s film adaptation of “Anna Karenina” (2012)”, *Culture and Civilization*, 7(5A), 561-567 (in Russ.). EDN: ZJNOYD

Hutcheon, L. and O'Flynn, S. (2013), *A Theory of Adaptation*, Routledge, London and New York.

Lotman, Yu. M. and Tsivyan, Yu. G. (2014) *Dialog s ekranom* [Dialogue with the Screen], 2nd ed., updated and expanded, Argo, Tallinn, Republic of Estonia (in Russ.).

Manevich, I. M. (1966), *Kino i literatura* [Cinema and Literature], Iskusstvo, Moscow, USSR (in Russ.).

Nekhoroshev, L. N. (2009), *Dramaturgiya filma* [Film Dramaturgy], VGIK, Moscow, Russia (in Russ.).

Rybina, Yu. P. (2022), “Literature on Screen: Adapting the Reader’s Imagination”, *Moscow University Philology Bulletin*, 3, 73–82 (in Russ.). EDN: YFOYPD

Rybina, Yu. P. (2025), “Literature on the Screen: The Controlling Metaphors in Contemporary Adaptation Theory”, *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 3, 158–170 (in Russ.). DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-14; EDN: DJMPNK

Sarbast, I. R. (2019), “Contemporary Cinema and Laws of Psychology of Perception”, *Chronos: Social Sciences*, 3, 24-29 (in Russ.).

Shelukhin, F. V. (2021), “Problems with Film Adaptations of Literary Works (the Experience of Comparing the Roman of F. M. Dostoevsky “Crime and Punishment” and the Film “Crime Punishment” (1969), Directed by L. Kulidzhanov)”, *Ural Philological Bulletin*, 4, 50-62 (in Russ.). DOI 10.26170/2306-7462_2021_04_04; EDN: WALTTH

Shelukhin, F. V. (2023), “Interpretation of a literary text in cinema: I. A. Goncharov’s novel “Oblokov” and N. Mikhalkov’s film “A few days from the life of I. I. Oblokov””, *The Science of Person: Humanitarian Researches*, 17(1), 92–99 (in Russ.). DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.10; EDN: LXUXTG

Volkova, E. V. (1976), *Proizvedenie iskusstva – predmet esteticheskogo analiza* [A Work of Art as a Subject of Aesthetic Analysis], Moscow University, Moscow, USSR (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРАХ:

Шаталова Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; shatalova_yu@bsuedu.ru

Елисеева Алена Ивановна, магистрант кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; alenka.yelisseyeva@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Yuliya N. Shatalova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; shatalova_yu@bsuedu.ru

Alena I. Eliseeva, Master's Degree Student, Department of Communications, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; alenka.yelisseyeva@gmail.com

УДК 796.01:130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-2-0

Сидоренко А. А. | Уязвимость как условие спортивной телесности

Спортивная школа олимпийского резерва по боксу,
г. Белгорода, ул. Н. Чумичова, д. 30б, 308009, Россия;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
Sidorenko-sashunya@internet.ru

Аннотация. В статье обосновывается понимание уязвимости спортивного тела. Уязвимость рассматривается не как дефицит силы или внешний предел спортивного достижения, а как условие формирования телесной способности, в рамках которой тело может обучаться, координировать движение и превосходить привычный уровень именно потому, что оно открыто воздействию, изменяется во времени и зависит от других. Методологическую основу исследования составляют феноменология воплощенности, реляционная онтология тела, философская антропология и критическая социология спорта. Выделяются три взаимосвязанных измерения уязвимости: реляционное, обусловленное формированием способности в контакте со средой и другими; временное, связанное с необратимостью телесной истории; нормативное, возникающее, когда необходимая спортсмену институциональная поддержка превращается в средство давления. Боль интерпретируется как кризис практического доверия к телу, а смертельный риск как граница инструментального отношения к телу. Обосновывается, что гуманный спорт должен не устранять уязвимость, а создавать условия для информированного решения, реальной возможности отказа и сохранения достоинства спортсмена независимо от его результата.

Ключевые слова: воплощенность; телесная уязвимость; реляционность; практическое доверие; спортивный риск; телесная способность; достоинство; гуманизм спорта

Для цитирования: Сидоренко, А. А. (2026), «Уязвимость как условие спортивной телесности», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 223-228. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-2-0

A. A. Sidorenko | Vulnerability as a Condition of Athletic Embodiment

Belgorod City Olympic Reserve Sports School for Boxing,
30b N. Chumichov St., Belgorod; 308009, Russian Federation;
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation;
Sidorenko-sashunya@internet.ru

Abstract. The article delves into the concept of the vulnerability of the athlete's body. Rather than being understood as a deficit of strength or an external limit to athletic achievement, vulnerability is considered a condition in which bodily capability is formed. It is a state in which the body can learn and coordinate movement, exceeding its habitual

level precisely because it is open to influence, changes over time and depends on others. The methodological framework combines the phenomenology of embodiment, a relational ontology of the body, philosophical anthropology and the critical sociology of sport. Three interconnected dimensions of vulnerability are identified: the relational dimension, through which capability is formed by interacting with the environment and other people; the temporal dimension, based on the irreversibility of bodily history; and the normative dimension, which occurs when institutional support for athletes becomes a source of pressure. Pain is interpreted as a crisis of practical trust in the body, while mortal risk marks the limit of an instrumental relationship with embodiment. The article argues that humane sport should not seek to eliminate vulnerability, but rather create conditions that allow for informed decision-making and the genuine possibility of refusal without disproportionate sanctions. It should also preserve an athlete's dignity, regardless of their performance.

Keywords: embodiment; bodily vulnerability; relationality; practical trust; sporting risk; bodily capability; dignity; sport humanism

For citation: Sidorenko, A. A. (2026), "Vulnerability as a Condition of Athletic Embodiment", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 223-228. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-2-0

Введение

Перед стартом тело спортсмена обычно не является отдельной темой его внимания. Оно присутствует как готовность к действию, когда дорожка открывается для ускорения, снаряд продолжает движение руки, дистанция считывается в ритме дыхания. Спортсмен не распоряжается телом как внешним инструментом, а существует в ситуации через телесную способность действия. Но достаточно боли, сбоя опоры или непривычной усталости, чтобы эта очевидность исчезла, и то, что только что было возможностью действия, стало источником неопределенности.

Эта перемена позволяет иначе поставить вопрос об уязвимости в спорте и о самом спорте как феномене, поскольку обычно уязвимым называют слабое, недостаточно защищенное или повреждаемое тело. Спорт, напротив, ассоциируется с силой, контролем и преодолением. Уязвимость кажется внешним пределом спортивной телесности и тем, что обнаруживается после неудачи. Тогда как уязвимость присутствует в самой способности тела становиться спортивным. Тело обучается, потому что может быть изменено повторением. Оно координирует движение, потому что открыто среде и другим телам. Оно превосходит привычный уровень, потому что не завершено и способно отвечать на новое требование. Но изменение может стать повреждением, открытость – зависимостью, а незавершенность – необратимой утратой прежней возможности. Следовательно, сила и ранимость имеют общее основание в способности тела быть измененным, как позитивно, так и негативно.

Тело способное и тело уязвимое

В профессиональном спорте тело неизбежно приобретает инструментальную ценность. Л. Вакан показывает на материале бокса, как телесный навык становится трудом, капиталом и основанием социального положения (Wacquant, 1995: 68-70). Эта перспектива объясняет, почему травма угрожает не только здоровью, но и профессии. Однако понятие капитала начинает анализ с уже сформированной способности, оно не объясняет, как тело научилось различать момент удара, удерживать дистанцию и отвечать без предварительного расчета. Феноменология М. Мерло-Понти начинается с более первичного опыта. Тело является не

объектом, которым располагает сознание, а способом присутствовать в мире (Merleau-Ponty, 2012: 84, 139, 204). Спортивное движение особенно ясно подтверждает эту мысль. Опытный игрок воспринимает не совокупность координат, а свободную зону; бегун слышит в дыхании не физиологический показатель, а возможность удержать темп. Знание действия существует в позе, ритме и телесной схеме раньше, чем становится суждением.

Феноменологические исследования спортивного опыта показывают, что дыхание, усталость, поверхность, дистанция и движение других образуют единую переживаемую ситуацию (Allen-Collinson, 2009: 284-291). Поэтому способность не заключена внутри организма. Она возникает в отношении тела к миру. Бег возможен не вообще, а на определенной поверхности и в освоенном ритме; удар возможен в отношении к снаряду и сопротивлению; командное действие – к движениям партнеров. Изменение отношения изменяет и саму способность. И в такой перспективе связь силы и уязвимости становится понятнее. Если способность является отношением, то она зависит от условий, которые не принадлежат спортсмену полностью. Плохая опора, чужое движение, изменение инвентаря или решение тренера затрагивают не внешнюю оболочку навыка, а сам способ действовать. Неуязвимым могло бы быть только тело, которое ничего не воспринимает и ни с чем не вступает в отношение. Но такое тело не могло бы стать спортивным.

В спорте начало такого отношения к телу формируется в ходе тренировки, которая часто описывается как индивидуальное совершенствование, однако даже одиночная дисциплина формируется в поле других. Тренер задает различие правильного и ошибочного, партнер поддерживает ритм, соперник открывает непредвиденное требование, а правила делают одни действия возможными и запрещают другие. Спортсмен становится способным не вопреки зависимости, а через нее. Ж.-Л. Нанси позволяет придать этой зависимости онтологический смысл. Тело открыто контакту и не замыкается в собственности сознания (Нанси, 1999: 37-42). Спортивное тело предельно экспонировано, ориентировано вовне. Его движение прочитывается соперником, оценивается судьей, корректируется тренером, поддерживается командой и меняется сопротивлением среды. Даже телесная уверенность складывается из повторяющихся подтверждений, приходящих через взаимодействие.

Пока тело действует привычно и спортсмен направлен на задачу, а не на отдельные органы, само взаимодействие не становится проблемой. Д. Ледер описывает это как относительное исчезновение тела из внимания, когда оно присутствует именно тем, что не требует постоянного наблюдения (Leder, 1990: 69-76, 84). Боль нарушает эту структуру. Колено перестает быть незаметной опорой и становится тем, что нужно проверять перед каждым шагом, а плечо выводит внимание из траектории к возможному повторению повреждения. Поэтому боль для спортсмена означает больше, чем интенсивность неприятного ощущения. Она меняет отношение между намерением и действием. Спортсмен может знать, что движение технически возможно, но не доверять телу в момент опоры или контакта.

Спортивная культура стремится классифицировать этот вопрос и управлять этим сбоем доверия. В результате одни ощущения признаются обычной ценой нагрузки, другие – симптомами травмы, и важно их различать. Х. Никсон показывает, что принятие боли поддерживается ожиданиями спортивного окружения (Nixon, 1993: 190-194). Р. Хьюз и Дж. Коукли называют позитивной девиацией ситуацию, когда чрезмерная верность спортивной этике делает самоповреждение морально одобряемым (Hughes and Coakley, 1991: 309-312). Но культурное значение не отменяет материального повреждения. Тело способно сопротивляться решению продолжать, и именно это сопротивление не позволяет свести уязвимость к дискурсу. Боль одновременно телесна, переживаема и социально интерпретируема. Ее философский смысл состоит в том, что она обнаруживает расхождение между телом-проектом – собственным и тренера, команды – и телом, которое имеет собственную причинность и предел.

При этом последним горизонтом уязвимости является смерть. Спорт выражает радость движения, интенсивность жизни и желание расширить возможное, но в некоторых дисциплинах приближение к пределу включает реальный смертельный риск. И. Йирасек называет смерть в спорте философским парадоксом, поскольку практика, ориентированная на жизненную полноту, может включать притяжение к разрушению (Jirbsek, 2026: 108-109, 120-122). И этот парадокс нельзя разрешить простым запретом риска. Свободно принятая опасность может иметь смысл испытания, самопознания и верности избранной практике, что достаточно позитивно, а устранение всякой уязвимости сделало бы невозможным значительную часть спортивного опыта, лишив его не только риска, но и преодоления привычных границ. Но столь же ошибочно считать любой риск выражением свободы. Решение формируется внутри рынка, медиа, командной лояльности и неравного доступа к информации. Само представление о допустимом также во многом является конструктом, в том числе созданным предшествующими спортивными достижениями.

Х. Плеснер описывает человека как существо эксцентрической позициональности, возникающей в двойственном отношении к себе как внутреннему и внешнему (Plessner, 2019: 271-273). Спорт радикализирует эту двойственность. Спортсмен переживает движение изнутри, но также измеряет тело и строит его как проект. Смертельный риск показывает границу дистанции, когда тело нельзя окончательно поставить перед собой как ресурс, потому что утрата тела не оставляет субъекта, который мог бы воспользоваться результатом. Поэтому этическая оценка должна касаться не только величины вероятности, но и условий решения. Были ли последствия понятны? Существовала ли реальная возможность отказа? Кто получал выгоду, а кто нес необратимые последствия? Поддерживалась ли способность изменить решение? Эти вопросы переводят риск из абстрактного свойства дисциплины в отношение между воплощенной свободой и институтом.

В результате можно говорить о том, что временная уязвимость присуща спортивной телесности как таковой. Нормативная уязвимость возникает не автоматически, а при определенном устройстве зависимости. Спортсмен нуждается в тренере, партнерах, медицине, инфраструктуре и признании. Эти отношения могут расширять способность, но могут также превращать необходимую поддержку в средство давления.

Помимо этого, уязвимость проблематизируется через телесную открытость другим, когда решения окружающих входят в его способность действовать. Поскольку телесная история необратима, ошибочное решение оставляет последствия, которые нельзя свести к одному старту. Институционально организация распределяет доступ к информации и участию, она способна сделать отказ слишком дорогим. Нормативная проблема возникает в месте **соединения этих трех условий. Можно предположить, что коррекция этих аспектов** может сделать уязвимость более явной и контролируемой. Например, воплощенный гуманизм К. Аггерхольма предлагает оценивать спорт из перспективы человеческой неоднозначности, повторения и телесного существования, а не только правила или результата (Aggerholm, 2025: 5-16). Такая перспектива не требует отказаться от трудного достижения, а предлагает различать самопревосхождение и превращение человека в заменимый носитель функции.

Соответственно, можно рассмотреть четыре возможных признака гуманного спортивного института. Прежде всего, спортсмен должен получать как можно более полную и понятную информацию о риске, участвовать в определении допустимого воздействия и иметь возможность отказаться или изменить решение без несоразмерной санкции, а также получить поддержку при негативных последствиях независимо от способности вернуться к прежнему результату. Эти признаки не устраняют уязвимость, но и не позволяют зависимости от нее стать максимально негативной. В философско-антропологическом смысле в такой трактовке концепт уязвимости приобретает собственные видимые границы. Возникает

страховка от романтизации, в результате боль не становится благом только потому, что раскрывает конечность достижений. Спортсмен также боится от позиции пассивной жертвы. Современные исследования психологии травмы показывают множественность реакций, стратегий восстановления и форм агентности (Tranaeus et al., 2024: 1740-1746). Вектор гуманизации уязвимости – в сохранении возможности риска и достижения, без создания непризнанной жертвы условием принадлежности к спорту.

Заключение

Исходный парадокс состоит в том, что спортивная сила и телесная уязвимость не исключают, а предполагают друг друга. Тело становится спортивным благодаря способности изменяться под воздействием тренировки, отвечать на среду и вступать в отношения с другими телами. Та же открытость, взятая с другой стороны, делает возможными боль, повреждение и несправедливую зависимость. Поэтому уязвимость не появляется после краха способности, а уже присутствует в самом ее формировании.

Феноменологическая оптика позволила нам описать это единство на уровне опыта спортсмена. Пока движение удается, тело не выступает отдельным объектом и присутствует как практическая возможность действовать. Боль нарушает эту прозрачность, что проявляется, когда опора или движение перестают подразумеваться, а спортсмен вынужден заново соотносить намерение с возможностями тела. Боль тем самым является не только симптомом, но и кризисом практического доверия. Однако значение боли не задается одним субъективным ощущением, спортивная культура классифицирует ее как допустимую цену нагрузки или как основание для прекращения действия.

В результате временное и нормативное измерения уязвимости образуют не перечень свойств, а единую структуру. Способность возникает в отношении с миром и другими; это отношение изменяет тело и становится его необратимой историей; а зависимость от тренера, медицины и спортивной организации определяет, насколько сам спортсмен участвует в решениях о собственном риске. Именно в этой точке онтологическая уязвимость, которую нельзя устранить, отличается от нормативно усиленной уязвимости, производимой неравным распределением информации, выгод и последствий.

Предельный случай этого различия обнаруживается в смертельном риске. Спорт нельзя лишить всякой опасности, не лишив его опыта испытания и самопреодоления. Но опасность становится выражением свободы лишь при условии, что последствия понятны, отказ реально возможен, а решение может быть изменено. Смертельный риск также показывает предел инструментального отношения к телу. Его нельзя окончательно превратить в ресурс, поскольку утрата тела устраняет и самого субъекта, который мог бы воспользоваться результатом.

Отсюда следует, что гуманный спорт не должен обещать неуязвимость или подменять заботу о спортсмене запретом всякого риска. Его задача – не устранить телесную открытость, а не позволить зависимости от спортивного института превратиться в эксплуатацию. Для этого спортсмену необходимы понятная информация о риске, участие в определении допустимого воздействия, возможность отказа без несоразмерной санкции и поддержка после негативных последствий. В этих условиях достижение остается самопревосхождением воплощенного субъекта, а не результатом, ради которого человек может быть заменен.

Литература

References

Нанси, Ж.-Л. (1999), *Corpus*, пер. с франц. Петровская, Е. и Гальцова, Е., Ad Marginem, Москва. EDN: SYVMKV

Nancy, J.-L. (1999), *Corpus*, Translated from French by Petrovskaya, E. and Galtsova, E., Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: SYVMKV

Aggerholm, K. (2025), "Sport humanism: contours of a humanist theory of sport", *Journal of the Philosophy of Sport*, 52(1), 1-24. DOI: 10.1080/00948705.2024.2388775

Allen-Collinson, J. (2009), "Sporting embodiment: Sports studies and the (continuing) promise of phenomenology", *Qualitative Research in Sport and Exercise*, 1(3), 279-296. DOI: 10.1080/19398440903192340

Hughes, R. and Coakley, J. (1991), "Positive deviance among athletes: The implications of overconformity to the sport ethic", *Sociology of Sport Journal*, 8(4), 307-325. DOI: 10.1123/ssj.8.4.307

Jir6sek, I. (2026), "Death in sport: a philosophical paradox of existential modes of necrophilia and biophilia", *Journal of the Philosophy of Sport*, 53(1), 108-123. DOI: 10.1080/00948705.2026.2615774

Leder, D. (1990), *The Absent Body*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

Merleau-Ponty, M. (2012), *Phenomenology of Perception*, Routledge, London, UK.

Nixon, H. L. (1993), "Accepting the risks of pain and injury in sport: Mediated cultural influences on playing hurt", *Sociology of Sport Journal*, 10(2), 183-196. DOI: 10.1123/ssj.10.2.183

Plessner, H. (2019), *Levels of Organic Life and the Human: An Introduction to Philosophical Anthropology*, Fordham University Press, New York, USA.

Tranaeus, U., Gledhill, A., Johnson, U., Podlog, L., Wade, R., Wiese-Bjornstal, D. and Ivarsson, A. (2024), "50 years of research on the psychology of sport injury: A consensus statement", *Sports Medicine*, 54(7), 1733-1748. DOI: 10.1007/s40279-024-02045-w

Wacquant, L. J. D. (1995), "Pugs at work: Bodily capital and bodily labour among professional boxers", *Body & Society*, 1(1), 65-93. DOI: 10.1177/1357034X95001001005

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Сидоренко Александр Андреевич, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Российская Федерация; тренер, Спортивная школа олимпийского резерва по боксу г. Белгорода, ул. Н. Чумичова, д. 30б, 308009, Российская Федерация; Sidorenko-sashunya@internet.ru

ORCID ID: 0009-0005-0402-5250

ABOUT THE AUTHOR:

Aleksandr A. Sidorenko, PhD Student at the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; Coach, Belgorod City Olympic Reserve Sports School for Boxing, 30b N. Chumichov St., Belgorod; 308009, Russian Federation; Sidorenko-sashunya@internet.ru

ORCID ID: 0009-0005-0402-5250

УДК 373.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-2-1

Мальцева Н. Н.

Дидактика простоты: эмпирические заметки к 40-летию
«Манифеста педагогики сотрудничества»

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, 308015, г. Белгород, Российская Федерация; maltseva@bsuedu.ru

Аннотация. Статья представляет собою опыт философско-прикладной обзорной характеристики (с элементами эссе) дидактических установок педагогики сотрудничества и личностно-траекторных педагогических доминант, которые дают себя знать в современном образовательном процессе. Предметно уточняется дидактика простоты как целевой образовательной установки; тематически сквозным, открытым является вопрос о личностных, герменевтико-диалогических перспективах современной дидактики простоты в контексте радикальных образовательных перемен, обусловленных вновь возникающим «искусственным третьим» (нейросетевыми субстанциями) педагогических и, в частности, образовательных отношений. Намечается эмпирическая актуальность постановки этого вопроса (при обращении к авторским педагогическим материалам).

Ключевые слова: дидактика простоты; педагогика сотрудничества; вальдорфская школа; индивидуально-личностная траектория обучения; межпредметные связи

Для цитирования: Мальцева, Н. Н. (2026), «Дидактика простоты: эмпирические заметки к 40-летию “Манифеста педагогики сотрудничества”», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 229-234. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-2-1

N. N. Maltseva

The Didactics of Simplicity: Empirical Notes on the 40th
Anniversary of The Manifesto for Collaborative Pedagogy

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; maltseva@bsuedu.ru

Abstract. The article provides a philosophical and applied overview (with elements of an essay) of the didactic principles of cooperation pedagogy and the personal-trajectory pedagogical factors that influence the modern educational process. The article specifically clarifies the concept of 'didactics of simplicity' as an educational goal. The question of personal, hermeneutic-dialogical perspectives of modern 'didactics of simplicity' in the context of radical educational changes caused by the newly emerging 'artificial third' (neural network substances) of pedagogical and, in particular, educational relations is thematically cross-cutting and open. The empirical relevance of posing this question is outlined in reference to the author's pedagogical materials.

Key words: didactics of simplicity; pedagogy of cooperation; Waldorf school; individual-personal learning trajectory; interdisciplinary connections

For citation: Maltseva, N. N. (2026), “The Didactics of Simplicity: Empirical Notes on the 40th Anniversary of The Manifesto for Collaborative Pedagogy”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 229-234. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-2-1

Стремительность перемен, которые происходят в философии образования эпохи искусственного интеллекта, нейросетей, институциональной диффузии образовательных программ – когда под вопросом оказываются сами основания отношений педагога (школьного учителя, преподавателя колледжа, университетского профессорско-преподавательского состава) и воспитанника, – едва успевает осмысливаться в современных образовательных сообществах. Авторитетное начало педагогических отношений получает своего технологического двойника, рефлексия и практический контроль над которым становятся едва ли не ключевым эпистемологическим условием развития образовательной деятельности. На мой взгляд, возможен и уместен баланс: внимание к практикам выявления неявно-продуктивных, личностных компонентов образования, практическое осмысление которых призван уточнить горизонт современных философских исследований. Подоспевший праздник, 40-летие «Манифеста педагогики сотрудничества» («Учительская газета», 18 октября 1986 г.) оказывается для этого как нельзя кстати. Именно тогда стал существенно открытым вопрос о нелинейных, не сводимых ко внешним, механистичным иерархиям, познавательным структурам педагогических отношений. Пункт об авторитетном, беспредпосылочном начале этих отношений едва намечался (через обращение, например, к философской пропедевтике С.И. Гессена), но глубинные технологии диалогической педагогики, ориентированной на продуктивное взаимное доверие педагога и воспитанника, личностную событийность всякого педагогического отношения, неподконтрольное чувство индивидуальности, потребность в «совместном мышлении и т. д., развивались весьма интенсивно. Точнее, это принимало вид некоторого образовательного пиетизма, устранявшего из педагогических отношений всякого рода мертвые избытки, отжившие сложно-схоластические объяснительные схемы и дидактические последования ради новой простоты – ясного понимания единства и разнообразия мышления, для которого весело было понимание своего единства и своей таким образом возобновляемой силы. «Куда и как исчезли тройки» (В.Ф. Шаталов) – одна из символически простых речевых формул педагогики сотрудничества, технологически изысканной и, вместе с тем, сосредоточенной не на технологиях, а на своего рода азарте совместного, изначально личностного педагогического действия. Достоинство поисков тех времен кратно возрастает в общей ситуации образовательных недоумений нашего времени: не верно ли обратиться к личностным компонентам в образовательной деятельности, когда технологии, технически многократно усилившись, приобретают специфическую автономию и вытесняют педагога из привычной с некоторых пор сферы личностно-нейтральных (информационно-тестовых, безлично-протокольных и т. п.) сложных образовательных действий?

Не думаю, что возможен окончательный, единственно правильный ответ на нынешние образовательные вызовы; более того, полагаю, что необходима максимальная осторожность в обращении как с тем наследством, которое нам досталось от подвижников педагогики сотрудничества, так и с теми практиками преодоления сложного технологизма последних лет, который все очевиднее терпит педагогическое фиаско.

В качестве общего методологического контура искомой и обнаруживаемой в педагогике сотрудничества дидактике образовательной простоты – прежде всего, применительно к математике и естествознанию (как по виду наиболее безличным и сложным образовательным областям) – сохраняют свое принципиальное и эвристическое достоинство труды В.Ф. Шаталова, С.Ю. Курганова, Ш.А. Амонашвили, П.М. Эрдниева, И.Е. Берлянд,

А.В. Ефремова, С.А. Ловягина, А.И. Щетникова, Н.Н. Палтышева, В.К. Загвоздкина; отчасти (с обращением к вальдорфским истокам у Г. Баравалля, Ф.Х. Юлиуса, М. фон Макензена и др.) – работы Э. Шуберта, Е.Н. Ионовой, А.Л. Топтыгина и других. В этих трудах педагогическое отношение было ориентировано прежде всего этически: дидактика простоты была вопросом об укреплении познавательных сил ученика; сторона педагога здесь скорее подразумевалась как сторона нравственно кенотическая, но вполне ответственная, технологически и творчески компетентная.

В общем образовательном горизонте педагогики сотрудничества оказывалось стремление преодолеть монологическую подачу научного знания, при которой ученик оставался бы преимущественно потребителем, безоглядным получателем готовых понятий без понимания их генезиса и культурного контекста. В исходно-дидактической позиции оказывалась диалогическая аксиома: принятие ключевых, концептуальных понятий как событийно совмещенных, диалогически распознаваемых смыслов или культурно-исторических голосов. Оказывались возможными «точки удивления» (исходные загадки числа, слова, явления природы), первичные, предшествующие определенности понятий вопросы «что такое число?», «что значит считать?» и т. д. Образовательно ангажировалось «диалогическое понятие числа» (число рассматривалось, например, как спор алгебраического и геометрического познавательных миров); возникавшее таким образом диалогическое напряжение увлекало к диалогическим границам в понимании числа, множества, бесконечности.

Воспитанник оказывался в позиции новой взрослости в педагогическом отношении – не первично усваивающего, инфантильного потребителя знаний, а понимающего собеседника (примечательно, что И.Е. Берлянд на своих «воображаемых» уроках математики предполагала теорию «сопротивления» числа и, шире, идеального предмета произвольному пониманию). Тем самым формировалось детское образовательное сообщество – в некотором общем пограничье конкретных познавательных культур, «школа диалога культур» (В.С. Библер), в которой авторитет педагога был прежде всего культурологически незыблемым и, вместе с тем, диалогически доступным. Заметно эффективными становились эксперименты на культурологическое, диалогическое сопротивление дидактической сложности «самой по себе» – мысленные эксперименты, в которых, например, понятия статики, динамики и термодинамики представлены как «неустранимо» диалогические (возникавшие на диалогических перепутьях античной, средневековой, нововременной и современной логик); подобным образом культурологически упрощались, диалогически реконструировались понятия равновесия, рычага, наклонной плоскости, силы, инерции, скорости, массы, свободного падения, энергии, тепловой машины, температуры, идеального газа и др. При этом учебные тексты принимали вид отчетливо авторских высказываний, реплик-перекличек Аристотеля и Зенона, оксфордских схоластов XIV в. и Н. Кузанского, Галилея и Ньютона, Д'Аламбера и Канта, Эйнштейна и Хайдеггера (см. напр.: (Щетников, 1994)).

Своего рода эстетически-историческим контекстом педагогики сотрудничества стал развившийся в ту же эпоху интерес к органическим началам вальдорфской педагогики, дидактические усилия которой были направлены на образовательную интеграцию чувственных и рациональных компонентов образовательной деятельности, психофизиологическое и познавательно развивающееся единство «тела, чувства и разума», соответствующее возрастному развитию воспитанника и укреплению его индивидуальности (посредством «душевной экономии», «обучения в сопровождении чувств», ежедневных «главного урока» и уроков повторения, движением от целого к частям (задание «что есть 12?» предназначено для поиска разных решений: $6+6$; $3+3+3+3$; $1+2+3+3+2+1$ и т. д.), проживанием абстрактных математических форм «кинетическим ощущением» в мастерских и т.п., вплоть до приложений дифференциального и интегрального исчислений к теории кривых,

рассмотрению касательных и нормалей) (см., напр.: Загвоздкин, 2006; Пинский, 2003; Пегов, 2013).

Личностная траектория обучения: герменевтико-эпистемологический горизонт

Вопрос о дидактике простоты в ближайшие к нашей нейросетевой эпохе времена кризиса образовательно-технологической сложности, тестовой простоты и контроля качества образования является все больше эпистемологическим вопросом образовательных траекторий. Представляется, что успешная преемственность в исследовании и решении этого вопроса (с учетом возможностей педагогики сотрудничества, вальдорфских школ и пр.) имеет все больше философски прикладной или герменевтический вид – реализует потребность в новой культуре дидактического вопроса. Примечательны в этом отношении опыты по индивидуализации и медленному чтению математических и естественнонаучных текстов. На мой взгляд, эта дидактическая тенденция вполне оправдывает себя при уточнении межпредметных индивидуально-личностных траекторий обучения, при соблюдении приоритета внутренней межпредметности – при изучении математики и информатики предлагая школьникам персонализированные задания из физики и биологии в соответствии с их индивидуальными предпочтениями и интересами.

Экспериментально положительные результаты возможны, например, во второй четверти одиннадцатого класса, когда изучаются и событийно, на том или ином дисциплинарно конкретном уроке интегрируются темы «Информационное моделирование», «Первообразная и интеграл», «Элементы комбинаторики, статистики и теории вероятностей», «Колебания и волны» и «Возникновение и развитие жизни на Земле». При изучении первой темы учащиеся, в первую очередь, должны усвоить технологию вычисления неопределенного интеграла, понимать смысл формулы Ньютона-Лейбница, уметь вычислять определенный интеграл и понимать, что он равен площади криволинейной трапеции под графиком функции в определенных пределах. На уроках математики и информатики изучаются, по сути, способы построения моделей реальности с различных точек зрения; на уроках физики, при изучении темы «Колебания и волны», наиболее эффективным будет применение формулы Ньютона-Лейбница для решения основной задачи механики – определение положения тел в пространстве в любой момент времени. Отсюда, дидактически, возможна дифференциация конкретных примеров с учетом индивидуальных интересов учащихся – построение своего рода диффузной индивидуально-личностной траектории обучения.

В контексте темы «Возникновение и развитие жизни на Земле» в курсе биологии при рассмотрении развития жизни на Земле анализируются различные формы взаимодействия в различных сообществах. Наиболее наглядно из таких форм можно представить себе взаимодействие хищника и жертвы, численность которых периодически изменяется по гармоническому закону, и суммарно оказывается приблизительно постоянной. В биологии данное явление носит название популяционных волн, но математически оно не описывается. Однако дидактически возможно предложить построить информационную или математическую модель данного процесса. Формально она будет совпадать с моделью вынужденных гармонических колебаний. Роль внешней силы будут играть хищники, поедающие жертву, скорость колеблющегося тела будет играть скорость изменения числа жертв, а координата тела будет соответствовать числу жертв. Дидактическая простота в этом случае достигается через некоторое технологичное абстрагирование и идеализацию.

В этой же теме можно обратить внимание на возможность вычисления вероятности появления жизни на Земле. При изучении закона умножения вероятностей складывается такое впечатление, что для вычисления вероятности появления сложных структур, в том числе и простейших живых организмов, необходимо перемножить вероятности всех отдельных вероятностей образования структур по мере усложнения. В результате получается настолько

малая величина, что вызывает сомнения в естественном происхождении жизни. В подобных рассуждениях скрыта неявная методологическая ошибка, которая и приводит к столь малой вероятности. Межпредметно поддерживающим здесь будет пример образования гелия из водорода, которое происходит в два этапа: появление ядра дейтерия в результате соединения двух протонов и превращения одного из них в нейтрон; образование ядра гелия в результате соединения двух ядер дейтерия. Для определенности положим, что вероятность каждого отдельно взятого события равна 0,1. Тогда при формальном применении закона умножения вероятностей получаем вероятность образования гелия равную $0,1 \cdot 0,1 = 0,01$. Но если вдуматься в конкретный процесс, сразу становится очевидной ошибка. Все вышеприведенные рассуждения справедливы только в том случае, если попытка образования дейтерия и гелия имела место только один раз. Если же попытки повторяются, будет иметь место формула вероятности $p = 1 - 0,9^n$, где n – число попыток. 0,9 – это вероятность того, что при первой попытке структура не образуется, но при очень больших n вероятность образования структуры равна единице, поскольку величина $0,9^n$ при неограниченном возрастании n стремится к нулю. И в реальной ситуации усложнения материи, независимо от количества этапов, мы имеем вероятность появления жизни на Земле, стремящуюся к единице, что и доказывается фактом ее существования (достоверное событие).

***

Для формирования индивидуально-личностной траектории в современных образовательных практиках конкретно насущными будут горизонты педагогики сотрудничества, познавательной индивидуализации обучающихся через личностно ориентированную и интенсивно междисциплинарную дидактику простоты. Наиболее эффективными в этом отношении являются предметы, которые изучают не окружающую природу, а выступают как аппарат познания и способы работы с информацией. «Синицей в небе» здесь оказывается описанный выше алгоритм построения индивидуально-личностной траектории обучения учащихся, который, разумеется, нуждается в проверке и альтернативах. Несомненно значимой будет эпистемологическая проверка – при обращении к фундаментальным работам о простоте как неявном операторе научного знания, «интеллектуально честном упрощении» (как это, например, у А. Кирша на материале числа, множества, доказательства, функции (Kirsh, 1994), с возможным перечтением в этой связи работ по философии математического образования П. Эрнста или колмогоровской математической дидактики, описанных А. Боровиком и Б.Л. Яшиным и др. Однако, боюсь, время не терпит: в общей ситуации все новых предложений со стороны все более заметного искусственного «третьего педагога» нуждаются в первоочередной консолидации ресурсы диалогически и личностно-ориентированного опыта. Во всяком случае, «Манифест педагогики сотрудничества» и теперь, спустя 40 лет, убедительно ориентирует нас на это.

Литература

- Загвоздкин, В. К. (2006), «Практика обучения в вальдорфской школе», *Школьные технологии*, 2, 88-91.
- «Манифест педагогики сотрудничества», *Учительская газета*, 18.10.1986.
- Пинский, А. А (ред.) (2003), *Вальдорфская педагогика: Антология*, Просвещение, Москва.
- Пегов, В. А. (2013), *Вальдорфская педагогика в России: опыт первых трёх семилетий. Обзор научных исследований: монография*, СГАФКСТ, Смоленск.
- Щетников, А. И. (1994), *Мысленный эксперимент и рациональная наука: Пособие для преподавателей физики в средней школе*, Аспект-пресс, Москва.
- Kirsch, A. (1994), *Mathematik wirklich verstehen. Eine Einführung in ihre Grundbegriffe und Denkweisen*, Aulis, Köln.

References

- Kirsch, A. (1994), *Mathematik wirklich verstehen. Eine Einführung in ihre Grundbegriffe und Denkweisen* [Truly Understanding Mathematics: An Introduction to its Basic Concepts and Ways of Thinking], Aulis, Köln.
- “Manifesto for Collaborative Pedagogy”, *Uchitelskaya Gazette*, October 18, 1986.
- Pinsky, A. A. (ed.) (2003), *Valdorfskaya pedagogika: Antologiya* [Waldorf pedagogy: Anthology], Enlightenment, Moscow.
- Pegov, V. A. (2013), *Valdorfskaya pedagogika v Rossii: opyt pervykh trokh semiletiy. Obzor nauchnykh issledovaniy* [Waldorf Pedagogy in Russia: Experience of the First Three Seven-Year Periods. Review of Scientific Research], SGAFKST, Smolensk.
- Shchetnikov, A. I. (1994), *Myslennyy eksperiment i ratsionalnaya nauka: Posobiye dlya prepodavateley fiziki v sredney shkole* [Thought Experiment and Rational Science: A Handbook for Teachers of Physics in Secondary Schools], Aspect-Press, Moscow.
- Zagvozdkin, V. K. (2006), “Teaching Practice in a Waldorf School”, *Journal of School Technology*, 2, 88-91 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Мальцева Наталья Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Российская Федерация; maltseva@bsuedu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Natalia N. Maltseva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; maltseva@bsuedu.ru